Брянская областная научная
универсальная библиотека им. Ф. И. Тютчева
НП «Клуб любителей истории родного края»

БРЯНСКИЙ КРАЕВЕД

Сборник статей

Выпуск 3 (11)

Брянск
2022

Брянская областная научная универсальная библиотека им. Ф.И. Тютчева

Некоммерческое партнерство «Клуб любителей истории родного края»

БРЯНСКИЙ КРАЕВЕД

Сборник статей. Выпуск №3 (11)

Брянск - 2022

УДК 947.133.3
ББК 63.3 (2Рос-4Бря)
Б-89

Брянский краевед. Сборник статей / Брян. обл. науч. универс. б-ка им. Ф.И. Тютчева; НП «Клуб любителей истории родного края». – Выпуск 3(11). – Брянск: ООО «АВЕРС», 2022. – 302 с.: ил.

ISBN 978-5-6048344-4-2

Редакционная коллегия:

Дубровский А.М. – д-р ист. наук, профессор; Жукова Т.Г. – учитель историии и общественных дисциплин Дубровской СОШ №1, краевед; Ильченко Е.С. – председатель Совета ветеранов - проектировщиков при А СРО БРОП, краевед; Горелая О.Н. – зав. отделом краеведческой литературы Брянской областной научной универсальной библиотеки им. Ф.И. Тютчева; Городков А.В. – председатель НП «Клуб любителей истории родного края», профессор.

Ответственные за выпуск: **Е.С. Ильченко, О.Н. Горелая, А.В. Городков**

В периодическое издание сборника исследовательских материалов включены статьи по различным направлениям краеведческой деятельности в регионе, объединенные разделами: «Памятные юбилейные и исторические даты», «Памяти Великой Отечественной войны», «Памяти жертв политический репрессий», «Страницы истории» и «Литературная Брянщина».

Приведены исторические и современные фотографии.

Издание рекомендовано широкому кругу читателей: историкам, краеведческим сообществам, библиотекам, студентам учебных заведений и учащимся школ.

ISBN 978-5-6048344-4-2 ББК 63.3 (2Рос-4Бря)

© Брян. обл. науч. универс. б-ка им. Ф.И. Тютчева, 2022
© НП «Клуб любителей истории родного края», 2022
© Авторы статей, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Памятные юбилейные и исторические даты

Гришин К.П., Городков А.В. Хранители наследия
(*К 55-летию образования Брянского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры)* 5
Ефимова Д.Г., Ильченко Е.С. Созидать, создавать, строить
(К 100-летию со дня рождения архитектора-педагога Г.А. Ефимова) 27
Ильченко Е.С., Грозева О.А. Мастер архитектуры – А.А. Зеленов 33
Жукова Т.Г. Подвижник (*К 95-летию Владимира Петровича Парыгина)* 41

Памяти Великой Отечественной войны

Ильченко Е.С. Судьба офицера-артиллериста С.И. Гетманского 51
Кондратенко А.И. Брянская военная кинохроника 62
Пастухова А.Е. Вопросы к маршалу Еременко 71
Вязов Д.А. Советская кавалерия в боях за Брянщину 1943 г. 81

Памяти жертв политических репрессий

Кукатов А.В. «Здесь нет никакого домысла...» Дело майора Брусина 91
Пастухова А.Е. Продолжение работы по увековечиванию памяти
жертв политических репрессий 107

Страницы истории

Арефина Т.И. Начало колхозного движения в истории моего села 111
Гетман А.В. О художнике Гонорском Василии Васильевиче 118
Итунин В.Ф. Сахарное дело Ивана Мальцова 126
Ковеля В.В. «Великий перелом» русского крестьянства 133
Кузнецов В.В. Бортные знамена Брянского края 142
Резникова О.И. Школа В.В. Воробьева 157
Гудзь С.П. Уваровы и Брянский край 167
Дудников А.П. А.С. Лашкевич – земский деятель, издатель, публицист 172
Ковеля В.В. Суземский край после отмены крепостного края 179

Панасов Д.С. Памятник П.С. Могилевцеву 203
Шпунтов А.В. Село Солова: Лапчинские, Чернышовы, Шираи и их усадьба (*краеведческие зарисовки)* 209
Фетисов С.Н. Выдающиеся хирурги Брянского здравоохранения 218
Осипова Т.М. Вера Ивановна Беневская (1917–2002) 228

Литературная Брянщина

Горелая О.Н. Мир все еще хорош, как ни суди... (о поэзии А.С. Брона) 247
Маркина И.В. История о том, как два русских поэта И.С. Аксаков и Ф.И. Тютчев стали родственниками, или «Невеста в Калуге» 264
Званская Е.В. Книги из личной библиотеки В.Н. Городкова как источник дополнительных сведений к биографии архитектора 273
Городков А.В. К истории краеведческих изданий по архитектуре и градостроительству Брянского края 277
Карташова Г.В. Добычин и Хармс: схожесть непохожего 287
Юденкова Е.В. От «Горизонта» к Горизонту 291

Краткие сведения об авторах статей 299

Памятка авторам для подготовки статей 301

Гришин К.П. (г. С.-Петербург), Городков А.В. (г. Брянск)

ХРАНИТЕЛИ НАСЛЕДИЯ

(К 55-летию образования Брянского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры)

В 2021 году российская культура в деле сохранения наследия отметила важную веху своей истории – 55-летие образования Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК*)* – одной из старейших и крупнейших в России общественных организаций, деятельность которой направлена на сбережение культурного наследия нашей страны. «Ровесником» ВООПИиК является и Брянское региональное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Становление. В Великой Отечественной войне государство потеряло три тысячи памятников культуры. В первые послевоенные десятилетия над уцелевшими из них в очередной раз нависла угроза уничтожения: памятники продолжали использовать на износ в хозяйственных целях, не хватало средств, материалов и специалистов для восстановления и реставрации. В результате ряда обращений инициативных групп, состоящих из известных ученых и деятелей культуры, писателей и художников, таких как: Д.С. Лихачев, И.Л. Андроников, Л.М Леонов, И.В. Петрянов-Соколов, Б.А. Рыбаков, С.Т. Коненков, П.Д. Барановский, И.С. Глазунов, Г.В. Свиридов, П.Д. Корин, В.Н. Иванов и др., министерство культуры поддержало идею создания общественной организации, которая способствовала бы мерам партии и правительства, проводимым в отношении сохранения наследия. Так, постановлением Совета Министров РСФСР от 23 июля 1965 года было учреждено Всероссийское добровольное общество охраны памятников истории и культуры [1]. Началась подготовка к проведению Учредительного съезда (он состоялся 8-9 июня 1966 г. в Москве) и выработке Устава Общества и организаций отделений на местах.

Старт формированию Брянского областного отделения Общества дало Постановление от 23 сентября 1965 года Бюро Брянского областного комитета КПСС и Исполкома Брянского областного Совета депутатов трудящихся [2]. Возглавил оргкомитет писатель, краевед, заместитель Председателя областного исполкома Совета депутатов трудящихся Владимир Константинович Соколов.

Точкой отсчета создания Брянского областного отделения ВООПИиК (далее – Общества) можно считать 30 января 1966 года – день проведения учредительной конференции, где был обсужден устав Общества, избраны областной совет, ревизионная комиссия и делегаты на учредительный съезд [3].

Ускорению же создания первичных ячеек Общества на всех предприятиях, в колхозах, совхозах, учебных заведениях и др. учреждениях области дало Совместное постановление Исполкома Брянского областного совета трудящихся и Президиума Брянского Облпрофсовета от 9 ноября 1966 года «О создании первичных организаций Общества охраны памятников истории и культуры», поставившее дело под государственный и общественный контроль [4].

Деятельность Общества была направлена в первую очередь на сохранение, выявление, паспортизацию, ремонт, реставрацию и охрану памятников истории и культуры. Большей частью его работа велась на общественных началах. Члены Общества, как индивидуальные, так и коллективные, платили взносы, реализовывали продажу значков. Вырученные поступления шли на покрытие расходов, связанных с масштабной и многовекторной деятельностью Общества. Большая часть из них – на реставрацию, ремонт и охрану памятников.

Членство в ВООПИиК, признанное важной государственной и партийной задачей, способствовало постоянному пополнению его рядов. Власти пристально следили за устойчивым ростом показателей.

Уже к концу 1967 года в Брянской области числилось 48200 членов, 1007 коллективных членов и 755 первичных организаций [4], а к 1985 году в рядах областного отделения насчитывалось уже свыше 300 тысяч человек, 1600 коллективных членов и 2500 первичных организаций [5].

К 1967 году в Обществе были сформированы секции – памятников архитектуры, изобразительного и народного искусства; археологическая; исторических памятников, молодежная. Позднее добавилась секция музыкального творчества [7].

Одной из главных движущих сил Общества, наряду с массовостью, было участие энергичных творческих людей, специалистов в различных отраслях знания. Именно активисты становились основной созидательной и движущей силой в деятельности по охране и популяризации культурного наследия.

Первым председателем Президиума Брянского областного отделения ВООПИиК в 1966 году был избран начальник политического отдела Брянского областного военного комиссариата подполковник И.В. Лысенков [8], а ответственным секретарём – краевед, сотрудник Брянского краеведческо-

го музея Е.С. Пасекунов [6]. Вскоре председателем Президиума стал начальник областного отдела по делам строительства и архитектуры, архитектор К.А. Митин (до 23 марта 1970 г.) [9]. В должности ответственного секретаря в 1968 году Е.С. Пасекунова сменил И.Г. Антоненко, который посвятил ВООПИиК около двадцати лет непрерывной работы [10]. Почти четверть века (с 1970 г. по 1995 г.) председателем Президиума являлся заслуженный архитектор России, реставратор и педагог, почётный член ВООПИиК В.Н. Городков [11]. На период его руководства пришелся расцвет Общества по всему спектру деятельности. Большую помощь в организации работы в 1980-1990-е годы оказывали в статусе заместителей председателя Президиума: В.В. Щипанов, В.П. Буйволов (2-й секретарь Брянского горкома партии), затем Н.С. Орлов и И.А. Королёв [11-13].

Нельзя не отметить энергичную работу в разное время председателей районных отделений и активных участников жизни Общества: почетного члена ВООПИиК, Заслуженного учителя школы РСФСР, основателя Клетнянского краеведческого музея, председателя Клетнянского отделения М.А. Коробцова; создателя Юдиновского музея палеолита Л.И. Гришина; директора Новозыбковского краеведческого музея И.Е. Кеслера; педагога, историка, краеведа, почётного гражданина Карачева Л.Д. Передельского; археолога, краеведа, сотрудника Брянского областного историко-краеведческого музея Ф.М. Заверняева; археолога, исследователя Трубчевского края В.А. Падина; основателя музея Ф.И. Тютчева В.Д. Гамолина; литератора и исследователя творчества А.К. Толстого Г.И. Стафеева; председателя Мглинского отделения, краеведа С.С. Ицкова; композитора, руководителя музыкальной секции Р.А. Долгова; учителя истории, исследователя прошлого Володарского района Брянска М.А. Титову; архивиста, председателя Советского городского отделения С.П. Кизимову. В течение 1960-1980-х годов в составе районных отделений ВООПИиК работали активисты: Г.П. Рощин (Трубчевск), Ф.Ф. Бородулин, А.И. Стрелецкий (Клинцы), И.Б. Негинский (Унеча), С.И. Акуленко, М.С. Федченко, Ф.Ф. Одегов (Брянск) и многие другие.

В молодежной секции ВООПИиК в середине 1980-х годов начинали свою научно-исследовательскую деятельность А.М. Дубровский, Е.А. Шинаков – будущие доктора наук, известные ученые-историки. Тесное сотрудничество Общества с госорганом по охране историко-культурного наследия (в рамках Управления культуры Брянского облисполкома под руководством А.М. Печикиной, при участии Л.И. Тарасовой и Н.Н. Фейгиной) существенно способствовало началу первых реставрационных работ в регионе. Без их деятельного участия, а также без руководителей различных секций, первичных организаций, уличкомов, краеведов, работников библиотек, музеев, учебных заведений, простых граждан-энту-

зиастов невозможно представить дело сохранения культурного наследия в нашем регионе.

Обследование, учёт и изучение памятников истории и культуры, находящихся на территории Брянской области – одно из важных направлений работы Общества. На 1 января 1967 года в регионе насчитывалось 1100 памятников (из них 765 – военно-патриотических, 116 – памятников культуры, 85 – археологических, 46 – памятников архитектуры, 46 – историко-революционных) [4]. Силами Общества с привлечением широких слоёв населения, в том числе студентов и школьников, в разные годы проводились экспедиции по выявлению памятников. По их результатам создавались научные публикации, проводились научно-практические конференции, в первую очередь учащейся молодёжи, состоявшей в первичных организациях школ, профессионально-технических училищ, вузов, в разные годы проводились экспедиции по выявлению новых объектов историко-культурного наследия. На основе натурных описаний, графических зарисовок и фотофиксаций, краеведческих разысканий в библиотеках, архивах, бесед со старожилами и участниками тех или иных событий создавалась будущая база учёта памятников. Результаты таких экспедиций посредством публикаций в стенных газетах, районных и городских средствах массовой информации становились доступными широкому кругу лиц, интересующихся историей и культурой родного края. Всё это создавало большой потенциал для последующих исследований на более высоком уровне: часть этих наработок была включены в научные публикации, материалы научно-практических конференций, становилась темами курсовых и дипломных работ [14].

Нельзя не упомянуть здесь вклад экспедиций Брянского технологического института во главе с председателем Брянского отделения В.Н. Городковым, который в период с 1960 по 1980-е годы активно выезжал вместе со студентами на летнюю практику по районам области, а также экспедиции студентов Московского архитектурного института, обследовавшей достопримечательности региона и проехавшей от Дятьковского до Красногорского района, зафиксировав и обследовав более 50 памятников Брянщины. Только за первое десятилетие существования Брянского отделения ВОО ПИиК трудами энтузиастов и активистов удалось выявить ещё 1512 памятников (к 1977 году на учёте стояло уже 2512 памятников [15]).

Особое внимание уделялось увековечению памяти о Великой Отечественной войне и мест, связанных с революционными событиями на Брянщине. В частности, эта масштабная работа была проведена в 1967–1970-е годы, соответственно, к 50-летию Октябрьской революции, к 100-летию юбилея В.И. Ленина и 25-летию Победы в Великой Отечественной войне. Проведён поиск и учёт всех воинских захоронений, оценено их состояние, наличие па-

мятных знаков над захоронениями. Члены Общества принимали самое активное участие в проектировании и строительстве мемориального комплекса «Партизанская поляна», заповедника «Клетнянский партизанский лес» (В.Н. Городков, В.П. Буйволов, 1968-1969 гг. [15]).

В 1969 году началась работа по подготовке материалов для издания Свода памятников истории и культуры Брянской области: при облисполкоме был создан координационный совет, собран авторский коллектив из 52 человек, в который в подавляющем большинстве вошли члены ВООПИиК. Финансирование на проведение экспедиций по выявлению объектов и их обследованию, историко-архивных исследований и составление паспортов объектов осуществлялось Министерством культуры РСФСР и Центральным Советом ВООПИиК. Методическую и консультационную поддержку специалистам на местах оказывали профильные институты Академии наук СССР, Московского архитектурного института, Государственного института искусствознания и др.

В результате проведённой работы увеличилось количество учтённых памятников и активизировался интерес к ним. Появился обширный фактический материал, собранный преимущественно к началу 1980-х годов. Однако осуществить издание брянского тома Свода удалось лишь в 1997 году (планировалось выпустить три тома), актуализировав данные посредством проведения новых экспедиций в 1980–1990-е годы[1]. Масштабный труд под редакцией специалистов Института искусствознания до сих пор пользуется популярностью, как у специалистов, так и широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой Брянщины [17].

Популяризация и пропаганда. Популяризации памятников истории и культуры, заботе о них в деятельности Общества отводилось и отводится главное место. Все первичные организации, районные и областное отделения проводили широкую просветительскую работу.

Ежегодно проводился смотр-конкурс на лучшее содержание памятников истории и культуры среди шефствующих учреждений. Первичные организации и активистов, участвующих в субботниках, работах по благоустройству и ремонту, награждали грамотами и денежными премиями.

С созданием в 1968 году при Обществе мастерской по изготовлению ме-

[1] В основе большинства статей Свода лежали данные учетно-исследовательской документации – паспорта, которые составлялись в 1970-х годах на основе натурных обследований памятников, разработанные, в основном, В.Н. Городковым, при участии Г.И. Колесникова, В.Н. Копылова, В.В. Цыганкова, А.В. Рожкова, Ю.М. Деревянко и других местных активистов ВООПИиК. На основе методических рекомендаций Минкультуры РСФСР и ЦС ВООПИиК в эти годы был проведен значительный объем обмерных и фотофиксационных работ, выполнены графические реконструкции ряда памятников архитектуры и садово-паркового искусства, существенно пополнен реестр охраняемого историко-культурного наследия. При подготовке к изданию Свода, к сожалению, авторские права брянских авторов не были учтены.

К.А. Митин

В.Н. Городков

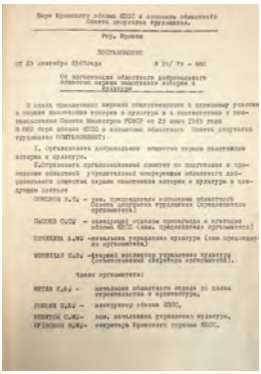
М.А. Коробцов

В.П. Буйволов

С.С. Ицков

Ф.М. Заверняев

Руководители, активисты и создатели областного совета ВООПИиК. Первые публикации ВООПИиК (1960-е гг.). Старейший член ВООПИиК – С.П. Кизимова.



Постановление Брянского обкома КПСС о создании ВООПИиК (от 23.09.1965 г.)
Делегаты III съезда ВООПИиК – В.Н. Городков (1 ряд слева), С.С. Сысоев (в центре), М.А. Коробцов (2 ряд, третий слева) и другие активисты облсовета, г. Суздаль.

Экскурсионная поездка активистов ВООПИиК в Минск (1987). Нижний ряд слева направо: отв. секретарь облсовета С.И. Акуленко, третий слева – зам. пред. облсовета - Н.С. Орлов, в третьем ряду 5-й слева – пред. облсовета В.Н. Городков.

мориальных досок, которые устанавливались на архитектурных, археологических, исторических памятниках и памятных местах, памятниках боевой славы, увеличилось количество массово-торжественных мероприятий. В знаменательные даты возле них проходили митинги, шествия, возложение цветов, пионерские сборы, встречи с участниками событий, праздники улиц.

Одной из форм работы пропаганды знания о памятниках являлось чтение публичных лекций, бесед в красных уголках, проведение тематических вечеров, организация передвижных фотовыставок, демонстрация слайдов и кинофильмов. Многие из них были проведены совместно с лекторской группой общества «Знание», сотрудниками краеведческих музеев, областного архива, детскими туристическими секциями [21, 22]. Ряд членов-лекторов ВООПИиК состояли в разных общественных организациях, что позволяло координировать усилия в деле охраны наследия.

Широкая деятельность разворачивалась посредством средств массовой информации. Например, в главной областной газете «Брянский рабочий» по просьбе Общества была создана постоянно действующая полоса «Отчий край», где публиковались серии статей с рассказом об исторических городах и сёлах, памятниках и исторических событиях Брянщины. Этому примеру следовали и районные газеты. Брянской студией телевидения создавались телеочерки о памятниках, а по радио транслировались передачи с рассказами о значимости сохранения культурного наследия страны.

Фотоснимки и кинофильмы активистов Общества неоднократно получали высокие оценки профессионального жюри. В области визуального искусства особой популярностью пользовался фестиваль любительских кинофильмов, посвящённый памятникам истории и культуры. 21-25 июля 1975 года, в год 30-летия Великой Победы, Брянск принял VIII Всероссийский фестиваль любительских кинофильмов. Из пятидесяти лент, присланных на фестиваль разными отделениями ВООПИиК, три работы, созданные брянцами, получили дипломы и грамоты [23].

Издательская деятельность. В период 1960–1990-х годов на средства организации были изданы десятки книг, брошюр, буклетов, плакатов, сборников статей, вышедших в свет многотысячными тиражами. Многие из них вошли в золотой фонд краеведческой литературы по истории и культуре Брянщины. Следует отметить изданные в эти годы материалы конференций облсовета ВООПИиК (1970), статьи в сборнике «Брянский краевед» (1972–1975), серию буклетов «Исторические города Брянской области» (1985), «Свенский монастырь» (1986), «Становление города» (1987), публикации в Альманахе ВООПИиК «Памятники отечества» (1985), многочисленные публикации в материалах конференций, посвященных 825 и 1000-летию Брянска, серии статей по актуальным вопросам охраны памятников истории и

культуры в областной газете (1970–1992) и др. Председателем облсовета ВООПИиК В.Н. Городковым были подготовлены к публикации три монографии, а также серии очерков, посвященных историко-архитектурным памятникам региона[2]. В 1976 году при поддержке ВООПИиК вышла в свет одна из первых монографий, посвященных А.Д. Вяльцевой[3], а также ряд книг Г.И. Стафеева по исследованию жизни и творчества А.К. Толстого.

Таким образом, в совокупности все формы массовой популяризации культурного наследия оказали большое влияние на формирование общественного мнения в пользу сохранения памятников.

Масштабная деятельность в организации работ по благоустройству**,** ремонту и реставрации памятников истории и культуры – одна из важнейших страниц в истории Общества в 1960-1980-е годы.

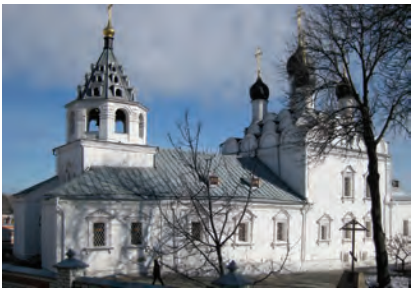
Реставрационные работы. Из памятников, находящихся на территории области и подлежащих ремонту, большинство относилось к категориям воинских захоронений и могил жертв Великой Отечественной войны, объектам революционной, боевой и трудовой славы. Они нуждались в постоянном уходе, покраске, замене материалов на более долговечные (мрамор, гранит, металл и др.). По результатам историко-краеведческих исследований, поисковых экспедиций для увековечения памяти о событиях Революции, Гражданской и Великой Отечественной войн и связанных с именами выдающихся уроженцев Брянщины выявлялись новые объекты, на которых устанавливались обелиски, скульптуры, мемориальные доски и таблички. Брянский облсовет ВООПИиК из бюджета отпускал на эту деятельность гигантские средства, в том числе участвуя в софинансировании с Управлением культуры исполкома Брянского областного Совета депутатов трудящихся. Сегодня невозможно подсчитать огромное количество памятников, созданных и отремонтированных за несколько десятилетий силами отделения, первичными организациями предприятий, колхозов и совхозов, учебными заведениями, которые, являясь шефами, опекали и заботились об объектах культурного наследия.

Нельзя не отметить активную работу Клетнянского районного отделения ВООПИиК в деле сохранения памяти о событиях Великой Отечественной войны: ремонту и реконструкции памятников и обелисков, благоустрой-

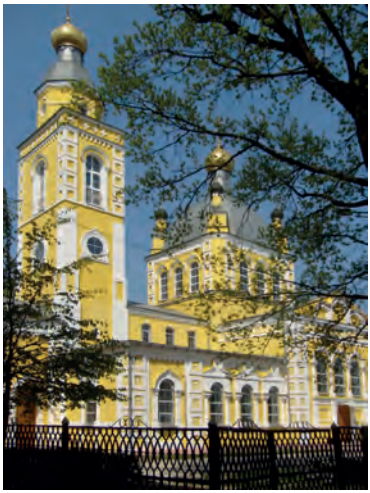
[2] Городков В.Н. Архитектурные образы Брянщины / В.Н. Городков. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1990. – 143 с.; Городков В.Н. По старинным аллеям. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1982. – 141 с. В планируемую книгу архитектурных очерков входили исследовательские материалы по истории усадьбы П.В. Завадовского в с. Ляличи и историко-архитектурный очерк «Свенск». В 1970-е годы В.Н. Городковым был собран значительный материал о памятниках деревянного зодчества Брянской области, опубликовать который удалось в 2015 году.

[3] Кизимова С.П.Чайка русской эстрады: Анастасия Дмитриевна Вяльцева / С.П. Кизимова. – Брянск, 1976. – 83 с.: ил.

Проектные и реставрационные работы, выполненные под руководством ВООПИиК в 1970–1980 гг.: Свенский монастырь (1-я и 2-я очереди реставрационных работ, арх. А.В. Дубовик, А.Г. Азаров); Покровский собор в Брянске (арх. Э.М. Кодисова, Л.П. Бестужева); Тихвинская и Горне-Никольская церкви (Э.М. Кодисова). Эскизный проект реставрации дворца и храма в усадьбе П.В. Завадовского (арх. В.Н. Городков).



Проектные и реставрационные работы, выполненные под руководством ВООПИиК в 1970–1990 гг.: Введенская церковь в Брянске (арх. В.Н. Городков); Воскресенская церковь в Брянске (арх. В.Н. Городков); Храм в с. Высокое (арх. В.Н. Городков); Ротонда в Понуровке (арх. В.Н. Городков), Церковь Вознесения в Карачеве (арх. Н.А. Максименко).



Проектные и реставрационные работы, выполненные под руководством ВООПИиК в 1970–1980 гг.: Петропавловская церковь в Клинцах (арх. В.Н. Городков); Спасо-Гробовская церковь в Брянске (арх. В.Н. Городков); Успенский храм в Мглине (арх. А.Г. Азаров); усадебный дом в Великой Топали (арх. В.Н. Городков).

Издательская деятельность ВООПИиК в 1970-1980-е годы.

ству кладбищ, создании историко-культурного заповедника Клетнянский партизанский лес – памятник природы и истории, 7,5 тыс. гектаров леса, места боев, базы и лагеря семи местных партизанских формирований. С самых истоков во главе отделения стоял большой подвижник и труженик М.А. Коробцов (1918–1980 гг.), ветеран войны, заслуженный учитель школы РСФСР, основатель Клетнянского краеведческого музея, Почётный гражданин Клетни, Почётный член ВООПИиК. Благодаря стараниям и энтузиазму первичных организаций и районного отделения удалось создать целый комплекс мемориалов в Клетнянском партизанском крае. Большая работа, в том числе и на средства ВООПИиК была проведена по эксгумации останков воинов и партизан и перезахоронению их в братских могилах на кладбищах [24].

В 1967–1970 годы районное отделение благоустроило в Клетне кладбище жертв фашизма, в котором покоятся останки более 400 советских военнопленных, партизан и местных жителей. Сооружены надгробие, памятный обелиск, установлены скульптуры и мемориальные доски. Проект благоустройства разработал сам М.А. Коробцов, а все финансовые расходы взяло на себя ВООПИиК [25]. В Клетнянском районе был создан добровольный фонд на строительство монументального памятника советским воинами и клетнянским партизанам, который с помощью обычных граждан к 1969 году смог собрать около 4600 рублей. Памятник воинам Советской армии, партизанам и подпольщикам в Клетне был открыт в 1969 году (архитектор Ю.И. Тарабрин, скульптор Г.П. Пензев).

В период с 1972 по 1977 год на территории Клетнянского района были приведены в порядок 43 военно-исторических памятника, на которые около 50 тысяч рублей выделил Центральный Совет ВООПИиК, остальные средства выделил Брянский облисполком, около одной трети – Брянское областное отделение и Клетнянское районное отделение ВООПИиК.

Общество принимало участие в долевом финансировании реставрации ряда знаковых памятников архитектуры наряду с государством и Центральным Советом ВООПИиК. Заказчиком проведения работ выступало Управление культуры, а проекты научной реставрации разрабатывали крупные специалисты московского института «Спецпроектреставрация».

В 1971 году при Брянском областном управлении культуры был создан ремонтно-реставрационный участок, позднее переименованный в Брянскую специальную научно-реставрационную производственную мастерскую. В разные годы её руководителями были Н. Акимов, И.Н. Голубев, М.Г. Федоткин. Инженеры, мастера, рабочие и др. специалисты, входившие в штат организации, выполняли реставрацию памятников архитектуры. За ходом работ, осуществляя контроль качества реставрации, следили члены секции памятников архитектуры Общества, составлявшие наряду с други-

ми активистами общественные комиссии. Замечания и жалобы, обнаруженные во время реставрации памятников, направлялись в Управление культуры. Такой диалог между Обществом и государством позволял снизить риски искажения и утраты объектов [24].

Среди значимых памятников архитектуры, в софинансировании реставрации которых принимало участие Брянское отделение ВООПИиК, надо отметить следующие: Ансамбль Свенского монастыря –1971–1980-е годы (авторы проектов реставрации стен и башен – А.Г. Азаров, Л.П. Бестужева, 1976–1987 гг.; Сретенской церкви – А.Г. Азаров, Н.А. Максименко, 1980–1988 гг.; Спасо-Преображенской церкви – Л.П. Бестужева, 1978–1988 гг.); Покровская церковь в Брянске –1971–1979 гг. (авторы проекта реставрации – Э.М. Кодисова и Л.П. Бестужева); Тихвинская церковь в Брянске –1980-е гг. (авторы проекта реставрации – Э.М. Кодисова и В.Н. Городков); Горне-Никольская церковь – 1973–1982 г. (авторы проекта реставрации – Э.М. Кодисова и Л.П. Бестужева); Успенский собор во Мглине – 1978–1983 гг. (автор проекта реставрации – А.Г. Азаров) [17,30,31].

В 1970–1980-е годы на средства областного совета ВООПИиК были осуществлены работы по консервации церкви Антония и Феодосия Печерских в Почепе; церкви Николая Чудотворца в Карачеве; противоаварийные работы и консервация церквей: Рождества Богородицы в с. Гудово; Михаило-Архангельской в с. Крапивное; Покрова Пресвятой Богородицы в с. Витовке; Святой Екатерины в с. Ляличи; Рождественской в с. Старый Ропск и др. объектов [16].

Говоря о реставрации памятников архитектуры, нельзя не отметить деятельность заслуженного архитектора России В.Н. Городкова. Им были разработаны проекты реставрации церквей в Брянске: Воскресенской, Тихвинской, Спасо-Гробовской и Введенской Петропавловского монастыря. Реставрация храмов была реализована за счёт госбюджета во второй половине 1980-х–начале 1990-х годов. По его проектам выполнены реставрационные работы: Всехсвятской церкви и собора Михаила Архангела (г. Карачев), Петропавловской церкви (г. Клинцы), Георгиевской церкви (п. Супонево) и др. В 1989–1996 годы осуществлено строительство новых храмов на территории Брянской области: Преображенской церкви (г. Дятьково), Преображенской церкви (г. Сельцо) и других. В период 1980–1990-х были реализованы его проекты по воссозданию усадебных домов А.К. Толстого и Ф.И. Тютчева.

Время перемен. На рубеже 1980–1990-х годов в социально-культурной жизни страны произошли большие перемены. С одной стороны, в обществе существовал запрос на возрождение забытых традиций, интерес к дореволюционному прошлому, возвращение религии в повседневность. С другой – экономические трудности, назревший политический и идеологический кри-

зис раскололи общество и привели к распаду СССР. Смена государственного строя в 1991 году не могла не сказаться и на существовании добровольных общественных организаций. ВООПИиК не стало исключением.

В условиях катастрофического обнищания населения отток членов Общества и неуплата членских взносов поставили под удар факт существования организации. Несмотря на финансовые проблемы, по инерции и благодаря активистам, преданным делу, Общество продолжало своё существование.

В 1995 году пост председателя президиума Брянского облотделения ВООПИиК по состоянию здоровья покинул профессионал своего дела, блестящий архитектор и замечательный организатор Василий Николаевич Городков (1914–1997). На эту должность был избран заместитель главы областной администрации В.П. Шильненков [11]. Однако все заботы по сохранению ВООПИиК, его принципов и традиций легли на плечи заместителя председателя И.А. Королёва.

В последние пять лет уходящего XX века в небытие стали уходить некогда мощные районные отделения, было распущено до 95% первичных организаций. Малочисленных взносов еле-еле хватало, чтобы содержать текущую хозяйственную деятельность, не говоря о больших проектах. В 1998 году в доме на ул. Луначарского, где размещалось отделение ВООПИиК произошел пожар, в котором погибла архивная документация, копии редчайших документов по истории и культуре Брянского края. В результате – на рубеже XX и XXI веков деятельность Брянского областного отделения фактически сошла на нет.

Главной проблемой сохранения культурного богатства страны стала приватизация объектов культурного наследия. Ещё вчера принадлежавшие государству, сегодня многие из памятников стали собственностью лиц, для которых историко-культурная ценность объектов играла второстепенную роль: фактически они приравнивались к рядовой ветшающей недвижимости, от которой проще избавиться, чем сохранить.

В 2002 году А.В. Городковым – доцентом Брянской государственной инженерно-технологической академии (ныне профессором БГИТУ), сыном В.Н. Городкова, была предпринята попытка восстановления деятельности организации. В сложившихся условиях, несмотря ни на что, в разных уголках региона продолжали служение сохранению культурного наследия активисты общества. Доцент (ныне профессор) Брянского госуниверситета А.М. Дубровский вместе со студентами поддерживал состояние парка в усадьбе Тенишевых в Хотылёво; активист восстановления воинских памятников Клетнянского района В.Л. Немцов уделял внимание сохранению партизанских стоянок; доцент БГИТА М.А. Сенющенков создавал мультимедий-

ные альбомы по историко-культурной тематике; мглинский краевед С.С. Ицков продолжал популяризацию идеи сохранения наследия среди молодёжи [35]. Не получило поддержки возрожденное Общество от городских властей, отказавших в предоставлении нового помещения для организации деятельности. Попытка реанимации облсовета оказалась недолгой. К 2005 году областной совет ВООПИиК прекратил работу.

Возрождение Брянского отделения ВООПИиК. Летопись сегодняшних дней. 26 марта 2015 года силами работников науки и культуры, активистами-градозащитниками было зарегистрировано Брянское региональное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (БРО ВООПИиК). Возрождённая организация продолжает следовать традициям, заложенным в 1960-1980-е годы, направленным на содействие государству и обществу в деле сохранения культурного наследия и его популяризации. Председателем совета в 2015-2019 годы была Е.М. Зубова, эксперт по проведению историко-культурной экспертизы. С 2019 по 2021 год – О.М. Шейкина. С 2022 года областной совет возглавляет архитектор-реставратор А.П. Перов. В должности заместителя председателя работает Е.В. Званская.

В 2015 году был осуществлен мониторинг базовой партизанской стоянки «Озеро Круглое» (9 объектов предложено включить в реестр, а также утвердить зоны охраны); подготовлены и внесены в рабочую группу Министерства культуры РФ предложения о включении ансамбля Свенского монастыря и комплекса памятников «Соборная гора» в Трубчевске в Список всемирного наследия; остановлено строительство автостоянки на территории достопримечательного места «Рождественская гора»; организован круглый стол «Общественные инициативы и охрана культурного наследия».

В 2016 году восстановленный фотоархив периода реставрации усадьбы Тютчевых в Овстуге нач. 2000-х годов был передан музею-заповеднику; проведен круглый стол «Будущее русского города (на примере Брянска)», где были обсуждены вопросы, связанные со статусом исторических городов, направлены предложения в правительство региона, а также актив отделения принял участие в круглом столе «Сохранение историко-культурного наследия и возрождение традиций благотворительности: проблемы и перспективы»; вместе с рабочей группой ОНФ рассмотрен вопрос о генплане Брянска и составлен перечень участков с нарушением регламентных требований в зонах охраны.

В этом же году была проведена большая работа по парку в усадьбе Тенишевых в с. Хотылево – проведено обследование парка по определению историко-культурной ценности, осуществлена историко-культурная экспертиза. Благодаря содействию БРО ВООПИиК парк включен в реестр объектов культурного наследия.

Впервые в новейшей истории отделения был организован конкурс фоторабот и выставка «Культурное наследие в объективе современников», приуроченная к 50-летию ВООПИиК.

Окрепшая за последние годы организация развернула активную работу по сохранению и популяризации историко-культурного наследия региона. В 2017 году представители отделения вошли в состав Общественного совета при Управлении по охране и сохранению историко-культурного наследия Брянской области.

Знаменательным событием в деятельности БРО ВООПИиК в 2017–2018 годы стала реализация общедоступного культурно-просветительского проекта «Сохраним вместе» при поддержке Фонда Президентских грантов. Общедоступный культурно-просветительский проект направлен на сохранение исторической городской среды и объектов культурного наследия города Брянска; призван способствовать объединению усилий государственных структур, органов местного самоуправления и общественных организаций для деятельности, относящейся к сбережению историко-культурного наследия древнего провинциального города Брянска. Брянской областной научной универсальной библиотеке им. Ф. И. Тютчева передана цифровая коллекция фотографий, собранная членами БРО ВООПИиК. Создан и подготовлен к печати иллюстрированный альбом «Архитектура исторического центра Брянска середины 70-х гг. XX века (по материалам исследования научно-реставрационного объединения «Росреставрация» 1975-1977 гг.».

В рамках проекта «Сохраним вместе», кроме шести маршрутов бесплатных авторских экскурсий «Прогулки по Брянску и его окрестностям» (авторы – члены БРО ВООПИиК – Е.М. Зубова, Е.С. Ильченко, Т.И. Чуина, О.И. Резникова, Н.Н. Амелин, Е.В. Званская), проводились публичные лекции по истории градостроительства и архитектуры Брянска в учреждениях культуры и образовательных учреждениях Брянска. Экскурсии пользуются в городе большой популярностью, только за 2018 год на них побывало более 500 человек. Проведены квесты для детей и молодёжи «Старый дом в новом времени», победители которых получили памятные призы. Был создан цикл программ «Старый дом в новом времени» (совместно с телеканалом «Городской» и «Радио России. Брянск»).

Значительным достижением Общества в период 2010-2020-х годов стала возрожденная издательская деятельность под руководством Е.С. Ильченко. Подготовленные в рамках инициативных проектов издания – «Зодчие Брянска» (2018), «Брянск. Очерки истории архитектуры» (2019) – стали главными книжными событиями, посвящёнными истории градостроительства и архитектуры города. В 2020–2022 годы в рамках серии «Историко-культурное наследие Брянского края» было издано 11 книг, посвященных памятникам

архитектуры и градостроительства исторических городов Брянской области: Севска, Карачева, Почепа, Новозыбкова, Трубчевска, Клинцов, Мглина, Стародуба, Суража, Злынки... Ряд изданий был посвящен юбилеям Брянских архитекторов – Б.П. Шавырину (2018, 2021), А.Э. Фридману и З.И. Озеровой (2021). А.В. Городковым и Е.С. Ильченко подготовлено к печати энциклопедическое издание – монография «Исторические города Брянского края». Масштабный издательский проект «Дворянские усадьбы Брянского края», реализованный в 2018 году, был признан лучшей книгой года.

БРО ВООПИиК активно занимается вопросами, связанными со спасением памятников и включением их в культурный оборот. Так в 2017 году была осуществлена совместная с Центральным Советом ВООПИиК рабочая поездка по проблемным объектам культурного наследия. Вместе с Председателем ЦС ВООПИиК А.Г. Демидовым, координатором волонтёров ВООПИиК П.С. Шишмарёвым проведены встречи с главами администраций, местным населением, представителями органа охраны памятников в с. Ляличи, с. Красный Рог, с. Луговец. 12 октября 2018 года проведен круглый стол «Состояние и перспективы сохранения объектов историко-культурного наследия Брянской области», участниками которого стали эксперты Общероссийского народного фронта, представители научного сообщества, работники культуры, общественных объединений и средств массовой информации.

В 2017 году началась работа по содействию реставрации школы Марии Бирилёвой в музее-заповеднике Ф.И. Тютчева «Овстуг». Сейчас с удовлетворением можно констатировать успешное окончание реставрации школы в 2020 году. Ещё один объект культурного наследия – храм Николая Чудотворца в с. Луговец Мглинского района Брянской области был спасен от разрушения, благодаря активным действиям БРО ВООПИиК и инициативной группе. Специалисты ВООПИиК привлекли внимание общественности к необходимости сохранения памятника. Архитектором О.А. Грозевой на общественных началах был разработан проект создания шатра для консервации и будущей реставрации объекта деревянного зодчества. В 2021 году реставрация церкви была завершена за счет финансирования из средств государственного бюджета.

В течение 2017–2021 годов БРО ВООПИиК «держит на контроле» объект культурного наследия (ОКН) «Канатная фабрика Мартынова» на ул. Красноармейской – проведен мониторинг и осуществлена историко-культурная экспертиза проекта реставрации (Е.М. Зубова), разработанного архитектором А.П. Перовым; организован ряд радиопередач и телевизионных сюжетов, посвященных заброшенному памятнику архитектуры; проведены заседания круглых столов с участием собственника, госоргана охраны культурного наследия, представителей Общероссийского народного фронта (ОНФ).

На сегодняшний день здание обрело очередного нового хозяина и вопрос о его реставрации не закрыт.

В 2018 году была проведена работа по мониторингу специалистами отделения (совместно с экспертами ОНФ) объекта культурного наследия федерального значения – церкви Святой Екатерины в с. Ляличи Суражского района. В 2021 году по инициативе Т.И. Арефиной – руководителя Фонда реставрации церкви Св. Екатерины, создана рабочая группа по предотвращению аварийных ситуаций на объекте, предприняты экстренные меры. Силами волонтёров планируется экстренное покрытие отсутствующей кровли в алтарной части и на галерее храма.

На территории Брасовского и Комаричского районов в 2019 году проведен мониторинг – домика архитектора и парка в усадьбе Великого князя Михаила Александровича, осмотр Локотского конезавода, винокуренного завода, усадьбы княгини М.В. Воейковой в Лопандино. Зафиксировано состояние объектов на текущий момент. В течение 2021 года также проводилась работа по мониторингу памятников истории и культуры, выявлению новых объектов. Осуществлен мониторинг объектов культурного наследия Брянска. По некоторым из них в Управление по охране и сохранению историко-культурного наследия направлены письма о нарушениях со стороны собственников (по ул. Калинина, 42, «Дом с аптекой» и др.). Проведены историко-архивные исследования по зданиям в Брянске и Клинцах. По результатам составлена соответствующая документация на объекты, обладающие признаками ОКН, которая передана в госорган охраны. Восемь памятников Брянского региона, нуждающихся в первоочередной реставрации, включены в федеральный список, составленный по поручению Президента РФ.

Продолжена выставочная и лекционная деятельность. В 2018 и 2019 годах по итогам фотоконкурса «Культурное наследие в объективе современников» организованы выставки. Победители фотоконкурса получили дипломы. В 2021 году Совет БРО ВООПИиК провел детский конкурс рисунка «Исторический ландшафт» и организовал выставку лучших работ юных любителей истории города.

Публичные лекции по истории градостроительства и архитектуры Брянска (автор – член Совета, краевед Е.С. Ильченко) были прочитаны в 2019 году в нескольких учреждениях культуры города.

БРО ВООПИиК принимает участие в областных и межрегиональных мероприятиях: в межрегиональной научно-практической конференции «Великий Князь Михаил Александрович: Жизнь. Эпоха. Судьба», а также в научно-практической конференции в рамках проекта «Императорский маршрут», где члены Совета БРО Е.В. Званская и О.М. Шейкина выступили с докладами.

В 2019-2021 годах была продолжена экскурсионная деятельность. Несмотря на ограничения, связанные с пандемией COVID-19, удалось провести не только полюбившиеся брянцам экскурсии «Прогулки по Брянску и его окрестностям», но и дополнить проект новыми маршрутами – «Бежица партизанская» и «Первая стоянка Бежицких партизан», которые были посвящены 75-летию Великой Победы. К ранее осмотренным экскурсантами памятникам добавилось ещё 10 объектов. Несколько экскурсий были специально подготовлены для волонтёров и врачей, которые на протяжении 2020 года помогали жителям региона в борьбе с пандемией коронавируса. За четыре сезона численность участников составила 870 человек. Отделение активизировало также просветительскую деятельность посредством социальных сетей. В разработке находится сайт Брянского регионального отделения ВООПИиК.

Члены БРО ВООПИиК активно участвуют в работе Общественного совета при Управлении по охране и сохранению культурного наследия Брянской области в качестве общественных экспертов. В 2018–2020 годы рассмотрены: разрабатываемые проекты зон охраны ОКН на территории г. Трубчевска, г. Стародуба, г. Брянска (Бежицкий район). Подготовлено заявление о включении в реестр ОКН флигеля С.А. Толстой в усадьбе А.К. Толстого в Красном Роге; проект научно-проектной документации и результаты государственной историко-культурной экспертизы по сохранению объекта культурного наследия «Дом инженера Л.А. Боровича».

2020–2021 годы ознаменовались двумя интересными проектами БРО ВООПИиК, поддержанными Фондом Президентских грантов. Первый – это «Проект Волостная управа как центр жизни села Овстуг», призванный способствовать возрождению духовной жизни Овстуга посредством введения в культурный оборот здания волостной управы, являющегося объектом культурного наследия. В процессе реализации проекта осуществлена исследовательская работа по истории и нематериальной культуре Овстугской волости: собраны ранее неопубликованные исторические материалы, устроена фольклорная экспедиция в ближайшие сёла, вышел в свет альбом-исследование Е.М. Зубовой «Имение Тютчевых в Овстуге» о процессе воссоздания усадебного комплекса в 2000-е годы. В здании волостной управы воссозданы некоторые элементы интерьера: на историческом месте выложена утраченная печь, заменена оконная фурнитура и занавески, приближенные к эпохе рубежа XIX-XX веков; открыт небольшой фрагмент подлинной кирпичной кладки. Обновлена музейная экспозиция истории села. Второй проект – «Водяная мельница, оживи». БРО ВООПИиК совместно с музеем-заповедником и при поддержке Российского фонда культуры решили возродить водяную мельницу – единственную сохранившуюся на сегодняшний день на

Брянщине постройку такого типа, и дать ей новую жизнь в качестве новой площадки музейного комплекса.

Оба проекта успешно реализованы в 2021 году.

24 октября 2021 года в выставочном зале Брянской детской художественной школы открылась выставка – «Культурное наследие Брянщины: возрождение и сохранение». Экспозиция выставки посвящена проектировщикам и строителям, восстановившим Брянск из руин, а также приурочена к 55-летнему юбилею регионального отделения ВООПИиК. В подготовке выставки приняли активное участие члены БРО ВООПИиК – Е.С. Ильченко и К.П. Гришин. Впервые в таком объёме и форме представлена послевоенная градостроительная история и история сохранения культурного наследия региона.

Сегодня активно поддерживают деятельность ВООПИиК многие региональные краеведческие сообщества, районные библиотеки, школы и музеи. Среди них – центральные межпоселенческие библиотеки в Трубчевске, Злынке; Брянские библиотеки им. П.Л. Проскурина, Л.И. Добычина и А.К. Толстого, Краеведческий музей в Стародубе, историко-краеведческий музей при СОШ №1 г. Злынки. Активно и результативно работают краеведческие сообщества в г. Дятькове, Новозыбкове, Брасове, Навле, Почепе... За последнее десятилетие районными краеведческими сообществами издано более 20 книг, проведены многие информационные и культурно-воспитательные мероприятия по тематике охраны историко-культурного наследия...

Слова академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, стоявшего у истоков создания ВООПИиК: *«Памятники культуры принадлежат народу, и не одному только нашему поколению. Мы несем за них ответственность перед нашими потомками»* – служат для членов Брянского регионального отделения не только девизом, но и руководством к действию.

Литература и информационные источники

1. РСФСР. Законы и постановления. Свод законов РСФСР / Президиум Верховного Совета РСФСР, Совет Министров РСФСР. Т. 3. М., 1986.
2. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. Р-880. Оп. 1. Д. 2.
3. Брянский рабочий. 1966. (№26). 1 февр.
4. ГАБО. Ф. Р-880. Оп. 1. Д. 9.
5. Полозов В., Скидан В. Брянск тысячелетний. – Тула, 1985.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-639. Оп. 1. Д. 78.
7. ГАБО. Ф. Р-880. Оп. 1. Д. 27.
8. ГАБО. Ф. Р-880. Оп. 1. Д. 11.
9. ГАБО. Ф. Р-880. Оп. 1. Д. 25.
10. ГАБО. Ф. Р-880. Оп. 1. Д. 12.
11. Брянская газета. 1995. 21 янв.
12. Андреева Н.А. Вдохновляла Память сердца. Брянск, 2018.

13. Информационный вестник Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1990. №2.
14. ГАРФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 249.
16. ГАРФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 520.
17. Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Брянская область. М., 1977.
18. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Брянская область / Редколлегия: В.П. Выголов (отв. ред.) и др. М., 1997.
19. ГАБО. Ф. Р-880. Оп. 1. Д. 34.
20. ГАРФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 661.
21. ГАБО. Ф. Р-880. Оп. 1. Д. 14.
22 ГАБО. Ф. Р-880. Оп. 1. Д. 32.
23. Брянский рабочий. 1975. 27 июл. (№174)
24. ГАБО. Ф. Р-2694. Оп. 1. Д. 58.
25. Дандыкин Т.К. В памяти народной. – Брянск, 1973.
26. Памятники истории и культуры Брянщины. – Брянск, 1970.
27. Материалы третьего съезда Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, г. Суздаль, 26-27 июля 1977 г. М., 1979.
28. ГАБО. Ф. Р-2694. Оп. 2. Д. 514.
29. Брянскийрабочий. 1988. (№91). 19 апр.
30. ГАБО. Ф. Р-2694. Оп. 2. Д. 513.
31. ГАБО. Ф. Р-880. Оп. 1. Д. 58.
32. ГАРФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 631.
33. ГАРФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 710.
34. ГАРФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 729.
35. Брянский рабочий. 2003. 14 окт.

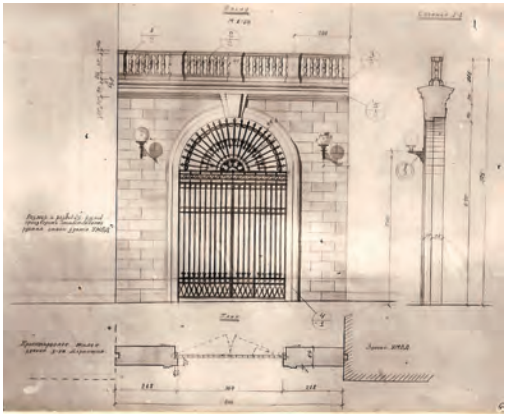
Ефимова Д.Г., Ильченко Е.С. (г. Брянск)

СОЗИДАТЬ, СОЗДАВАТЬ, СТРОИТЬ

(К 100-летию со дня рождения архитектора-педагога Г.А. Ефимова)

Послевоенный Брянск, через который с тяжелыми боями прошли Юго-Западный и Брянский фронты, оказался настолько разрушенным, что постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 1 ноября 1945 года был включен в число 15-ти старинных городов РСФСР, подлежащих первоочередному восстановлению...

Требовалось не только поднять город из руин, но в короткие сроки построить новое жильё, школы, больницы, восстановить инженерные коммуникации. Город остро нуждался в квалифицированных строительных кадрах. В январе 1944 года в Брянск из эвакуации возвращается строительный техникум – старейшее учебное заведение города. К этому времени в нем был только один преподаватель, один техник и 7 учащихся. Но прием студентов на 1944–1945 учебный год решили не откладывать. Необходимы были преподаватели всех строительных специальностей, дефицит которых



Архитектор Г.А. Ефимов. Эскизный проект общественного здания. Проект ворот по ул. Фокина, 37.

постепенно пополнялся не только преподавателями, вернувшимися с фронта, но и молодыми специалистами. Среди них был и Г.А. Ефимов – выпускник архитектурного факультета Харьковского инженерно-строительного института (ХИСИ) 1949 года. Так началась его преподавательская деятельность на архитектурном отделении Брянского строительного техникума.

Родился Георгий Александрович Ефимов 1 мая 1922 года в Днепропетровской области. Его отец, получив высшее юридическое образование еще до революции, работал адвокатом, судьёй, мать занималась воспитанием детей, вела домашнее хозяйство, старший брат – кадровый военный. История семьи отца Георгия Александровича берет начало в конце XVIII века, когда в ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 годов, при взятии в 1790 году турецкой крепости Измаил, русские суворовские солдаты спасли осиротевшего пятилетнего турецкого мальчика и привезли его в Россию. Мальчик вырос в приюте, а затем был отправлен на учебу в открывшийся в Ярославле в 1803 году Демидовский юридический лицей. Вот этот спасенный мальчик и был основателем рода и прапрадедом отца Г.А. Ефимова.

В 1930 году семья Георгия Ефимова переезжает в г. Харьков. Ещё старшеклассником Георгий поступил учеником в мастерские при Харьковском художественном институте. Здесь появился у него интерес к рисунку и живописи, проявились художественные способности. В доме родителей сохранились живописные и графические работы Георгия, выполненные маслом и карандашом. Вся семья увлекалась чтением русских классиков. Особенно почитаем был А.С. Пушкин. Из родительской библиотеки до сих пор сохранилась семейная реликвия – полное собрание сочинений поэта в одном томе 1936 года издания с великолепными иллюстрациями.

В день начала Великой Отечественной войны 22 июня 1941 года Георгий Ефимов получил аттестат зрелости об окончании 10-ти классов. Харьков подвергся первому авианалету фашистских бомбардировщиков вечером 27 июля. Вскоре Георгию Ефимову пришла повестка военкомата. В военкомате из прибывших в этот день призывников было отобрано 5 человек «с образованием» – их отправили домой «до особого распоряжения» (возможно, предполагалось направить ребят в военные училища). Вражеские налеты следовали все чаще и стали массированными. Под бомбами проходила эвакуация города. Но «особое распоряжение» для Георгия Ефимова так и не последовало, а 24 октября Харьков был оккупирован немецко-фашистскими войсками...

Семья Ефимовых, не успев эвакуироваться, вынуждена была остаться в городе. Начались страшные годы немецкой оккупации. Не раз юноша подвергался опасности, ему грозил угон в Германию, и только счастливая случайность и сообразительность помогли этого избежать... Утром 23 августа

1943 года над освобожденным центром Харькова на здании Госпрома был водружён красный флаг, полностью город был освобожден от немцев 30 августа 1943 года.

Город постепенно восстанавливался, летом 1944 года первый прием студентов объявил Харьковский инженерно-строительный институт – ХИСИ (сегодня – Харьковский национальный университет строительства и архитектуры). На выбор профессии Георгием Ефимовым большое влияние оказала великолепная архитектура зданий Харькова с разнообразием стилей – от барокко XVII века, до модерна начала XX и конструктивизма 1920-х годов. Он успешно сдает экзамены и поступает на первый курс архитектурного факультета. Здесь его интерес к архитектуре и истории градостроительства получил свое дальнейшее развитие.

В эти годы в ХИСИ работали известные архитекторы: профессор архитектуры, ученый, декан архитектурного факультета А.Г. Молокин, награжденный орденом «Знак Почета» за активное участие в восстановлении разрушенного Харькова; профессор, член-корреспондент Академии архитектуры Украинской ССР Я.А. Штейнберг – автор проектов важнейших зданий в Харькове, Киеве, Донецке; профессор кафедры архитектуры Н.М. Погорный – автор большого количества проектов школ, планировки и застройки соцгорода «Новый Харьков», а построенный по его проектам комплекс Национального университета электроники и главного корпуса Академии железнодорожного транспорта включены в список архитектурных памятников Харькова. ХИСИ, одним из создателей которого в 1930 году был академик архитектуры Алексей Николаевич Бекетов, в значительной мере сформировавший архитектурный облик Харькова, славился высокой степенью профессиональной подготовки. Так что профессиональные знания Георгий Александрович получил «из рук» выдающихся архитекторов.

После окончания института в 1949 году молодой архитектор-педагог приезжает по распределению в Брянск в Брянский строительный техникум. Разрушенное довоенное здание учебного корпуса строительного техникума на ул. Фокина (ныне – пр. Ленина), где теперь находится гостиница «Десна», мастерские и общежитие к этому времени уже были восстановлены студентами и преподавателями. Студенты техникума принимали участие в послевоенном восстановлении и строительстве жилых домов, здания драмтеатра и других объектов Брянска.

Коммуникабельный, прекрасно знающий свой предмет молодой специалист быстро завоевал доверие и авторитет как в коллективе преподавателей, так у своих студентов. Научить созидать, создавать, строить было основной целью архитектора-педагога Ефимова. Он преподавал дисциплины «Архитектура» и «Части зданий», вел курсовое и дипломное проектирование и

умело организовал работу архитектурного отделения. Творческий подход к проектированию здесь был основным принципом обучения. Вспоминая Георгия Александровича, выпускник техникума 1956 года, заслуженный строитель России А.А. Шилин, рассказывал, как интересно проходили занятия по истории архитектуры, где преподаватель учил студентов разбираться в классических архитектурных ордерах, понимать и любить красоту созидания, воспитывал архитектурные навыки, правила и вкус на примерах классических форм, в том числе и на строящихся в эти годы в Брянске зданиях в стиле советской неоклассики. Блестящий рассказчик, Георгий Александрович знакомил студентов с шедеврами мировой архитектуры разных эпох, сопровождая демонстрацией слайдов, плакатов, открыток.

Вы нас учили понимать
И греческую базилику Посейдона,
И красоту Нотр-Дам – Парижского собора,
И современную архитектуру знать.

Эти поэтические строки написал своему учителю выпускник архитектурного отделения техникума 1968 года Александр Попов. Его альбом «История архитектуры» с талантливо выполненными тушью рисунками памятников архитектуры бережно хранится в семье Георгия Александровича.

Молодой, энергичный педагог не только обучал будущих архитекторов и строителей профессиональным навыкам, но и прививал им правила общения, этикета, дружеских отношений. А помогали ему в этом его доброжелательность, интеллигентность, чувство юмора.

В те времена студентами вечернего и заочного отделений становились уже опытные рабочие и мастера. Г.А. Ефимов умел находить подход к студентам всех возрастных категорий. Его такт, при необходимой строгости и требовательности, знание предмета, высокая эрудиция располагали к диалогу. С ним легко было общаться и работать! Приветливый, спокойный, обаятельный, без амбиций, Георгий Александрович и в кругу коллег, и у студентов пользовался уважением, симпатией и любовью.

Будущие техники-архитекторы проходили производственную практику не только в проектных и строительных организациях Брянска, но и Москвы, Ленинграда, Харькова, Орла, Курска, Белгорода и других крупных городов СССР. Благодаря высокому уровню подготовки, все практиканты получали положительную оценку своей работы, а многие из них были приглашены на постоянную работу.

Основная преподавательская работа Г.А. Ефимова совмещалась с проектной в ПК «Брянскоблпроект». В 1950 году, в связи с необходимостью восстановления старого исторического центра города с его двухэтажной

кирпичной застройкой XIX века по ул. Калинина (бывшая ул. Московская), реконструировалось жилье и здания общественного назначения. Одной из первых авторских работ Георгия Александровича был проект реконструкции жилого дома с пристройкой к нему цеха индивидуального пошива одежды по ул.Калинина, 31. Позднее Г.А. Ефимов участвовал в реконструкции театральной площади в г. Брянске. В господствовавшем в 1950-е годы стиле советской неоклассики в районных центрах Брянской области (гг. Жуковка, Севск, Новозыбков), в н.п. Чуровичи и других населенных пунктах по его проектам были построены здания райкомов партии и общественные здания. По проекту архитектора были сооружены кованые ажурные ворота ограды территории административного здания УВД со стороны ул. Фокина.

В 1950 году предполагалось реконструировать восстановленное после войны здание церкви Рождества Пресвятой Богородицы, по проекту главного городского архитектора Б.П. Шавырина, приспособленное под спортивный зал. По заданию партийного руководства города, архитектором Ефимовым были выполнены обмерные чертежи и разработан проект реконструкции здания, тогда ему удалось отстоять купол храма, который собирались демонтировать. В 1955 году на куполе храма был установлен эффектный бельведер по проекту архитектора А.Е. Певцова (демонтирован в 2007 году).

В середине 1950-х годов от идеи реконструкции старого учебного корпуса техникума, предусмотренного проектом планировки и застройки центра Брянска 1946 года , власти города отказались. Здание решено было снести и встал вопрос о строительстве нового здания строительного техникума на ул. Фокина (ныне пр. Ленина, 7). Наряду с директором техникума Ф.С. Фроловой, немало труда Георгий Александрович приложил к строительству нового здания техникума и жилого дома для работников техникума (ул. Емлютина,40), осуществляя технический надзор. Учебный 1957–1958 год начался в новом нарядном здании на главной городской магистрали.

Творческую работу в АПМ «Брянскархпроект» и ПК «Брянскоблпроект» успешно совмещали с преподаванием в Брянском строительном техникуме и приехавшие в Брянск одновременно с Ефимовым молодые архитекторы Василий Николаевич Городков и Николай Владиславович Куспак. От такого содружества выиграли все!

В течение многих лет Г.А. Ефимов руководил предметной комиссией ПГС (комиссия преподавателей спецпредметов), возглавлял предметную комиссию «Архитектура», был заведующим архитектурным отделением, председателем художественно-эстетического совета техникума, руководил первичной организацией охраны памятников истории и культуры. Активно участвовал в общественной жизни техникума. При 40-летнем трудовом стаже имел в трудовой книжке только две записи: «принят...» и «уволен с выходом

на пенсию». Администрация города, руководство техникума многократно отмечали деятельность Г.А. Ефимова почетными грамотами и благодарностями, он получил звание и медаль «Ветеран труда», был награжден медалью к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина.

Человек широкого кругозора, жизнелюбия Георгий Александрович любил путешествовать – будь то разные города и страны, сплав по реке на лодке с друзьями или поход в лес за грибами. Нередко его приглашали в гости выпускники, которых разбросало по всей стране. И рядом всегда была его семья – любимая жена и две дочери. Одними из увлечений Георгия Александровича были география и история, их он хорошо знал и мог ответить на любой вопрос.

В 1998 году Георгий Александрович Ефимов ушел из жизни. Многие из учеников Георгия Александровича, с большой теплотой вспоминающие своего педагога, стали известными строителями, преподавателями. Среди них: заслуженный строитель России А.А. Шилин, В.А. Ивашутин, С.А. Преображенская и другие. Память его учеников, восстановивших и строивших Брянщину, другие города нашей страны и далеко за её пределами – лучшая для него награда!

Литература и информационные источники

1. Городков А.В., Ильченко Е.С. Зодчие Брянска: материалы к биобиблиографиям брянских архитекторов. Брянск: АВЕРС, 2019. 280 с.

2. Созидать, создавать, строить. Архитектор-педагог Г.А. Ефимов // «Брянский проект». №2(17). 22.02.2013. с. 3.

3. Воспоминания выпускников и преподавателей Брянского строительного техникума (не опубл.).

Ильченко Е.С., Грозева О.А. (г. Брянск)

МАСТЕР АРХИТЕКТУРЫ – А.А. ЗЕЛЕНОВ (1942–2019)

7 марта 2022 года исполнилось бы 80 лет Александру Алексеевичу Зеленову – мастеру архитектуры, оставившему заметный след в градостроительной истории Брянска и обогатившему облик областного центра уникальными зданиями и комплексами.

Родился Александр Алексеевич Зеленов в городе Горьком (теперь Нижний Новгород) в трудный военный год. Окончив в 1968 году школу и выбрав профессию архитектора, Зеленов поступает на архитектурный факультет

Почетный архитектор РФ А.А. Зеленов. Творческие работы в г. Брянске, выполненные в 1980-90-х гг.: административное здание; областная детская больница; областной краеведческий музей.

Общественные здания в Брянске: консультационная поликлиника; административное здание; госпиталь для ветеранов войн.

Горьковского инженерно-строительного института им. В.П. Чкалова. В 1974 году молодой специалист по приглашению приезжает на работу в Брянск в головную проектную организацию жилищно-гражданского строительства области – проектный институт «Брянскгражданпроект». Интеллигентный, образованный молодой архитектор хорошо «вписался» в коллектив коллег. Быстро нашел общий язык с главным архитектором института Ю.И. Тарабриным, хотя и нередко между ними возникали творческие споры. Юрий Иванович, не раз отмечал, что Зеленов, в отличие от многих архитекторов, хорошо разбирается в конструктивной части здания, что очень важно для реального воплощения архитектурного замысла. Впоследствии, не «заслоняя» своим авторитетом, главный архитектор дал проявиться таланту А.А. Зеленова.

В конце 1970-х годов начинается реализация проекта детальной планировки центра Брянска. Вместо ветхих деревянных домов на проспекте Ленина, напротив цирка, начинают возводить жилые и общественные здания. Главным архитектором проекта (ГАП) 130 квартирного жилого дома на пр. Ленина назначается А.А. Зеленов. По замыслу автора дом, расположенный на главной магистрали города, должен был иметь представительский вид. Проектом была предусмотрена отделка главного фасада лицевым кирпичом, что удачно «рифмовалось» с рядом стоящим зданием областной санэпидемстанции. Но... вмешалась пресловутая экономия строительных материалов (такова была эпоха архитектуры «без излишеств») – вместо облицовки была утверждена штукатурка, что значительно снизило архитектурную привлекательность здания. Конечно же, это обстоятельство очень огорчало молодого архитектора. Кстати, в 1980-е годы все проекты наиболее значительных для города объектов рассматривались на техническом совете при 1-м секретаре обкома КПСС А.Ф. Войстроченко.

В эти же годы Зеленов приступает к проектированию здания областного краеведческого музея на площади Партизан. В процессе работы над проектом музея архитектор посетил немало городов СССР, знакомясь с архитектурой музейных зданий. Одним из них, вдохновивших автора, был Музей-памятник защитникам перевалов Кавказа в годы Великой Отечественной войны.

Вот что рассказывал в 1976 году автор проекта о будущем здании музея корреспонденту «Брянского рабочего»:

«Как и предусмотрено генеральным планом, новое здание музея будет расположено на площади Партизан и вместе с памятником партизанам и воинам явится градостроительным звеном, замыкающим главную магистраль центральной части города – проспект Ленина. Перед автором проекта стояла задача найти такое архитектурное решение, которое бы не вошло в противоречие с существующим скульптурным комплексом и – более того – придало бы новое звучание всему ансамблю площади. Панно на главном фасаде

музея, отображающее славную историю Брянщины, мощение площади перед зданием и другие средства призваны объединить различные объекты в единый градостроительный организм с доминирующим положением памятника партизанам и воинам.

Через низко расположенный вход, ассоциирующийся со входом в блиндаж или партизанскую землянку, посетители музея попадут в просторный вестибюль, затем по широкой парадной лестнице поднимутся на обширную промежуточную площадку, выполняющую роль вводного зала. Отсюда после обзорной лекции экскурсанты направятся в просторные выставочные залы второго этажа, предназначенные для отделов природы и дореволюционной истории. Максимальное остекление второго этажа зрительно свяжет внутреннее пространство с окружающей средой, а эксплуатируемая кровля первого этажа расширит площадь экспозиционных залов. Кстати сказать, общая полезная площадь этих залов составит 2.500 м^2. На третий этаж, где разместится отдел истории советского общества, ведут консольные, как бы парящие в воздухе лестницы. Огромный по площади зал этого этажа освещается через витражи в торцах здания, а центральная его часть – верхним светом, проникающим через зенитные фонари. Важной особенностью нового здания музея является минимальное количество внутренних опор и капитальных перегородок, что позволяет гибко организовать внутреннее пространство, трансформируя по мере необходимости те или иные разделы экспозиции. Остается добавить, что в первом этаже проектом предусмотрены лекционный зал на 180 мест, библиотека, буфет, мастерские, лаборатории, фондохранилища, помещения для административных и технических служб. Все основные помещения музея предполагается снабдить кондиционированным воздухом».

Приходится сожалеть, что и здесь, как и с домом на пр. Ленина, в построенном в 1983 году здании музея не удалось воплотить замысел талантливого архитектора в полной мере.

В январе 1978 года А.А. Зеленов был принят в члены Союза архитекторов СССР.

Начало 1980-х годов ознаменовалось в Брянске интенсивным строительством крупных учреждений здравоохранения, автором архитектурной идеи которых стал уже опытный архитектор Зеленов.

И первое из них – новый корпус 2-й областной больницы для партийно-советской номенклатуры области (сегодня – кардиодиспансер) на ул. Октябрьской. Проект был разработан авторским коллективом института «Брянскгражданпроекта». Автор архитектурного решения – А.А. Зеленов, ГАП – Р.В. Рейшер, ГИП – З.П. Селезнева, технолог Л.Г. Перепелкина. Восьмиэтажное здание больницы с техническим этажом и встроено-пристроенны-

ми помещениями поликлиники, благодаря оригинальному решению фасада с «волнами» ограждения лоджий, больше напоминает санаторную, а не больничную постройку. Главный вход в здание украшен декоративным элементом – стилизованным медицинским крестом. В 1983 году здание больницы завоевало во Всесоюзном смотре-конкурсе на лучшее произведение архитектуры диплом II-ой степени.

В эти же годы на проспекте Станке Димитрова по проекту авторского коллектива во главе с Зеленовым возводится здание областной детской многопрофильной больницы. Шестиэтажное здание с техническим этажом, с красивым, удобным входом, мозаичным панно на главном фасаде – одно из лучших произведений архитектора. Интересно обрамление окон, напоминающее архитектурные элементы стиля модерн начала XX века. Автором проекта было тщательно продумано и благоустройство дворовой территории больницы (фонтан, клумбы, скамейки). В 1984 году на Всесоюзном смотре-конкурсе на лучшее архитектурное произведение здание детской многопрофильной больницы было удостоено диплома I-ой степени.

Ещё одним «больничным» объектом Александра Алексеевича стала детская поликлиника №2 на ул. Советской, удачно вписавшаяся в больничный комплекс с детской больницей, реконструкция здания которой в 1940-е годы была выполнена по проекту архитектора А.Э. Фридмана.

На участке рядом с областной больницей №1 по проекту А.А. Зеленова (в соавторстве с архитектором О.А. Грозевой) в 1990-е годы был возведен уникальный комплекс госпиталя инвалидов войны (сейчас – госпиталь для ветеранов войн). Сложной конфигурации больничный комплекс проектировался с учетом максимальных удобств для будущих пациентов госпиталя. В эти же годы в его «фирменном» стиле возводится здание консультативной поликлиники при областной больнице №1.

Сейчас, спустя десятилетия, осознавая вклад архитектора Зеленова в развитие системы здравоохранения области, его по праву можно считать профессионалом больничного строительства. И невольно приходят на память слова архитектора А.З. Гринберга, изменившего облик губернского Брянска в 1920-1930-е годы, убежденного в том, что «проектировка больничных учреждений требует не только таланта архитектора, но и специальных научных знаний, которые приобретаются не только из прочитанной книжки, но и путем вдумчивого, всестороннего изучения этого вопроса на практике. Тесное сотрудничество врача и архитектора является весьма важной предпосылкой успешности разрешения проблемы современного больничного строительства».

По индивидуальным проектам А.А. Зеленова в 1980-е годы строится ряд жилых и общественных зданий в Советском районе Брянска, в том числе

жилой дом с магазином «Брянские товары» на ул. Емлютина, бизнес-центр на ул. Дуки, здание общежития на ул. Горького (сегодня здесь расположен Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ) и др.

В конце 1980-х по рекомендации главного архитектора института «Брянскгражданпроект» Ю.И. Тарабрина талантливого архитектора, члена Союза архитекторов РСФСР А.А. Зеленова приглашают возглавить управление архитектуры и строительства г. Брянска. Но в должности главного архитектора города Александр Алексеевич пробыл недолго. Не по душе ему была чиновничья должность, да и времена наступили другие...

В 1992 году в условиях жесточайшего кризиса российской экономики, когда в государственных проектных организациях резко уменьшились объемы работ, а заработная плата постоянно задерживалась, проектировщики-конструкторы Евгений Полторацкий, Андрей Егоров и архитектор Александр Зеленов решили проявить себя на ниве проектного бизнеса. За плечами был многолетний опыт проектирования. Рассудили так: время не остановилось, проектировщик – ключевая фигура в строительном комплексе, круг заказчиков остался, а строить будут всегда, в любых экономических условиях. 13 ноября 1992 года получили свидетельство о регистрации проектной организации «АРКО» – одной из первых на Брянщине в новых рыночных условиях (позже её возглавил почетный строитель РФ Е.И. Полторацкий).

Работая в ООО «АРКО», Зеленов проектирует многоквартирные дома нового типа с комфортабельной планировкой квартир, со встроенно-пристроенными помещениями банков, магазинов на ул. Пролетарской и Любезного в Советском районе. Продолжает сотрудничать с «Брянскгражданпроектом», один из последних совместных проектов – жилой дом переменной этажности «Золотой шар» на пр. Ленина 28/1.

В конце 1990-х годов, в период массового строительства храмовых зданий, Зеленов проектирует в традиционном византийском стиле храм-часовню при въезде в г. Карачев, храм Вознесения Господня и Иверской иконы Божией Матери по Московскому проспекту в г. Брянске и храм иконы Божией Матери «Троеручица» в п. Белые Берега.

Творческая судьба талантливого архитектора Александра Алексеевича Зеленова, удостоенного звания Почетного архитектора России, сложилась удачно как для Брянска, так для него самого – большинство его работ реализованы строительством. На протяжении более 40 лет с неиссякаемой творческой энергией и энтузиазмом Александр Алексеевич служил благородному делу – архитектурно-строительному проектированию объектов, имеющих большую культурную и социальную значимость .

Но сложившаяся ситуация в градостроительстве Брянска в начале 2000-х годов болезненно затронула Александра Алексеевича, который всегда душой переживал за город, ставший ему родным. В одной из публикаций он писал: «*Архитектору, градостроителю, проектировщику всегда было трудно общаться с властью, потому что последнее слово всегда было за ней, но были времена, когда мнение специалиста было решающим. Профессионалу-планировщику в его деятельности отводится лишь роль консультанта-оформителя, когда основная роль принадлежит государственным структурам и финансово-строительным корпорациям, действующим в своих интересах. В лучшем случае планировщик может поправить ситуацию, в худшем случае завуалированных интересов или не очень хорошо сформулированных, что является обычным делом в градостроительной деятельности, не может и в это время так необходима общая жесткая база. Можно драться и спорить, но исходить из основ этой базы просто необходимо, а если этой базы нет...*

Что это за база – это основа, каркас, заложенный в генеральном плане города, это и нормативы, которые надо иметь и соблюдать. Практически за 20-летний период безвременья, когда рынок и хаотичная застройка наступала и продолжает наступать на города России, Брянск в этом по многим параметрам впереди. Город с каждым днем все больше и больше теряет свой облик. В результате теряются видовые точки, теряется береговой фронт Десны, исчезает облик города. А потеря пространства в городе – это практически навсегда. В большинстве стран деятельность по планировке не относится к предметам частного бизнеса, слишком велика опасность безвозвратных потерь.

Результатом деятельности градостроителя должно стать пространство города, которое удобно и эффективно, чем лучше получается пространство, тем лучше связи людей и их социальные связи. Уже давно и не мной доказано, что чем гармоничнее окружающая среда города, тем лучше и гармоничнее человек...»

В конце 2000-х годов А.А. Зеленов активно поддержал общественность города в борьбе с точечной застройкой. Благодаря принципиальной позиции архитектора, удалось защитить центр города от реконструкции нижней части бульвара Гагарина и сквера на пл. К. Маркса, отказаться от части разрушительной реконструкции мемориальной части парка им. 1000-летия Брянска.

Несколько лет назад Александр Алексеевич Зеленов с семьей уехал на родину – в Нижний Новгород. 1 октября 2019 года он ушел из жизни.

Память о себе замечательный мастер архитектуры и человек оставил не только в сердцах своих коллег и друзей, но и в зданиях, украшающих центр города, построенных по его проектам.

Литература и информационные источники

1. Городков А.В., Ильченко Е.С., Ушкалов С.В. Брянск: очерки истории архитектуры / А.В. Городков, Е.С. Ильченко, С.В. Ушкалов-изд. 3-е перераб. и доп. Брянск: АВЕРС, 2018. 100 с.
2. Городков А.В., Ильченко Е.С. Зодчие Брянска: материалы к биобиблиографиям брянских архитекторов. Брянск: АВЕРС, 2019. 280 с.
3. Мастер архитектуры// Брянский рабочий. 10 окт. с.12.
4. Личный архив А.А. Зеленова (не опубл.).

Жукова Т.Г. (р.п. Дубровка Брянской области)

ПОДВИЖНИК

(К 95-летию Владимира Петровича Парыгина
(22.01.1926–22.01.1998)

22 января – день рождения и день смерти Владимира Петровича Парыгина – известного литературоведа, поэта, издателя, литературного критика и переводчика, члена Союза журналистов и члена Союза писателей России, основателя и автора серии книг «Брянщина литературная», лауреата областной литературной премии «Серебряная лира» имени А.К. Толстого, жизнь и начало литературного творчества которого связаны с нашей дубровской землёй. В 2021 году В.П. Парыгину исполнилось 95 лет.

Родился В.П. Парыгин 22 января 1926 года в городе Свердловске, детство провёл в деревне Полдневая. Совсем мальчишкой прошёл через войну. Вот как он сам вспоминает об этом: «Родился в Свердловске. А жил в деревне, то у бабушки, то у матери. Четырнадцатилетним пошёл работать в колхоз, а в 1943 году, на восемнадцатом году от роду, был призван в армию. Полк, где я служил, участвовал в боях за Кёнигсберг, Берлин и другие города, и командование сочло нужным наградить меня медалями «За взятие Кёнигсберга» и «За взятие Берлина»...

Если война могла кого-то щадить, то она милостиво отнеслась именно ко мне. Нет, нет, она не обошла меня стороной. Мне тоже пришлось хлебнуть немало лиха. Я потерял многих своих родных и друзей, голодал, мёрз в шинели без фуфайки и в ботинках с одной портянкой на тридцати-сорокаградусном морозе. В конце войны меня в Барановичах сбило в канаву волной взорвавшегося огромного штабеля авиабомб. Поднимаясь, я увидел, как падают и подпрыгивают рядом со мною осколки величиною с добрую сковородку. Я не слышал, как они шмякаются о землю, но, увидев, стал за телеграфный столб. Меня не задели те осколки, но, возвращаясь из поднебесья

на землю, пробили обшивку плоскостей и фюзеляжей нескольких самолётов. Через месяц у меня ухудшился слух...

На войне как на войне, где бы ты ни был, были жертвы. И мы в Барановичах, откуда летали на задание, потеряли 21человека. И сегодня стоит у меня перед глазами лицо воздушного стрелка Бориса Рябова. Вот он, в шутку сказав что-то вроде: «Малолетка, становись за мной», – надел на меня второпях противогаз дневального и по тревоге убежал на аэродром... Это было вечером, а в три часа утра, когда мы, увидев зарево вдали от аэродрома, приехали туда, то сняли его, повиснувшего над горящим мотором. Он сгорел живым. Руки его были прижаты к красивому смугловатому лицу: так он закрывался от пламени.

Мне не пришлось испытать того, что испытали мои сверстники, но мне никогда не забыть, как мать подняла руку вослед уходящему поезду, да так и осталась на перроне с поднятою рукою, будто забыла её опустить. Мне не забыть погибших друзей моего детства и моих сослуживцев...

Я всегда помню ... моих старших и добрых наставников Петра Дунаева, Василия Лагутинского, Евгения Мана, Владимира Мурзина, Бориса Шапиро и многих других, учивших меня военному делу, да и грамоте тоже, первых ценителей моих стихотворных опытов...»

Тема войны, тема памяти, тема Родины позднее станут главными в творчестве поэта.

Ласкала жизнь
И больно била —
Не пожалела ничего.
С лихвой бы на троих хватило
Того,
Чем щедро одарила –
Меня за что-то одного.

Из стихотворения «Ласкала жизнь»

Когда поэт говорит о Родине, о любви к ней, – у него это не только слова. Он шёл за неё сражаться. Он готов был за неё умереть.

Тот день зарёю догорал, как вечно.
С востока медленные сумерки ползли.
И, как всегда, с волнением сердечным
Мы провожали на заданье корабли.
Темнело. И застыл на наших лицах
Один вопрос: «Что ждёт друзей в чужой дали?..»

Из стихотворения «Воспоминанье»

А сколько гордости и боли за своё героическое поколение слышится в стихотворении Владимира Парыгина «Ветераны»:

Поседели ветераны,
Поседели...
Или это пала пыль дорог?
Поредели кудри,
Поредели
Под ветрами странствий и тревог.
Стали мускулы
Не столь тугие,
Раны чаще и больней болят.
Только мы душою —
Не другие,
Всё такие ж, как тогда, в боях.
Не хотим годам своим сдаваться,
Перед веком сложным пасовать.
Всё пытаемся за дело драться,
За летящей жизнью поспевать.

Как не раз отмечали критики, поэту В. Парыгину были чужды какие бы то ни было стихотворные новации и вычурность. Верно следуя канонам классического стиха, он умел говорить с читателем просто, задушевно, доходчиво, тронув поэтической строкой его сердце. Лучшие стихи поэта о Родине, о воинском долге, о родной природе, о любви исполнены высоких гражданских чувств и сердечной теплоты.

Вот строки из стихотворения «Сынам»:
Браните нас, коль заслужили,
На то у вас свои права.
Но мы в такое время жили,
Когда утраты нас крушили,
Седела рано голова...

В каждой строке этого стихотворения чувствуется глубокая убежденность лирического героя в своей правоте перед молодым поколением, гордость за свершённое – гордость победителя, позволяющая ему спокойно и торжественно бросить, как вызов: судите нас, коль заслужили!

Владимир Парыгин был исконно русским поэтом, неразрывную связь с великой Россией, родной землёй предков, её историей он ощущал постоянно и гордился тем, что кровь от крови, плоть от плоти он русский человек, сын русского народа. В стихотворении «Да, я русский солдат» читаем:

Да, я русский солдат и об этом сказать
Не могу просто так, без волненья.
Да, простая колхозница, русская мать
Родила меня в русском селенье.
В год для Родины трудный, она малыша
Чёрной шалью своей пеленала,

В русской зыбке качая меня, не спеша,
Песни русские мне напевала.
Я подрос, всей душой полюбил русский лес,
Полный ягод и птичьего шума.
Зарождались впервые, наверно, вот здесь
В голове моей русские думы.

Владимир Петрович Парыгин так вспоминал о том, как началась его поэтическая жизнь: «Писать я начал ещё во время войны, но первые стихи опубликовал в 1956 году. Потом они печатались в Брянском, Калининском, Смоленском и других коллективных сборниках, в военных газетах, в альманахе «Поэзия», в журналах «Ранок», «Прапор», «Радуга», «Октябрь» и в других изданиях, переводились на украинский и белорусский языки».

Владимир Петрович говорит о том, что его первые стихи были опубликованы в 1956 году. Однако первое его стихотворение было напечатано в дубровской районной газете в 1954 году. Видимо, сам автор забыл об этом.

Дело в том, что после войны В. Парыгин ещё более четверти века служил в армии. В 50-е годы его служба проходила в Сещинском гарнизоне на территории Дубровского района. Именно в это время Владимир Петрович приходит в журналистику и литературу. Первые лирические стихотворения, сатирические и юмористические миниатюры печатаются в дубровской районной газете, но со временем литературно-критические статьи и рецензии В. Парыгина станут всё чаще появляться на страницах центральных газет и толстых литературных журналов. Всего им было опубликовано более двухсот материалов.

Мы с учениками изучили в Дубровском районном архиве подшивки нашей газеты, которая тогда называлась «Голос колхозника», 1954–1959 годов, нашли и прочитали все первые стихи и басни начинающего поэта Владимира Парыгина.

Приглашаем и вас вместе с нами перелистать страницы районки 1950-х годов.

В 1955 году В. Парыгин опубликовал в газете несколько своих ранних произведений: патриотическое стихотворение «Родина», лирические стихи «Утро», «Осень в родном краю» (позже это стихотворение автор публиковал под другим названием – «Бабье лето»), басни «Кошка и Кот», «Кукушка и Бобёр», сатирическую миниатюру «На тему дня». Приведем примеры из подборок.

21 июня 1955 года

На тему дня

Приступить к посеву льна
Борона была нужна,

И директор МТС
Заявил, что это есть.
Уж к концу идёт весна…
Но придёт ли борона?..

21 августа 1955 года.

Утро

На широком колхозном дворе
Отзвенели подойники на заре.
Во главе с пастухом за село,
Оббивая с травинок росу,
Стадо с рёвом и шумом прошло
И затихло, как эхо в лесу.
Над селом закричали грачи,
На реку, на луга, на поля
Пали первые солнца лучи —
Задышала, проснулась земля;
Серебром засверкала река;
Спелым тмином запахли луга…

9 октября 1955 года.

Осень в краю родном

Всюду осени картины!
Край родной! Любимый край!
Гроздья спелые рябины
Опустились за сарай,
Вся зарделася осина,
Пожелтел дубовый лист,
Хлопья липкой паутины
Лёгким ветром понеслись.
В небе, синем и высоком,
Над просторами полей,
Как «прощай» перед дорогой,
Льётся клёкот журавлей.
Я люблю любовью сына
Это небо надо мной,
Эти яркие картины,
Этот край мой, край родной!

В последующие годы публикаций В.П. Парыгина в нашей газете становилось всё больше и больше. Редакция не раз обращалась к читателям с просьбой высказать своё мнение о творчестве молодого поэта из Сещи и свои пожелания автору.

15 декабря 1956 года ведущий «Литературной страницы» предваряет подборку стихов Владимира Парыгина такими словами: «На страницах на-

шей газеты и в областной печати читатели уже встречали стихи Владимира Парыгина. В его поэзии преобладает лирика. Через большинство стихов проходит тема родного края, тема Родины. В его стихах звучат мотивы любви к человеку труда, любви к природе».

Действительно, Владимир Петрович всю жизнь восторгался красотой русской природы. Он её не только любил, он её обожествлял, называя «храмом зеленокрылым». И эту любовь к ней он выразил в стихах, понятных и взрослым, и маленьким читателям. С душевным трепетом пишет автор и о любви, светлой, чистой, целомудренной.

Как нельзя лучше иллюстрирует это подборка лирических стихов поэта, помещённая в газете «Голос колхозника» от 10 октября 1956 года.

Рябина

На дворе осенняя рябина
На костёр похожа из дали.
С днём рождения поздравить Лину
Нынче одноклассницы пришли.
И горит, горит рябина ярко
В алых, алых отблесках зари.
Скромные, но милые подарки
Линины подруги принесли.
Юность только начата у Лины,
Птицей девичьи мечты парят.
Может, оттого по осени рябина
И оделась в праздничный наряд;
Может, оттого и щёки рдеют,
Той рябины ягодам подстать,
Что любовь лицо девичье греет,
Не даёт осенней ночью спать…
Юность, юность! Здравствуй, жизни ветер!
И рябина в отблесках зари!
— Знай, бывает всё на свете,
Девушка, не ошибись, смотри!

Ожиданье

Дует ветер-озорник крылатый,
Рощи растеряли листья по полям.
Шлю тебе большой привет солдата,
Милый край отцов — любимая земля!
Золото берёз, багрец осины!
В сердце вечно буду их носить.
Там у них перед дорогой дальней
Я учился ненавидеть и любить.
Дни идут. Несут меня событья.

Вижу новые селенья, города.
Только тех далёких дней забыть я
Не сумею, видно, никогда.
И всё жду, когда опять забросит
Ветер жизни в милые края,
Где осталась в дни войны под осень
Юность деревенская моя.

В те далёкие годы районка была действенным орудием борьбы с нарушителями закона и морали, клеймила позором расхитителей, лентяев, пьяниц, тунеядцев, хулиганов, резко критиковала недостатки и просчёты в работе руководителей предприятий и хозяйств, партийных и советских работников.

Увы, нынешней местной печати об этом даже мечтать не приходится. Провинциальная журналистика давно потеряла свою актуальность, как-то незаметно для всех изменила своё предназначение. А жаль...

Так вот Владимир Парыгин очень успешно работал в газете в жанре сатиры. Он писал басни, фельетоны в очень популярных у читателей рубриках «Сатирические портреты», «Вытравляем ржавчину», «На колхозные вилы».

12 февраля 1956 года. «Борьба» за качество. «Артель «1 Мая» выпускает недоброкачественные пиджаки: одна пола короче другой, рукава пришиты криво...» (Из письма в редакцию)

Шьют такие, между прочим,
Пиджаки в артели той,
Что одна пола короче
На полчетверти другой.
Только это всё — не диво,
Диво будет впереди:
Рукава пришиты криво,
Десять складок на груди,
На две ниточки застёжки
Второпях прихвачены…
И стоит клиент с одёжкой
Очень озадаченный.
Так Маневич, пред. артели,
Борется за качество.

***

Не пора ль на самом деле
От подобной канители
Отказаться начисто?

А как актуальны сатирические портреты в исполнении Владимира Парыгина! Ну, впрямь день сегодняшний!

1 апреля 1956 года.

Деятель

В райкоме, иль в райисполкоме,
Иль в инстанции другой
На трибуне он, как дома,
Льётся речь его рекой.
Битый час он выступает,
Обязательства берёт,
Горы сдвинуть призывает,
Сдвинуть горы обещает,
Слово твёрдое даёт.
До того поёт умело,
Что понравится и вам…
Но проходят дни, а дело,
Как тот воз, и ныне там.
И опять он призывает,
Снова льёт слова рекой…
Вот ведь деятель такой
Иногда ещё бывает.

В 1956 году на страницах «Голоса колхозника» было опубликовано много творческих работ Владимира Парыгина: стихи «Солдат», «Под ясным небом», «Родная сторона», «Журавли», «Знамёна, что кровью окрашены», «Хороша ли?...», «Партии», «О человеке великом и простом», «Рождение Отечества», «Вызов», басни «Бобры и награда», «Не пора ли браться голове за ум?», «Котёнок и Кузьмич», «Корова и силос», «Гусынино созданье», «Труд любил, пока не пил, а запил – совсем забыл»...

Год 1957-й. Читатели нашей газеты ждали новых стихов и басен Владимира Парыгина. И он не разочаровал их. Из номера в номер появлялись плоды творчества молодого поэта. Стихи были разные: и по жанру, и по тематике, и по размеру, и по рифме, и по степени талантливости. Но главное – их ждали и любили читатели.

Листаем подшивку районки. «В незнакомые пути», «Утро на аэродроме», «Во имя этого...», «Ива», «Моя любовь», «Наказ», «Социализм построен», «Обыватель», «На посту», «Тебе», «Красавица», «Берёзка», «Бусы», «О стилягах», «Думы о годах», «К цели с юными идти», «Осень», «Поэту», «Шиповник», «Песня», «В пути», «Плотогоны», «К девушке», «Франтиха», «Завистник» – это далеко не полный перечень стихотворений Парыгина, напечатанных в 1957 году газетой «Голос колхозника».

В 1958 году редакция вновь пишет о своём авторе, продвигая его творчество к читателю: «Офицер Советской Армии Владимир Парыгин – молодой поэт. Его стихи проникнуты тёплой задушевной лирикой. Он пишет в разных жанрах.

Удачны его басни, отличающиеся оригинальностью, остротой сатиры». Назовём лишь несколько стихов Парыгина из нашей газеты 1958 года: «Сердце», «Больше песен о простой судьбе», «Ситцевое платьице», «Годы», «Жаворонок», «Нашим депутатам», «Стих-знамя», «Природа Родины», «Молодая сильная Россия», «Образ матери»...

В 1959 году большую популярность у читателей имели такие стихи Владимира Парыгина, как «Смерть товарища», «Мы», «Да, я русский солдат»...

Так в середине 50-х годов прошлого века начинался молодой литератор Владимир Парыгин. Начинался на нашей дубровской земле, в нашей районной газете, в нашем литературном клубе при районке. Мы помним это. И гордимся этим.

После ухода в запас в звании подполковника в 1971 году В.П. Парыгин с семьей переехал в Брянск. Он избирается председателем областного литературного объединения, в 1980-е гг. руководит советом по пропаганде художественной литературы областного общества «Знание», параллельно является сотрудником краеведческого музея, где вынашивает идею литературного музея и успешно реализует её. Увы, сегодня этого музея в Брянске больше нет. Современные литераторы не смогли его спасти и сохранить. Нет теперь таких подвижников в литературных кругах Брянщины, каким был Владимир Петрович Парыгин.

Но, видимо, главным делом жизни Парыгина стала задуманная им 6-томная серия книг о писателях, связанных с брянской землёй, – «Брянщина литературная». Для этой цели им было основано собственное издательство «Придесенье».

В 1992 году вышел первый том серии – «Из глубины веков», который составили материалы, посвящённые «Слову о полку Игореве», брянцам – участникам битвы на Куликовом поле, повести «Иное сказание» – о пребывании Лжедмитрия на Брянщине, а также писателям Ф. Кречетову, Г. Винскому, И. Брусилову.

Вторая книга – «Из противоречий сотканный талант» – была полностью посвящена Фёдору Ивановичу Тютчеву, его родословной, начиная с Московского посла к Мамаю Захария Тютчева. Здесь же дан предельно полный на тот момент обзор литературы о великом земляке брянцев. Завершает сборник раздел «Поэты разных времён – Тютчеву».

В 1994 году вышел третий том серии – «Реабилитирован посмертно», посвящённый писателям, попавшим под молот сталинских репрессий 1930–1950-х годов.

Следующая книга – «На ощупь мир правдивей...» – появилась уже после смерти Владимира Петровича, в 1999 году, стараниями Е. И. Прокофьева. В ней собраны статьи и очерки о писателях, родившихся в XX веке на Брян-

щине, но волею судеб живших или живущих в других регионах России. В числе героев этого тома – Пётр Проскурин, Дмитрий Дудко, Николай Грибачёв, Павел Лебедев, Лев Куклин.

Остались материалы к ещё двум томам «Брянщины литературной», которые ждут своего часа быть доработанными и изданными. Особенно интересен и важен библиографический словарь писателей Брянщины, к сожалению, не завершённый автором.

Оценивая масштабный литературоведческий труд В.П. Парыгина, исследователь Кирилл Семёнов отмечает: «Конечно, не всё в опубликованных книгах равноценно, не все оценки и симпатии автора претендуют на академичность, но в целом эту серию можно назвать явлением уникальным, и, думаю, книги Владимира Парыгина должны непременно иметься в библиотеках серьёзных исследователей отечественной литературы. А для краеведов других регионов они лучший пример для подражания – ведь чуть ли не любая точка на карте нашей страны связана с писателем, составившим гордость русской словесности, или с событием, увековеченным в прозе, поэзии, драматургии... Собрать это богатство – труд тяжёлый, но благодарный».

Умер В.П. Парыгин в день своего 72-летия (22 января 1998 года). Похоронили его в Брянске.

Наша землячка, кандидат филологических наук, в прошлом доцент БГУ, писатель, драматург, литературовед, литературный критик Лариса Леонидовна Семенищенкова выступила с инициативой проведения литературно-краеведческих Парыгинских чтений. Их организацией занимался Брянский краеведческий музей. К сожалению, сегодня музей отказался от этой идеи. К 90-летию Парыгина музейные работники ограничились лишь открытием тематической выставки. Почему-то в стороне остался и филологический факультет БГУ.

... Вот уже почти четверть века нет с нами Владимира Петровича Парыгина, краеведа, литературоведа, поэта, переводчика, издателя, неутомимого труженика и подвижника. Но, уйдя из жизни, он всё-таки остался с нами, так как в нашей жизни остались и продолжаются его дела.

Ильченко Е.С. (г. Брянск)

СУДЬБА ОФИЦЕРА-АРТИЛЛЕРИСТА С.И. ГЕТМАНСКОГО

Передо мной фронтовые письма моего папы – Семена Израилевича Гетманского, офицера артиллериста, защитника Ленинграда, прошедшего дорогами войны «от звонка до звонка». Сохранилось шесть писем – пожелтевшая бумага, написаны чернилами и карандашом, со штампами военной цензуры, полные любви и тревоги за родных – маму и сестренок. Все они с Ленинградского фронта. Последнее из сохранившихся писем датировано 28 января 1944 года. Впереди были ещё почти полтора года крови, пота, физических и нравственных страданий... Папы нет с нами уже 37 лет и этот рассказ о нем – дань памяти мужественному, порядочному и ответственному человеку, преданному родной земле, профессии (как военной так и мирной) и, конечно, семье.

Сын и брат. Семен Гетманский родился в 1918 году в семье столяра-краснодеревщика Израиля Соломоновича Гетманского и сельской учительницы Евгении Львовны Хайкиной. Израиль Гетманский участвовал в Первой мировой войне, дослужился до звания унтер-офицера, побывал в плену. Евгения Хайкина закончила в Клинцах гимназию, что давало ей право работать учительницей. Семен – второй ребенок в семье. Три сестренки, которых он ласково называл «детки-сестрички» обожали своего единственного братика. Семья сначала жила в селе Жудилово (сейчас – Унечский район Брянской области), а затем переехала в Клинцы (районный центр Брянской области). Жили на Солодовке («деревня в городе») в своем в доме, рядом лес (любовь к лесу осталась на всю жизнь), речушка – простор для детворы. Все изменилось со смертью отца в голодном 1933 году. Чтобы помочь матери, Семен пошел работать на завод им. Калинина слесарем-инструментальщиком-лекальщиком. «Не хватало роста» – подставляли ящик, чтобы дотянуться до слесарных тисков. Теперь он был «глава» семьи, сестры беспрекословно подчинялись брату. С раннего детства отец воспитал в детях почитание матери («мамочка, мамуля» – так обращался сын к ней в своих фронтовых письмах). Работая на заводе, Семен учился в вечерней школе (на рабфаке – так ее тогда называли), а поздним вечером приходил в спортзал.

В 30-е годы прошлого века в Клинцах были популярны так называемые Мюллеровские кружки – спортивные секции общего физического воспитания молодежи. Физически крепкий, энергичный Семен Гетманский активно занимался и верховой ездой, и французской борьбой, и лыжами, и легкой атлетикой, поднимал штангу, фехтовал на эспадронах (штыках), прыгал с вышки в воду. Но самым любимым видом спорта была спортивная гимнастика. А ведь все это, ох, как пригодилось в жизни! Одним из первых в Клинцах сдал норматив на значок ГТО 1-ой степени (это было очень почетно!). В норматив входил прыжок с парашютом с крыла легкого самолета. А еще Сеня (так его называли друзья) очень любил читать, с раннего детства – влияние мамы. Особенно зачитывался романами Фенимора Купера. Романтизм, и в то же время раннее взросление, трезвое и ответственное отношение к жизни, к любому делу – таким был Семен Гетманский в пору юности.

После окончания рабфака в 1934 году Семен поступил в Смоленский техникум физкультуры, в 1937-м, получив диплом, пришел на работу в Клинцовский текстильный техникум преподавателем по спортивной гимнастике. В этом же году стал чемпионом страны по спортивной гимнастике среди предприятий текстильной промышленности по 1-му спортивному разряду.

В марте 1938 года Семен Гетманский был призван в ряды Красной Армии. Попал он в воинскую часть при Одесском артиллерийском училище. Занимался, как всегда, спортом. Случай помог стать курсантом. В училище приехал нарком обороны СССР Климент Ефремович Ворошилов. Перед наркомом выступили лучшие спортсмены училища, как курсанты, так и красноармейцы. Несколько спортсменов, в том числе и красноармеец Гетманский, понравились Ворошилову и по его распоряжению были зачислены курсантами в Одесское артиллерийское училище.

Одесское артиллерийское училище в те годы было одним из лучших военных вузов, так как сохранило традиции Кадетского корпуса начала XX века (основано в 1913 году). Здесь даже танцы преподавали. Так военная служба стала судьбой Семена Израилевича Гетманского, а Одесса – любимым городом, куда он не раз возвращался после войны. Здесь было много друзей, с которыми не только учился, но и занимался спортом. В годы учебы в училище Семен Гетманский организовал акробатическую группу из курсантов, которая по вечерам в свободное время выступала в Одесском цирке. Руководство училища дало на это разрешение, так как курсант Гетманский был не только отличник «боевой и политической подготовки», но отлично успевал и по специальным предметам.

В годы учебы в звании сержанта Семен Гетманский участвовал в боевых действиях по освобождению Бессарабии и в Финской военной компании (был награжден медалью «За боевые заслуги»), командуя орудийным рас-

четом. В 1940 году курсант Гетманский стал победителем соревнований по спортивной гимнастике среди вузов Красной армии, чемпионом Одесской области по штанге в легком весе. После окончания артиллерийского училища он был оставлен преподавать артиллерийскую стрельбу, да и спортивные достижения открывали для него дорогу в большой спорт. Но... наступило 22 июня 1941 года – Великая Отечественная война, изменившая жизнь страны, мира, каждого человека.

«А война была четыре года, долгая была война». Эти строки поэта Бориса Слуцкого переплелись с судьбой Семена Израилевича Гетманского. Уже в июле 1941 года старший лейтенант Гетманский направлен на Ленинградский фронт и назначен командиром артиллерийской батареи гаубичного артиллерийского полка дальнобойных гаубиц. Все годы ленинградской блокады он был на передовой. Армия испытывала лишения не меньшие, чем мирные жители блокадного Ленинграда. Нередко ели хлеб с опилками, пили воду из луж... А однажды приехав в Ленинград с передовой, шел по улице и вдруг увидел, как огромная стая крыс переходит через трамвайные пути – трамвай сошел с рельсов. С тех пор он – человек мужественный, испытывал не то чтобы страх, а омерзение по отношению к мышам и крысам.

Капитан Гетманский участвовал в боях на Невском плацдарме (Невская Дубровка, Всеволожский район Ленинграда) по прорыву Ленинградской блокады. Невская Дубровка стала символом Невского пятачка – места героического подвига советских воинов в Великой Отечественной войне, наравне с защитниками Брестской крепости и Севастополя. Здесь шли бои наивысшей напряженности, оказавшие свое влияние на ход истории.

Помню, что папа хорошо отзывался о маршале Советского Союза Говорове и его роли в прорыве Ленинградской блокады. А в 1970-е, прочитав мемуары генерал-лейтенанта Б.В Бычевского «Маршал Говоров» и «Город-фронт», снова пережил страшные дни боев на Невском пятачке…

...На «Невском пятачке» – все круги ада –
Держались люди, не выдерживал металл,
Блокаду прорывая Ленинграда,
Кто смертью храбрых лёг, кто без вести пропал.

Е. Кушелева. Невский пятачок

Весной 1943 года Гетманский командовал артиллерийским дивизионом в составе 80 Тяжелой Гаубичной Артиллерийской Бригады Разрушения. В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (Артиллерийский музей) в Санкт-Петербурге хранятся гаубицы этой бригады. В эти дни капитан писал с фронта своим родным:

«25.04.43 года, 14.00: *...я, мои дорогие, уезжаю на фронт ровно в 16.00. Моя мамуля и дорогие детки-сестрички, вы не беспокойтесь обо мне, я буду*

жив, здоров (ибо я очень хочу жить, хотя бы лишь только для того, чтобы увидеть вас), а поэтому я буду здравствовать и посылать тяжелые снаряды моей системы на головы изуверов человечества, чтобы скорее его (их) разгромить. Мои дорогие, в часть я попал очень хорошую (орудия большой мощности 203 мм и 280 мм калибра). Так что, мои дорогие, командовать я буду подразделением очень хорошим (без сомнения подразделение ответственное). Свое артиллерийское дело надо знать крепко очень. Ибо, мои дорогие мамуля и детки, с этих орудий бьют по даже невидимому противнику, т.е. на большое расстояние...»

На Ленинградском фронте капитан Гетманский был несколько раз ранен, одно из ранений в ногу было очень тяжелым. Началась гангрена, и только опыт врачей и медсестер помог избежать ампутации – с гангреной боролись народным методом – в рану зашивали печеный лук...

В сентябре 1943 года, услышав об освобождении Брянщины, он писал своим близким: «*20 сентября 1943 г. ...Успехи нашей дорогой Красной армии – это неслыханная доныне, нам еще и по истории неизвестная героика. Самсоновские богатыри и даже превосходящие его. «Самсун гагибер» разорвал пасть льва, а наш народ разорвал пропитанную извергом ядом пасть змеи!*

Мои дорогие, я сейчас читаю, что творили изверги человечества в ныне освобожденных Брянске, ...Людиново и во всех освобожденных нашей Красной армией – славной армией, городах. У меня мурашки пробегают по телу. А ведь я, мои дорогие, «немножко» в жизни видел! Ох, как это описать, мои дорогие! Как мать с детьми идет из лесу в освобожденный город, где она столько томилась и пережила столько горестей, будучи в кабале, спряталась в лесу, чтобы изверги ее не угнали в пакостную неметчину и вдруг – о счастье! К ней идет ее муж, отец детей и они бросаются в объятья! Ох, мамулик, сестрички, как мы еще заживем! Дорогие, пишите мне почаще обо всем подробно, это мой воздух, это мое питание... Ваш сын и брат Семен. Целую! Целую! Целую!».

Судьба семьи Гетманских сложилась во время войны трагически. Евгения Львовна с тремя дочерьми была эвакуирована в г. Новосибирск, куда еще до войны перебрался ее брат. Ее очень пожилые родители остались в Клинцах – не захотели уезжать. Здесь их зверски убили фашисты. Её отец, когда-то служивший городским судьей, был распят фашистами на воротах своего дома, а маму застрелили при попытке приблизиться к нему...

В эшелон, в котором ехала семья, попала бомба. В сутолоке на какой-то станции потерялась одна из дочерей – Фанечка, была ранена в ногу, только несколько месяцев спустя она добралась до Новосибирска. Потеря дочери тяжело сказалась на здоровье матери. В декабре 1943 года, ровно через 10 лет после смерти мужа, Евгения Львовна ушла из жизни.

Узнав о смерти любимой матери, Семен Гетманский писал сестрам с фронта: «28.01.44 г. *Мои дорогие, …я приеду после войны, уж близится ее конец, и увижу могилку нашей мамуленьки… за смерть нашей мамочки я дам 4-ре залпа из своих двенадцати орудий и еще один залп из четырех орудий...*

Я сижу за столом и пишу вам письмо в деревне, которая только пять минут тому назад освобождена от немцев. Комната еще недавно, по-видимому, топилась – даже жар в печи. Но сволочь немец мирных жителей угоняет с собой и поджигает деревни. Немец удирает и очень быстро, но все равно наши войска его нагоняют и истребляют немилосердно. Можете быть уверены, мои дорогие, что и мои тяжелые снаряды ложатся на его головы и материальная часть точно наносит большие потери. Сейчас это моя стихия и отрада! Только в этом я сейчас нахожу удовлетворение! Ибо, мои дорогие, очень хочу вас видеть!..».

После прорыва Ленинградской блокады капитан Гетманский воевал на 1-м и 2-м Белорусском фронтах, командовал артдивизионом. Освобождал города Прибалтики, брал Кенигсберг, штурмовал Варшаву, освобождал другие польские города. В его дивизионе служили солдаты и офицеры разных национальностей, всех связывала крепкая боевая дружба.

Смотрю на фронтовые фотографии отца – решительные, красивые молодые лица. Папа в черной каракулевой папахе, молодцеватый – победитель!

Помню такой случай. В семидесятые годы к нам в гости приехал из Белоруссии бывший папин связист. Крестьянин, умнющий мужик, привез «гостинцы» – мед, яблоки. Рассказывал, как однажды уже в Германии весной подарил своему командиру цветущее вишневое деревце. Держались за свою часть, боясь от нее отстать, поэтому сбегали из госпиталя. Так и с ним получилось, что с годами сказалось на здоровье, а справки о ранении нет. Вот и приехал к командиру за подтверждением. Конечно, папа ему помог.

Войну Гвардии майор Гетманский закончил в Берлине, участвовал в штурме Рейхстага и расписался на одной из его стен своей кровью...

С июня 1945 по сентябрь 1947 Гетманский – командир артдивизиона, затем начальник штаба полка группы Советских оккупационных войск в Германии.

Во время войны офицер-артиллерист Семен Гетманский был награжден семью боевыми орденами – Красного Знамени, Александра Невского, Богдана Хмельницкого, Отечественной войны I степени, Красной звезды; боевыми медалями – «За оборону Ленинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За боевые заслуги». После войны Семену Израилевичу вручали ордена Красного знамени, Красной звезды (за выслугу – 30 календарных лет в вооружённых силах) и восемь юбилейных медалей как участнику

Великой Отечественной войны, в том числе знак «Ветерану Невской Дубровки 1941–1943 гг.».

Уже когда папы не стало, мой брат рассказал мне услышанную от него историю одного ордена, полученного в самом конце войны – ордена Красного Знамени.

«Берлин. Конец апреля 1945 года. Через неделю с небольшим будет взят рейхстаг, а еще через неделю – полная капитуляция Германии. Но в последние дни своего существования остатки частей вермахта, эсесовские подразделения оказывали ожесточенное сопротивление Советской армии на улицах Берлина. Одним из последних оплотов немецко-фашистских войск стал Силезский вокзал. Туда были стянуты самые преданные немецкие части, остатки бронетехники. Фашисты не собирались сдаваться.

И вот в штабе артиллерийского полка появляется молодой майор-командир тяжелого гаубичного дивизиона, боевые ордена и нашивки ранений свидетельствуют о его богатом боевом опыте.

– Майор Гетманский, – обращается к нему командир артиллерийского полка, – Вам предстоит боевая задача: уничтожить противника, укрепившегося на Силезском вокзале. Сложность заключается в том, что вокруг находятся жилые кварталы, кроме этого, недалеко от вокзала закрепились некоторые наши подразделения, поэтому удар должен быть точечным. Не мне вас учить, майор, воюете с первых дней и в финскую компанию участвовали, да и школа у вас отличная – Одесское артиллерийское училище.

– Задачу понял, – отчеканил майор. Молча обменялись взглядами. Оба понимали ответственность и опасность предстоящей операции. В данных условиях было ясно, что надо сформировать группу, которая должна будет пробраться в укрепление немцев и, сообщая точные координаты, вызвать огонь на себя. Такая практика не раз применялась в годы Великой Отечественной войны.

Майор вызвал двух разведчиков и радиста, группу решил возглавить лично – считал, что ему именно так необходимо поступить. В конце войны никому умирать не хочется, но кадровых офицеров об этом не спрашивают... Два часа на сборы и двинулись к цели. Оставили прощальные письма, на всякий случай. Выступили с вечера, чтобы на рассвете быть на месте.

На подходах к Силезскому вокзалу были рассредоточены снайперы, автоматчики, которые затаились в окнах окрестных домов и периодически запускали осветительные ракеты. Вот одна такая ракета обнаружила группу майора, когда она двигалась через мост, который нельзя было обойти. Завязалась перестрелка. В результате один разведчик погиб, сам майор легко ранен, пуля прошла навылет. Добежали до укрытия, наскоро сделали перевязку, потуже затянулся ремнем. Надо двигаться вперед – к цели.

Теперь их осталось трое – погиб боевой товарищ.

– Когда выполним задание, вернемся и похороним, как подобает победителям, а не выполнить задание мы можем, только если погибнем все.

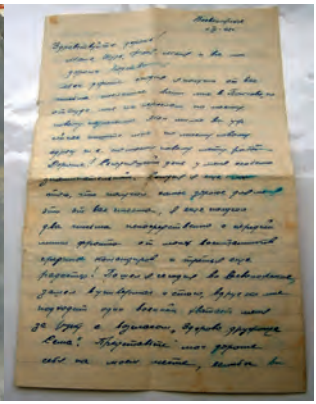
На пути к цели их еще несколько раз обстреливали, но им удалось пройти заслоны. К вокзалу подходили со стороны железнодорожной ветки под прикрытием разбитых и покореженных вагонов. И вот они у цели – перед ними стена Силезского вокзала с противоположной стороны от расположения их части. С ловкостью бывшего гимнаста, а он был хорошим гимнастом, майор по уступам взбирается до высоко расположенного окна, осторожно заглядывает в него. Он увидел большой зал, перед окнами с внутренней стороны стояли пушки, стволы которых были выдвинуты наружу. В окнах балконов галереи установлены крупнокалиберные пулеметы. По залу двигаются вооруженные немцы в форме вермахта, некоторые в эсесовской форме. В углу зала расположилась обширная группа этих вояк, явно в нетрезвом состоянии. Это видно по их возбужденным движениям, разбросанным вокруг них бутылкам из-под шнапса.

«Вот уж действительно «пир во время чумы», – подумал майор. Во всяком случае, видно, что им терять нечего, это бешеные звери, которые не остановятся ни перед чем. Он спрыгнул вниз. Местом дислокации выбрал рядом стоящую полуразрушенную котельную. Взобрались на крышу по пожарной лестнице, расположились за трубой. С крыши котельной они увидели танки, стоящие в боевой готовности сбоку от вокзала – это были пресловутые немецкие «тигры».

Рассвело. И вот уже радист передает в центр точные координаты расположения бронетехники и скопления живой силы противника. Пауза... Наконец ответ: «Центр информацию принял... Благодарю за службу! Держитесь!». И через двадцать минут началась артиллерийская канонада – это тяжелые гаубицы посылали свои прицельные послания в фашистское логово. Это была привычная музыка для майора и его подчиненных. Присели на корточки, крепко обнялись, и, не замечая ручейки собственной крови (все трое получили осколочные ранения), вслушивались в симфонию канонады, которая продолжалась около часа. Наконец, громогласное «У-рр-а!» матушки-пехоты, которая уже бежала, сметая обезумевших немцев на своем пути. А заключительный аккорд – смелый и ловкий русский солдат молниеносно взбирается на крышу Силезского вокзала и водружает над его куполом символ победы – Красное знамя».

За выполнение боевого задания по уничтожению укрепления немецко-фашистских войск на Силезском вокзале гвардии майор Гетманский был награжден Орденом Красного Знамени, радист и два разведчика, один из них посмертно, награждены Орденами Отечественной войны I степени.

г. Клинцы. Семен Гетманский с мамой и сестрами.



Письмо с Ленинградского фронта. Всеволожское. 1.04.1942 г.

Курсант Одесского артиллерийского училища.1939 г.

Старший лейтенант Гетманский. Ленинградский фронт.1942 г.

Осень 1943 г. Ленинградский фронт. Капитан Семен Гетманский с однополчанами.

Майор Гетманский в Берлине. Май 1945 г.

Гвардии полковник С.И. Гетманский. Последняя фотография.

Знак «Ветерану Невской Дубровки.1941–1943 г.

В той операции майору Гетманскому осколки попали даже в мягкие ткани сердца, удалить их не решались, врачи боялись, что они двинутся дальше, в сердце. И он до конца жизни удивлял своих близких рентгеновским снимком, где видны были кусочки металла в его сердце.

ВЫЖИЛ! Послевоенная жизнь сложилась как бы из двух частей: 1945–1958 годы отданы армии, 1959–1985 годы посвящены, как сейчас говорят, проекту «Брянская областная специализированная детско-юношеская школа Олимпийского резерва по спортивной гимнастике».

Но вернемся в 1945 год. Закончилась кровопролитная война. Наконец, командование дало майору Гетманскому отпуск. Через разрушенную Европу, через разрушенные и обедневшие города Советского Союза он едет к своим сестричкам в Новосибирск. Сестра Шура вышла замуж, у нее уже двое сыновей, замужем и Фаина, Манечка – невеста. Вот и начали наперебой знакомить сестрички своего брата-героя с подругами. Так познакомились наши будущие родители – Людмила Михайловна Фугенфирова – красавица, студентка медицинского института, и Семен Израилевич Гетманский – фронтовик, орденоносец. Это была любовь с первого взгляда. 1 декабря 1945 года они расписались, сыграли свадьбу, а в январе 1946 уже прибыли в Германию.

В судьбе наших родителей до войны было много общего, сложное детство, раннее взросление, сила характера, ответственность и порядочность во всем. Мама моложе папы на 8 лет. Ей было всего 19 лет, когда она разделила с мужем кочевую жизнь офицерской жены. Вместе родители прожили почти 40 лет, воспитав двоих детей.

В 1947 году майор Гетманский получил свое новое назначение – начальником физической подготовки соединения Московского военного округа в г. Клинцы. И хотя это было понижение, но он попал на родину – в свой любимый город детства и юности. Приехали сюда уже втроем – с дочерью Евгенией.

В 1950 году майор Гетманский с семьей направлен в особый Дальневосточный военный округ на остров Сахалин на должность командира отдельного артиллерийского дивизиона. Суровая природа, тяжелый климат (недаром служба на Сахалине засчитывалась как год за полтора) – очередное испытание для человека, прошедшего фронт «от звонка до звонка», давали знать о себе полученные на войне раны (всего ранений было 7). Да и жена с дочерью не отличались богатырским здоровьем. Но Семен Гетманский не представлял себя без армии.

Прирожденный воспитатель молодежи майор Гетманский был не просто командиром воинской части, но и, как говорят, «отцом-командиром». В 1950-е годы в армию призывались дети войны, в большинстве неграмотные, запуганные, в основном из села, из оккупированных фашистами во вре-

мя войны районов. Через 3 года службы домой возвращались грамотные, молодцеватые юноши, освоившие военные профессии. Слова благодарности этих мальчишек были лучшей наградой майору Гетманскому. Но было и немало ЧП. Все пропускал через сердце. На службу уходил к 6 утра, а приходил после отбоя в казармах. Дочь в основном видел спящей. Были, конечно, и праздники – походы в кино в Дом офицеров, выезды в лес, на сопки по грибы или на берег морского залива Терпения (Охотское море).

В феврале 1955 года командование дало небольшую передышку – Высшие артиллерийские курсы командиров полков, слушателем которых стал майор Гетманский. Курсы находились в Приморском крае в г. Ворошилове (под Владивостоком). Здесь и Людмила Михайловна закончила заочно учительский институт (так и не удалось окончить медицинский институт — кочевая жизнь не позволила). Предполагалось, что после окончания курсов майор будет направлен служить на «материк» командиром одного из полков. Но сложилось иначе. Началось хрущевское сокращение армии. И опять Сахалин. В 1957 году в семье Гетманских родился долгожданный сын Михаил. После долгих настойчивых рапортов командира артиллерийского полка подполковника Гетманского пришел приказ об увольнении его в запас из рядов Советской Армии по состоянию здоровья и выслуге лет.

«Новый проект». Семену Израилевичу всего 40 лет. Позади военная карьера. Где жить? Чем заняться? «Осели» в Брянске, хотя Министерством обороны предлагались и другие города – Ленинград, Воронеж, Орел. Прожив долгие годы вдали от родных мест, хотелось быть ближе к родственникам, да и климат подходящий. Наконец, была благоустроенная квартира, а не временные жилища барачного типа.

В 1961 году родилась идея создания детской школы спортивной гимнастики. Человек военный, Семен Гетманский умел доводить свои задумки до конца. Основная идея заключалась в том, чтобы тысячи детей «забрать с улицы и сделать их классными спортсменами-гимнастами». Этому благородному и нелегкому делу фронтовик, полковник в отставке (звание получил уже на гражданке), Семен Израилевич Гетманский посвятил 24 года. Не забывал приобщить к гимнастике сына и внука Леонида. Спортивная подготовка и им помогала в жизни.

22 мая 1985 года Семен Израилевич Гетманский ушел из жизни.

Спортивный комплекс специализированной детско-юношеской школы Олимпийского резерва по спортивной гимнастике в центре Брянска можно считать авторским проектом ее директора. Причем не только в части идеологии, но и здания проектировались и строились по его эскизам.

Немало здоровья и души вложил Семен Гетманский в свое детище, ставшее делом жизни во «второй части» его послевоенного времени.

Уже много лет поздней осенью руководство школы и федерация спортивной гимнастики проводят соревнования по спортивной гимнастике в память основателя и директора школы Семена Израилевича Гетманского – «Кубок Семена Гетманского».

Литература и нформационные источники

1. Семейный архив Ильченко Е. С. Фронтовые письма С. И. Гетманского: Всеволожское. 1.IV–42 г.; от 25.04.43 года.14.00; от 20 сентября 1943 г.; от 29.06.43 г. 2.00 утра; от 15.11.43 г. 2.00 утра; от 28.11.44 г. (не опубл.).

2. Историческая справка по боям в Невской Дубровке. Военно-историческая справка. Район Невской Дубровки в период 1941–1944 гг. / составитель Кунтарев В.В., председатель постоянной Ленинградской комиссии поиска и увековечения памяти воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны при Комитете ветеранов войны и военной службы-однополчан. СПб.: 29.04.2015. С. 1.

Кондратенко А. И. (г. Орел)

БРЯНСКАЯ ВОЕННАЯ КИНОХРОНИКА

В 1941–1943 годы на Брянском фронте действовала самостоятельная киногруппа, снявшая множество документальных сюжетов. Апогеем работы небольшого творческого коллектива режиссёров и операторов стал, конечно же, фильм «Орловская битва» о военных событиях июля-августа 1943 года. Современному зрителю и читателю будет небезынтересно знать, что фронтовые операторы работали не только в районе Орла, Курска и Белгорода. Немало съёмок было проведено в партизанском краю, во время боёв за освобождение Карачева, Брянска и других городов будущей Брянской области. Здесь же погибли (пропали без вести) несколько кинодокументалистов.

Так, в осенних боях 1941 года под Брянском попали в окружение оператор кинохроники А.М. Шафран и ассистент оператора Н.С. Николаевич-Курьяк. Шафрану удалось выбраться из окружения. Судьба Николаевича-Курьяка осталась неизвестна. В числе без вести пропавших оказался и ассистент оператора К.Н. Саламаха [4]. В некоторых источниках высказывалось ничем не подтверждённое предположение, что он ушёл к немцам.

Ценой потерь и отступлений приобретался новый опыт кинодокументалистики. После успеха фильма «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» наступил перелом в работе советских фронтовых кинооператоров. Получив мировое признание, они стали работать более уверенно. На

Брянском фронте в январе-феврале 1942 года формируется собственная киногруппа. Её ключевая фигура – Рафаил Борисович Гиков (1905–1946). Он родился в Харькове, окончил операторский факультет института кинематографии и филологический факультет МГУ. Работал на студии документальных фильмов сначала оператором, затем режиссёром. На фронт ушёл в июле 1941 года был режиссёром «Союзкиножурналов» в конце 1941-го. В 1941–1943 годы на Брянском фронте действовала самостоятельная киногруппа, снявшая множество документальных сюжетов. Апогеем работы небольшого творческого коллектива режиссёров и операторов стал, конечно же, фильм «Орловская битва» о военных событиях июля-августа 1943 года. Современному зрителю и читателю будет небезынтересно знать, что фронтовые операторы работали не только в районе Орла, Курска и Белгорода. Немало съёмок было проведено в партизанском краю, во время боёв за освобождение Карачева, Брянска и других городов будущей Брянской области. Здесь же погибли (пропали без вести) несколько кинодокументалистов.

В представлении к ордену Красной Звезды подчёркивалось: «Начальник киногруппы Брянского фронта режиссёр-оператор т. Гиков Р. Б. является организатором-создателем киногруппы Брянского фронта. Путём личного подбора и повседневной работы с операторами он воспитал боевой фронтовой коллектив, считающийся одной из лучших фронтовых киногрупп. Сочетая работу начальника со своей работой по специальности режиссёра-оператора, т. Гиков лично проводит наиболее ответственные съёмки боевых операций и своей смелой и самоотверженной работой поднимает весь коллектив на выполнение поставленных перед ним задач. Не ограничиваясь своевременной съёмкой событий и отправкой их для показа на союзном и заграничном экранах, тов. Гиков добился выпуска специальных журналов для Брянского фронта. В настоящее время тов. Гиков начинает работу над созданием полнометражного фильма о Брянском фронте» [9].

В январе 1942 года в состав киногруппы Брянского фронта вошёл ассистент оператора Ф.А. Леонтович, в феврале – ассистент оператора М.М. Прудников и оператор И.Н. Вейнерович (за два последующих месяца он снял «ряд замечательных сюжетов, вошедших с высокой оценкой в «Союзкиножурнал» [10]).

В 1942 году четверо студентов-выпускников операторского факультета ВГИКа написали письмо ректору с просьбой отправить их на фронт и защищать диплом там. Просьба была удовлетворена: 22 мая 1942 года Комитет по делам кинематографии при СНК СССР принял решение о направлении из Алма-Аты, где находился в эвакуации ВГИК, на преддипломную практику студентов Ю. Монгловского и И. Гутмана – на Брянский фронт (другие студенты были направлены на другие фронты). Тогда же был утверждён расши-

ренный состав киногруппы Брянского фронта: Р.Б. Гиков, И.Н. Вайнерович, А.В. Солодков, М.М. Прудников, И. Таги-Заде, Ф. Леонтович [4].

1942 год в советской кинодокументалистике был отмечен крупным проектом – фильмом «День войны». Та же концепция (масштабность, работа множества операторов и режиссёров на большом пространстве) была положена в основу вышедшего на экраны в 1943 году фильма «Народные мстители». Вот как писал о создании фильма «Народные мстители» один из современников – историк кино: «В Карелию, Ленинградскую и Калининскую области, в Беловежскую пущу и в Брянские леса, в степи Украины, в плавни Кубани и в горы Крыма был переброшен отряд операторов в составе: Н. Быкова, В. Муромцева, С. Школьникова, И. Вейнеровича, М. Глидера, Б. Дементьева, Г. Донца, Л. Изаксона, А. Каирова, Б. Макасеева, М. Суховой, Б. Эберга, Н. Местечкина вместе с режиссёром будущего фильма В. Беляевым. Вместе с партизанскими отрядами участвовали они в боях с немецкими оккупантами и в то же время день за днем, час за часом фиксировали на плёнку незабываемые кадры партизанской борьбы и быта. Всего ими было заснято в тылу врага свыше двадцати тысяч метров плёнки, из которой был создан выдающийся фильм» [6].

Как были организованы съёмки на оккупированной территории, в партизанском крае? В докладной записке Орловского обкома партии в ЦК ВКП(б) и Центральный штаб партизанского движения об организации руководства партизанским движением в Брянских лесах от 17 июня 1942 года отмечалось: «До 20 апреля не было объединённого штаба по руководству партизанским движением группы этих районов Орловской области (группа в составе Навлинского, Выгоничского, Трубчевского, Брасовского, Комаричского, Суземского, Севского, Погарского и Почепского районов. – А.К.), а руководство осуществлялось одним товарищем Емлютиным. Орловский обком ВКП(б), Военный Совет Брянского фронта и областное управление НКВД 19–20 апреля сего года направили в эту группу районов (с самолёта были сброшены на парашютах) группу товарищей в составе Алёшинского Н.А. – работника обкома ВКП(б), товарищей Малкова М.И., Калинина И.А. – представителей Военного Совета фронта, товарища Забельского – представителя Управления НКВД, товарища Вейнеровича И. – кинооператора и радистку с рацией. Эта группа товарищей провела большую работу по объединению партизанских отрядов и руководству ими по активизации борьбы с врагом. Представителями обкома ВКП(б), Военного Совета Брянского фронта и УНКВД 23 апреля был создан объединённый штаб по руководству партизанскими отрядами, находящимися в этой группе районов Орловской области» [5].

Сохранились воспоминания И. Н. Вайнеровича: «Рывок раскрывшегося парашюта, и после долгого шума мотора и свиста ветра как-то необычайно

остро воспринимается тишина. Движения не ощущаю, кажется, повис в воздухе над тёмной бездной. Проверил, всё ли при мне. Всё на месте. Остается только хорошо приземлиться. Меня явно несло на лес, он чернел внизу. Вот уже различаются верхушки деревьев, отдельные небольшие поляны. Подтягиваю стропы, стараюсь попасть между деревьями. Поздно. С размаха ударяюсь о верхушку дерева. Парашют повисает на сучьях. В тёмном небе, ожидая моего сигнала, плавно кружит самолет. Снимаю перчатки и карманным электрическим фонарём подаю условный сигнал. Лётчик сбрасывает мешок с продуктами и запасом пленки. Самолёт уходит в ночь. Я – в тылу врага».

Вейнерович снял не только эпизоды партизанской борьбы с врагом, но и эпизоды быта народных мстителей, важные моменты повседневной жизни. Так, 1 мая 1942 года в деревне Чернь состоялись парад партизан и демонстрация жителей. Перед трибуной проходили вооружённые бойцы, одетые в телогрейки и шинели, полушубки и крестьянские зипуны, мужчины, женщины, подростки – в валенках и лаптях. Это шествие было заснято на плёнку Вейнеровичем и показано потом в документальной хронике в кинотеатрах Советского Союза.

1 июля 1942 года Вейнерович писал в докладной записке: «Трудно переоценить значение помощи боеприпасами, которую оказало партизанским отрядам командование фронтом... Ежедневно на партизанском аэродроме приземлялись громадные «Дугласы», доставляющие необходимое вооружение, в том числе противотанковые ружья и миномёты. Сам факт регулярной связи с «Большой землей» сыграл огромное значение в подъеме боеспособности отрядов» [2]. Не только снятые кинокадры, но и меткие наблюдения кинооператора вызвали интерес на Большой земле. Направляя 6 июля 1942 года этот документ начальнику Центрального штаба при ставке Верховного главнокомандования П.К. Пономаренко, начальник штаба партизанского движения при военном Совете Брянского фронта А.П. Матвеев писал: «Направляю Вам докладную записку кинооператора тов. Вейнеровича И.Н., пробывшего в партизанских отрядах Орловской области 70 дней по нашему заданию. Тов. Вейнерович, кроме этих документов, имеет много снятых фотоматериалов, требующих обработки и записей для печати» [1].

Командировка Вейнеровича в тыл врага получила самую высокую оценку. Начальник политуправления Брянского фронта дивизионный комиссар А.П. Пигурнов 9 июля 1942 года отмечал в наградном листе: «С апреля работает в партизанских отрядах, действующих в тылу противника. Им проведена большая работа по киносъёмкам, которая заслуживает высокой оценки. По отзывам, полученным из Москвы, «съёмки, проведённые тов. Вейнеровичем в партизанских отрядах, являются лучшими из всех, что снято с начала войны». Тов. Вейнерович, работая в киногруппе Брянского фронта, показал

себя смелым и стойким коммунистом, настоящим боевым советским киножурналистом, кинооператором» [10].

1 сентября 1942 года Вейнерович в числе большой группы партизан был награждён орденом Красного Знамени [4]. Спустя два месяца вместе с А.П.Матвеевым он снова полетел к партизанам, и вскоре в кинохронике страна увидела снятые им кадры празднования 7 ноября 1942 года на временно оккупированной территории Орловской области.

19 марта 1943 года Совет народных комиссаров принял постановление о присуждении Сталинских премий – в частности, И.Н. Вейнеровичу за документальные съёмки для «Союзкиножурнала» в 1942 году [4].

Снятые им кадры стали одними из основных в фильме «Народные мстители». Кинолента, вышедшая на экраны летом 1943 года, получила самый широкий отклик в прессе тех дней. О ней писали газеты «Известия», «Комсомольская правда», «Литература и искусство».

«Фильм «Народные мстители» наполняет сердце зрителя чувством гордости за советских людей, борющихся по ту сторону фронта против немецких разбойников. Фильм сопровождается хорошим дикторским текстом, автором которого является режиссёр Беляев. Музыка композитора Д. Астраданцева местами достигает высокого трагического звучания, в частности, хорошо оттеняет кадры, рисующие народное горе. «Народные мстители» – волнующая киноповесть о героях, мстящих за поруганную родную землю» (Известия, 1943, 18 авг.).

«Только крепкие духом люди, беззаветно преданные Родине, знающие цену счастья мирного труда, могут стать на этот тяжёлый и благородный путь. Таковы партизаны и партизанки, чьи боевые будни мы видим в новом документальном фильме «Народные мстители». Работа кинооператоров, снимавших этот фильм, вызывает искреннее восхищение. Картина переносит зрителя за линию фронта, в дремучие леса, в овраги; на шоссейные и просёлочные дороги – туда, где, бодрствуя днём и ночью, подстерегают врага отважные партизаны. Быт партизан – это борьба. Риск и отвага – их стихия.

Создание первого документального фильма о партизанах – крупное событие в жизни советской кинематографии. Фильм «Народные мстители» не только воспитывает у зрителя чувства глубокой любви к Родине и жгучей ненависти к врагу, но и убеждает в неиссякаемой силе советского народа, в несгибаемой мощи его духа» (Комсомольская правда, 1943, 21 авг.).

«Смелые люди делали этот фильм. С киноаппаратом они переправлялись через линию фронта. Они снимали картину там, где идёт жестокая война людей благородного сердца и великого мужества – война наших партизан с ненавистными народу захватчиками. Они участвовали в тайных операциях и ходили в открытый бой. Они принесли нам из Партизанского края прав-

дивые и волнующие кадры кинохроники. От снегов Карелии до предгорий Кавказа прошли отважные кинооператоры. Волнующая правда кинодокумента – вот что приковывает внимание к этому фильму.

...Воплощая темы Отечественной войны, наша художественная документальная кинематография достигла больших успехов. Фильм «Народные мстители» со всеми его достоинствами и недостатками – серьёзный и принципиально важный этап в её творческом развитии» (Литература и искусство, 1943, 21 авг.).

А вот отзыв современного искусствоведа о фильмах «Народные мстители» (режиссёр В. Беляев) и «Сталинград» (режиссёр Л. Варламов): «Оба отличались масштабностью, широким охватом боевых событий, яркими эпизодами кровавых и продолжительных боёв. Мастерство и отвага кинооператоров возросли, в бою они держали свои «Аймо» как боевые автоматы, за бесстрашие платили жизнью. Всё сдержаннее, информативней становились и режиссура, и дикторские тексты. Складывалась определённая концепция создания военного кинодокумента, ценного в первую очередь не оригинальностью монтажного построения, не гармоничными композициями кадров, а суровой, даже жестокой боевой правдой. В показе «человека войны» присутствуют лаконизм, краткость: на первом месте подвиг солдата. Характер, судьба, военные тяготы – это уж кому как удастся ухватить, ведь общение хроникёра с героем, как правило, было мимолётным» [3].

Если фильм «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» знаменовал собой становление новой советской военной кинохроники, то последовавшие за ним «День войны», «Народные мстители», «Сталинград» показали всю полноту, прочность и многообразие выработанных на войне методов режиссёрской и операторской работы мастеров кинохроники. Да, в этих картинах не было новаторства и художественных открытий. Но был заряд добра, веры и надежды.

Позади были характерные для лета – начала осени 1941 года месяцы трагических поисков концепции документального кино. Опыт работы 1941–1942 годов стал важным уроком в многоплановой и тщательной подготовке к съёмкам грандиозных боёв лета 1943 года. Апофеозом работы кинодокументалистов в этот период стал фильм «Орловская битва». Достойно продолжили героический труд кинооператоров Курской битвы их коллеги, снимавшие освобождение Карачева, Бежицы, Брянска... Освобождение Брянска снимал М.Г. Плоскин, освобождение Карачева – Ю.В. Монгловский. Кратко перескажем содержание этих сюжетов. Первый – «Взятие города Карачева»: бьёт артиллерия, стреляют «Катюши»; бойцы переправляются через реку, беседуют с жителями Карачева. Второй сюжет снял оператор А. И. Фролов: развалины жилых домов в Карачеве, административных зданий,

взорванных оккупантами при отступлении; советская артиллерия проезжает по улицам города; разбитое полотно железной дороги; разрушенное здание вокзала; казнь предателя, сотрудничавшего с оккупантами.

Сюжет «Союзкиножурнала» № 62–63 за 1943 год: уличные бои в Брянске; вид разрушенных зданий в Бежице; сапёры разминируют вокзал; жители Брянска приветствуют части Красной Армии; салют в Москве в честь освобождения Брянска и Бежицы (операторы Р.Б. Гиков, А.М. Гафт, Ф.А. Леонтович, Я.Г. Марченко, М.М. Прудников).

На экраны вышел также небольшой фильм (в трёх частях) «Бои за Брянск» (операторы Ю.В. Монгловский, И.С. Гутман и другие). Содержание: командование Брянского фронта на КП; боевые действия частей Красной Армии в Брянске; разрушения, трофеи, пленные; мирное население; награждение правительственными наградами, вручение гвардейского знамени одному из полков, среди присутствующих мальчик – сын полка.

Историк кино отмечал в своей послевоенной монографии: «За период летнего наступления 1943 года военный кинорепортаж обогатился новыми значительными кинодокументами, показывающими, как Вооруженные Силы Советского Союза в напряженных боях успешно выполняли оперативно-стратегический план Верховного Главнокомандования. Этот репортаж стал основой для фильмов «Орловская битва» и «Битва за нашу Советскую Украину». Но помимо полнометражных картин о великих сражениях зритель увидел ряд тематических номеров «Союзкиножурнала» о взятии нашими войсками Брянска, Бежицы и Гомеля...

Одно из основных качеств этих фильмов и журналов – цельный и завершённый показ военных операций, их масштаба и всех особенностей данного театра военных действий. В них с абсолютной ясностью воспроизведена картина наших наступательных операций, наглядно показаны мощь вооружения, сущность тактики и маневра наших войск... Образцы организованной и продуманной съёмки больших операций показали операторы Северо-Кавказского, Брянского и Белорусского фронтов. В этом смысле чрезвычайно интересными были киножурналы, посвящённые взятию Новороссийска, Брянска, Бежицы и Гомеля. Они заслуживают высокой оценки» [6].

Далее следовал обзор кинохроники: «С берегов Чёрного моря зритель переносится в густые Брянские леса («Союзкиножурнал» № 62–63, режиссёр Р. Гиков, снимали операторы Брянского фронта: А. Гафт, Р. Гиков, Ф. Леонтович, Я. Марченко, М. Прудников, И. Гутман, Ю. Монгловский). Иная природа, иной характер войны, но люди те же и тот же враг. Гремит советская артиллерия, сокрушая все препятствия, сооруженные врагом; искромётные снаряды «Катюш» вычерчивают на темном небе сложные узоры; лавина могучих советских танков рвётся вперёд; с всесокрушающим упорством лю-

дей, уверенных в победе, пробираясь сквозь лесную чащу, наступает наша пехота.

Лесной бой – это бой на близкой дистанции, когда всё зависит от искусства и ловкости бойца, от его личной храбрости и воинской сноровки. Война выработала в наших солдатах и офицерах отличные боевые качества, а противнику внушила страх перед нами. Мы видим, как немцы пачками сдаются в плен, как мечется по окопу с искажённым лицом и с очками, спустившимися на кончик носа, ошалевший от страха фашист.

Мы видим, как устилается земля трупами неприятельских солдат и офицеров под Брянском, как превращается в груды лома хваленая боевая немецкая техника – «Тигры», «Пантеры», шестиствольные минометы – всё то, на что немцы возлагали столь большие надежды.

Наконец, пройдены лесные массивы, и перед нами возникает Брянск. Когда-то это был кипучий промышленный город, сейчас он мёртв или, вернее, почти мёртв. Угрюмо глядят чёрными глазницами окон сожжённые и взорванные дома. Широкие улицы завалены щебнем, битым кирпичом, всевозможным ломом. Кругом развалины. Кажется, весь город – сплошная кровоточащая рана.

Но вот откуда-то из подвалов и развалин выходят люди – жители Брянска. С радостью встречают они вступающих в город избавителей. Люди плачут, обнимаются, целуют бойцов и офицеров, целуют друг друга. Вот появились в руках цветы, вот красные флаги заполыхали над городом, и улыбки радости расцвели на лицах» [6].

Отдельная страница киноистории – съёмки знаменитого парада партизан в освобождённом Орле 19 сентября 1943 года. Снимал его только один оператор, но это был настоящий ас своего дела – Павел Касаткин, тот самый, что запечатлел на плёнку парад 7 ноября 1941 года на Красной площади в Москве. Касаткин попал в Орёл не случайно, его специализацией была партизанская тема. Как отмечалось в одном из наградных листов, Касаткин «умело и отважно выполнял самые трудные задания по киносъёмкам, длительное время находился в партизанских бригадах, совершая рейды по тылам врага» [11]. Кинорепортаж о партизанском параде в Орле был логическим завершением съёмок кинолетописи героической борьбы народных мстителей из Брянских лесов.

Примечательно, что организаторы митинга уделили внимание не только его киносъёмке, но и тому, чтобы демонстрация кино стала составной частью праздника. В «Мероприятиях по подготовке и проведению общегородского митинга, посвящённого встрече партизан с трудящимися г. Орла 19 сентября» отмечалось: «оборудовать и оформить трибуну... оборудовать 2-3 эстрады для концертных выступлений и подобрать места для кинопередвижек» [1].

В 1943 году в районе Орла и Брянска погибли несколько кинодокументалистов: Искандер Таги-Заде (погиб в июле на Брянском фронте), Алексей Солодков (погиб в июле, похоронен в Новосиле), Иван Малов. О гибели последнего сохранились воспоминания. Вот что рассказывал оператор Владимир Томберг: «Я познакомился с Иваном Маловым в 1937 году на киносъёмках «Детства Горького». Он тогда работал вторым оператором у Петра Васильевича Ермолова, а я – ассистентом. У меня остались самые приятные воспоминания о Малове – чуткий, отзывчивый, увлечённый своим делом, он в любой момент был готов прийти на помощь, вовремя поддержать.

На войну Малов ушёл рядовым солдатом, прошёл с винтовкой в руках тяжкий путь от Москвы до Сталинграда. Во время боёв он случайно встретился с кинооператорами, которых так не хватало на фронтах. По просьбе руководителя киногруппы А.С. Кузнецова Малова отозвал из армии начальник политуправления генерал Галаджев. Сталинградскую битву Иван Малов снимал в паре с Михаилом Посельским. Они сразу подружились. Миша рассказывал, как нелепо выглядели новенькие офицерские погоны инженер-капитана – звания, присвоенного ему как фронтовому кинооператору, – на старой, видавшей виды шинели Малова.

Снятые Маловым кинокадры сражений вошли в документальные фильмы «Сталинградская битва» и «Орловская битва» [7].

Машина, в которой ехали кинооператоры Иван Малов и Абрам Козаков, подорвалась на мине недалеко от Новозыбкова в конце ноября 1943 года. Козаков вспоминал: «Я не почувствовал боли, вся нижняя часть тела атрофировалась. Я приподнял руками правую ногу, сапог оказался целым. Поднял левую, увидел окровавленный разорванный сапог. Иван Малов был легко ранен в мякоть. Его аппарат исковеркан осколками. Малов хлопотал возле меня, старался мне помочь. Я ему сказал: «Ты не хлопочи, тебе самому надо перевязку сделать». Меня доставили в деревенский медпункт. Здесь на соломе лежали раненые жители. Мне перетянули резиновым жгутом ногу, чтобы остановить кровь. В ногах чувствовалась невыносимая боль. Вскоре нас отправили в госпиталь и положили на хирургические столы... Когда я проснулся после операции, я узнал, что у меня ампутирована голень левой ноги. На мой вопрос: «Где Малов?» – мне ответили, что его с почётом хоронят в Новозыбкове на центральной площади.

Мой аппарат и плёнку я передал Михаилу Посельскому» [8].

Большинство фронтовых кинодокументалистов, участвовавших в съёмках лета-осени 1943 года, было награждено боевыми орденами. Многие из них удостоены Сталинских премий.

Годы войны, при всём бескрайнем трагизме, стали очень важным, ключевым периодом в развитии советского кинематографа. Снятые фронтовыми

операторами кадры стали вечными, а профессия кинодокументалиста поднялась на новую высоту. Именно военная киноправда стала мерилом работы киножурналистов в последующие десятилетия.

Литература и информационные источники

1. Выстояли и победили! Орловская область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. : сб. документов и материалов. Орёл. Орловская правда, 2005. 512 с.

2. Горбачёва, С. Я. Связь партизан Брянщины с местным населением и советским тылом / С. Я. Горбачева // Память войны: материалы междунар. науч.-практ. конф. / Брян. обл. науч. универс. б-ка им. Ф.И. Тютчева. Брянск, 2005. С. 63–82.

3. Джулай Л.Н. Документальный иллюзион: Отечественный кинодокументализм – опыты социального творчества. 2-е изд. доп. и перераб. / Л.Н. Джулай. М.: Материк, 2005. 240 с.

4. Летопись российского кино. 1930–1945. / Отв. ред. В.И. Фомин. 2-е изд., доп. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2017. 960 с.

5. Партизаны Брянщины: сб. документов и материалов о Брянском партизанском крае в годы Великой Отечественной войны. Изд. 2-е, испр., доп. Тула: Приокское книжное издательство, 1970. 487 с.

6. Смирнов В. Документальные фильмы о Великой Отечественной войне/ В. Смирнов. М.: Воениздат, 1947. 279 с.

7. Томберг В.Э. В тылу и на фронте. Воспоминания фронтового кинооператора/ В.Э. Томберг. М.: Эйзенштейн-центр, 2003. 250 с.

8. Цена кадра. Советская фронтовая кинохроника 1941–1945 гг. Документы и свидетельства / Авт.-сост. В.П. Михайлов, В. И. Фомин. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2010. 1048 с.

9. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682526. Ед. хр. 133.

10. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Ед. хр. 405.; 11. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Ед. хр. 1289.

Пастухова Е.А. (г. Брянск)

ВОПРОСЫ К МАРШАЛУ ЕРЕМЕНКО

Уходит на фронт пополненье,
Свои занимают места
Солдаты того поколения,
Где выживут трое из ста.
А. Брон

События октября 1941 года в районе г. Брянска являются одной из самых трагических страниц в истории Великой Отечественной войны, менее

чем за месяц Красная Армия потеряла здесь сотни тысяч солдат и офицеров, огромное количество военной техники и вооружения. В те дни почти все пути на Москву с юга и юго-запада оказались открытыми. Москва и вся страна были поставлены на грань катастрофы. Брянский фронт как оперативно-стратегическое направление перестал существовать. Тяжелые потери в живой силе и технике осенью 1941 года можно объяснить многими причинами, которые четко разделяются на две основные группы. К первой нужно отнести господство немецкой авиации в воздухе, превосходство противника в опытности и маневренных возможностях войск, владении стратегической инициативой, лучшие технические возможности в средствах связи. Все это давало врагу несравнимые преимущества. Вторая группа причин – промахи и ошибки, допущенные советским командованием, неумелые организация и ведение обороны, опоздания директив Ставки, слабый командный состав после зачистки, проведенной в годы репрессий. И все же, по мнению маршала Жукова, «имевшимися войсками можно было предотвратить столь неудачный для нас исход начального этапа битвы». Просчеты, ошибки, допущенные Ставкой, не снимают ответственности за ошибки и с командующих фронтами, которые также совершили их немало. Давайте посмотрим на роль личности генерала Андрея Ивановича Ерёменко в период его 59-ти дневного командования Брянским фронтом.

За последние десятилетия появилось немало литературы, посвященной событиям начального периода Великой Отечественной войны. Литературы разноплановой, выражающей различные точки зрения, иногда прямо противоположные, содержащие противоречивые оценки событий самого тяжелого для нашей страны года. Для наших людей, которые чтут подвиг отцов и дедов, гордятся ими, о чем с уверенностью можно сказать, наблюдая шагающий 9-го мая по России Бессмертный полк, поражения первого периода войны являются болезненным и тревожащим душу обстоятельством. Мы пытаемся понять и постоянно ищем ответы на вопросы: почему так могло произойти, почему Красная Армия потерпела в первые годы войны целый ряд сокрушительных поражений?

Вышедшие в последние десятилетия книги во многом дают ответы на эти вопросы. Открыты для изучения многие архивные документы, доступ к которым был прежде невозможен или ограничен, появилась целая группа умных, объективных, дотошных исследователей-краеведов, исследующих самые трагические страницы Великой Отечественной войны. В монографиях Н. Майорова «История Брянского фронта», С. Кондратенко «Разгром Брянского фронта», А. Гавренкова «Брянский фронт. Первое формирование», Г. Майорова «Засекреченная война», А. Кукатова «Орловский военный округ», в статьях в сборниках «Брянский краевед» и «Брянщина в годы Ве-

ликой Отечественной войны 1941–1945 гг. Люди. События. Факты» тщательно и скрупулезно описываются чуть ли не по дням и часам действия войск Брянского фронта осенью 1941 года. Вольно или невольно повествуют о неумелом, непрофессиональном и безграмотном руководстве первым формированием фронта, что повлекло большое количество ошибок и «ляпов», которые начались чуть ли не с первых дней существования фронта и во многом стали причиной его гибели.

16-го августа 1941 года был образован Брянский фронт, командующим был назначен А.И. Ерёменко. Да, личность Андрея Ивановича Ерёменко хорошо известна, но мало кто знает о нем больше того, что он командовал Брянским фронтом. А как сложилась судьба этого фронта в 1941 году и какова роль Ерёменко в тех событиях, как проявил он себя в роли командующего, знают только специалисты, изучающие историю Великой Отечественной войны. Но если внимательно посмотреть, то мы узнаем, что события октября 1941 года в районе Брянска являются одной из самых трагических страниц в истории Великой Отечественной войны. Да, было превосходство противника в живой силе и технике, да, было мало боевого опыта у нашего военного руководства, но большую роль играли и личные качества полководцев. А.И. Ерёменко допустил много промахов, давайте познакомимся с некоторыми фактами, являющимися их свидетельствами.

В соответствии с решением генерала А.И. Ерёменко основные усилия фронта сосредоточились на его правом крыле, где командующий разместил весь свой резерв. Сделано это было вопреки данным разведки, которая верно установила сосредоточение главной группировки противника против левого крыла фронта. И здесь командующий войсками фронта и его штаб допустили крупный промах. Можно привести мнение одного из непосредственных участников тех событий, начальника штаба Брянского фронта полковника Л.М. Сандалова: «Оглядываясь назад, приходишь в недоумение: как мы не смогли разгадать тогда намерения противника. Лучшего района для наступления танковой группы на Москву, чем район Глухов-Новгород-Северский-Шостка не найти. Путь оттуда на Орел-Тулу был кратчайшим: Десну форсировать не надо, брянские леса остаются севернее. Однако командование и штаб Брянского фронта не смогли расшифровать этот легкий шифр». В результате – гибель людей, вторая армия Гудериана вклинилась в глубину обороны Брянского фронта почти на 120 км.

Судя по дальнейшим событиям, Ерёменко так и не смог наладить работу своей разведки: 6-го октября (день взятия Брянска) один из передовых отрядов Гудериана вышел в район командного пункта фронта, расположенного в 11 км от Брянска (ныне санаторий «Снежка»). Штабные работники вместе с командующим фронтом увидели немцев сквозь редкие заросли деревьев

совсем близко от себя, менее километра. Хорошо, что немцы не знали, что рядом с ними штаб фронта. Охрана штаба торопливо грузила на две машины имущество разведывательного, оперативного и шифровального отделов и судорожно закапывала ящики с документацией в землю (один из них был уже в 1990-е годы найден). По объездной дороге работники штаба двинулись на новый КП в Белёв. Лишь на другой день Ерёменко с адъютантом добрался до КП 3-й армии. Последующее его руководство свелось в основном к управлению одной этой армией. Позже в своих мемуарах Ерёменко описывает, как он мужественно стрелял в колонну немецких машин, что полностью опровергают солдаты охраны штаба: «Он быстро сел в машину и уехал, приказав нам обеспечить сохранность документов и имущества».

10-го октября в штабе 50-й армии был получен приказ, обязывающий повернуть ее на Карачев и обеспечить отход частей 3-й армии. М.П. Петров, командующий 50-й армии, понимал, что посылать войска в болота через лесные массивы, да еще и с перевернутым флангом нельзя. Ерёменко, зная опытность Петрова и боясь, что он сделает что-то по-своему, завершил свой приказ формулировкой: «За неисполнение – расстрел». События для частей, повернутых на Карачев, приняли драматический характер – из 118 тыс. солдат вышли из окружения всего около 20 тысяч. Вместе с ними погибло и почти всё руководство армии, а четыре дивизии, не получившие приказ командующего фронта и действовавшие по старому плану, сохранили в основном и личный состав, и материальную часть, и транспорт.

А вот одно из его донесений в Генштаб: «Полученный от Вас 05.10 шифровками ответ не мог быть расшифрован штабом, так как без моего разрешения шифровальная машина была вывезена в Хвостовичи». Как шифровальная машина уехала без разрешения командующего?!

Приведем еще один эпизод, характеризующий организацию командования фронтом. 1-го октября в результате авианалета были повреждены линии связи и на целых почти 10 дней командующий потерял управление всеми своими армиями и возможность вызвать подкрепление из резервов, бессмысленно ожидающих приказа в тылу. Армиями фронта осуществлялось руководство из Москвы, где, конечно, не могли знать точного положения дел на месте боев, тем более оно менялось не только за сутки, но и за часы.

Самым большим предательством со стороны Ерёменко оказался его рапорт о взятии противником Орла, где он переложил всю ответственность за сдачу города на штаб Орловского военного округа. В этом рапорте, а точнее доносе, отразилось полное незнание обстановки, потому что еще 27 сентября штаб Орловского военного округа перебрался в Елец. 28–30 сентября из города были вывезены все курсанты военных училищ, то есть за три дня до вторжения немцев защищать областной центр было некому. И приказ о

защите города, о котором докладывал в Генштаб Ерёменко, не существовал. Во-первых, потому что он не имел права что-то приказывать командующему Орловским военным округом А.А. Тюрину, который ему не подчинялся (он подчинялся непосредственно Москве), во-вторых, Тюрин не имел в своем распоряжении действующих воинских частей, так как в его служебные обязанности входило обеспечивать войска необходимым для службы. Приказа, о котором пишет Ерёменко, не обнаружено ни в архивах Генштаба, ни в архивах Министерства обороны. Кроме того, он дважды докладывал в Москву, что не имеет связи с Орловским военным округом именно в те дни, когда он якобы отдавал приказ Тюрину об обороне города. В результате этого доноса «за преступную сдачу Орла» были арестованы А.А. Тюрин, М.Г. Глинский, начальник штаба Орловского военного округа, Н.Е. Ефимов, комиссар Орловского военного округа. Все они были ограничены в правах, лишены званий, но Москва все-таки быстро разобралась, судимости были сняты, звания возвращены. После этого Тюрин был заместителем командующего 50-й армии, командующим 20-й армии, Глинский – начальником штаба 4-й ударной армии, Ефимов командовал 370-м гвардейским самоходно-артиллерийским Свирским полком 1-й ударной армии.

Прослеживая биографию Ерёменко, диву даешься, почему он пользовался расположением Верховного Главнокомандующего, хотя на ратной ниве особо не блистал и в мемуарах других полководцев ему достаются весьма нелестные оценки. Ерёменко так и не смог остановить Гудериана и воспрепятствовать кровавой катастрофе, случившейся с Юго-Западным фронтом, который попал в окружение под Киевом и потерял более полумиллиона человек, погиб и командующий фронтом Кирпонос. Под неумелым руководством Ерёменко прекратило свое существование первое формирование Брянского фронта. Как можно объяснить тот факт, что товарищ Сталин не одарил его горячую голову охлаждающим свинцовым душем, ведь командующего Западным фронтом Павлова расстреляли после получасового разбирательства. Так чем же объяснить теплое до поры до времени отношение Сталина к Ерёменко, которого он даже раненого навестил в госпитале?

На этот вопрос, по-моему, хорошо ответил генерал-майор Давид Ортенберг в своей книге «Фронтовые поездки». Бывший главный редактор нашей главной военной газеты «Красная звезда», в последние годы начальник политотдела в действующей армии. Давайте познакомимся с его трактовкой этого феномена: «Опубликованная в «Красной звезде» в августе 1941 г. большая, в три полных колонки статья Ерёменко «Месяц боев под Смоленском» самая памятная из всех генеральских опубликованных в газете за два минувших месяца войны. После оставления Смоленска хвастливая немецко-фашистская печать распространяла лживые слухи о том, что советские войска

якобы не воевали за Смоленск, и город достался врагу совсем легко. Статья Ерёменко полностью изобличала эту ложь. Были в статье внушительные данные о потерях противника. Немцы целый месяц вели наступление, бросались с одного участка на другой, нередко вынуждены были нести большие потери, переходить под ударами наших войск к обороне. Ерёменко убедительно показал, как в связи с этим менялись тактика и настроения во вражеском стане. Рассказал он и о стойкости и мужестве советских воинов, сражавшихся на Смоленском направлении. Из статьи можно было узнать, как доблестно бьются с фашистами сыны полководцев Гражданской войны. «Среди наших командиров, – писал Ерёменко, мне довелось встретить сыновей славных героев Гражданской войны. Они не уступают отцам в героизме. На одной батарее, громившей немцев прямой наводкой, я встретил капитана – сына легендарного Чапаева, на этом же участке фронта я видел сына Пархоменко, старшего лейтенанта, который храбростью напомнил мне своего отца. Изумительный пример подлинного героизма и преданности Родине показал в боях под Витебском командир батареи Яков Джугашвили в ожесточенном бою до последнего снаряда, не оставляя своего боевого поста». А главный вывод статьи был: расчет фашистов на молниеносную войну потерпел крах. Статья Ерёменко произвела большое впечатление в армии и стране. Среди иностранных корреспондентов союзных и нейтральных стран она вызвала сенсацию, ее неоднократно перепечатывали. Ерёменко говорил, что ему звонил Сталин и одобрительно отозвался о ней».

Нужно отметить, что в карьере Андрея Ивановича важную роль сыграл его земляк Климент Ефремович Ворошилов, который не только одаривал его новыми должностями, но и защищал от праведного гнева.

Но все это до поры до времени. Резкое изменение в отношении к Ерёменко у Сталина произошло после Сталинградской битвы. Об этом мы можем узнать из письма Г.К. Жукова к писателю-историку В.Д. Соколову: «О Сталинградской битве много и в основном правдиво описывалось за исключением Ерёменко, который уж слишком старался выпятить свою личную роль как в обороне Сталинграда, так и в контрнаступлении. На военном совете Сталин спросил: "Какому командующему поручим окончательную ликвидацию противника, окруженного под Сталинградом?" Берия предложил передать все войска в подчинение Ерёменко, а Донской фронт во главе с Рокоссовским вывести в резерв. Тут Сталин обратился ко мне: «А Вы что молчите? Или Вы не имеете собственного мнения?» На что я сказал, что считаю достойными того и другого командующего, но считаю более опытным и авторитетным К.К. Рокоссовского, ему и следует добивать окруженных. Сталин: «Согласен. Ерёменко я расцениваю ниже, чем Рокоссовского. Войска не любят Ерёменко. Рокоссовский пользуется большим авторитетом. Ерёменко очень плохо

показал себя командующим Брянским фронтом, он нескромен и хвастлив». Я сказал, что, конечно, Ерёменко будет кровно обижен тем, что войска Сталинградского фронта будут переданы другому командующему, а он останется не у дел. Сталин: «Мы – большевики, и должны ставить во главе дела достойных руководителей. Позвоните Ерёменко и объявите ему решение Ставки. Ему предложите пойти в резерв, если не хочет идти в резерв – пусть полечится, он все время говорил, что у него болит нога». В тот же вечер я позвонил Ерёменко и сказал решение Верховного и Ставки. Ерёменко спросил: «Чем это вызвано?» Я чувствовал, что Ерёменко говорил, глотая слезы, и утешал его как мог. Фактически же Ерёменко был смещен Сталиным за плохое личное руководство войсками Сталинградского фронта, поглотившего исключительно большое количество войск, и затянувшуюся оборону Сталинграда. Скажем прямо. Сталин о Ерёменко был невысокого мнения».

Ерёменко чувствовал, что отношение Сталина к нему изменилось. В корне этого изменения, считал генерал, лежало две причины. Первая была связана с Н.С. Хрущевым, которого Сталин приказал сместить с должности члена ВС, о чем ему должен был сообщить Ерёменко. Генерал вспоминал: «Вот тут-то моя совесть заговорила во всю, клеветать я не могу, и с роду ни на кого не клеветал, и не доносил, и теперь не буду, коммунисту не положено клеветать, он должен быть порядочным, честным и правдивым человеком. Так я и не донес Сталину на Хрущева, хотя имел прямые указания от Сталина на это. По сути дела, я спас Хрущева, а сам попал в немилость Сталина. Вторая причина натянутости отношения Сталина ко мне была более мелкого порядка, чем первая. Но все же играла определенную роль. Жуков, ставший заместителем главкома, играл отрицательную роль в отношении Сталина ко мне. Жуков относился ко мне очень плохо, просто не по-человечески, мне доставалось больше всех, он не мог мне простить, что я нет-нет, но и скажу о его недостатках в ЦК или Верховному Главнокомандующему. Как коммунист и как командующий войсками, отвечающий за порученный мне участок работы, я обязан это делать, и мне от Жукова за это попадало. Я с Жуковым учился, работал. Он человек страшный и недалекий. Высшей марки карьерист. Ради своей славы, к которой он шел по трупам людей, он, гнида, втопчет в грязь все «святое» и оскорбит и честь, и совесть человека».

Читаем автобиографию Ерёменко 1947 года: «...в дни Великой Отечественной войны я не имел ни одного неуспеха или срыва в проведении намеченных операций несмотря на то, что меня постоянно посылали на самые трудные участки советско-германского фронта». Так что? Ерёменко не помнит поражений на Западном и Брянском фронтах, затянутость обороны и огромное количество погибших на Сталинградском фронте, Моравско-Остравскую операцию весной 1945 года, когда он командовал войсками 4-го

Украинского фронта, проведённую уже в конце войны при большом превосходстве советской армии в авиации и артиллерии, бездарно и опять при больших потерях. Невозможно забыть, читая написанные им строки, что во время войны он стал одним из главных виновников катастрофических поражений, разгрома Западного фронта, гибели войск под Брянском, его части практически сдали Сталинград. О полководческих способностях Андрея Ивановича другие военачальники говорят как бы «ну что с него взять?». Эхо сталинградских канонад настолько сильно ударило в голову Ерёменко, что он позже прочил себя в главные победители в этой битве. Все это верно, но только отчасти. Он играл важную роль в обороне, но не играл самой важной роли, потому что именно Чуйкову принадлежат письменные руководства по тактике боев в городе, которые потом очень пригодились и при штурме Берлина. Андрей Иванович городских боев не любил и предпочитал во время боев за Сталинград сидеть на противоположном берегу Волги, а в Сталинград сам Сталин его мог выгнать в шею с превеликим трудом. Впрочем, Ерёменко не был совсем бесталанным, его бы и близко не пропустили к фронту. Война стала средством естественного отбора для боевых командиров. Ерёменко мыслил масштабно, поэтому обожал артиллерию, он таскал пушки, дивизионы с места на место, создавая маневренный огонь. Короче, не любил он передовой, но то, что он делал в тылу, он делал умело, не жалея сил, вот за это ему следует отдать должное. Своеобразно выразил свое мнение Иосиф Сталин. 25 августа 1942 года в 05:15 Сталин продиктовал в Сталинград телеграмму лично товарищу Маленкову: «Меня поражает, что на Сталинградском фронте произошел точно такой же прорыв далеко в тыл наших войск, какой имел место в прошлом году на Брянском фронте с выходом противника на Орел. Либо Ерёменко не понимает идею второго эшелона в тех местах фронта, где на переднем краю стоят необстрелянные дивизии, либо же мы имеем здесь чудо злую волю, в точности осведомляющую немцев о слабых пунктах нашего фронта... Ерёменко навязывали глубокие боевые порядки, а он отбрыкивался и возмущался». Сталин резко критиковал разрушительные методы руководства Ерёменко.

Хорошо известно, что маршал Г.К. Жуков обладал тяжелым характером, однако его воспоминания вышли на редкость, как это принято говорить сейчас, политкорректными. Тем не менее, факт остается фактом. Ни один человек не был оскорблен в мемуарах Жукова... ну почти никто (хотя не исключено, что того заслуживал), кроме одного. Всего одно предложение, но какое... Речь шла о маршале А.И. Ерёменко. Вспоминая еще довоенную жизнь, Жуков писал: «Ерёменко в войсках не любили за глупость и чванство».

И все же было в Ерёменко что-то такое, что не нравилось не одному только Жукову. Поэт и писатель Константин Симонов вспоминает свою беседу

с маршалом Василевским, зашел разговор о Ерёменко: «Я услышал довольно жесткую характеристику Ерёменко как человека искательного, ловкого и способного в одних случаях на подхалимство, а в других на обман, на введение в заблуждение». А вот еще свидетельство Василевского: «Он умел выкручиваться и вместе с тем имел большие способности к подхалимажу».

Став командующим Брянским фронтом, Ерёменко пообещал Сталину: «Разбить подлеца Гудериана». Может быть, Гудериан и подлец, но во владении военным искусством ему не откажешь, как и не откажешь ему в почетном звании «папаши танковых войск вермахта», в общем, это был один из умнейших немецких военачальников. Ерёменко так и не смог сдержать обещание.

Сразу после войны наши маршалы начали делить славу. Многие пытались увеличить свои и уменьшить чужие военные заслуги. История очень некрасивая. Цитата о Жукове из дневников Ерёменко как раз из этой истории, эта маршальская свара очень не понравилась Сталину, и это стало причиной новой волны репрессий в армии.

В послевоенные годы вышло огромное количество мемуаров и книг о войне наших полководцев и выдающих военных деятелей. И надо сразу сказать, что писали они их не сами, а по их воспоминаниям журналисты и литературные работники (редким исключением является генерал Горбатов). А к посмертным их публикациям под эгидой детей (дочери Жукова Марии, дочери Еременко Татьяны) надо относиться с осторожностью, слишком они субъективны.

Военный журналист полковник Александр Пронин пишет: «Я прочитал в свое время очень много мемуаров и советских полководцев, и генералов Вермахта. Могу утверждать, что все они субъективны, причем немцы привирают и замалчивают еще больше, чем наши. Очевидно, Бисмарк был прав, когда говорил, что больше всего врут на войне, на охоте и перед выборами».

Самым плодовитым из наших военных деятелей оказался Ерёменко: «Сталинград», «В начале войны», «На западном направлении», «Годы возмездия», «Дневники, записки, воспоминания 1939–1946», «Против фальсификации истории войны», где он разоблачал многое из того, что утверждал Жуков, правда, бездоказательно.

По таланту и успешности самым выдающимся полководцам тому же Рокоссовскому или Черняховскому Ерёменко уступал, но считал себя недооцененным и обижался. Зависть и обида – плохие советчики, вероятно, поэтому в его дневниках много желчи, и читать их не всегда комфортно. Это вредило больше всего ему самому.

Победа на фронте далась советскому солдату непростительно большой кровью. Книги, дневники Ерёменко не оставляют сомнений, что главным ви-

новником неоправданных потерь и на первом, и особенно на завершающем этапах войны оказывались генералы или офицеры, не сумевшие должным образом организовать бой, использовать все средства для подавления вражеской обороны, не научившиеся поддерживать взаимодействие с другими родами войск, проявлявшие нерасторопность, нераспорядительность, безалаберность. Это как раз тема моей статьи, только очень хочется спросить, а не относится ли сам Ерёменко к категории таких офицеров?

И еще вот такой парадокс: два маршала, так не любившие друг друга, Жуков и Ерёменко получили орден Суворова в один день 29 января 1943 года. Вторую Звезду Героя Жукову вручили согласно Указу от 29.07.1944 г., и, что самое интересное, этим же Указом Звезда Героя досталась и Ерёменко.

Говоря о значении и роли командующих фронтов в годы войны, будет уместно вспомнить Маркиана Михайловича Попова, командующего Брянским фронтом с 5 июня по 10 октября 1943 года. В 1943 году умело и умно руководил он самым крупным за годы войны соединением Красной армии – Брянским фронтом. Операция по разгрому и ликвидации брянской группировки противника, проведенная войсками Брянского фронта под руководством самого молодого генерала армии Попова, была поучительна для всех остальных командующих фронтами.

Он, проявляя разумную инициативу, определил первостепенную задачу операции так: при минимальных потерях личного состава и материальных затратах добиться максимального результата, что ярко проявилось в Брянской операции. Цель была достигнута: освобождена огромная территория, сохранены тысячи жизней. Как ни странно, но среди крупнейших советских полководцев Великой Отечественной войны имя генерала армии, Героя Советского Союза Попова остается как бы в тени, если не сказать больше – в забвении. А между тем его выдающийся вклад в общее дело Победы неоценим, и мы всегда будем помнить 126 дней его руководства Брянским фронтом.

Сравнив двух командующих фронтом, мы понимаем, что они очень разные люди – как на войне, так и в мирной жизни. Несомненно, под руководством Попова фронт был более успешен в боевых действиях, но и при Ерёменко главная задача Брянского фронта была частично, но выполнена: тактика «блицкрига» не сработала на Брянщине. Проявляя мужество и стойкость, воины Брянского фронта, часто жертвуя жизнью, в самый трудный момент задержали противника на дальних подступах к Москве: на 59 дней под Брянском и на 22 дня под Орлом и Белгородом, заслонив собой Москву. Брянский фронт дал армии возможность накопить сил и техники для обороны. По Брянской земле фронт прошел дважды: осенью 1941 года – отступая и погибая, и осенью 1943 года – наступая и побеждая. И те результаты, которых достиг фронт в 1941 и 1943 годах, зависели во многом от личных качеств командующих.

Литература и информационные источники

1. Гавренков А.А., Трифанков Ю.Т. Брянский фронт. Первое формирование. Брянск, 2011.
2. Еременко А.И. Дневники, записки, воспоминания 1939–1946 гг. М., 2013.
3. Изонов В.В. Катастрофа под Брянском // Брянщина в годы Великой Отечественной войны1941-1945 гг. Люди. События. Факты. Брянск, 2008.
4. Имена Победы. Том 1. М., 2015.
5. Карман В. Г., ПроскоченкоМ. В., Смотрицкий К. В. Нет, не исчезли мы в кромешном дыме. Брянск, 2013.
6. Кондратенко С. Разгром Брянского фронта. М., 2019.
7. Кукатов А., Геец Н. Орловский военный округ 1938–1941 гг. Том 2. Брянск, 2019.
8. Майоров Г. Засекреченная война. Неизвестные страницы истории Орловщины. Орел, 2018.
9. Майоров Н. История Брянского фронта. Новый взгляд на известные события и белые пятна истории. Орел, 2014.
10. Ортенберг Д. Фронтовые поездки. М., 1983.
11. Ушкалов С. В. Роль Брянского фронта первого формирования в геополитических событиях 1941 года // Брянский краевед. Вып. 1. Брянск, 2016.

Вязов Д.А. (г. Донецк, ДНР)

СОВЕТСКАЯ КАВАЛЕРИЯ В БОЯХ ЗА БРЯНЩИНУ 1943 г.

В преддверии празднования 76-й годовщины освобождения г. Брянска от немецко-фашистских захватчиков и 75-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне хотелось бы вспомнить один из мало освещённых эпизодов той страшной войны, касающийся подвига советской кавалерии при освобождении Брянщины в сентябре 1943-го г. Историография темы применения кавалерийских частей в боях Великой Отечественной войны включает в себя исследования таких российских историков, как А.В. Исаев [7, 8], И.В. Пыхалов [9], Г.Л. Воскобойников [5], Ю.А. Аквилянов [3]. Мемуарная литература по этой теме представлена работами И.В. Тюленева [12] и В. Пятницкого [10].

Исследователями проделана большая работа – подробно освещены аспекты, связанные с особенностями создания, штатной структуры и боевого применения кавалерийских частей в период Великой Отечественной войны. Однако работ, посвящённых описанию боевых операций с участием советской кавалерии на территории Брянщины, практически не существует, что делает данную тему ещё одним «белым пятном» в истории Великой Отечественной войны.

Главной целью исследований на эту тему является увековечивание памяти советских бойцов и командиров, освобождавших Брянщину от немецко-фашистских захватчиков. Изучение Великой Отечественной войны 1941–1943 гг. в целом, и периода освобождения Брянщины в 1943 г. в частности, должно положительно отразиться на результатах повышения общей исторической грамотности населения, военно-патриотического воспитания молодёжи и формирования у подрастающего поколения твёрдой жизненной позиции.

В августе 1943 г. соединения Брянского фронта продолжали начатое 12 июля наступление в ходе операции «Кутузов». Завершая Орловскую наступательную операцию, войска Брянского фронта к 10–15-му августа 1943 г. освободили первые населённые пункты восточных районов современной Брянской области. В их числе г. Карачев – важный пункт железной дороги Орёл–Брянск–Смоленск. Текущая на тот момент задача фронта была поставлена Ставкой Верховного Главнокомандования. Задача включала в себя захват подвижными частями переправы через р. Десну, её форсирование в районах северо-западнее и южнее Брянска с целью полного освобождения Брянского промышленного района (территория современной Брянской обл., РФ).

К 18 августа войска фронта вышли на ближние подступы обороны немецких войск по линии «Хаген» – мощному оборонительному рубежу на линии Людиново–Брянск–Навля–Севск. Данный рубеж обороны состоял из полевых укреплений в виде 3–4-х линий траншей полного профиля с усиленной системой инженерных заграждений [3]. Спеша выполнить поставленную задачу, командующий Брянским фронтом генерал-полковник Маркиан Михайлович Попов, в период 17–26-го августа 1943 г., развернул наступление соединений сразу на обоих флангах фронта. Однако вскоре стало очевидно, что сил и средств для ведения активных действий сразу на двух участках недостаточно.

Состав Брянского фронта к началу Брянской наступательной операции [1]:

- 50-я армия, командующий генерал-лейтенант Иван Васильевич Болдин;
- 3-я армия, командующий армией генерал-лейтенант Александр Васильевич Горбатов;
- 11-я армия, командующий генерал-лейтенант Иван Иванович Федюнинский;
- 11-я гвардейская армия, командующий гв. генерал-лейтенант Иван Христофорович Баграмян;
- 63-я армия, командующий генерал-лейтенант Владимир Яковлевич Колпакчи (участник обороны Донбасса осенью 1941 г., командовал 18-й армией Южного фронта).

После координации действий со Ставкой командование Брянским фронтом сосредоточило основные усилия на своём правом фланге в районе южнее и юго-западнее г. Киров (Калужская обл., РСФСР). Здесь планировалось нанести удар силами правофланговых 50-й и 3-й армий Брянского фронта. Левофланговые части фронта (63-я армия) наносили вспомогательный сковывающий удар в общем направлении Локоть–Новозыбков. В центре фронта 11-я общевойсковая и 11-я гв. армии наступали на Брянск, охватывая его с севера и юго-востока.

Брянская операция началась 1 сентября 1943 г. ударом войск 63-й армии Брянского фронта. 7 сентября, когда крупные соединения немецких войск, парируя удар 63-й армии на своём правом фланге, были вынуждены перебросить сюда части из района Людиново (дивизии XXIII-го армейского корпуса), перешли в наступление части 50-й и 3-й армий Брянского фронта.

Ещё в конце июля 1943 г. в состав войск 3-й армии из состава Западного фронта был передан 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-майора Владимира Викторовича Крюкова [2]. Корпус планировалось использовать как основное подвижное средство на этом участке фронта для развития успеха наступления. Именно это соединение сыграло одну из решающих ролей в успехе советского наступления при освобождении Брянщины.

Состав корпуса [16]:

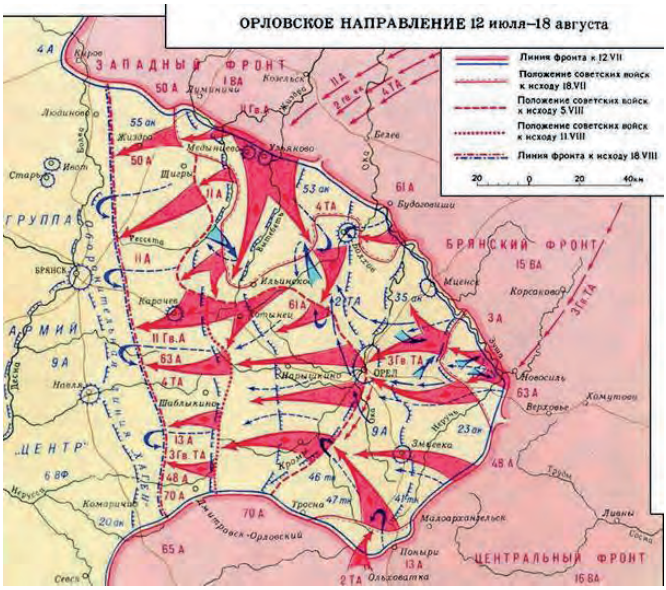
- 3-я гвардейская кавалерийская Кубанская дивизия генерал-майора Михаила Даниловича Ягодина. В составе дивизии действовал 160-й отд. танковый полк гв. майора Сильченко;

- 4-я гвардейская кавалерийская Ставропольская дивизия генерал-майора Г. М. Панкратова. В составе дивизии действовал 184-й отд. танковый полк майора С.С. Мудрикова;

- 20-я горно-кавалерийская ордена Ленина Краснознамённая дивизия генерал-майора Павла Трофимовича Курсакова. В составе дивизии действовал 189-й отд. танковый полк майора Николая Андреевича Святославова;

- 1812-й легко-самоходный полк майора Григория Алексеевича Плаксина.

Наличие в составе дивизий отдельных танковых полков делало эти соединения ещё более мобильными и повышало их эффективность как в наступлении, так и в отражении вероятных контратак противника. Материальную часть отдельных танковых полков кавалерийских дивизий составляли средние танки Т-34/76. На протяжении всего 1943-го года именно эти боевые машины являлись основными в бронетанковых и механизированных соединениях Красной Армии. В течение двух лет войны Т-34 на фронте зарекомендовал себя с наилучшей стороны. Высокая технологичность, надёжность и боевая живучесть, огневая мощь и прекрасная подвижность сделали этот



Карта-схема боевых действий советских войск 12.07.1943–18.08.1943 г., в ходе операции «Кутузов».

Средний танк Т-34/76.

Лёгкая самоходная артиллерийская установка СУ-76М.

Лёгкий танк Т-70М.

Орудийный расчёт 45-мм орудия 53-К одной из кавалерийских дивизий 2-го гв. кк на марше. Брянщина, сентябрь 1943 г.

Орудийные расчёты 45-мм противотанковой пушки 53-К и полковой пушки обр. 1927 г.

Артиллерийский расчёт 76,2-мм полковой пушки обр. 1927 г. из состава 2-го гв. кк форсирует р. Десна. Брянщина, сентябрь 1943 г.

Тачанки 2-го гв. кк на марше. Брянщина, сентябрь 1943 г.

Кавалеристы в атаке. Брянщина, сентябрь 1943 г.

танк лучшим в своём классе. Это подтверждается как экспертами, так и ветеранами, воевавшими на этих машинах [6]. Во второй половине 1942 г. в войска начала поступать новая модификация Т-34/76 с так называемой «улучшенной башней». Два члена экипажа – командир и заряжающий – теперь имели отдельные люки в верхнем листе башни, что способствовало удобству доступа и эвакуации из танка. В своей основе танками именно этой модификации были вооружены бригады танковых и механизированных корпусов Брянского фронта. Как отмечает в своём исследовании «Т-34 в бою» военный историк М. Б. Барятинский, «...в 1943 г. <...> танки Т-34, вооружённые 76-мм пушкой, использовались в наиболее массовом количестве» [4].

Ещё одним типом танков в составе отдельных танковых полков 2-го гв. кавалерийского корпуса был лёгкий танк Т-70 и его модификация Т-70М. Бои лета-осени 1943 г. на Советско-германском фронте можно считать пиком боевой карьеры этого лёгкого танка. Несмотря на его слабое бронирование (до 45 мм) и вооружение (45-мм пушка 20 К), эта боевая машина активно применялась на фронте и обладала рядом положительных качеств. В первую очередь, она была технологична – силовая установка танка представляла собой двигатель ГАЗ-203, выполненный из двух спаренных автомобильных двигателей, что позволяло в производстве Т-70 использовать производственные мощности и агрегаты отечественного автомобилестроения. Кроме этого, танк имел низкий силуэт и был малозаметен.

Хорошую проходимость Т-70 и мягкий ход этой машины обеспечивала индивидуальная торсионная подвеска её ходовой части. Вот какие отзывы о танке Т-70 поступали с фронта летом 1943 г.: «В отличие от Т-34 и КВ танк указанного типа обладает малой шумностью (звук танка не превышает звука автомобиля) даже в движении на самых высоких оборотах, что вкупе с малыми размерами самого танка позволяет подразделениям на Т-70 подбираться практически вплотную к противнику, не вызывая у него преждевременной паники… Если немецкие артиллеристы могут вести огонь по танку Т-34 с расстояния в 800–1200 м., то малые размеры Т-70 на местности снижают эту дистанцию до 500–600 м. Малый вес танка облегчает его транспортирование как к линии фронта, так и во время эвакуации подбитых танков в тыл. Танки Т-70 проще в освоении и управлении малоподготовленными водителями, подлежат ремонту в полевых условиях… Все имеющиеся случаи больших потерь подразделений танков Т-70 объясняются большей частью неграмотным применением, но конструктивными недостатками самого танка...» [14].

1812-й легко-самоходный полк имел на вооружении лёгкие САУ СУ-76М [рис. 4], сконструированные на базе лёгкого танка Т-70М. Вооружённые прекрасной артиллерийской системой – легендарной пушкой ЗИС-3, эти маши-

ны получили в войсках неоднозначную оценку. С одной стороны – их любили за простоту, надёжность и выдающиеся боевые характеристики орудия, с другой – отмечали их слабое бронирование и открытую боевую рубку. В целом же СУ-76М проявили себя на фронте (и в частности в боях за Брянщину) с положительной стороны, в первую очередь как незаменимое мобильное средство огневой поддержки пехоты [13].

Буксируемая артиллерия дивизий 2-го гв. кавалерийского корпуса была представлена стандартными для того периода 76,2-мм полковыми пушками обр. 1927 г. [15] и противотанковыми 45-мм орудиями 53-К обр. 1937 г. Пулемётные эскадроны кавалерийских полков имели на вооружении станковые пулемёты системы Максима обр. 1910/30 гг. и транспортировались на тачанках. Не стоит считать, что стрельба производилась с тачанки на ходу, как это было в период Гражданской войны. В целом тактика кавалерийских частей предусматривала использование лошади только как мобильного средства. Кавалеристы зачастую вели бой спешившись [7]. Это касается и пулемётных расчётов. Сабельные атаки применялись только во время преследования отступающего противника.

В ходе наступления войскам Брянского фронта предстояло наступать в лесах и болотах, преодолевая многочисленные реки с заболоченными поймами и укреплённым противником западным берегом. Характер местности в полосе наступления фронта определял особенности тактики армейских соединений. Учитывая высокую мобильность частей 2-го гв. кавалерийского корпуса, командование фронта решило использовать это соединение для пронизывающего удара в тыл частей XXIII-го армейского корпуса немцев. Начав наступление 7 сентября, части 2-го гв. кк к 9 сентября 1943 г. глубоко вклинились в оборону противника северо-западнее Брянска. Подразделения корпуса, продвинувшись глубоко в тыл гитлеровских войск, дезориентировали их, перерезав железную дорогу Брянск–Смоленск [11]. Части 3-й и 4-й гв. кавалерийских дивизий смогли закрепиться в излучине рек Десна и Ветьма и в дальнейшем нанесли удар в направлении н. п. Жуковка [3].

Кавалеристы 20-й горно-кавалерийской дивизии генерала Павла Курсакова к 10-му сентября форсировали р. Десна и захватили плацдарм на её правом берегу в районе н. п. Рековичи – Девочкино–Вязовск. Противник предпринял попытку сбить советских кавалеристов с занимаемого плацдарма. 10-го сентября 1943 г. на позиции сабельного взвода мл. лейтенанта Петра Михайловича Распопова (будущий Герой Советского Союза) была предпринята атака немецкой пехоты, но эта попытка не увенчалась успехом. Более того, немцы понесли существенные потери. Распопов, подняв свой взвод в атаку, лично уничтожил в бою 10 солдат противника и захватил вражеский пулемёт с его расчётом. 11 сентября советские позиции в районе Ре-

кович были атакованы немецкой пехотой при поддержке 12 танков. В этом бою мл. лейтенант Распопов, ведя огонь из противотанкового ружья, лично подбил два гитлеровских танка. Подвиг мл. лейтенанта Распопова был отмечен медалью «За отвагу» [18].

Части 20-й горно-кавалерийской дивизии удерживали занимаемый плацдарм четыре дня до подхода трёх стрелковых дивизий 41-го стрелкового корпуса 3-й армии. За этот подвиг 19 сентября 1943 г. дивизия была преобразована в 17-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию [11].

В сложной местности, в условиях фактического окружения, командованию 2-го гв. кавалерийского корпуса особенно трудно было наладить нормальную работу подразделений тыла. Тем не менее, своевременное обеспечение дивизий корпуса как боеприпасами, так и продовольствием и фуражом было осуществлено. В боях за плацдарм на р. Десне в районе н. п. Девочкино–Вязовск особо отличился уроженец Донбасса (с. Боровское, Луганская Народная Республика), заместитель командира 2-го гв. кк по тылу, гвардии полковник Григорий Абрамович Толокольников.

Из наградного листа на Орден Боевого Красного Знамени [19]:

«Тов. Толокольников, <...> в районе северо-западнее Брянска на рубеже р. Десна всё время находился на КП корпуса. Неоднократно выезжал в дивизии, где организовывал и обеспечивал вывоз с передовой линии раненых людей и лошадей. В период, когда корпус находился в тылу врага, где создавалось серьёзное положение со снабжением войск продовольствием, фуражом и боеприпасами... Тов. Толокольников все меры к тому, чтобы обеспечить корпус всем необходимым, лично сам, несмотря на угрозу смерти организовал провод всех обозов и транспортов через боевые порядки войск противника, чем обеспечил <...> части корпуса в тылу врага продовольствием, фуражом и боеприпасами, которые были на исходе».

В период 15–17-го сентября 1943 г. кавалерийские части корпуса Владимира Крюкова были сменены подошедшими дивизиями 41-го стрелкового корпуса. После освобождения советскими войсками 17 сентября 1943 г. Брянска, началось преследование противника по всей полосе фронта. Авиация бомбила и штурмовала отходившие колонны противника, наносила удары по его переправам на Десне. К 20-му сентября для преследования отступающего противника, в полосе действия 3-й армии была организована Конно-механизированная группа (здесь и далее – КМГ) [11] в составе 2-го гв. кавалерийского корпуса и 1-го танкового корпуса генерал-лейтенанта танковых войск Василия Васильевича Буткова. Группе придавались 30-я мотострелковая и 12-я истребительно-противотанковая бригады. КМГ возглавил заместитель командующего Брянским фронтом генерал-лейтенант Михаил

Ильич Казаков. 25 сентября, преследуя противника, части КМГ форсировали р. Ипуть и вошли на территорию Гомельской обл. Белорусской ССР в районе н.п. Ветка.

Несмотря на то, что войска кавалерийского корпуса были изрядно измотаны и потрепаны в боях по удержанию плацдарма на р. Десне, советская кавалерия в очередной раз доказала свою эффективность. Не будет преувеличением сказать, что дивизии 2-го гв. кавалерийского корпуса сыграли одну из ключевых ролей в успехе советских войск в боях за Брянщину.

Прорыв далеко в глубину обороны противника, действия на его коммуникациях, быстрое, молниеносное преследование отходящих частей, постоянные атаки вражеских арьергардов с целью не дать закрепиться на новых рубежах обороны – эти главные задачи, ставящиеся перед кавалерийскими частями, бойцы и офицеры 2-го гв. кавалерийского корпуса в боях Брянской операции выполнили с честью.

Литература и информационные источники

1. Боевой состав Советской Армии. Часть III. (Январь-декабрь 1943). М., 1972. 336 с.
2. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 / М.: Военное издательство МО СССР, 1984. 560 с. : ил.
3. Аквилянов Ю. А. Кавалерия на службе Отечеству. От Первой московской кавдивизии до Президентского полка. М.: «Издательский дом «Вече», 2014. 552 с. : ил.
4. Барятинский М. Б. Т-34 в бою. М.: «Яуза», «Эксмо», 2008. 361 с.
5. Воскобойников Г. Л. Советская конница в Великой Отечественной. М.: «Вече», 2008. 320 с.
6. Драбкин А. В. Я дрался на танке. М. : «Яуза», «Эксмо», 2015. 352 с.
7. Исаев А. В. Главные мифы о Второй мировой. Москва: Яуза-пресс, 2017. 448 с.
8. Исаев А. В. Освобождение. Переломные сражения 1943 года. М.: «Яуза-пресс», 2015. 544 с.
9. Пыхалов И. В. Великая оболганная война. 4-е расширенное изд-е. М.: «Яуза», «Эксмо», 2012. 576 с.
10. Пятницкий В. И. Казаки в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: «Яуза», «Эксмо», 2007. 320 с.
11. Сошников А. Я., Дмитриев П. Н., Урутюнов А. С. и др. Советская кавалерия : Военно-исторический очерк. М. : Воениздат, 1984. 319 с. : ил.
12. Тюленев И. В. Советская кавалерия в боях за Родину. М. : Военное издательство, 1957. 301 с.
13. Чубачин А. В. СУ-76 – братская могила экипажа или оружие Победы? М.: «Эксмо», «Яуза», 2009. 112 с.
14. Свирин М.Н. Второй после Т-34 // «М-Хобби». 2006. № 7 (73). 64 с.
15. Военное обозрение. Текст электронный // [сайт]. URL: https://topwar.ru/125575-rasskazy-ob-oruzhii-polkovushki-76-mm.
16. Танковый фронт. Текст электронный // [сайт]. URL : http://tankfront.ru/ussr/kk/

gvkk02.html (дата обращения 5.04.2022).

17. Военная литература. Текст электронный // [сайт]. URL: http://militera.lib.ru/ (дата обращения 5.04.2022).

18. Распопов Петр Михайлович. Текст электронный //Память народа [сайт]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie18611361/ (дата обращения 5.04.2022).

19. Приказ войскам Брянского фронта № 92/Н-а. Текст электронный // Подвиг народа [сайт]. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=19524552&tab=navDetailDocument (дата обращения 5.04.2022).

Кукатов А.В. (г. Брянск)

«ЗДЕСЬ НЕТ НИКАКОГО ДОМЫСЛА...» ДЕЛО МАЙОРА БРУСИНА

Довольно редко исследователю биографий репрессированных военнослужащих удается рассмотреть одно и то же дело, имея возможность сравнивать данные из нескольких источников. Чаще всего сведения для таких биографических очерков берутся из данных Книг Памяти, где указываются основные вехи уголовного дела: даты ареста, осуждения, реабилитации. Реже удается ознакомиться с самим архивным уголовно-следственным делом, поскольку для такого ознакомления нужно узнать, в каком архиве находится искомое дело, а затем приехать в нужный архив для работы. И уж в совсем единичных случаях репрессированные военнослужащие оставляют воспоминания о том, как им пришлось пережить следствие, суд и последующее отбытие наказания. В том деле, о котором мы поведем речь, все совпало. Опорные биографические данные позволили установить место хранения архивного уголовного дела, а отличная память героя и бережное хранение его мемуаров родственниками позволили нам посмотреть на всю ситуацию глазами главного действующего лица. Однако пора нам его представить: Александр Алексеевич Брусин, на момент ареста 1 сентября 1937 года командир 2-го полка бронепоездов, дислоцированного в городе Брянске, начальник брянского гарнизона.

Сразу охарактеризуем два основных источника по делу Брусина. На хранении в Архиве Управления ФСБ по Брянской области находится архивно-уголовное дело за №П-3617. А в 1988 году в московский архив общества «Мемориал» супруга Брусина Руфина Алексеевна принесла машинописный текст воспоминаний Александра Алексеевича «Дело. Начато в 1937 г.», написанный, судя по рукописной пометке, в 1959 году. Также нами использовались сведения из хранящихся в Российском государственном военном архиве (РГВА) протоколов заседаний Центральной Комиссии при Управлении по Начальствующему составу Красной Армии, по разбору жалоб начальствующего состава, уволенного в 1937/1938 годы. Кроме того, использовались данные из учетно-послужной карточки Брусина А.А., хранящейся в Центральном архиве министерства обороны (ЦАМО) в Подольске.

Александр Алексеевич Брусин родился в Нижнем Новгороде 22 августа 1898 года. Окончил 5 классов реального училища. После революции служил

в боевом летучем отряде при Нижегородской ЧК. С 1918 года в РККА, с февраля 1919 года служил на бронепоезде № 17. С октября 1923 года слушатель высших артиллерийских курсов в Москве [1]. Далее в учетно-послужной карточке значится служба командиром артдивизиона с 1927 года, но, благодаря мемуарам советского военачальника Ивана Васильевича Болдина, мы можем внести в описание этого периода службы А.А. Брусина некоторые уточнения. Согласно воспоминаниям Болдина, в 1924 году он командовал Московским отдельным стрелковым полком. И в один из дней ему представился прибывший на службу командир:

«У него красивые черты лица. Одет во френч с четырьмя большими карманами. Портупея плотно облегает грудь. Вошел тихо, как-то незаметно. Доложил:

– Брусин Александр Алексеевич. Прибыл на должность командира батареи.

– Специальное артиллерийское образование имеете?

– Да. Окончил высшую артиллерийскую школу. Отделение бронепоездов.

Узкая специальность Брусина меня смутила. Я прямо сказал:

– Полк наш стрелковый. Бронепоездов в нем нет. Нам нужен командир батареи. Так что с лошадьми придется дело иметь.

Брусин промолчал. Но что делать? Ведь он не виноват в том, что назначен к нам. Поживем – увидим. Может, сумеет командовать обыкновенной батареей.

– Приступайте к работе, товарищ Брусин, – сказал я, подавая ему на прощание руку. – Будет трудно – заходите, посоветуемся» [2].

Болдин прекрасно отзывается в дальнейшем в своих мемуарах о Брусине. Называет его «превосходным организатором, хорошим знатоком артиллерии, чутким товарищем». Отмечает его «кипучую энергию и неуемную инициативу». А в 1925 году Брусин участвовал в параде на Красной площади, и Болдин так описывал этот момент: «Помню, как тепло встретили москвичи наше появление. Когда на площадь въехала батарея, раздался гром аплодисментов. Впереди на резвом скакуне гарцевал Брусин. За ним – командиры и красноармейцы батареи. У всех до блеска начищены сапоги, шинели ладно сидят на богатырских фигурах» [3].

Далее, как мы помним, в учетно-послужной карточке Брусина значится должность командира артдивизиона, а с мая 1931 года он стал помощником командира полка 3-й механизированной бригады в Москве. Ровно через год Брусин был переведен в Управление механизации и моторизации РККА на должность помощника начальника сектора. Проработав здесь почти три года, майор Брусин в январе 1935 года был назначен командиром отдельного полка бронепоездов, дислоцировавшегося в городе Брянске [4].

Город Брянск на 1937 год являлся неформальной столицей советских бронепоездов. В районе станции Брянск-I (Мамоново поле) располагались квартиры 2-го полка бронепоездов, который включал в себя 4 дивизиона бронепоездов, учебный бронепоезд и батарею мотодрезин. А рядом с Брянском, в Орджоникидзеграде, на заводе «Красный Профинтерн» находилось единственное в стране производство, на котором строились советские бронепоезда с программой 5–6 единиц в год. Ремонт бронепоездов, их модернизация, а также изготовление опытных образцов и разработка различной технической документации производились рембазой-складом № 60 ГАБТУ РККА в городе Брянске. Ремонт железнодорожной части бронепаровозов (собственно паровоза) и бронеплощадок (ходовой части) производился в специально выделенном только для этой цели депо здесь же в Брянске. 2-й полк бронепоездов в 1937 году имел подчинение БВО (Белорусский военный округ) [5].

Подполковник Сыропятов.

Как известно, в мае-июне 1937 года были проведены аресты, молниеносно завершено следствие и состоялся суд по делу об «антисоветской троцкистской военной организации» или «военно-политическом заговоре». Были судом признаны «врагами народа» и расстреляны маршал Тухачевский, командармы 1-го ранга Якир и Уборевич, командарм 2-го ранга Корк, комкоры Эйдеман, Путна, Фельдман и Примаков.

Брянск. Городской отдел НКВД.

Дело о «заговоре военных» дало начало полномасштабному преследо-

Александр Алексеевич Брусин.

Иван Карпович Коллегов.

ванию военнослужащих по всей стране. Не стал исключением и брянский гарнизон. Проведенные проверки боеготовности части весной 1937 года зафиксировали ряд недостатков. В любое другое время это была бы совершенно ординарная ситуация. Но летом 1937 года все недостатки рассматривались через призму «вредительской деятельности» и возможного участия фигурантов в заговоре.

В материалы уголовного дела Брусина попали несколько протоколов партийных собраний парторганизации 2-го полка бронепоездов. Установка была понятной: топили командира полка Брусина. Именно он должен был стать крайним за недостатки в боеготовности полка. Поэтому главным вопросом собрания был такой: «О причинах допущения боевой техники до состояния небоеспособности».

Майор Брусин сам сделал доклад по данному вопросу и попытался оправдаться тем, что «случаи вредительского ремонта стали результатом нашей близорукости». И надо сказать, что подчиненные Брусина на этом первом собрании в чем-то поддержали своего командира, поскольку большинство выступлений касалось недостатков предыдущего командования полка:

– Очковтирательство у нас, безусловно, практиковалось, особенно во время Чернова и по наследству перешло к нам. (Крохин)

– Виноват бывший начальник железнодорожного довольствия Тихонов – он сейчас сидит в тюрьме. (Шлеев)

– Наше прошлое руководство (Кон-

нов, Рулев) относилось к работе спустя рукава. Рулев – Макаренко: «Что ты такое ничтожество. Я могу испортить тебе службу», – когда тот не принес этажерку на квартиру Рулеву. (Берлин)

Однако полностью выйти из-под удара командиру полка не удалось. Выступление интенданта 3-го ранга, помощника командира полка по хозяйственно-технической части Сыропятова Михаила Никифоровича касалось именно его непосредственного командира – майора Брусина: «Товарищ Брусин как единоначальник работал однобоко, политработу ведь он не любит. Семейственность в работе у нас была сверху донизу» [6].

Через небольшой промежуток времени, 9 июня 1937 года, состоялось следующее партийное собрание. На нем уже была назначена целая группа военнослужащих полка, виновных в утрате им боеспособности. Помимо Брусина, виновными были назначены тот самый Сыропятов, критиковавший Брусина на первом собрании, и еще один военнослужащий – воентехник 1 ранга, начальник артиллерийских мастерских полка (по другой формулировке – начальник боепитания полка) Серебряков Михаил Петрович.

– Семейственность в полку исстари заведена. Примеры: сожительство С-ич и Сыропятова. С-ич его делопроизводительница. Она запутала учет, она причастна к подделке документов, кричит на командиров, а Сыропятов покрывает ее. У Брусина отчуждение от партбюро налицо. В результате целый ряд диктаторских поступков, например, капитан назначается, чтобы выгонять детей из клуба во время кино. (Соломенцев)

– Достаточно Сыропятову повысить голос, как Брусин понижает свой. (Шестюк)

– Сыропятов давно творит безобразия. Футболистов заставляли играть насильно, отправлял после игры на гауптвахту. (Алексеев)

– Командование полка Серебряков считает слабым, и все свое время проводит на гулянках с девушками. (Политрук Жив) [7]

Очевидно, что на этом этапе к работе против Брусина уже подключился НКВД, и 28 июня 1937 года майор Брусин был снят с должности командира полка и уволен из РККА в запас [8].

Логичным продолжением ситуации стал разбор личного дела Брусина на партсобрании полка 10 июля 1937 года. На повестке дня был один вопрос – исключение из членов ВКП(б) Брусина Александра Алексеевича. Бывшему командиру, уже уволенному из армии, припомнили и другие грехи:

– Нити идут от снятого руководства Красного Профинтерна. (Токарев)

Кроме связи с опальным руководством бежицкого завода, Брусина обвиняли в том, что он отвлекал личный состав полка на строительство дороги, тем самым отрывая его от боевой подготовки. В своем выступлении на этом собрании Брусин делает слабую попытку оправдаться: «Приказ о снятии

меня – верный. Связь личная с руководителями в Бежице у меня была в 35 и 36 гг. был на квартире, но со Штейном (директором завода «Красный Профинтерн» – прим. авт.) мало говорил... Мы через плохую дорогу (на ремонт отрывалось до 200 человек) были месяцами оторваны от боевой части».

Однако итог собранию подвело выступление коммуниста Просовецкого: «Партсобрание явно выявило, что Брусин случайный человек в партии».

В результате голосования бывший командир полка был исключен из членов ВКП(б) [9].

Здесь мы вынуждены констатировать небольшую лакуну в нашем исследовании, возникшую из-за противоречия в датах. Дело в том, что Постановление об избрании меры пресечения Брусину датировано 7 июля 1937 года, а обыск и арест согласно последующим документам состоялись только 31 августа этого же года. С чем связана полуторамесячная пауза в деле бывшего командира полка, еще предстоит выяснить.

Тем не менее, в любом случае за то, что «будучи командиром полка к своим служебным обязанностям относился преступно-халатно, в результате чего материальную часть полка довел до небоеспособного состояния, отсюда и полк в целом стал небоеспособным, за что отстранен от должности», уполномоченный Особого отдела НКВД Ханкевич постановил привлечь Брусина как обвиняемого с содержанием под стражей в тюрьме Брянска [10].

А 30 августа был произведен арест Брусина и обыск в его жилище. Во время обыска были изъяты: автобиография, фотокарточки, переписка разная, один фотоаппарат, сабля с футляром, шашка без футляра, три кобуры, три ремня к кобурам, 1 седло с 4 подсумками [11]. Брусин в своих мемуарах вспоминает, что, предполагая после увольнения из армии высокую вероятность скорого обыска и ареста, он сжег некоторые книги, а также документы и карты, касающиеся военных игр. Также была сожжена и оказавшаяся между страниц одной старой книги фотокарточка Троцкого [12].

После обыска бывший командир полка и начальник брянского гарнизона был препровожден в брянскую тюрьму. Путешествие это ярко описано в мемуарах Брусина:

« – Смотри-ка! Военного ведут! – сказал один мальчишка другому, подталкивая его локтем. Оба с изумлением посмотрели на меня, а затем повернулись и пошли вслед за нами, шепотом делясь впечатлениями.

Меня вели два милиционера. Я был в военном обмундировании, но со срезанными петлицами и без пояса. Гимнастерка была заправлена в брюки, а на голове фуражка без звездочки. Мы шли некоторое время молча. Наконец один из милиционеров сказал, обращаясь к мальчишкам:

– Ну, что вы уставились? Чему удивляетесь? Тут удивляться нечему – ведь вы в СССР живете!

Мальчишки перестали шептаться и постепенно начали отставать и еще долго смотрели нам вслед» [13].

С самого начала сентября началась серия допросов Брусина, а также Сыропятова и Серебрякова, которые также были арестованы.

Мемуары Брусина содержат очень ценный краеведческий материал. Мы узнаем из них, как технически осуществлялся процесс допросов в Брянском городском отделе НКВД. Арестованных перемещали из брянской тюрьмы в Горотдел НКВД – это здание сегодня занимается администрацией Советского района города Брянска и находится по адресу: г. Брянск, улица Карла Маркса, 10. После допросов арестованных не возвращали в тюрьму, а либо оставляли в цокольном этаже здания НКВД, либо (если количество допрашиваемых было значительным) переправляли в клуб НКВД, находившийся неподалеку – на том месте, где сейчас мы видим здание Брянской областной Думы.

«Из клуба обреченных провожали через улицу сквозь строй – стояли две шеренги милиционеров лицом друг к другу, и между этими шеренгами вели людей поодиночке и только после того как предыдущий уже вошел во двор НКВД.» [14].

Почти каждый день от 8 до 19 сентября проводились допросы по делу Брусина, Сыропятова и Серебрякова. Конечно, в своих мемуарах бывший командир полка бронепоездов останавливается на «технологии» производства допросов в Брянском НКВД образца осени 1937 года:

«При допросах разбивали нервы – задача состояла в том, чтобы убить в человеке какую-либо сопротивляемость, а это достигалось невероятной руганью, оскорблениями, «стойками», или «сидениями», т. е. стоять до тех пор без шевеления, пока ноги не распухнут, или сидеть не вставая по многу часов. Лишением сна – мне пришлось не спать подряд тринадцать суток – из них, конечно, наибольшее число часов на допросах, а оставшиеся на «отдыхе» от допроса, когда милиционер, стоявший рядом, не давал закрыть глаза. Во время многосуточного пребывания на допросе – пища составляла 400 грамм черного хлеба в сутки и больше ничего... Впрочем от допросов ум заходил за разум – было уже не до еды... Допросы настолько изводили человека, что в качестве приманки за твою подпись на состряпанном ими документе предлагалось отправление в тюрьму. Ибо по сравнению с нахождением в НКВД – тюрьма казалась раем» [15].

Неудивительно, что обвиняемые после таких «допросов» начинали давать показания нужные «следователям».

Дело Брусина вел младший лейтенант госбезопасности Ханкевич. Совсем недавно он был оперуполномоченным при 2-ом полку бронепоездов, и Брусин отмечал в своих мемуарах, что хамящий и тыкающий ему Ханкевич

«давно ли, будучи в полку, был вежлив и предупредителен» [16]. Первые три дня допросов (по воспоминаниям Брусина) ушли на составление «доклада» о состоянии дел в полку. Но документы, выходившие из-под пера Брусина, не устраивали Ханкевича. Он разорвал очередной доклад и похабно матерясь, выкрикнул:

– Ну, хватит! Это нам не нужно! Пиши сейчас о том, когда ты начал заниматься вредительством, кто тебя завербовал и кого ты завербовал? [17]

Александр Брусин вначале пытался убедить следствие, что он всего лишь выполнял вредительские указания своих командиров:

– Комбриг Рулев (начальник автобронетанковых войск Белорусского военного округа. – Прим. авт.) деморализовал командный и начальствующий состав. Говорил, что бронепоезда в будущей войне какого-либо серьезного значения играть не будут;

– Во время приезда в полк Уборевича (командующего войсками Белорусского военного округа. – Прим. авт.) все, что нужно было полку по части боевого обеспечения было отказано, а разрешено только построить клуб;

– Была вина и АБТУ РККА. Срыв по поставкам матчасти для полка проходил по линии АБТУ РККА, по линии Ольшанского (заместителя начальника автобронетанкового управления Красной армии – АБТУ РККА – Прим. авт.) [18].

Затем бывший командир стал признавать, что был недостаточно требователен к своим подчиненным, которые своими действиями и подрывали боеспособность полка:

– Согласен с оценкой «виновен» – слепо доверял Сыропятову и Серебрякову, а они, пользуясь доверием, творили грязные дела;

– Косарев, командир батальона бронедрезин проводил линию: «Бей, ломай машины – дадут новые!»;

– Шестюк (помполит полка), Цирулик (начштаба) и командир учебного дивизиона Токарев – прямые пособники.

И, наконец, Брусин стал признавать и собственную вину, но только в халатности, но не во «вредительстве»:

– Признаю себя виновным в халатности, мало контролировал подчиненных [19].

В результате после признания вины Брусина наконец-то перевели из распоряжения НКВД обратно в тюрьму. Приблизительно в то же время признали себя виновными и проходящие с Брусиным по одному делу Серебряков и Сыропятов. При этом Серебряков отмечалв своем «признании»: «никто меня не вербовал, считаю себя виновным в том, что принимал и исполнял вредительские установки Брусина и Сыропятова» [20].

Приблизительно на месяц следователи оставили в покое Брусина, а в конце октября были проведены следующие следственные действия. Это

был ряд очных ставок. 26 октября между Сыропятовым и Серебряковым, 27 октября очные ставки Брусина с командирами полка Берлиным, Цурбаном, Токаревым, Просовецким. Последний на очной ставке обвинял Брусина в том, что тот «тащил из полка все что мог, использовал красноармейцев для личных целей, заставлял носить дрова, вел развратный образ жизни, сожительствовал с женами командиров» [21]. Начало одной из очных ставок, с командиром учебного дивизиона Токаревым, Брусин описывает в своих мемуарах так: «Т. подчеркнуто негодующе посмотрел на меня, сел на стул и сказал:

– Вот он..., вредителем оказался! А мы-то сначала верили ему!

И он, сжав кулаки, сделал движение, которым хотел показать, что сейчас встанет со стула и ударит меня» [22].

По результатам проведенных следственных действий следователь Ханкевич постановляет, а начальник Горотдела НКВД капитан госбезопасности Коллегов соглашается с ним, переквалифицировать деяния Брусина с 58-й статьи на 193 пункт 17б. То есть с политической «антисоветской деятельности» на воинское преступление, злоупотребление властью. Вроде бы это изменение в лучшую сторону, так как дела по 58-й статье могли пойти на «тройку» с упрощенным порядком судопроизводства. А по 193-й обвиняемый должен был быть предан суду военного трибунала. Но с другой стороны, пункт «б» инкриминируемой статьи, то есть злоупотребление властью при отягчающих обстоятельствах, имел наказанием только высшую меру и ничего больше. И сам Брусин был в курсе этого нюанса: «Этот пункт гласит: расстрел безоговорочный, никаких от и до... Мы должны были быть расстреляны во что бы то ни стало» [23].

29 ноября 1937 года обвинительное заключение было подписано и направлено в военный трибунал Белорусского военного округа [24].

Понимая, что статья расстрельная, Брусин пишет письмо о незаконных методах следствия в несколько адресов – в ЦК партии, Прокурору Союза ССР, Наркому обороны. Через надзирателя, бывшего красноармейца полка, эти письма удалось передать на волю.

А пока где-то далеко решалась судьба Брусина, ему... снились сны. И в одном из них от табуна вороных коней, норовивших его растоптать, его спас мужчина восточного вида, назвавшийся иранским принцем. Один из тюремных толкователей снов расшифровал этот сон таким образом, что Брусину удастся избежать смерти (вороных коней) с помощью благородного человека [25]. И то, что произошло впоследствии, Александр Алексеевич Брусин всю жизнь считал воплощением в жизнь своего вещего сна.

Трудно сказать, с чем на самом деле связана почти полугодичная пауза в деле, возникшая после того, как было подписано и утверждено обвини-

тельное заключение. Из материалов дела (с которыми, впрочем, не удалось ознакомиться в полном объеме – целый ряд листов закрыт для исследователей) не видно, что какие-то заявления Брусина, которые его жена направляла в различные инстанции, повлияли на ход дела. Но факт остается фактом: после того как обвинительному заключению был дан ход, возникла пауза, а затем 14 апреля 1938 года оно было направлено прокурору XI стрелкового корпуса для утверждения и направления в трибунал БВО [10].

И вот в мае 1938 года начинается фактически новое следствие по делу Брусина, Сыропятова и Серебрякова. Очевидно, прокуратура усомнилась в отягчающих обстоятельствах по данному делу и соответственно в его квалификации по расстрельному пункту 17б. И тут в деле появляется «иранский принц» из вещего сна Брусина. Вот как описывает знакомство с ним бывший командир полка: «В комнате было двое –Ханкевич и еще один, ранее не виданный мною человек, в военной общеармейской форме и с ромбом на петлицах – ромб по тем временам означал генеральское звание. Он был очень небольшого роста, с крупной головой и пронизывающим взглядом» [27].

Согласно мемуарам Брусина, Корецкий начал с того, что стал уговаривать его согласиться с «вредительством» и переквалификацией на 58-ю статью, объясняя, что пункт 17б 193-й статьи предусматривает исключительно смертную казнь. Однако Брусин не согласился с этим предложением, отказываясь от всех своих предыдущих показаний на следствии.

В конце мая – июне 1938 года Корецким был проведен ряд следственных действий: передопросы обвиняемых, очные ставки (одну из них – между Брусиным и Сыропятовым, описывает Александр Алексеевич в своих мемуарах), допросы ряда свидетелей. Брусин твердо стоял на том, что его показания на первом следствии были вынужденными и неправдивыми.

Наконец, 27 июня 1938 года Корецкий завершил следствие и подписал обвинительное заключение с обвинением Брусина по статье 193 пункт 17а [28]. То есть «а», а не «б», то есть расстрельный пункт 193 статьи прокурор не стал применять к обвиняемому. Это, конечно, была победа Брусина. Момент из мемуаров, когда Корецкий сообщает ему о переквалификации, заслуживает цитирования:

– Я проверил кое-какие факты и убедился, что вы не вредитель, и я приехал за тем, чтобы дать вам другую статью, а именно 193 п. 17а, а это просто обвинение в халатности по службе.

– О, Господи! Наконец-то пришло спасение! – я облокотился на стол и положил голову на руки и несколько минут не мог придти в себя. Ведь на самом деле с сентября 1937 года по май 1938 года я ожидал расстрела, и это не было выдумкой – расстрел грозно висел надо мной... А теперь – какое счастье! – даже если меня и осудят, то что значат несколько лет по обычной,

«бытовой», как говорят, статье – чепуха!

– Спасибо вам! Великое спасибо! – а сам подумал: «Его действия в настоящее время беспримерны!» [29].

Брусин стал готовиться к суду, и предполагать, какие свидетели могут выступить на процессе против него. Он почти не сомневался, что в их числе будет новый командир полка – Чернов. О своих отношениях с ним Брусин писал так: «Он был когда-то начальником штаба полка, и мы с ним не ладили. Это был тип узколобого чиновника, с ограниченным умом, боявшегося всяких новшеств, а самое главное, он сам хотел быть командиром полка. Затем Чернов ушел от нас в Автобронетанковое управление в Москву. Потом он, в составе комиссии, приехал к нам в полк. Комиссия определила состояние бронеплощадок как неудовлетворительное. Между прочим, часть этих бронеплощадок была направлена в полк им самим. Вообще говоря, ничего криминального в состоянии этих бронеплощадок не было, но был 1937 год – разгул для демагогов, карьеристов и клеветников. Чернову самому захотелось командовать полком, и он написал уничтожающий акт о состоянии бронеплощадок, в котором незначительные неисправности возводились в угрожающие. Этот акт и положил начало всей этой печальной истории» [30].

Наконец, 3 сентября 1938 года состоялось заседание военного трибунала Белорусского военного округа. Нужно отметить, что с июля 1938 года город Брянск и 2-й полк бронепоездов относились к вновь созданному Орловскому военному округу. Но старые дела завершались по той подсудности, в которой были начаты.

Брусин не признал себя виновным в заседании. Сыропятов также не признал себя виновным, а «показания 1937 года давал лично, но показания эти были вынуждены и поэтому считает эти показания показаниями уполномоченного НКВД, а не своими». Серебряков признал свою вину частично. Обвиняемым удалось отбить все нападки Чернова, который выступал свидетелем по делу и припомнил Брусину все реальные и выдуманные грехи. Тут и аварии бронедрезин, и, якобы, принижение роли бронепоездов в грядущей войне, и отвлечение личного состава на строительство дороги, и проводка телефонного кабеля из полка к себе на квартиру, и даже трата казенных денег на устройство банкета с шефами полка.

В своих мемуарах Брусин вспоминает свою встречу с бывшим комиссаром полка Конновым, которая состоялась в 1945 году. Генерал-лейтенант Коннов, будучи в 1938 году полковым комиссаром, присутствовал на суде в качестве свидетеля и рассказывал Брусину, что во время обеда «задал вопрос судьям:

– За что вы его судите? Ведь никакого преступления не было!

Один из судей ответил:

– Мы не можем его не осудить. Если мы выпустим его теперь, он вряд ли даже выйдет из здания суда – его немедленно арестуют органы НКВД – такое теперь время... А так – мы ему дадим немного – хоть жив останется!» [31].

Суд шел целый день – с утра до вечера – какой контраст с заседаниями выездных сессий Военной Коллегии Верховного Суда СССР, где на одного обвиняемого, приговариваемого, как правило, к расстрелу, судьи тратили не более 10 минут. Здесь же лишь в 22 часа 25 минут суд вынес приговор. Брусин был признан виновным в халатности и ему было назначено наказание в виде 5 лет лишения свободы. Сыропятова приговорили к 4-м годам, Серебрякова – к 3-м и, в связи с амнистией в честь 20-летия РККА, его из-под стражи тут же освободили [32].

По воспоминаниям Брусина «больше всех был недоволен решением суда Чернов – он с досады махнул рукой и неодобрительно покачал головой, ему так хотелось, чтобы нас – вернее меня – расстреляли» [33].

Сразу после процесса, в коридоре тюрьмы, Брусин написал кассационную жалобу в Верховный Суд на решение трибунала. Буквально через несколько дней из осужденных сформировали колонну, и почти бегом эти люди переместились от Брянской тюрьмы к вокзалу. Утром поездом этап отправился в Орел, и до отправки в лагеря несколько дней Брусин и Сыропятов провели в Орловском централе. Затем бывший командир полка был определен к отправке в Соликамский лагерь. К концу сентября эшелон с осужденными прибыл в Соликамск. Бывший майор был определен в лагерь, занимавшийся строительством бумажного комбината, так называемый «Бумстрой». Брусину повезло - с ним в лагере оказались двое крепких осужденных, бывших красноармейцев полка связи, дислоцировавшегося в Брянске, знакомых ему по брянской тюрьме. Они помогали Александру Алексеевичу в лагерном быту, с их помощью он отбивал атаки уголовников на еду и вещи. Более того, его как бывшего командира полка лагерное начальство назначило старшим в отряде заключенных. По работе Брусин получил назначение и должен был освоить должность диспетчера пароходства, а затем заместителем начальника другого отряда по воспитательной части. В один из дней Сыропятов, работавший в канцелярии лагеря, прибежал к Брусину и сообщил ему, что в его адрес пришла телеграмма:

«Непослушными руками я развернул телеграмму: Что-то случилось? Что-то случилось? Я прочел ее и из всего текста, мне бросилось в глаза только одно слово: «амнистирован». Я был настолько взволнован, что толком никак не мог уяснить себе случившееся и перечитывал телеграмму несколько раз. Вот оно! Свершилось! Недосягаемая мечта превратилась в явь! Ведь это чудо из чудес – быть в лапах у «ханкевичей» и вдруг воля! Свобода! Один случай на сто тысяч!» [34].

Действительно, уже 22 сентября 1938 года Военная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев жалобу Брусина, снизила срок наказания до 3 лет и в ознаменование 20-летия РККА освободила его от отбытия наказания. То есть Брусин находился в лагере довольно долгое время, уже будучи амнистированным, поскольку довольно быстро был отправлен из брянской тюрьмы в лагерь.

Брусин был освобожден из Соликамского лагеря 16 октября 1938 года и уже через несколько дней был дома, в Москве, где встретил жену и детей – Сергея и Полину.

В феврале 1939 года Брусин подал жалобу на увольнение из армии, однако увольнение оставили в силе с прежней формулировкой статьи 43 пункт «б»: «в аттестационном порядке, по служебному несоответствию». В июне 1940 года Александр Алексеевич подал повторную жалобу и, на этот раз, Центральная Комиссия при Управлении по Начальствующему составу Красной Армии, по разбору жалоб начальствующего состава, оставив в силе само увольнение, изменила статью увольнения с пункта «б» на пункт «а». С формулировкой «за невозможностью использования в связи с сокращением штатов или реорганизацией» [35].

Интересно, что в феврале-марте эта же комиссия рассматривала дела Сыропятова и Серебрякова. В случае с последним также была изменена статья увольнения. А вот Сыропятову удалось восстановиться в РККА, так как Военной Коллегией Верховного Суда СССР 3 декабря 1939 года приговор Военного Трибунала БОВО от 3 сентября 1938 года был отменен и дело в отношении Сыропятова производством прекращено. Также Комиссией при Управлении ПУРККА Сыропятов был восстановлен в членах ВКП(б) без взысканий [36].

Однако Брусину отмены приговора добиться не удалось. И все-таки изменение статьи увольнения позволило бывшему командиру полка решить вопрос со своим трудоустройством. По иронии судьбы его следующее место работы было связано с Наркоматов внутренних дел. В июне 1941 года он был принят на службу в Главное Управление войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий на должность помощника начальника 2-го бронетанкового отдела. Через месяц Брусин был переведен в 67-ю бригаду войск НКВД г. Москвы помощником начальника службы тыла по вооружению. С мая 1942 года Брусин служит в 159-м полку 16-й дивизии войск НКВД. А с ноября 1942 года подполковник Брусин назначен старшим преподавателем тактики и службы тыла межокружных интендантских курсов Северокавказского военного округа в городе Новочеркасске.

Был награжден орденом Ленина в 1943 году и орденом Красного Знамени в 1945 году, медалями «За оборону Москвы» и «За победу над Германией» [37].

Только в октябре 1961 года очередное обращение Брусина в Главную военную прокуратуру привело к пересмотру дела. В своем обращении Александр Алексеевич писал: «Испытал все во время следствия, что было положено в то время. В силу исключительно счастливых обстоятельств мое дело было переквалифицировано – 5 лет ИТЛ. В конце сентября Военная Коллегия Верховного Суда заменила 5 лет на 3 года, и 16 октября 1938 года был освобожден по амнистии. Сейчас я в отставке, член КПСС, веду активную общественную работу. Прошу пересмотреть дело» [38].

Лишь 6 августа 1962 года прокурор СССР Руденко внес протест в Пленум ВС СССР с просьбой приговор ВТ БВО от 3.09.1938 и определение ВК ВС СССР от 22.09.1938 года отменить и дело прекратить за отсутствием состава преступления [39].

Наконец, 3 октября 1962 года Постановлением Пленума Верховного Совета СССР приговор и определение были отменены, а дело прекращено за отсутствием состава преступления [40].

«Через 25 лет!» – горько восклицает Брусин в рукописном дополнении на обороте своих мемуаров [41].

Насмешкой выглядит один из последних листов дела Брусина: в 1962 году он получает 27 рублей компенсации за вещи, изъятые во время обыска.

К сожалению, пока не удалось установить дату смерти Александра Алексеевича Брусина и место его захоронения.

Литература и информационные источники

1. ЦАМО. УПК Брусина А.А.

2. Болдин И.В. Страницы жизни. М., 1961.

3. Там же.

4. ЦАМО. УПК Брусина А. А.

5. Кукатов А.В. Орловский военный округ. 1938–1941. Том 1. 1938–1940. Брянск, 2019. С. 61.

6. Протокол № 7 партсобрания 2 полка бронепоездов // АУФСБ по Брянской области. Д.П. - 3617. Л. 80–90.

7. Протокол партсобрания 2 полка бронепоездов от 9 июня 1937 года //АУФСБ по Брянской области. Д.П. 3617. Л. 91–102.

8. ЦАМО. УПК Брусина А.А.

9. Протокол партсобрания 2 полка бронепоездов от 10 июля 1937 года // АУФСБ по Брянской области. Д.П. 3617. Л. 103–113.

10. Постановление об избрании меры пресечения от 7 июля 1937 года // АУФСБ по Брянской области. Д.П. 3617. Л. 3.

11. Протокол обыска от 31 августа 1937 года // АУФСБ по Брянской области. Д.П-3617. Л. 5.

12. Брусин А.А. Дело. Начато в 1937 г. Рукопись. 1959 // Архив Международного

Мемориала. Ф.2. Оп. 5, Д. 16. Л. 15.

13. Там же. Л. 5.

14. Там же. Л. 8.

15. Там же. Л. 9.

16. Там же. Л. 11.

17. Там же. Л. 12.

18. Протоколы допросов А.А. Брусина от 8–19 сентября 1937 года // АУФСБ по Брянской области. Д.П-3617. Л. 120–122.

19. Там же.

20. Протокол допроса М.П. Серебрякова от 18 сентября 1937 года // АУФСБ по Брянской области. Д.П-3617. Л. 180.

21. Очная ставка Брусина и Просовецкого от 27 октября 1937 года // АУФСБ по Брянской области. Д.П-3617. Л. 244.

22. Брусин А.А. Дело. Начато в 1937 г. Рукопись. 1959 // Архив Международного Мемориала. Ф. 2. Оп. 5. Д. 16. Л. 70.

23. Там же. Л. 49–50.

24. Обвинительное заключение по делу Брусина от 29 ноября 1937 года // АУФСБ по Брянской области. Д.П-3617. Л. 339–345.

25. Брусин А.А. Дело. Начато в 1937 г. Рукопись. 1959 // Архив Международного Мемориала. Ф. 2. Оп. 5. Д. 16. Л. 120.

26. Отметка о направлении обвинительного заключения прокурору XI стрелкового корпуса для утверждения и направления в трибунал БВО от 14 апреля 1938 года // АУФСБ по Брянской области. Д.П-3617. Л. 298.

27. Брусин А.А. Дело. Начато в 1937 г. Рукопись. 1959 // Архив Международного Мемориала. Ф. 2. Оп. 5. Д. 16. Л. 134.

28. Обвинительное заключение от 27 июня 1938 года // АУФСБ по Брянской области. Д.П-3617. Л. 571.

29. Брусин А.А. Дело. Начато в 1937 г. Рукопись. 1959 // Архив Международного Мемориала. Ф. 2. Оп. 5. Д. 16. Л. 163.

30. Там же. Л. 173.

31. Там же. Л. 234.

32. Протокол судебного заседания Военного трибунала БВО от 3 сентября 1938 года // АУФСБ по Брянской области. Д.П-3617. Л. 575–586.

33. Брусин А.А. Дело. Начато в 1937 г. Рукопись. 1959 // Архив Международного Мемориала. Ф. 2. Оп. 5. Д. 16. Л. 187–188.

34. Там же. Л. 215–225.

35. Протокол № 15 заседания Центральной Комиссии при Управлении по Начальствующему составу Красной Армии, по разбору жалоб начальствующего состава уволенного в 1937/1938 гг. от 16 июня 1940 года // РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 406. Л. 195.

36. Протоколы № 5 и № 6 заседаний Центральной Комиссии при Управлении по Начальствующему составу Красной Армии, по разбору жалоб начальствующего состава уволенного в 1937/1938 гг. от февраля и 16 марта 1940 года // РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 406. Л. 57–58, 67.

37. ЦАМО. УПК Брусина А.А.

38. Обращение в Главную военную прокуратуру Брусина А. А. от 26 октября 1961 года // АУФСБ по Брянской области. Д.П-3617. Л. 592.

39. Протест прокурора в Пленум ВС СССР от 6 августа 1962 года // АУФСБ по Брянской области. Д.П-3617. Л. 601.

40. Постановление Пленума ВС СССР от 3 октября 1962 года // АУФСБ по Брянской области. Д.П-3617. Л. 602.

41. Брусин А.А. Дело. Начато в 1937 г., Рукопись, 1959// Архив Международного Мемориала. Ф. 2. Оп. 5. Д. 16. Л. 334 (оборот).

Примечания

Международный Мемориал внесен Минюстом РФ в реестр, предусмотренный п. 10 ст. 13.1 ФЗ «Об НКО»

1. Ханкевич Владимир Михайлович, младший лейтенант госбезопасности, следователь Брянского городского отдела НКВД.

2. Коллегов Иван Карпович, капитан госбезопасности, начальник Брянского Горотдела УНКВД по Орловской области. С 11 января 1939 года начальник Соловецкой тюрьмы. Родился в 1900 году. В РККА с июля1918 года. Участник Гражданской войны (ранен). В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД с 1918 года. Арестован 8 июня 1939 года. 8 июля 1941 года приговорен к ВМН. Расстрелян 28 июля 1941 года.

3. Корецкий Георгий Степанович, бригвоенюрист, в 1935 году военный прокурор Восточно-Сибирской железной дороги, в 1937 году военный прокурор БВО. В 1942 году военный прокурор Приморской армии. 11 августа 1942 года утонул в боевой обстановке при эвакуации из Севастополя в результате авианалета противника.

4. Сыропятов Михаил Никифорович, интендант 3 ранга, 1904 г.р., помощник по хозяйственно-технической части командира 2 полка бронепоездов в 1938 году. 3 сентября 1938 года был осужден на 4 года ИТЛ. Военной Коллегией Верховного Суда СССР 31 декабря 1939 г. приговор отменен и дело в отношении его производством прекращено. Комиссией Сыропятов был восстановлен в РККА. В 1943 году подполковник артиллерийско-технической службы Сыропятов начальник 4-го отделения артиллерийского снабжения 22-й Армии.

5. Чернов Петр Георгиевич, майор, 1901 г. р., командир 2-го полка бронепоездов (Брянск) на момент создания Орловского военного округа в июле 1938 года. В сентябре 1939 года поБУС был развернут 1-й запасной полк бронепоездов, в командование которым вступил полковник Чернов. Затем командир 70-й легкотанковой бригады. 25 ноября директивой УрВО бригада переименована в 5-ю легкотанковую. С декабря 1940 г. на курсах при Академии механизации и моторизации. В 1941 году полковник Чернов – командир 51-й танковой дивизии (Брянск) 23-го мехкорпуса, сформированного весной 1941 года в ОрВО. На 22 июня 1941 г. в этой должности. В июле 1941 г. 51-я тдпереименована в 110-ю танковую дивизию. С 1 сентября командир 141-й танковой бригады, сформированной на базе 110-й тд. С января 1942 года назначен заместителем начальника Управления бронепоездов, а с мая 1942 года возглавил это Управление. 3 мая 1942 года присвоено звание генерал-майор танковых войск. С конца 1942 и до 1946 года возглавлял Управление бронепоездов и

бронемашин. С июня 1946 по июнь 1948 года инспектор бронетанковых и моторизованных войск Главной Инспекции Вооруженных Сил. Вышел в отставку в июне 1953 года. Скончался 29 сентября 1956 года.

6. Коннов Иван Прокофьевич, полковой комиссар, 1900 г. р., в 1937 году военком 2-го полка бронепоездов. Начальник политотдела 30-го стрелкового корпуса на декабрь 1939 года. В феврале 1941 года бригадный комиссар Коннов назначается заместителем командира 33 стрелкового корпуса (ОрВО) по политической части. В 1942-1945 гг. член Военного Совета 3-й Армии. 6 декабря 1942 года присвоено звание генерал-майор. 2 ноября 1944 года присвоено звание генерал-лейтенант. Скончался 13 июля 1951 года.

Пастухова А.Е. (г. Брянск)

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАБОТЫ ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

В «Брянском краеведе» (выпуск № 2) есть раздел, посвященный трагическим и позорным страницам в истории нашего государства – годам репрессий, пик которых пришелся на 1937 год.

Мы тогда сообщили, что в Брянске организована инициативная группа, целью которой было создание памятника жертвам политических репрессий, ибо мы единственная область из Центрального федерального округа, где нет такого памятника или хотя бы знака.

Прошло несколько лет, и мы хотим сообщить нашим читателям, что есть надежда: памятник будет обязательно и у нас в Брянске; нас очень хорошо поддерживает, а ещё точнее, с нами активно работает администрация Советского района города Брянска, его глава А.Н. Колесников, и в последнее время поддерживает городская администрация. По специально разработанному проекту подготовлен и оборудован под памятник сквер, которому присвоено имя «Память», в нём проведено благоустройство – замощены дорожки, поставлены скамеечки, он ухожен и уютен. Осталось самое главное – найти необходимые средства на создание памятника, чем мы сейчас занимаемся, принимая участие в различных проектах, и мечтаем получить так необходимые нам гранты.

30 октября 2021 года, в День памяти жертв политических репрессий, у закладного камня собралась небольшая группа людей, ибо обстановка не позволила провести эту значимую дату на достойном полноценном уровне. Здесь были представители всех организаций, входящих в инициативную группу по созданию памятника жертвам политических репрессий: члены Клуба любителей истории родного края, музееведы и преподаватели школы № 60, потомки жертв политических репрессий и, конечно, представители

Брянск. 30 октября 2021 года. Члены инициативной группы у закладного камня.

Брянской епархии, от которой мы получили благословение на наш проект ещё в 2016 году, то есть вначале нашей работы.

Здесь, у закладного камня, было всё: добрые слова памяти в адрес погибших и репрессированных, возложение цветов (надеемся, что на следующий год мы положим их уже к памятнику), минута молчания, священнослужители провели литию об упокоении. Но особенно проникновенно и тепло прозвучало, буквально до слез тронув всех, стихотворение в исполнении автора – Владимира Викторовича Крашенинникова – кандидата исторических наук, краеведа. Оно посвящено будущему памятнику (как мы надеемся) на месте, где сегодня лежит закладной камень...

Действительно, до глубины души трогают строки этого стихотворения, идущие от самого сердца человека, переживавшего долгие годы вместе со страной её благополучные дни и все её несчастья и горе, как свои личные обиды. Познакомьтесь и вы с трогательными строками этого стихотворения, строками где-то гневными, а где-то просто призывающими помнить.

На закладку памятника жертвам политических репрессий на Брянщине

Этот памятник – тем, кто безвинно расстрелян,
Тем, чьих нету могил, чтоб пойти помянуть,
Тем, чей облик живой безвозвратно потерян,
Как оборванный пулями жизненный путь.

Уравняла вас смерть – заводской ли рабочий,
Земледелец простой или сельский купец,
Офицер ли, священник, учитель иль прочий
Той эпохи ощепок – всем общий конец.

Вместо правды – вранье, вместо чести – бесчестье,
А придумать «вину» – это сущий пустяк.
Только вы в большинстве – и отдельно, и вместе –
Не согнулись душой при избитых костях.

Этот памятник – детям, познавшим сиротство,
Чьи дороги обильно покрыты золой,
Для которых Россия с её первородством
Оказалась не матерью – мачехой и злой.

Но вот полного списка имён и фамилий
До сих пор ещё нет. Не на то ли расчёт,
Чтобы внуки и правнуки напрочь забыли –
Где, когда, почему? Время все унесёт.

Дни безвременья – время совсем не простое.
Ещё много живущих мечтой о «вожде».
Потому обольщаться, пожалуй, не стоит –
Пробивается правда пока не везде.

Насаждался порядок железом и кровью,
Чтоб построить коммуны надуманный дом...
Начинается жизнь, как известно, любовью,
Продолжается – верой, добром и трудом.

А её завершением становится память.
Все мы смертны, но добрая память — жива.
И пока она есть, и пока она с нами,
Не исчезнут бесследно дела и слова.

Будет памятник, нет ли – лишь время покажет.
Может, так и останется камень один...
И тогда этот камень на совесть нам ляжет,
Если совесть, конечно, в архив не сдадим.

Как жаль, что наши брянские средства массовой информации (газеты, радио, телевидение) ни словом не обмолвились в этот день о памятной дате – Дне памяти жертв политических репрессий. Говорит это только об одном – им неизвестно слово «память».

Арефина Т.И. (с. Овчинец, Суражский р-н)

НАЧАЛО КОЛХОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В ИСТОРИИ МОЕГО СЕЛА

В конце 1920-х годов наша страна приступила к индустриализации и выполнению своего 1-го пятилетнего плана (пятилетки). Развернулось строительство заводов, фабрик и новых городов. Для этого понадобились миллионы рабочих рук, а они были на селе, потому что работа в сельском хозяйстве в основном держалась на ручном труде. Обеспечить автомашинами, тракторами и комбайнами миллионы мелких хозяйств было невозможно, да и бессмысленно. Единоличные хозяйства не могли дать населению страны достойное питание, а промышленности – сырье. Вот поэтому XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) – ВКП(б), проходивший в Москве с 2 по 19 декабря 1927 года, обозначил курс на индустриализацию и коллективизацию .

В своей резолюции «О работе в деревне» съезд постановил: «В настоящий период задача преобразования и объединения мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупное коллективное хозяйство должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне». Зима 1929-1930 года стала зимой массовой, сплошной коллективизации сельского хозяйства.

Летом 1929 года работу по созданию колхоза начали в селе Овчинец, Суражского района. Вся тяжесть этой сложной и трудной работы легла на плечи секретаря парторганизации Барона Григория Ефимовича, председателя сельского Совета Ларенка Павла Прохоровича, председателя комбеда (комитет бедноты) Мартыненко Свирида Михайловича и заведующего школой Левдика Сергея Петровича.

Сначала созвали расширенное партсобрание с участием комсомольцев и актива сельского Совета. После обсуждения этого вопроса вынесли решение об организации колхоза в селе Овчинец. Но сделать это было не так-то просто. Постановили провести подготовительную работу: пойти по домам бедняков и середняков и провести разъяснительную работу о необходимости создания колхоза. В это же время против создания колхоза начали контрпропаганду кулаки. Они распространили по селу всякие небылицы о жизни в колхозе. После проведенной работы было объявлено о созыве общего собрания жителей села. Народу собралось полный клуб. Пришли и противники колхоза. Стороны приготовились к отстаиванию своих точек зрения. Прибывший из Суража уполномоченный сделал доклад, в котором

обосновал необходимость коллективизации единоличных хозяйств, объяснил примерный порядок работы и жизни в колхозе. Потом выступили руководители села. Надо сказать, что выступавшие сами четко не знали, да и не могли знать колхозную жизнь. Ведь это дело новое. На собрании начались бурные выступления, посыпались десятки вопросов, на которые не так-то просто было ответить. «Правда ли, что в колхозе будем, есть из общего котла?» Еще до ответа разгорается спор: «Есть всем из одного котла, а работать как будем? У меня один ребенок, а у Петра семеро, я на них работать не буду!» «Нет, будешь!» – кричит в ответ Петр. Мои хлопцы вырастут и пойдут в армию, будет целое отделение для защиты Родины, а у тебя один, кто вам не дает нарожать больше?». Руководители насколько могли и знали, давали ответы.

Началась запись в колхоз. Первыми записались руководители села, коммунисты и комсомольцы, активисты сельсовета, бедняки. Записалось около 50 хозяйств. Потом в семьях начались споры. Муж записался, а жена нет, она против вступления в колхоз. Многие приходили в сельсовет и просили вычеркнуть их из колхоза. Но максимальный накал страстей произошёл тогда, когда вступившие в колхоз стали свозить семена в указанные места, сдавать лошадей, вторых коров. Каждый колхозник имел право держать одну корову. Трудно было крестьянам расставаться со своими «буренками» и лошадьми. Сколько было ругани и слез в семьях, вступивших в колхоз. Это была вторая революция.

Из колхоза через некоторое время начали выписываться колхозники. Они забирали скот, инвентарь, зерно и увозили его домой. За ними стали выписываться и те, кто вошел в колхоз добровольно. Создалась очень сложная обстановка. Колхоз почти распался. Люди то записываются в колхоз, то выписываются из него. Наступила весна, начались полевые работы. Земля колхозу не отведена. Коммунистам пришлось очень много поработать и провести разъяснительную работу. В июле колхоз был окончательно и безоговорочно создан. По предложению Левдика С.П. колхоз назвали «Труд». После споров и разногласий, когда отошли все, кто сомневался, осталось ядро колхоза в составе девяти хозяйств. Вот первоначальный состав колхоза:

1. Мартыненко Свирид Михайлович – коммунист.
2. Мартыненко Петр Яковлевич – коммунист.
3. Барон Григорий Ефимович – коммунист.
4. Мартыненко Федор Лазаревич – коммунист.
5. Арефин Семен Андреевич – коммунист.
6. Арефин Григорий Андреевич – коммунист.
7. Мартыненко Игорь Михайлович – комсомолец.
8. Левдик Сергей Петрович – беспартийный, заведующий школой.
9. Селезнев Конох Кондратьевич – беспартийный.

Председателем колхоза избрали Мартыненко Петра Яковлевича, счетоводом Левдика Сергея Петровича. Вступившие в колхоз имели только семь лошадей. Они сдали в колхоз инвентарь. Колхозу отвели около 80 га хорошей земли между Овчинцем и поселком Петровский. Так родился колхоз в селе Овчинец.

Колхоз получил землю. Появилась новая проблема – как ее обработать и чем засеять, ведь только семь лошадей, и у колхозников не хватает семян? Обратились в районные организации. Из госфонда получили достаточное количество семян. Милиция выделила несколько лошадей. Помогла и Суражская бумажно-картонная фабрика «Пролетарий».

Предстояло вспахать паровое колхозное поле, провести первую колхозную борозду. Собралось большое количество людей. Больше 10 лошадей одна за другой гнали борозду длиной в несколько сот метров, разрывая и сметая с земли старые межи. Черная полоса вспаханной земли быстро расширялась. «Вот это да! Вот это сила!» – говорили мужики. «А то ковыряемся одним плугом каждый на своей полоске-кишке». Понравилась колхозникам эта коллективная работа. За несколько дней вспахали около 20 га, но вспахать всё поле не хватало сил, тогда решили попросить помощи в поселке Петровском. Люди отозвались – приехало 45 человек с лошадьми и плугами. Поле было вспахано и засеяно. С веселым настроением возвращались колхозники домой. И тут их возле улочки встречает Выголко Наталья Архиповна с подругами. Они барабанили в печную заслонку и припевали:

Две гармошки, один бубен,
Мы в колхозе жить не будем!

Колхозники отвечали: «А мы будем!» Колхоз раз и навсегда доказал свое право на существование. Но его быстрому росту мешали кулаки и подкулачники.

Зимой 1930–1931 года состоялось закрытое партийное собрание с участием комсомольцев и актива сельского Совета. На повестке дня был один вопрос – ликвидация кулачества и выселение их из Овчинца. Было решено около 10 крупных кулацких хозяйств ликвидировать и выслать из села. Ночью к их домам подогнали подводы с комсомольцами и представителями из Суража. На подводы погрузили людей, определенное количество продуктов питания и одежды. Эти семьи были отвезены на железнодорожную станцию и отправлены на север. Их скот, инвентарь, пчелы и постройки были переданы колхозу. Одновременно с раскулачиванием в Овчинце была закрыта церковь.

Всю зиму продолжалась работа по вовлечению единоличных хозяйств в колхоз. К весне в колхоз вступило более 60 хозяйств, что составляло около третьей части населения. Землеустроители присоединили к колхозному

озимому полю новые участки земли. Весенний сев колхоз провел быстро и организованно.

Наступила пора уборки первого колхозного урожая. Рожь, посеянная с таким трудом, выросла хорошая и, как говорят мужики, стояла стеной. К этому времени колхоз получил конную молотилку, жатку, веялку и ряд других машин и с\х инвентаря. С трудом запрягали лошадей в жатку. Они ее боялись, смотрели косо, храпели. Лошади шли рывками, грабли не могли сбрасывать густую, высокую рожь и поломались. Наладить жатку не было специалистов. Пришлось рожь убирать ручным способом. Но сил в колхозе не хватало, а овчинские единоличники отказались помочь колхозу и пророчили, что рожь пойдет в зиму несжатой. Тогда Мартыненко Свирид Михайлович и Левдик Сергей Петрович пошли в Ляличи и наняли девчат, которые пришли в Овчинец и с удовольствием помогли сжать рожь. Она была обмолочена на молотилке и зерно ссыпали в помещение бывшей церкви. В уборке яровых помогли рабочие картонно-бумажной фабрики и студенты педагогического техникума. Урожай был настолько хороший, что колхоз рассчитался с помощниками, засыпал семенной фонд и выдал солидное количество зерна колхозникам за труд. Тогда все убедились, что в колхозе работать легче, веселее и труд оплачивается лучше, чем в единоличном хозяйстве.

Колхозное движение зимой 1930–1931года переросло в сплошную коллективизацию сельского хозяйства. Правительство вынесло решение о создании машинно-тракторных станций (МТС). В них сосредотачивали тракторы, комбайны, и другую технику. Маневрируя этой техникой, МТС оказывала помощь колхозам. Не хватало руководящих кадров для колхозов. Партия и правительство направило на эти должности всего 25 тысяч рабочих, из них 70% были коммунисты. Почти все коммунисты Овчинской парторганизации были направлены на руководящие посты в другие места. Барон Г.Е. уехал на учебу, Мартыненко С.М. был послан в Унечу, Мартыненко П.Я. – председателем колхоза в Старый Дроков, Арефин Л.Г. – председателем сельского совета в Кулаги, Арефин С.А. – в Бежицу. Председателем сельского совета вместо выбывшего председателя колхоза Ларенка П.П. стал Юрков из Лялич. Вернулся в Овчинец Дужинский Иван Ильич. Он был парторгом, а затем председателем колхоза. Его направили в Сураж на картонно-бумажную фабрику. Председателями колхоза были Арефин Михаил Григорьевич и Куриленко Петр Киреевич. Председатели часто менялись, дело у них не ладилось. Поэтому райком партии рекомендовал председателем колхоза «Труд» Арефина Григория Андреевича – коммуниста, работавшего на картонно-бумажной фабрике в Сураже. Вот так в Овчинце была проведена самая главная и трудная работа – создан колхоз.

Предстояла не менее трудная задача – организовать труд колхозников, создать колхозное хозяйство. Ведь не было ни сараев, ни животных, ни складов, ни навесов, ни инвентаря. Все это нужно строить – где? и из чего? Дело осложнялось тем, что руководители колхоза не имели необходимого опыта, парторганизация фактически прекратила свое существование. К 1933 году в селе остался один коммунист Арефин Григорий Андреевич и два кандидата в члены партии Арефин Михаил Григорьевич и Ивченко Роман Алексеевич. Они состояли на учете в райкоме партии. Комсомольская организация была многочисленная и сильная, но она, как территориальная организация занималась, главным образом, культурно-массовой работой и в хозяйственные дела колхоза не вникала. Райком партии руководил колхозом и сельским советом через своих постоянных уполномоченных.

В колхозе была создана строительная бригада во главе с Авраменко Семеном Макеевичем. Решили построить колхозный двор в прямоугольнике между дорогами на Гривковку, Новый Дроков и Загуменку. Для строительства в первую очередь забрали кулацкие гумна, сараи, амбары, а потом излишние постройки у тех, кто вступил в колхоз. На углу улиц, ведущих в деревню Дроков и на Загуменку, построили большое гумно, возле него поставили конную молотилку. За нынешним клубом построили конюшню, коровник и другие сараи. Справа от дороги, ведущей в клуб, поставили 4 амбара. Эти амбары были изъяты у кулаков, а слева построили довольно большой склад. На новой улице, ведущей к реке Ипуть, возвели конюшни и конный двор. Лошадей поить гоняли к Ипути, где были поставлены длинные корыта, так как в колодце и на ферме не хватало воды. Напоить табун лошадей не так-то было просто.

С каждым годом увеличивалось строительство колхозных помещений, и укреплялись порядок и дисциплина в колхозе. Особенно пошел колхоз в гору, когда в 1932 году председателем стал Арефин Григорий Андреевич. Это был малограмотный человек – умел читать печатный текст и кое-как расписываться, не мог прочесть годового отчета, написанного бухгалтерией, и просил счетовода прочесть отчет ему несколько раз. Зато потом, отчитываясь на собрании, он давал глубокий анализ работы колхоза, подтверждая сказанное цифрами и фактами. Он был умным и рачительным хозяином земли, настоящим землевладельцем. Григорий Андреевич не кричал на людей, не шумел, не давал пустых обещаний. Он спокойно, по-хозяйски, отдавал хорошо продуманные распоряжения и требовал точного их выполнения, вникал во все мелочи колхозной жизни, не верил наговорам, слухам и все проверял, чтобы убедиться – «так это или нет». Арефин Г.А. подобрал себе деловых добросовестных помощников. Главным бухгалтером колхоза работал Бурдаков Александр Михайлович. Этот принципиальный человек строго

защищал интересы колхоза. Счетоводом был Мартыненко Максим Харитонович, кладовщиком Куриленко Павел Васильевич. Бригадирами работали хозяйственные, старательные мужчины: Мартыненко Харитон Степанович, Арефин Василий Федорович, Скрипко Григорий Иванович, Шедько Петр Ефимович. Огородной бригадой руководил Приходько Макар Леонович, за садами ухаживал Мартыненко Иван Федорович. Все эти руководители пользовались большим уважением у колхозников.

Вскоре колхоз получил задание выращивать табак «Гундия». Табачная плантация занимала лучшее место. Здесь же были построены два больших сарая для сушки листьев табака.

Развивалось в колхозе и животноводство. Его возглавил Мартыненко Николай Сергеевич. На молочной и свиноводческой фермах долгое время работали: Тимошенко Ефросинья Александровна (Коршенькина), Ковалева Вера Трофимовна (Бугравцова), Селезнева Мария Андреевна (Махоша), Гуня София Федоровна (Дригина), Бурдакова Домна Сафоновна, Арефина Анна Федоровна, Арефина Евдокия Александровна и многие другие. Колхозным ветфельдшером работал Дужинский Илларион Васильевич. Во время Великой Отечественной войны он вместе с Мартыненко Павлом Терентьевичем и другими колхозниками угнал колхозное стадо на восток и спас его от немецких оккупантов, а потом пошел защищать Родину.

С каждым годом колхоз получал все больше и больше сельхозтехники. Сначала механизировали молотьбу и очистку зерна. Потом появились сеялки и жатки. Трактора, механизированные молотилки и комбайны были сосредоточены в МТС, и их использование в колхозах планировали руководители станций.

Колхоз развивался и крепко становился на ноги, и вот в село пришел первый небольшой трактор «Путиловец». Он был без кабины, с шипами на задних колесах, и тянул только два плуга. Его вел первый тракторист в Овчинце Тимошенко Павел Яковлевич. Весть быстро распространилась по селу с возгласом «Трактор пришел!», собрались люди. Сопровождаемый толпой взрослых и мальчишек трактор вышел в поле и провел первую борозду. Люди меряли глубину и ширину вспашки, толковали, спорили, и пришли к выводу – на смену «сивкам» пришли железные кони и механизация сельского хозяйства положила начало раскрепощению от изнурительной работы на пахоте.

Потом колхоз получил первую автомашину – полуторатонку Горьковского автозавода (это первые грузовые машины, выпущенные в нашей стране). Машина выглядела бы игрушкой, если бы ее поставили рядом с современными грузовиками. В Овчинце не было ни одного человека, который мог бы водить машину, поэтому вместе с ней прислали шофера Олейника Дмитрия

Михайловича. Ему в помощь дали колхозного умельца, мастера на все руки – Лазарева Сергея Гордеевича. Через некоторое время он первый в Овчинце повел машину. Вскоре в Овчинец было доставлено из МТС чудо сельскохозяйственной техники – комбайн, машина, которая и молотит, и жнет. Собралось много людей посмотреть работу комбайна. Все удивлялись, восхищались. Кто-то заметил, что хорошо бы придумать такую машину, которая сразу бы молола и хлеб пекла. Ему ответил острослов: «Ишь, чего захотел, чтобы машина все делала за тебя, а ты со своей Марьей спал до обеда!» Все смеялись. Комбайн начал водить Дужинский Михаил Устинович. Это был первый комбайнер в Овчинце.

Большую помощь колхозу оказывали уполномоченные райкома партии. Примерно с 1934 или с 1935 года постоянным уполномоченным в Овчинце стал управляющий Суражским отделением Госбанка Баринов Алексей. Это был умный и хороший человек. Он очень старался помочь колхозам Овчинского сельского Совета. Почти каждый рабочий день он приезжал на оседланной лошади, объезжал поля колхозов и всегда присутствовал на заседаниях правления колхоза и сессиях сельсовета. Однажды на дороге в поле он нашел три снопа овса и привез их в контору колхоза. Немедленно было собрано правление, которое установило, кто потерял снопы, и наказало виновного. Баринов вел настойчивую борьбу со всеми беспорядками. Потерь в колхозе практически не было.

Колхоз с каждым годом богател. Были открыты детские ясли, которыми заведовала Куриленко Евдокия Григорьевна, а помогала ей Селезнева Галина Романовна.

В 1937 году начались массовые репрессии. В Овчинце арестовали председателя колхоза Арефина Г.А., бригадира строителей Авраменко С.М. и рядового колхозника Куриленко Степана. Арефину Г.А. и Авраменко С.М. предъявили обвинение во вредительстве. Где-то от дождя затек стог, где-то сгнила копна сена... В новом, только что построенном сарае, покосилась стена. Арефина Г.А. и Авраменко С.М. осудили на несколько лет. Через два года они были реабилитированы. Но Куриленко Степан так и не вернулся домой.

Накануне Великой Отечественной войны председателем колхоза был избран Арефин Василий Андреевич. Он вернулся на постоянное место жительства в Овчинец, сначала заведовал избой-читальней. Это был простой, добросовестный и трудолюбивый человек. Жил он сначала на Загуменке. Даже в зимнюю пургу он укладывал гармошку в мешок, в валенках, ватных брюках и в фуфайке шагал с мешком на плече на работу в клуб. Под его руководством колхоз продолжал свое движение вперед и перед войной достиг вершины своей богатой жизни. В кладовой колхоза закрома были засыпаны зерном и мукой, под крышей висели бараньи туши, стояли бочки с медом,

лежали стопы мешков, вытканных и сшитых колхозницами. Колхоз платил за колхозников все налоги и поставки, положенные с приусадебного участка. На трудодень получали большое количество зерна и картофеля, меда. Колхозники работали дружно, хорошо, весело. Молодежи в селе было много. Наступала весна 1941 года. Сев провели дружно, с хорошим качеством. Рожь стояла густая, высокая. Прекрасно росли яровые. Но воспользоваться плодами и радостью своего труда овчинцам не пришлось.

В 11 часов утра 22 июня 1941 года по радио все услышали страшную весть – на Родину напала фашистская Германия. Война разрушила не только все труды и все планы колхозников, она разрушила судьбы людей, прошлась безжалостно по судьбе каждого овчинца.

Многие пожилые люди села поделились своими детскими воспоминаниями (ведь в 1941 они были еще детьми). Рассказывали, как выживали в селе оставшиеся старики, женщины и дети. Было очень трудно, колхозных коров и лошадей в основном угнали, а свиней и кур порезали занявшие наше село немцы. Работали много, дети наравне со взрослыми жали рожь серпами, а потом перетаскивали ее к гумнам. Весной сеяли, вскапывая землю лопатами, или таскали на себе плуг и под ячмень и под жито.

После войны, когда надо было восстанавливать разрушенное хозяйство, тоже было нелегко. Но люди были переполнены великой радостью и готовы были работать день и ночь, лишь бы наша страна снова окрепла. В 1990-е годы коллективное хозяйство развивалось стремительно. Но это уже совсем другая история.

Литература и информационные источники

1. Воспоминания бывшего директора Овчинской школы Мелешенко Ивана Макаровича и жителей Овчинца – Бондаревой Натальи Федоровны, Шевкуновой Агафьи Ефимовны и Лазаревой Софии Фёдоровны (не опубл.).

Гетман А.В. (г. Красноярск)

О ХУДОЖНИКЕ ГОНОРСКОМ ВАСИЛИИ ВАСИЛЬЕВИЧЕ

Василий Васильевич приходится моей прабабушке Гонорской Ольге Григорьевне 1874 г. р. племянником, хотя племянник был младше тети всего на 7 лет. Ольга Григорьевна в семье была самой младшей, а ее брат – Василий Григорьевич – родился в 1852 г. [3].

До написания данного очерка биографических сведений о художнике Василии Гонорском в искусствоведческой литературе было крайне мало, а

сам я совсем о нем ничего не знал. Моя бабушка Фаина Федоровна Скворцова никогда не рассказывала мне о своем двоюродном брате.

В книге Г. Поспелова «Бубновый валет»: Примитив и городской фольклор в московской живописи 1910-х годов» [1] опубликован каталог выставки 1912 г. В нем указано, что художник В.В. Гонорский, проживающий в г. Москва, Б. Тверская-Ямская, дом Партина, кв. 8, будет представлен на выставке 4-мя работами.

В сохранившейся афише 1912 г. фамилия художника написана через «а» – Ганорский. Далее в афише имена других участников выставки, отечественных и зарубежных. Среди них – знаменитые сейчас Лентулов, Кандинский, Фальк, Экстер, Кончаловский, Машков, Пикассо, Матисс, Брак, Дерен.

Начало поиску сведений о жизни, творчестве и судьбе Василия Васильевича положил документ, обнаруженный по моей просьбе в мае 2013 г. в Брянском архиве известным историком и автором нескольких замечательных книг по краеведению и генеалогии Владимиром Петровичем Алексеевым. В документе 31.10.1905 г. Трубчевское уездное по воинской повинности присутствие ходатайствовало о предоставлении отсрочки от военной службы для учащегося в Киевском художественном училище Гонорского Василия Васильевича. В процессе дальнейших кропотливых архивных исследований удалось выяснить следующее.

Василий Гонорский родился в селе Красное Трубчевского уезда 14 июня 1881 г. [2] в семье земского учителя Гонорского Василия Григорьевича и его жены Елизаветы Фёдоровны.

Родители отца – священник церкви в селе Красное Трубчевского уезда Гонорский Григорий Григорьевич [3] (1820–1885) и его жена Евдокия Яковлевна [4], по неуточненным данным – дочь бывшего до Гонорского священника с. Красное Якова (Иакова) Ниловича Зверева [5], сына того же села священника Нила Ивановича [6].

Сколько точно детей было у священника Гонорского Григория Григорьевича неизвестно. Метрические книги села Красного не сохранились. Известны пока три дочери: Олимпиада Смирнова – жена священника с. Красное Смирнова Василия Тимофеевича, Ольга Скворцова (моя прабабушка) – жена дьякона с. Голубея Скворцова Федора Петровича, и Мария Дылкина – жена владельца каретной мастерской в г. Трубчевске Дылкина Алексея Николаевича, и два сына – земский учитель Василий Григорьевич (отец художника) и убитый большевиками протоиерей церкви местечка Носовка Нежинского уезда Григорий Григорьевич Гонорский.

Девичья фамилия матери художника Елизаветы Федоровны неизвестна, но предполагаю, что она была сестрой капитана лесной стражи Иловайско-

го Евгения Федоровича, бывшего восприемником при рождении в 1879 г. ее сына Александра Васильевича Гонорского [4].

Капитан Иловайский, таким образом, приходился художнику дядей. Возможно, именно у него художник жил во время учебы в г. Киеве в 1902–1906 гг. Согласно списку домовладельцев г. Киева, дом № 6 по ул. Большая Подвальная (Ярославов Вал) в 1900 г. принадлежал некой Иловайской Эмилии, а жену Евгения Иловайского звали как раз – Эмилия Александровна [4].

Отец художника – потомственный почетный гражданин Василий Григорьевич – как сын священника пользовался правом бесплатного обучения в духовных учебных заведениях, окончил Орловское духовное училище и поступил в Орловскую духовную семинарию, но через год обучения в 1870-м ушел из семинарии и избрал себе профессию учителя.

Архивные документы ГАБО указывают на то, что отец художника некоторое время работал в школе с. Красного [7] вместе с отцом, преподававшим Закон Божий [8], затем в селе Выгоничи [7] и селе Уручье Трубчевского уезда [9].

В статистическом отчете за 1900–1901 г. указано, что в училище села Семячки Трубчевского уезда работает учитель – Василий Григорьевич Гонорский. Самое позднее упоминание об учителе Василии Гонорском найдено в адрес-календарях Орловской губернии, за 1909 и 1910 годы [10] в той же земской школе в селе Семячки, Трубчевского уезда. В учебном деле художника также указано с. Семячки [11].

Орловские епархиальные ведомости указывают, что у Василия Григорьевича было два сына – Александр и Василий. Александр был старше Василия на 2 года, тем не менее, оба учились в одном классе сначала Севского духовного училища [12] и затем Орловской духовной семинарии [9]. Александр семинарию закончил и впоследствии, после прохождения военной службы в артиллерии, поступил на филологическое отделение Московского университета [3], который окончил в 1911 г.

Василий из 4 класса духовной семинарии в 1899 г. поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества [2], оттуда в 1900 г. перевелся в Пензенское художественное училище [2], а затем в январе 1902 г. в Киевское художественное училище [13]. После окончания в 1906 г. Киевского училища просил направить его в Одесское училище [13]. Однако в Одесском архиве сведений о его обучении не обнаружилось.

Есть неподтвержденные пока сведения об обучении Василия Гонорского в одной из Парижских художественных академий в период до 1912 г. Об обучении в Париже свидетельствуют родственники по линии Гонорских (Дылкиных), а в изданных в 2014 г. более полных мемуарах Аристарха Лентулова [14] описывается встреча Аристарха с его товарищем по Киевскому учили-

щу по фамилии Говорский осенью 1911 г. Этот Говорский и супруги Лентуловы вместе посещали Версаль и немного заблудились в парижском метро. Автор очерка беседовал с Федором Лентуловым, издавшим мемуары прадеда. Оказалось, почерк у Аристарха был весьма неразборчив, и поэтому букву «н» при подготовке публикации приняли за «в». Моей четвероюродной сестре – Гонорской Анне Валерьевне, проживающей в Киеве, удалось обнаружить по моей просьбе в Киевском архиве учебное дело Василия Васильевича [13]. Проверила она также списки учащихся, с которыми мог учиться в разные годы Аристарх Лентулов. Оказалось, что никто с фамилией Говорский в Киеве не учился и, кроме того, после встречи 1911 г. в Париже на выставке, в 1912 г. в Москве оказывается именно Гонорский через букву «н».

Выяснилось, что и Гонорский, и Аристарх Лентулов учились до этого в Пензенском училище. Пензенское училище считалось в то время слишком консервативным, поэтому молодые художники стремились в Киев, а потом и в Одессу, где преподаватели были более открыты новым течениям живописи. Париж в конце 19 и начале 20-го века был столицей новых, небывалых ранее революционных художественных направлений. При этом художники из разных стран, возвращаясь домой после нескольких лет обучения в Парижских академиях, обогащали свое искусство новыми приемами, оставаясь при этом глубоко национальными и не потому, что сильно «любили Родину», а невольно, потому что выросли на национальной почве, а чужие пейзажи и обычаи воспринимали, отталкиваясь от того, что было привычно с детских лет. Выставка 1912 г. прошла в Москве с большим шумом. Многим понравилось, а многие были шокированы и возмущены. Несмотря на это, многие работы были раскуплены, было продано большое количество открыток. Современный исследователь Андрей Крусанов в своей многотомной монографии о русском авангарде [15] цитирует столичные газеты 1912 г. О Гонорском было написано, что на выставке общества «Бубновый валет» он был представлен несколькими картинами в стиле «кубизм» и «неоимпрессионизм». Картины изображали «тела, состоящие из малоцветных кристаллов», «мозаики из треугольников». Одному из журналистов работы «кубиста» Гонорского показались «вычурными». Другому понравилась «игра граненых камней в треугольничках под Бурлюковские».

Когда из Пензенского архива [2] мне прислали документы В.В. и его фотографию, я решил разместить то, что узнал в архивах на странице сайта artchive.ru/artists/32198~V_V_Gonorskij в надежде, что откликнется кто-нибудь из родственников или исследователей истории живописи. Не сразу, но на меня вышел, как оказалось, мой 4-роюродный брат из Москвы. Он потомок Гонорских (Дылкиных). Родители художника жили в селе Семячки. Это в 10 км от Трубчевска, где жили Дылкины. Выяснилось, что в семье Дылки-

В.В. Гонорский.

В.В. Гонорский в мастерской.

ных сохранились некоторые работы, подаренные В.В. Одна из них «Натюрморт с арбузом» имеет в правом нижнем углу отчетливую подпись В. Гонорский. Остальные не подписаны, но стиль тот же или похожий. Это пейзажи и портреты в классической или близкой к импрессионизму манере. Никаких треугольников и кубов там нет. В том числе сохранились два портрета детей Дылкиных (Гонорских) – Анастасии и Михаила Дылкиных. Михаил изображен со скрипкой. Он работал в Трубчевской гимназии учителем пения [16]. Стихи его сына, трубчевского поэта Аркадия Михайловича Дылкина можно найти в сети.

Об отсутствии работ В.В. мне уже сообщали Пензенская галерея, Одесский и Киевский музеи, Третьяковская Галерея и Русский музей. Отвечали, что знают о выставке 1912 г. и были бы рады получить от меня данные о В.В., но сами ничего не имеют, помощь в поиске никто не предложил. Только в октябре 2020 г. на меня вышла сотрудница Пермской художественной галереи и попросила при возможности сообщить биографические сведения о В.В. Оказалось, что в их фонде имеется рисунок В.В. Его в 1972 г. прислали в Пермь из министерства культуры РСФСР. Почему именно в Пермь, остается загадкой. Сейчас рисунок В. В. могут посмотреть все желающие на сайте галереи. Рисунок называется «Фантазия», но мне кажется, что это мифологический сюжет «Похищение огня». Возможно, из греческой мифологии, и это бежит Прометей. Однако в мифологии народа коми имеется легенда, похожая на греческую о похищении огня с неба. Может быть, поэтому рисунок отправили из Москвы в Пермь?

О находке в Пермской галерее я сообщил художнику Федору Лентулову и Арсению Сергееву. Арсений – выпускник Уральского государственного архитектурно-художественный института, в настоящее время преподает в Высшей школе экономики. Его прабабушка – Гонорская Клавдия Николаевна – приходится В.В. троюродной сестрой. Ее родной брат – полковник Гонорский Борис Николаевич в Гражданскую был командиром бронепоезда «Генерал Алексеев» и начальником артиллеристской школы в Крыму у Врангеля. Во Франции недалеко от Ниццы сейчас живет его внук – граф Мусин-Пушкин Андрей Андреевич. Дед Клавдии и Бориса – дьякон Андрей Григорьевич Гонорский (1815–1868) преподавал в Орловском кадетском корпусе. Известны три брата Гонорских – Андрей [17], Григорий [18] и Евдоким [19] Григорьевичи. В ежегодных отчетах Орловской духовной семинарии у всех троих указан один отец – дьячок церкви села Плюскова Трубчевской округи Григорий Петров(ич), имевший в семинарии фамилию Полидоров [20]. Его брат Иван Петрович Полидоров [21].

К сожалению, сведений о судьбе В.В. после 1912 г. пока нет никаких. Гонорские (Дылкины) припоминают, что когда-то в семье была работа, сде-

ланная В. В. в качестве дипломной при окончании Киевского училища. Это была картина маслом в классической манере на сюжет «старуха со свечой». На черном фоне освещенные свечой лицо и рука пожилой женщины, было очень выразительно.

Припоминают они, что в доме, где жили родители художника, в какое-то время до или во время войны случился пожар, и все картины, что были в доме, сгорели.

В своих мемуарах [14] А. Лентулов пишет, что художник Гонорский, бывший его товарищем по Киевской школе, запомнился тем, что «много смеялся над чем попало, был долго за границей, но под конец заболел и исчез с горизонта». Еще Лентулов добавляет, что Гонорский в Киевском училище подавал большие надежды. О Гонорском, как о талантливом художнике, говорил его учитель по Киевскому училищу И.Ф. Селезнев [22].

Не так давно мне прислали фотографию из семейного альбома Порфирия Виссарионовича Гонорского, священника с. Филипповичи Трубчевского района. Это село находится всего в 8 км от села Семячки, где жили родители художника. Кроме этого, Порфирий был троюродным братом В.В. Его дед – священник Гонорский Евдоким Григорьевич был родным братом деда художника – священника Гонорского Григория Григорьевича. На фотографии – молодой художник в длинной, запачканной красками рубахе с кистью в руке. В мастерской несколько картин – пейзажи, портреты, иконы и картины на религиозные сюжеты. На потолке керосиновая лампа, на полу возле картин – копии классических бюстов. Одним словом «Художник в мастерской». Лицо художника выглядит старше того, что на фото из Пензенского учебного дела, но черты лица похожи. Скорее всего, это подарок В.В., если только у Порфирия не было других знакомых художников. К сожалению, сам Порфирий Виссарионович большевиками был репрессирован [23] и погиб в ГУЛАГе. Его сыновья погибли во время войны, две дочери выжили, но детей у них не было. Фотоальбом семьи Порфирия Гонорского сохранился и находится в Трубчевском краеведческом музее.

Были у меня попытки найти сведения о судьбе художника путем изучения данных его родного брата Александра Васильевича. Оказалось, что у него была интересная биография. После окончания в 1911 г. Московского университета он был принят на работу в министерство путей сообщения в хозяйственный отдел. Жил с женой в Санкт-Петербурге [24].

В 1914 г. решил переехать в Киев [24], возможно, поближе к брату или дяде. Когда началась война, в звании прапорщика был назначен комендантом санитарного поезда [25]. Был награжден орденом Св. Станислава 2 ст. уже как офицер службы передвижения войск [26]. Мне это было интересно, тем более и я уже долгие 40 лет работаю в аналогичной службе, сейчас

это служба военных сообщений. В дальнейшем Александр Васильевич убыл с Белой Армией в Румынию. Оттуда 8.10.1919 г. на корабле «Мечта» направлен в Одессу [27], но обратно уже не вернулся, и в 1923 г. переехал в Москву, женился на молодой ткачихе и поступил в издательство «Известия» в качестве бухгалтера, дослужился до начальника экономического отдела [28]. В 1932 из издательства ушел, но репрессирован не был. Умер в 1963 году. Жил в доме, где, кроме него, имели квартиры сотрудники разных московских издательств. К сожалению, дом этот № 10 в Пуговишниковом переулке не сохранился, а домовая книга в архиве Москвы пока не нашлась. Детей супруги Гонорские не имели. Сотрудники ЗАГСа в московских Хамовниках отказали мне в просьбе сообщить контактные данные лиц, оформивших смерть супругов Гонорских и место их захоронения, сославшись на закон о защите персональных данных. Вполне возможно, художник и его брат похоронены где-то рядом. Насколько я понял, закон запрещает сообщать без разрешения персональные данные ныне живущих граждан, а не умерших, но у нас если запрещают, то всё сразу. Какую тут при таких порядках историю можно разыскать?

Последнее, что я сделал, написал письмо в Париж в «Центр Помпиду». Жду ответа из архива от мсье Бонилли. Возможно, французы найдут то, чего не могут найти наши. Однажды я нашел в интернете рекламу одной фирмы из Санкт-Петербурга (кладбищароссии.рф), которая утверждает, что имеет обширную базу по захоронениям. Я сообщил данные В.В. и буквально на следующий день мне сообщили, что всё нашли и готовы за 1990 руб. сообщить мне искомое место. Я решил подождать достоверных отзывов о работе этой фирмы, а пока их 50 на 50.

Литература и информационные источники

1. Бубновый валет: примитив и городской фольклор в московской живописи 1910-х годов / Глеб Поспелов. 2-е изд., [доп.]. Москва : Пинакотека, 2008. 288 с.

2. Государственный архив Пензенской области – ГАПО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 50. Л. 093 об–094; ГАПО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 8. Л. 049 об–050.

3. ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 320. Д. 409. Л. 2–3, 17.

4. Государственный архив Смоленской области – ГАСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 169. Л. 15 об–16.

5. Госархив Брянской области – ГАБО. Ф. 588. Оп. 1. Д. 713.

6. РГИА (г. Санкт-Петербург). Ф. 796. Оп. 71. Д. 418. Л. 834.

7. ГАБО. Ф. 478. Оп. 1. Д. 8. Л. 64.

8. ГАБО. Ф. 478. Оп. 1. Д. 16. Л. 14–14об.

9. Орловские епархиальные ведомости. 1898. № 3. С. 105.

10. Адрес-календарь Орловской губернии. 1910 г. С. 289.

11. ГАК (г. Киев). Ф. 93. Оп. 1. Д. 332. Л. 13.

12. Орловские епархиальные ведомости. 1895 г. № 32. С. 922.
13. ГАК (г. Киев). Ф.93, Оп.1, Д.332. Л.14
14. Аристарх Лентулов. Воспоминания. СПб. : Изд-во «ПЕТРОНИЙ», 2014. 288 с.
15. Андрей Крусанов: Русский авангард. 1907–1932. Том 1. Книга 1.
16. ГАБО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 19.
17. РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 8451. Л. 71-об. Андрей Гонорский.
18. ЦГИАК (г. Киев). Ф. 711. Оп. 2. Д. 3427. Л. 91. Григорий Гонорский.
19. ЦГИАК (г. Киев). Ф. 711. Оп. 2. Д. 3597. Л. 90. Евдоким Гонорский.
20. РГИА. Ф. 796. Оп. 82. Д. 931. Л. 49-об. Григорий Полидоров.
21. РГИА. Ф. 796. Оп. 74. Д. 570. Л. 45-об. Иван Полидоров.
22. Сторчай О. Ф. Масютин «Памяти учителя Ивана Федоровича Селезнева» (Передмова до публікації архівного документа О. Сторчай) / О. Сторчай // Художня культура. Актуальні проблеми. 2008. Вип. 5. С. 508.
23. Гонорский Порфирий Виссарионович – биографическая справка. – Текст электронный // Брянская епархия. Сайт отдела агиологии [официальный сайт]. – URL : http://repres.bryansk-eparhia.ru/person/472/page-5/ (дата обращения 07.03.2022).
24. РГИА. Ф. 73. Оп. 9. Д. 516. Л. 281, 281-об.
25. РГИА. Ф. 273. Оп. 9. Д. 516. Л. 291, 291-об.
26. РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. печатные издания. Д. 14836. Л. 557.
27. С. В. Волков. База данных «Участники Белого движения в России» / 4–190 /.
28. «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ» Управления делами Президента РФ. Личная карточка уволенного работника на Гонорского Алексея Васильевича за период работы в Издательстве «Известия». 1932 г.

Итунин В.Ф. (г. Дятьково)

САХАРНОЕ ДЕЛО ИВАНА МАЛЬЦОВА

История появления сахара в России весьма интересна, особенно в связи с деятельностью известного промышленника первой половины XIX века, владельца хрустальной фабрики в селе Дятьково Ивана Акимовича Мальцова.

Немецкий химик Андреас Маргграф, директор физического отделения Берлинской академии наук, первым попытался воспользоваться различными сахароносными растениями, чтобы заменить ими тростниковый сахар. В 1747 году он обнаружил сахар в корнеплодах свеклы и доказал его идентичность сахару из тростника, который в то время употреблялся в пищу. Опыты Маргграфа вначале были забыты. Лишь через 40 лет, во время континентальной системы, когда цены на колониальный сахар резко повысились (1:8), опыты со свеклой возобновил в Берлине химик Ашар (Achard, Франц-Карл – немец с французской фамилией). С одного квинтала он получал до 5 фунтов белого сахара и 3 фунта патоки. В 1802 году Ашаром в имении Кю-

нерн в Силезии был построен первый западноевропейский свеклосахарный завод. В эти годы сахарная промышленность наиболее бурное развитие получила не в Германии, а во Франции. И появлению сахарных заводов способствовал император Наполеон, который в 1802 году ввел континентальную блокаду портов в своей стране, стремясь уничтожить могущество Англии. В 1828 году здесь было получено из свеклы 3 тыс. т сахара, а в 1836 – 476 заводов Франции дали 49 тыс. т сахара.

В России первые опыты по получению сахара из свеклы были проведены профессором Московского университета И.Я. Биндгеймом. В 1792 году он описал их в брошюре, в 1798 году подготовил несколько проб свекловичного сахара, а в начале 1799 года представил эти пробы правительству в Петербург. Добывать сахар из свеклы начал в 1799 году помещик Я.С. Есипов. В 1801 году в своем подмосковном имении с. Никольское он переработал около 500 пудов свеклы и получил 5 пудов чистого сахара. Как указывает ревизор Департамента Неокладных сборов В.И. Андреев, свеклосахарное производство началось в России одновременно с возникновением его в Восточной Европе, а именно с самого начала 19-го столетия. Первый в России свеклосахарный завод построен в 1802 году в с. Алябьево Чернского уезда Тульской губернии Я.С. Есиповым с генерал-майором Е.И. Бланкеннагелем (как и завод Ашара в Германии). В производственный сезон на нем было произведено 300 пудов сахара. Примечательно то, что на этот завод была выделена правительственная поддержка в виде ссуды на 50 тыс.руб на 20 лет, с уплатой по 5 тыс. руб. с процентами и разрешением на продажу по вольной цене спирта (до 1000 ведер) добытого из свекловичного сиропа(патоки)[1].

А второй в России завод был построен И.А Мальцовым в деревне Верхи Брянского уезда Орловской губернии (ныне д. Верхи Дятьковского района). По сведениям из Военно-исторического сборника завод в д.Верхи Брянского уезда построен в 1803 году, т.е спустя год после тульского. Это подтверждается и Обзором различных отраслей мануфактурной промышленности России, раздел «Сахарная промышленность», глава 2. «В России», в которой приводятся сведения о годах и количестве построенных сахарных заводов в стране:

1802 г. – 1;

1803 г. –1; 1816г. – 1; 1824 г. –1; 1827 г. – 1; 1830 г. – 7;

1813 г. –1; 1822г. –1; 1825 г. – 2; 1828 г. – 4; 1831–33 гг. по 1.

И только с 1834 года начинается бурное строительство сахарных заводов с 4 в 1834 до 29 – в 1839 году и далее ежегодно, вплоть до 1859 года, строились они десятками в разных губерниях. И все же завод в д. Верхи Брянского уезда можно уверенно назвать пионером в деле производства сахарного

песка в Орловской губернии и одним из первых в России. Побуждало строить сахарные заводы и государство, вводя высокие пошлины на привозной сахарный песок из тростника. Так в 1819 году пошлина составляла 75 коп на пуд, в 1821 – 1руб., в 1822 – 1р. 50 коп., в 1823 – 2р. 50 коп, в 1831 – 2р.80 коп., в 1841 – дошла до 3р. 80 коп., в 1856 году уменьшилась до 3 руб.

Обзор отмечает, что усилиям И.А. Мальцова и А.И. Герарда, к которому перешел завод господина Блакеннагеля, содействовали первым успехам в развитии сахарного производства [2].

На таких же основаниях, как и тульский, «построились еще несколько заводов, но все они до начала 30-х годов находились на весьма низкой степени технического совершенства, так как на них не было ни удовлетворительных снарядов, ни опытных рабочих». Устраивались эти заводы исключительно помещиками и имели характер подспорной доходной статьи в хозяйствах больших экономий, где они хозяйничали.

Иван Акимович Мальцов родился в 1774 году в семье крупнейшего предпринимателя 18 века дворянина Акима Мальцова. В 12 лет был записан в службу вахмистром конной гвардии, выпущен из нее капитаном. В 24 года был уволен по болезни в чине секунд-майора (4-й должности в конном полку). Жил в Москве. Женился на Капитолине Михайловне Вышеславцевой, известной московской красавице, первой жене Василия Львовича Пушкина, которого супруга уличила в супружеской измене и добилась расторжения брака. В 1806 году Капитолина Михайловна свою новую супружескую жизнь связала с И.А. Мальцовым. Став женой крупнейшего владельца стекольно-хрустальной империи, Капитолина Михайловна родила ему троих детей, среди которых самый известный Сергей Иванович Мальцов, продолжатель фамильного дела, прославивший Орловскую, Калужскую и Смоленскую губернии (Дятьково, Жиздру, Людиново , Песочню, Рославль и др.) своими «безудержными» делами.

И.А. Мальцов оказался человеком умным и пытливым. Познав о том, что сахарное производство является новым, перспективным направлением в развитии продовольственной торговли, он увлекся идеей создать первый сахарный завод на Орловщине и ему это удалось. Сахар он получал их сахарной свёклы или, как ее раньше называли, из свекловицы. Эта новая культура была непривычной для крестьян, и Мальцов нашел интересный ход, чтобы заинтересовать их в ее выращивании. Урожайность зерновых и конопли, которую выращивали крестьяне, не давала должной отдачи, по причине различных неурожайных климатических условий, низкой плодородности почвы на землях, которыми владел промышленник. Воспользовавшись этим, Мальцов предложил крестьянам засевать поля сахарной свеклой, обязуясь закупать её всю, компенсируя, таким образом, все крестьянские поте-

ри от урожая зерновых. И дело пошло! Кроме этого, Иван Акимович получил царским указом от 14 ноября 1810 года, зарегистрированным в Своде законов Российской империи с 1649 года (том XXXI за № 24.421) Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О разрешении продажи спирта, выделываемого из свеклосахарных остатков».

Мнение Совета, утвержденное царским Указом, заключалось в просимом майором Мальцовым, на вновь устроенном им заводе для добывания из свекловицы сахара делать из остающейся патоки спирт и продавать его. Государственный Совет в своей поддержке полагает: «...на каждый пуд сахарного песка выделывать по одному ведру спирта, поелику заводчикам вообще в добывании как рафинада, так и песку не может быть ни выгоде, ни удобности в продаже чистого спирта: то разрешить им всем продажу оного в разных приготовлениях, с платежом акциза по два рубля за ведро или сколько впредь Правительству положено будет» [3].

В 1819 году в России создается Московское общество сельского хозяйства, а с 1821 года оно стало именоваться «Императорским». В 1822 году Обществом была основана земледельческая школа (с ежегодным приемом 80 человек и 5-летним сроком обучения) для подготовки специалистов со средним агротехническим образованием. Первые успехи И.А. Мальцова в производстве сахарного песка не остались незамеченными. Его стали просить, чтобы он поделился своим опытом и знаниями. Участвуя в заседания Московского сельскохозяйственного общества, Мальцов увлекал своими идеями его членов. В 1822 году на одном из собраний сахароваров он представляет уважаемым коллегам свою записку «О выгодах разведения свекловицы и выделывания из нее сахарного песку». Эта записка вызвала мощный прилив энергии членов общества. Несмотря на то, что многие уже худо-бедно занимались сахарным делом, но выгоды с этого не получали, да и точно не знали, как сделать это производство выгодным. Президент Сельскохозяйственного Общества князь Д.В. Голицын приглашает к себе членов общества на обед. Экспертами на той встрече о пользе сахарной промышленности были И.А.Герард, И.А. Мальцов и Н.А.Бахметев, последний имел в Пензенской губернии свеклосахарный завод, но больших результатов на нем не достигал, хотя учился этому делу у И.А. Мальцова.

Дружеская беседа шла, как до обеда, так и во время его, в итоге стороны пришли к тому, что многие вопросы были сняты и князь Д.В. Голицын стал решительно на сторону сахароваров. С этого дня Московское Общество Сельского Хозяйства сделалось «защитником мысли о распространении свеклосахарной промышленности в России».

Для развития и закрепления этого перспективного направления в сельском хозяйстве И.А. Мальцов на собственные средства на Опытном Хуто-

Иван Акимович Мальцов (1774–?).

ре в 1822 году создает небольшой свеклосахарный завод с целью обучения учеников Земледельческой школы практическим навыкам и уходу за свекловицей и переработке ее в сахар. Вот за это истинно патриотическое дело в знак признательности, Общества наградило его золотой медалью «за постоянное участие в трудах Общества с самого его основания, за содействие в распространении в России возделывания свекловицы и обрабатывания из оной сахара, равно и за устроение на Хуторе, своим иждивением, сахарного завода».

Произошло это 4 мая 1826 года [4]. В знак признательности заслуг секунд-майора И.А. Мальцова в создании и развитии сахарного производства в здании Императорского Московского сельскохозяйственного общества был вывешен его рукописный портрет.

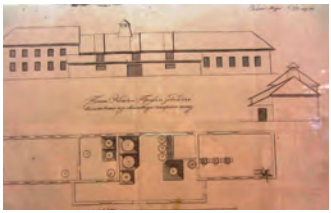
В 1827 году И.А. Мальцов по просьбе многих хозяев публикует в Земледельческом Журнале «Подробное описание небольшого свеклосахарного завода» с планом, а в 1829 году – «Отчет о вновь устроенном им заводе для выделывания из свекловицы сахарного песку, с планом его».

Эта статья была доказательством тому, насколько правильный был взгляд на развитие свеклосахарной промышленности по сравнению с первоначальными шагами. Вот некоторые извлечения из журнала.

«В начале прошедшего года (1826 г. – прим. автора) основан мною в Смоленской губернии Рославльского уезда по Владимирской экономии мой свекловично-сахарный завод. ... Означенная экономия заключает в себя две особенных усадьбы со скотными дворами, и в пяти деревнях 135 тягол, обрабатывающих всего 78 десятин в поле господской пашни, которую я не увеличивал, дабы не отгонять их не стеснять пастбищ, потребных к продовольствию скота, необходимого для удобрения тамошнего скудного кряжа. Хлебопашество сей экономии давало доходу... не боле 4 тыс. руб. в год». Далее Иван Акимович подробно приводит экономический рас-

клад о пользе выращивания свекловицы для производства сахарного песку. Он предлагает им засеять одну третью часть полей крестьян сахарной свеклой, на которых они выращивали традиционную для тех мест коноплю, дававшую крестьянам единственный доход от ее возделывания. Крестьяне согласились засеять по 200 кв.саженей пашни на тягло. Мальцов предложил им, в случае малого урожая заплатить по 12 руб. за такой участок, что в итоге дало бы 144 руб. за десятину. При этом отметил в статье, что при производстве пеньки и конопли они таких денег на своих участках не получали. Всего было засеяно 11,5 десятин земли, с которых в итоге собрали 2428 четвертей (или по 10 четвериков каждая). Каждая четверть – это 8 мер и весом 8 пудов и 10 фунтов (т.е чуть больше 132 кг). Таким образом был собран урожай в количестве 320,5 тонн свекловицы, из которых вышло 820 пудов сахарного песку и 850 пудов патоки. За каждую четверть крестьянам выплачено по 1 рублю, в итоге крестьяне за 11,5 десятин выручили 884 рубля, а за весь конопляник, напомню, они получали 144 рубля годового дохода. Кроме этого, 33 мужчины и 28 женщин, работая на сахарном заводе, получили там оплату в размере 1553 рубля, т.е. чуть больше 25 руб. на человека. Сам же И.А. Мальцов получил чистой прибыли в сумме 7834 рубля.

Пуд свекловичного песка на новом сахарном заводе получался себестоимостью по 16 руб. Мальцов отмечает, что прежде на своих заводах производя рафинированный сахар, он получал его по 21руб. за пуд, а сам процесс рафинирования стоил ему 2 руб. за пуд, т.е себестоимость сахарного песка с 19 руб. упала до 16 руб. за пуд. Еще одна выгода крестьянам. Их скот в течение 2,5 мес. кормился



Мемориальная доска памяти С.И. Бадаева и И.А. Мальцова. Планы сахарных заводов в Дятькове и Рославле.

выжимками от сахарного производства, что сберегло им более 3 тыс. пудов сена.

Итог его статьи в журнале такой: «Свекловично-сахарное производство, благоразумным хозяйством соединенное с земледелием, послужит не только улучшению оного, доставлением способов увеличения скотоводства, но умножим при том доходы помещиков, крестьян и, распространяясь, откроет обильный источник богатства народного». В журнале приводятся чертежи завода с их подробным описанием [5].

В 1875 году известный писатель того времени Владимир Иванович Немирович-Данченко, будучи в дятьковских краях в гостях у сына Мальцова Сергея Ивановича, упомянул в своих очерках «Америка в России» работу Любохонского сахарорафинадного завода. Правда, допустил ошибку, указав, что «Любохонский сахарный завод был выстроен первым в России в одно и тоже время с Наполеоном, вводившим это производство во Франции». Писателям свойственно немножко приукрашать жизнь. На самом деле, более вероятной датой постройки Любохонского сахарорафинадного завода является 1822 год (или 1824?). А то, что он был первым в Орловской губернии – это бесспорный факт. В своих очерках, написанных по результатам путешествий и изданных в 1882 году в журнале «Русская Мысль», В.И. Немирович-Данченко весьма афористично отозвался о «фабрично-заводском царстве» Мальцовых, куда входили предприятия Дятьковской волости Брянского уезда Орловской губернии, Жиздринского уезда Калужской губернии и Рославского уезда Смоленской губернии, назвав этот край «Америка в России». А про Дятьково написал следующее: «...здесь была , если не Америка, потому что здесь не было того основного индивидуального развития, какое характеризует Америку, то своего рода Аркадия» [6].

Всего в империи Мальцовской действовало 9 сахарных заводов , на которых вырабатывалось 30 тыс. пудов сахара, а при Иване Акимовиче их было 5, но он был одним из пионеров сахарной промышленности России. К сожалению, этот факт не нашел еще должного отражения на страницах истории Дятьковского района.

Клуб «Дятьковский краевед» вынашивал идею укрепления мраморной памятной доски в д. Верхи, дабы оставить память о славных делах Мальцовых в сердцах людей на долгие годы, и это произошло 1 сентября 2016 г. При стечении школьников, их родителей, жителей села, гостей праздника была торжественно открыта памятная мраморная доска на здании средней общеобразовательной школы д.Верхи в память об историческом событии. Одновременно на этой доске упомянуто имя и знаменитого металлурга Семена Ивановича Бадаева (1778–1847), уроженца д. Верхи.

Литература и информационные источники

1.http://agrofak.com/vostruxin-saxarnaya-svekla/razvitie-fabrichnogo-svekloseyaniya/istoriya-sveklosaxarnoj-promyshlennosti.html.

2. Фабрично-заводская промышленность и торговля России: с приложением общей карты фабрично-заводской промышленности Российской Империи /М-во финансов. Департамент торговли мануфактур. Изд. 2-е, испр. и доп. Санкт-Петербург. 1896.

3. Свод законов Российской империи с 1649 года. Том XXXI . 1810-1811.

4. Грани Дятьковской истории. Историко-краеведческий сборник. Брянск. 2013.

5. Мальцов И.А. «Отчет о вновь устроенном заводе для выделывания из свекловицы сахарного песку». Земледельческий Журнал. 1829.

6. Немирович-Данченко В.И. Америка в России// Русская мысль.1882.

В.В. Ковеля (г. Брянск)

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ» РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Тридцатые годы двадцатого века... Сколько слез и горя они принесли в крестьянские семьи. Сколько судеб было ими переломано и изничтожено. Сколько крепких хозяйств пришло в упадок. В наши дни нередко их оправдывают благими целями, стоявшими перед государством накануне Второй мировой войны, пишут о необходимости жертв во имя светлого будущего, но при этом забывают о человеке, жившем в то время, с его ежедневными потребностями и нуждами, с желанием заботиться о своих близких и родных, с надеждой на продолжение рода. Для людей, прошедших сначала через Первую мировой войну, затем через революцию и Гражданскую войну, именно спокойная жизнь, без смут и потрясений, стала главной ценностью. А между тем их вновь такой жизни лишили.

Подсчитать ущерб, нанесенный экономике за годы коллективизации, сложно, но возможно. Гораздо труднее понять, как эти годы повлияли на мировоззрение людей, как исказили их систему ценностей, какие внутренние ориентиры у них исчезли, а какие появились. И вот здесь воспоминания очевидцев становятся тем бесценным источником, который позволяет в некоторой мере разрешить эту проблему. Как следствие, в текущем номере «Брянского краеведа» продолжается публикация воспоминаний Анны Кирилловны Серединой, теперь посвященных уже событиям 1930-х годов. Родившись в 1928 г. в п. Суземка, Анна Кирилловна застала тридцатые годы еще ребенком, поэтому многое, о чем она говорит, было рассказано ей матерью или другими родственниками, но отдельные события оказались запечатлены ею самой, они глубоко проникли в детскую память. Ее воспомина-

ния не ограничиваются темой коллективизации, есть в них информация о ее семье, об их быте, об истории родного поселка.

Анна Кирилловна удивительный рассказчик, здравомыслящий и рассудительный, беспристрастно оценивающий прожитые годы. При общении с ней создается стойкое ощущение соприкосновения с теперь уже утраченным миром рачительного и домовитого русского крестьянства. В ней остро чувствуется непоколебимая уверенность в ценности личного труда как главной созидательной силы, не терпящей неряшливости или небрежности. Даже в 92 года она продолжает лично заниматься огородом, не доверяя посадку моркови и лука прикрепленному к ней соцработнику. В этих двух качествах – самостоятельности и трудолюбии – и скрывается залог крестьянского экономического успеха, впрочем, не только крестьянского. Даровав же крестьянам свободу в 1861 г., расширив ее в начале 1920-х годов, в 1930-е годы государство их вновь ее лишило, подорвав тем самым и веру в ценность трудолюбия. Уравнительный принцип колхозов и гонения на самостоятельных и домовитых уничтожили обозначенные ценности в массовом сознании, а их восстановление – процесс долгий и сложный. Тем ценнее приобщиться к опыту тех, кто смог сохранить и пронести через всю жизнь столь важные для любого общества качества.

Текст воспоминаний не был записан автором, а составлялся и редактировался в ходе многочисленных бесед с ним. Некоторые авторские слова и выражения, имена собственные были сохранены без изменений.

Из беседы с Анной Кирилловной Серединой:

«Прадед мой Иван Михайлович Рябцев (по-уличному Михальков) был из большой семьи, трое братьев и четыре сестры. Место, где они жили, было на улице Морозовой (ныне Некрасова). Три хатки стояли рядом. Как только прадед повзрослел, его призвали в царскую армию, и он стал солдатом. В то время армия еще формировалась таким образом, что от каждой семьи в нее забирали одного молодого человека, согласия никто не спрашивал. Каждые три года службы ему полагался отпуск, когда он мог вернуться домой, навестить семью. Шел пешком или добирался на перекладных. Месяц побыл, встретился с женой, и обратно. Отслужил он так 25 лет, когда же вернулся, то оказалось, что в деревне на его долю земли нет. Правда, еще в армии предлагали ему землю на Кавказе. Мол, вы там воевали, вы там забирали, вы там и можете поселиться. Но кто туда поехал? Тогда на чужое село замуж не шли, если уж только по самой крайней бедности.

Когда прадед вернулся домой, моему деду Демьяну Ивановичу было всего 13 лет, и они вместе, чтобы хоть что-то заработать для семьи, ушли пасти коров в г. Севск, к помещику. Годы службы подорвали здоровье прадеда, и в Севске он умер, дед остался один, мальчишкой без родительского надзо-

ра. Матери передали, что мальчик ваш в скорби, что, как говорится, и «воши съели». И тогда она отправилась пешком в соседний город за 40 км, чтобы вернуть сына домой.

Жизнь семьи изменилась после революции, т. к. всю землю поделили на каждую живую душу, и деду достался хороший участок. Делили тогда на десятины. Десятиной называли десять дворов, на которые намечалась земля. А потом они уже сами делили ее между собой по жребию. Также и покосы. Так вот моему деду, когда поделили покос, попала хорошая частка[1]. Дед вместе с детьми работать не ленился. У него уже было 5 коров, две лошади, свиньи, овечки, гуси. Дед наш расцвел – это же хозяйство! Есть будем вволю! Но и работали и денем, и ночью. Моя мать Галина Демьяновна рассказывала:

— Попрошусь на железную дорогу снег чистить, на платочек, кофточку заработать. Снега тогда были большими.

А дед отвечал:

— Нет. Вот управимся, запасемся продуктами, тогда идите, а то голод.

Как он пережил голод в детстве, так и боялся его всю жизнь.

Помогали деду трисына. Хозяйство было крепкое. И в 1930-е годы семью попытались раскулачить, так как дед идти в колхоз отказался. Опасаясь того, что имущество могут отобрать, он разделил коров и лошадей между сыновьями и дочерьми. Мамке – корову, дядьке Василю – корову и коня, дядьке Павлику – корову и коня. Построили им хаты, отделили. Всё – брать нечего, у деда осталась одна корова. Ему уже было за 60 лет, к тому же еще с детских лет он имел травму руки, которая после падения с лошади полностью не разгибалась. И на него наложили высокий налог, выплатить который было невозможно. Тогда его дочь, моя тетя Таня (неграмотная) поехала в Москву искать правды. Там она рассказала, для чего приехала. Ей велели всё изложить на бумаге и поставили ее в очередь на прием к Калинину [2]. Через какое-то время она поехала в Москву второй раз, уже с бумагой. К этому времени требование уплатить налог принесли деду. Должны были забрать всё. Поломать сараи, так как большие. Всё уничтожить. Всё забрать. Даже ворота забирали и замёты [3]. К Калинину тетя Таня не попала, было сказано, что он болен. Принял ее человек, назвавшийся заместителем Калинина. Он ее выслушал и обещал освободить семью инвалида от высокого налога и обязанности идти в колхоз. Официальную бумагу дать отказался, но обещал направить соответствующее письмо в Суземку для решения вопроса. Очевидно, обещание он выполнил, т. к. налог был отменен.

Я родилась незадолго до этих событий, в 1928 г. (хотя во всех документах записано, что в 1929 г.), поэтому обо всем, что тогда происходило, знаю по рассказам матери. Люди боялись идти в создававшиеся колхозы. Скот уничтожали. Начиналось все примерно в конце 1920-х. Мама замуж вышла в 1927

г. Отец работал на заводе. У них уже появились дети. На работе у отца потребовали, чтобы жена записалась в колхоз. Он ей сказал об этом, а она ему ответила:

— Запишусь я в колхоз, а дома кто будет работать? А сказали, что с работы снимут? Пусть снимают!

Все, что в доме было ценного, приходилось прятать, оставались только кровать, подушки, рядно [4] самотканое и больше ничего. Прятали и мы, и другие родственники всё в сундуки, которые относили к деду и бабушке, т. к. после письма из Москвы их не трогали. К остальным же часто могли заявиться местные активисты во главе с Гаврюшей и Стещенком, так их звали по-уличному. Забирали всё, что им захочется.

Однажды они пришли и к нам. Мать тогда дома была, и я на печке лежала. На стенке, кажется, отцов пиджак висел. Думаем — заберут.

Они:

— Мы пришли за налогом.

Мать:

— У меня денег нет.

Они:

— Иди к соседям, попроси мяса.

На скамейке кошка сидела. Мать:

— Вот оно —мясо.

Кошка прыгнула в окно и как ушла, так и не пришла больше. Мать же быстро пиджак на плечи и на улицу, якобы к соседям, а сама стала под окно и смотрит. Они ждали-ждали да ушли. С меня спросить нечего.

Помню, как у дядьки Павлика коня хотели забрать в колхоз. Сам он уже был в колхозе на Рудаче. Забора не загородит, а вот пахать, сеять — его дело. А мать моя ему говорит:

— Знаешь что, Павлик, давай продадим коня.

Повезли в Буду [5]. Павлик стоит с конем, а у него спрашивают:

— Сколько твой конь стоит?

— А не знаю, кто сколько даст. Он уже старый.

Мамка рядом стоит и говорит ему:

— Знаешь что, Павлик, иди, походи по базару.

Кони у наших были хорошие, потому что их жалели. Мать говорила, что дед лишний раз коня подгонять не станет, как идешь, так и иди. Жалел он скотину. Пока Павлик туда-сюда прошел, мать коня продала. Видела его через год. Звали коня Васек. Едет мужик, а она коня угадала. Крикнула:

— Васек.

Он сразу голову повернул. А мужик и спрашивает у нее:

— А вы знаете эту лошадь?

Она:

— Конечно, это же была наша лошадь. Как она у вас?

— Ничего. Хорошая. Рабочая. Но скажите, сколько ей лет?

— Двадцать один.

Те, у кого ничего не было, работать в колхозе согласились. Муж соседки– Евсей стал там бригадиром или каким-то иным начальником. Другие соседи Хритонята тоже трудились в колхозе, но простыми рабочими. Евсеиха потом хвалилась:

— Вот Евсей в колхозе получил столько-то всего! И мёда, и зерна!

А мать отвечает ей:

— Евсей-то получил, а Хритонятам ничего не дали.

— О! А ты хотела, как бы, чтоб еще и Хритонятам дали?!

Напротив нашего дома жил двоюродный брат моего деда. У него было два сына. Один из них Хфанас взял и обозвал ходящих по домам местных активистов Гаврюшу и Стещенка:

— Еще этые черти ходят по дворам, обирают! Что ходите? Собираете последние попонки по дворам?

Ему пообещали отправить на Соловки, а он сел, да и в Москву уехал. Потом и семью забрал. Остался здесь один старик-отец. Хату у него сперва отобрали. Жили в ней те, кого они поселят, – нужные люди. Потом вернули.

В 1933-м году случился голод. Был неурожай. На Украине тоже обдирали и отнимали. Красная метла прошла и там. Бежали. Да и у нас не крепко расцветали. Тоже было такое, что прятали. Что спрятали, то потом и съедят. Если не спрятали, то отняли. Помню, мать рассказывала, что ее брат Федор пошел гулять. Вышел, а на коридоре [6] сидит человек и грызет буряк сырой [7]. Человек испугался, а Федорему говорит:

— Не бойся, ешь.

Утром на следующий день моя бабушка рассказывает Федору:

— О высадки, ктось покрал. Надо ж, таки высадки были.

А Федор ей отвечает:

— Не ругай, мам. Если б ты видела, как этот человек ел. Не надо ругать, он голодный был.

Только к концу 1930-х годов колхозы стали подниматься. Появились другие производства в поселке. В 1936–37 годах дядька Федор стал работать в отделении Крымской конторы по заготовке стоек для шахт, колов для виноградников, жердей и метел. Мы с матерью и после войны ходили туда зарабатывать деньги. За сотню колов 25 рублей платили. Улучшения в колхозах не изменили отношения основной массы населения к ним. Мало кто из наших, уличных, хотел там работать. В 1944 году, когда мы уже вернулись домой после насильственного угона в западную Белоруссию, мать поехала на

заработки на Украину, чтобы хоть что-то привезти домой, накормить домочадцев. Там она случайно встретила земляка Иванича, жившего до войны на Вокзальной улице, а в то время воевавшего в рядах Красной Армии. Кричит он ей:

— О, это наши суземские! Девушки суземские! Что там в Суземке? Колхозы есть?

А мать:

— Так ты же за колхозы воевал — есть колхозы.

А он:

— Как есть?! Нам обещали, что не будет!

Мать:

— Не будет, а есть уже колхозы.

***

Проживая в Суземке и общаясь с разными людьми, я размышляла над судьбой этого края. Ведь жители Горожанки, Денисовки, Герасимовки, Суземки – это всё бывшие беглые крестьяне [8]. Если подумать, там даже разные языки. В Горожанке – один язык, в Герасимовке, Денисовке – другой, в Полевых – третий [9]. В лес они убегали от налогов и войн, а потом обживались там. Селились около речек. Помню, как дед рассказывал, что Суземка названа по речке Суземь, протекавшей, где сейчас луг рядом с хутором Никольским. Рудач – там ручеек был, по нему Рудач и назвали. Дегтярка (Заводский), говорили, что там тоже речка, ручеек Дегтярка был.

По рассказам матери, в 1920-м году в Суземке был страшный пожар. Нашему Ваньке, племянник моей матери, шел первый годик, а родился он в 1919 г. Так как вся Суземка была крыта соломой, то вся она и выгорела. Только где-то на выгоне осталось две хатки. И Хутор Никольский остался. Оттуда была невестка моего деда, вот свати дал нашим амбарчик пожить [10].

Одним из моих первых и ярких детских воспоминаний стало сожжение суземской церкви. Я уже спала, когда мать разбудила и поставила на подоконник, сказав: «Смотри, как горит наша церковь». Церковь была довольно высокой, ее крест был виден из окон дома, было видно и то, как он, окутанный огнем, падал. Уже повзрослев, я не раз была на месте бывшего храма, видела остатки кованой ограды, могилы захороненных рядом священников и состоятельных прихожан. Одно из надгробий, выполненное из белого камня, долго лежало на том месте, а потом куда-то пропало.

Помню суземского попа [11]. После того как наша церковь сгорела, у нас Колька родился, дядьки Федора сын. И крестили его уже у попа дома. Жил он у какой-то бабы Лушки. Так его и звали поп Лушкин. Ходил он по улице в церковном одеянии. Одинокий был. Потом его тоже забрали и куда-то отправи-

ли. А так бы тоже куда-нибудь уехал и с концами. Не сообразили.

В школу я пошла, когда мне не было и семи лет. Училась хорошо, в отличие от старших подруг, некоторые из которых остались на второй год. Первоначально собственного здания у школы не было. Нас гоняли. Учились там, где церковь была, в оставшихся рядом с ней поповских домах. Месяц поучимся, опять куда-то переводят. Возле книжного магазина, как раз напротив старого рынка тоже были чьи-то богатые дома. И там учились. Потом построили двухэтажную деревянную школу рядом с современной спортивной школой. В ней я проучилась 2–3 года, а в войну ее сожгли.

В 1930-е годы в центре Суземки еще сохранялись дореволюционные дома богатых. Рядом с современным центральным рынком на месте магазина «Три кита» стоял дом Федорцовых, родом они были из Денисовки [12]. На месте кафе «Нерусса» был двухэтажный домик Толокина из Горожанки. Он и после войны там еще стоял, уже покосившись. На росстанях [13], рядом с современным зданием почты было фотоателье, напротив – книжный магазин, где среди прочего продавали куклы. Дальше по правой стороне улицы Ленина находилась винная полка, торговавшая водкой. За ней – госбанк. Это был хороший кирпичный дом с железной изгородью, владельцев которого раскулачили. Рядом, тоже в раскулаченном доме, – пекарня, куда моя мама устроилась работать. Дальше в длинном многоквартирном одноэтажном доме жили сотрудники милиции. Хлеба недоставало, был только по карточкам. Милиционеры часто приходили за ним на пекарню, и там я их видела, прибегая к матери. Дальше шел колхозный двор с множеством сараев, в конце улицы построили колхозный магазин. На противоположной стороне улицы в еще одном раскулаченном доме разместилась колхозная контора. В конце ул. Некрасовой стоял дом Кармазиных, державших до революции в Суземке лавку, куда еще моя мать в детстве бегала за баранками. Их тоже раскулачили. Все постройки, кроме вокзала и банка, были деревянные. На улице Ленина и кое-где на Вокзальной были деревянные тротуары из шалевки. За железной дорогой сразу напротив вокзала находился деревообрабатывающий завод. Там работали мой отец и дядя. При заводе был клуб, где кино крутили. Я там тоже была один раз.

19 сентября на Чуды [14] в Суземке проходила ярмарка. Базар тоже был, на том же месте, где сейчас старый рынок. До советской власти, как мать рассказывала, местные жители выходили туда со своим товаром. Кто семечками торговал, кто – баранками-печеньями. В то же время в Суземке работали лавки, где купить, по словам матери, можно было всё, если деньги имелись. Потом уже такого не было, даже ткань достать стало сложно.

Рядом с центром раскинулся фруктовый сад Ковалевых [15]. Был там и Ковалев колодец, где сейчас здание школы № 1. Когда еще была церковь, к

нему на Крещение ходили воду святить. По-уличному этих Ковалевых звали Кузьмичевы, т. к. все они Кузьмичи и Кузьминичны. Работали они и сами, и батраков нанимали. Старая Кузьмичиха хорошо пряла. Бабушка рассказывала, что прибыли к нам они из Княгинино [16]. Купили здесь землю и разбили молодой сад. Яблоки и груши были хорошие. Отправляли их на продажу вагонами. Бабушка ходила помогать убирать урожай. Ей разрешили прийти набрать себе яблок. Она взяла мешок и пошла, а ее спрашивают:

— С чем ты пришла?

Бабушка подумала, что хозяевам мешок показался большим, и ответила:

— Да сколько дадите. У меня ничего другого не было.

— Иди деду скажи, пусть коня запрягает. Что ты пришла? Что ты донесешь?

И дед поехал, привез воз яблок. Всей улицей ели.

В 1930-е годы все они разъехались. Всё у них отобрали.

Свободного времени у людей тогда много не было. Только в праздники и иногда по вечерам молодежь собиралась на «пятачке», так называлось ровное чистое место, где устаивались танцы. Кто-то приносил гармонь, после войны ее сменила балалайка. Когда же на улице было мокро или холодно, нанимали хату у какой-нибудь вдовы. Обычно это была еще молодая женщина, оставшаяся одна. И вот, когда к ней приходят нанимать, она просит в качестве платы, чтобы воз дров привезли или по пуду хлеба, жита, муки, у кого что есть. Мать рассказывала, что, даже будучи молодой, не ходила туда, т. к. отец не разрешал ей добро тратить. Только однажды к ним пришла жена старшего брата Настя и говорит:

— Чего ты сидишь? Другие ходят, а ты? – насыпала ей полпуда муки. – Неси! Гуляй!

Там они пряли, кто-то вязал, кто-то вышивал. Туда же приходили ребята. В праздники обязательно с гармошкой. Конечно, для хозяйки это было хлопотно, что столько людей приходило, топталось, а у нее же своя семья. Но жить нужно, а дров привезти некому, и муки-зерна не хватает. Тогда ж без мужика очень тяжело было. А у хозяйки четыре дочери.

На Рождество, когда своей церкви не стало, по возможности ездили в Буду. Елки на Новый год редко кто ставил. Помню, ходила в гости к подруге, у нее елка была, вся украшенная конфетами (карамельками). Мне тоже одну сорвали. Дни рождения я не помню, чтобы как-то отмечали. Поминки справляли, в течение нескольких лет поминали. Дед умер в 1938 г., но его и после войны поминали. Но это не во всех селах было. В других схоронили, как лошадь, и забыли. В каждом селе свое поверье. У нас на похороны приглашали попа, и он руководил похоронами вплоть до кладбища. Шел впереди процессии и читал молитвы. Крестины тоже обязательно справляли.

Масленицу отмечали, на лошадях катались с гармошками, песнями. На пасху обычно ходили в церковь, а кладбище если и посещали, то ненадолго. Разговелись дома, взяли яичко, пасочку [17] в карман и отправились на кладбище. Но обедов там не устраивали. Обошли кладбище, подошли к своим, яичко покатали, Христос спели и отправились домой. А на Радуницу дома уже можно было и не обедать, с утра брали всё, что было, и шли на кладбище, где и обедали. Все красиво убирали, на кресты полотенца повязывали, скатерти по могилкам стелили. В час где-то все вместе дружно начинали обедать, пели Христос.

Особо почитаемым праздником была Троица, затем Петров день. Днем по-христиански люди в лучших нарядах шли в церковь, пока она была. Особенно ценились оршавские платки, так называли платки из тонкой шерстяной ткани, привозившиеся, как говорили, из Варшавы. У наших было два таких, с бахромой. Были еще шали, большущие. А после церкви гуляли. У нас на ул. Максима Горького (первоначальное название улицы Рябцева), на ростанях с переулком Некрасова, были устроены качели, там и происходило главное гуляние. В эти дни не работали, в каждом дворе были песни, танцы. Наши все собирались у деда и накрывали стол. А там и вареники, и коржи, и кныши, и пироги с фасолью. Ели это все со сметаной. Потом на стол ставился самовар, у деда он был, и все пили чай с кусковым сахаром. Много пели. Песни были старые, слова я уже не помню. Для детей качели вешали в сенцах. К вечеру все расходились управлять хозяйство.

Примечания:

1. Частка – диалектное слово, в данном контексте означающее участок земли.

2. Калинин Михаил Иванович (1875–1946) – советский государственный деятель, с 1922 г. по 1938 г. являвшийся председателем Центрального исполнительного комитета СССР, имел неофициальное звание «всесоюзный староста».

3. Замёты – разновидность забора, представляющая из себя горизонтально уложенные бревна, укрепленные вертикальными балками.

4. Рядно – грубая домотканая ткань.

5. Буда (Середина-Буда) – город Сумской области, Украина.

6. Коридор – нежилая пристройка к дому, наподобие сеней.

7. Буряк – местное название свёклы, заимствованное из украинского языка.

8. Горожанка, Денисовка, Герасимовка – поселения на территории современного Суземского района Брянской области.

9. Полевые Новоселки – село Суземского района Брянской области.

10. Амбар – помещение-склад для хранения чего-либо.

11. С 1919 г. по 1930 г. (до года закрытия) настоятелем Суземского храма Святого Александра Невского был священник Константин Иванович Александровский.

12. Федорцовы – многочисленный зажиточный род крестьян из села Денисовка, владевших там несколькими торговыми лавками и двумя ветряными мельницами. На рубеже веков они начали заниматься лесозаготовкой, и после строительства железной дороги часть рода пересе-

лилась жить в Суземку, где были оборудованы ими торговые склады.

13. Росстани – разговорное название перекрестка.

14. Чуды – христианский праздник «Михайлово Чудо», отмечаемый 19 сентября.

15. Семья Ковалевых на рубеже XIX–XX вв. владела в Суземке 44 десятинами пахотной земли, на которой они разбили огромный сад. Помимо этого им принадлежала ветряная мельница, приносившая до 350 рублей ежегодного дохода. Основатель этой крестьянской династии Федор Кузьмич Ковалев, вероятно, не был местным и прибыл в Суземку из села Княгинино Севского уезда.

16. Княгинино – село Севского района Брянской области.

17. Паска – местное название сдобного пасхального хлеба, заимствованное из украинского языка.

Кузнецов В.В. (г. Брянск)

БОРТНЫЕ ЗНАМЕНА БРЯНСКОГО КРАЯ

Бортные знамёна – это отличительные знаки, которыми люди, занимавшиеся бортничеством, т. е. лесным пчеловодством, помечали деревья, на которых располагались обслуживаемые ими борти (прообразы ульев).

Согласно словарю В.И. Даля, знаменовать – значит налагать знак, метить. В более широком смысле – являть образ. Знаки на борти накладывали не только русские, но и украинцы, белорусы, поляки, сербы, татары, башкиры, мордва.

Бортное знамя как отличительный знак имеет очень древнее самобытное и чисто народное происхождение. Своим возникновением оно обязано родовому быту наших предков. Роды и племена имели свои особые знаки, которые служили им символами, своеобразными отметинами. Ими они обозначали свои владения, границы лесных участков, которыми пользовались. Но бортные знамёна – это не знаки собственности, это знаки принадлежности, которыми каждый бортник помечал границы своего участка (ухожея). Сам участок леса мог принадлежать монастырю или какому-нибудь знатному лицу.

Материалов о бортных знамёнах опубликовано крайне мало. По бортным знамёнам Брянской области, насколько нам известно, в современное время их не было вообще. Основным, наиболее объемлющим источником сведений о бортных знамёнах до сего дня считается работа Г.Н. Анпилогова «Бортные знамёна как исторический источник», написанная более полувека назад. Для нас она интересна ещё тем, что в ней исследуются бортные знамёна по Путивльским и Рыльским переписным материалам конца XVI – начала XVII века, т. е. по территориям, находящимся в непосредственной близи южных границ нашей области.

Описания нескольких десятков бортных знаков, датируемых 1537–1597 годами, приведены в публикации Сергея Шумакова «Сотницы (1537–1597), Грамоты и Записи (1561–1696)», издания Московского университета 1902 г., кроме того, рисунки нескольких бортных знамён содержатся в публикации 1877 г. некоего Ал. С. «Знамена бортных ухожей Орловской губернии в XVII ст.», в которой приведены отрывки из писцовых книг 1626–1629 гг.

Особый интерес для нас представляют «Выписки из писцовых книг на вотчины Свенского монастыря в г. Брянске и Брянском уезде от 7 апреля 1595 г.», опубликованные С. Шумаковым, и «Знамена бортных ухожей Орловской губернии в XVII ст.».

В первой из них даётся описание территории Брянщины, охватывающей несколько административных районов от Суземского до границы Калужской области, и от Выгоничского до Комарического района.

Во второй – даётся описание части Дубровского района, граничащей с Рогнединским районом на севере и Жуковским районом на юге, также сведения о бортных знамёнах в Брянском уезде Орловской губернии, сообщаемые во Ввозной грамоте 1623 г., выданной князю Григорию Афанасьевичу Мещёрскому на владение поместьем своего отца в с. Руковичи (ныне с. Рековичи Дубровского района – авт.) на реке Горностаевке. В ней упоминается о том, что в этом селе его крестьяне: Силка Копнин с товарищами совместно с крестьянами помещика деревни Долгой, принадлежавшей Григорию Тухачевскому, владеют бортными ухожеями «Руковицким» и «Исаковским», в которых пять знамён. Эта грамота свидетельствует ещё и том, что с. Рековичи не раньше последней четверти XVI в. было отдано в поместье князю А. Мещёрскому, а жители села – оброчные бортники и земледельцы, стали его крепостными крестьянами.

Поселения бортников до сих пор сохранили названия, которые они получили по профессиональному занятию их жителей, – Бортное (Орловская область), Троебортное (Севский район, Брянская область), Коммуна Пчела (Брасовский район, Брянская область).

Даже городам нарекали имена от обилия в них пчел, меда, медоносных растений, например, из ближайших – Медынь (Калужская область), Мценск («мцела» по-вятически – «пчела», Орловская область).

Бортничество – исконный и любимый промысел на Руси. Оно было очень распространено и давало большой подсобный доход помещикам, крестьянам и другим слоям населения. Сахар в те времена был большой роскошью, доступной только очень богатым людям, и мёд был единственной сладостью, которую мог себе позволить простой народ.

Мёд и воск были предметами оживленной международной торговли, и с понятием бортный ухожей еще со времен глубокой древности связывалось поня-

Бортные знамена XVI–XVII вв. (по Анпилогову Г.Н.).

тие о владении землей.

Пчеловодство с давних пор считалось самым экономически выгодным занятием, поэтому во многих местах Руси оно сделалось чисто специальным промыслом не только у простых, но и у знатных людей – именитых князей, бояр, духовных лиц. Бортные угодья (ухожья) представляли огромную ценность, и большинство из них очень скоро перешло в руки князей, бояр, монастырей и пр. Из документов XVI и XVII столетий однако видно, что существовали и артели бортников. Большое количество бортных ухожьев принадлежало казне, они сдавались в оброк, обычно с «наддачи» (с торгов).

Князья в своих бортных ухожьях держали своих бортников, которые вели княжеское пчеловодство. Кроме того, у них были бортники и оброчные. Бортные земли князья отдавали в оброк желающим, которые селились в лесу на княжеской земле и платили определенное количество меда и воска. Выплачивался оброк натурой.

«За князем Григорием княж Афанасьевым сыном Мещёрским, по ввозной грамоте 131 (1623) году, отца его поместье село Руковичи, на реке на Горностаеве... пашни церковные середние земли пятнадцать с четью в поле, а в

дву потому ж сена, то попова лужку три копны, да по Марковской дубровки сена две копны, да церковной бортней ухожей за рекою за Десною во бору и по чёрному лесу, а знамя в том ухожью курья лапа [3].

Григорию Тухочевскому владеть, чем прежде всего владел, лесу бора и болота в длину до Желтоноговского рубежа на пять вёрст, а поперёк на две версты до речки до Немери вопче ему тот лес и земли с деревнею Долгою, а сечь тот лес его князь Григорьевым крестьяном для пашенные распашки от своего поместья, от села Рукович, а Григорьевым крестьяном Тухочевского сечь от своего поместья, от деревни Долгой, а бортной ухожей в том их опчем лесу по их знамёнам судерев, а знамёна в том ухожью вилы с откосом, да знамя вилы ж, высподь два тна, под ними перевора, под переворою два тна, да знамя грань, вверху вилки, высподь два тна, да знамя лежайка, вверху тень, да знамя вилы к верху рогами, от рог откоски, в вилах тень, высподи перевора, под переворою два тна, да к тем же знамёнам бортной ухожей за рекою Десною по большому бору судерев с деревнею Долгою со крестьяны, а ходит в тот ухожей того же села крестьянин Силка Фёдоров сын Копнин с товарищами, а оброку платит с Руковицкого и с Исаковского ухожья в большом дворце полпуда мёду на год, да с дерева две гривенки, да с мёду пошлины по Государеву указу» [3].

Монастырские бортные ухожья освобождались от медовых даней. Доходы медом от аренды шли в пользу духовенства. Князья жаловали монастырям бортнические села в безвозмездное пользование.

Понятие «Бортное ухожье» возникло с появлением права собственности на борти (бортные деревья), когда стали намечаться границы отделения одних владений от других. Бортные ухожья – это участки леса с бортными деревьями, которые зачастую занимали значительные площади, тянулись на десятки километров, отделялись друг от друга особыми условными знаками – знамёнами, которые наносились на межевые деревья – дубы или липы, выделявшиеся среди других деревьев.

«...да за ним за князем Григорием, и за его крестьян села Рукавич, за Силкою Копниным с товарищи, вопче с Григорием Тухачевским на оброке, за ними оба берега реки Десны с упальными речками, и с капцы, и с перевеси, и с загороды один берег правой по их поместной земли от Маркина, да от Фёдорова рубежа Поярковых, от шатрищ, и от граней, что высечены грани на липе, что липа стоит на берегу у реки у Десны, на низ тою ж рекою до устья реки Сещи...» [3]. «Под бортным ухожеем нужно разуметь довольно обширную местность, непременно лесистую и притом с преобладанием лиственного леса, так как пчелы не водятся в хвойных лесах. Определить пространство, которое занимал каждый бортный ухожей, трудно, так как границы их, показываемые в писцовых книгах, очень неопределенны» [5].

Борть. Фотография с сайта www.radikal.ru.

Писцовая книга XVI века с рисунками бортных знамен.

Границы могли проходить по ручью или речке, лощине, лесной тропе или дороге.

«Исачка Остапов ходит обаполь реки Нерусы и Севи с Трубчаны и села Алешкович из бортников судерев, да с ним товарищ Савка Фёдоров, знамя тебенки, а в обеих тебенках по тну, да наверху и высподи два тны, а оброку платит с того знамени полпуда мёду. Якушко Лукин ходит в Порохонском ухожью обаполь реки Тары судерев из бортников села Алешкович, знамя соха, левый рог пересечён, к земли вилы, промеж их перевора, а оброку платит с того знамени полпуда мёду. Иванко Григорьев ходит в Комаритцком ухожью по Свиную дорогу судерев с дворцовыми крестьянами разных сёл и деревень, знамя хомут, а оброку платит с того знамени в монастырь три пуда мёду» [6].

Бортные ухожья занимали большие пространства еще и потому, что в древности к ним примыкали бобровые гоны, рыбная ловля, перевесища и другие угодья, принадлежащие бортникам.

Одним бортным ухожьем могли пользоваться несколько человек.

«Да Пречистые ж Богородицы Свинского монастыря села Супонева борт-

ные ухожеи Супоневской, ходят бортники монастырские, а оброк платят в монастырь. Села Супонева Бортники: Фёдка Тиронов, да Ратка Кашкин, Сенка Иванов сын Манюков, Фёдка Галкин, Ромашко Говоров, да брат Олешка Семёнов. А знамёна у них в том бортном ухожее: буки, да знамя грань с крюком, да с двумя тны, да знамя одно буки с приметком, да знамя буки с тном, да знамя грань с двумя тны, высподи куцерь, да знамя соха, да за рекою Десною знамя грань с крюком, да знамя быков, вверху куцерь, да знамя соха, под нею (знамя) быков, да за рекою, за Десною и по Добрунской дуброве знамя быков, вверху палица, да знамя быков, вверху куцерь, да знамя грань, да две тны, вверху куцерь, да знамя грань да две тны, да знамя быков //, да знамя две палицы с протёсом, да две тны, да знамя быков в Долгомостье, да за рекою ж, за Десною и по Супоневскому, и по Кигановскому полю знамя грань да куцерь, да по обе стороны реки Десны и по Добрунской пустоши знамя голова, в голове куцерь, да Супоневское знамя быков, высподи куцерь, да по Коростовскому и по Елисеевскому, и по Кигановскому полю знамя мотовило, да знамя шелом с приметком; да деревни Тимоновки ухожей Логвиновской, знамя соха да три палицы, да знамя соха, под исподом палица, да знамя соха да две палицы, да знамя быков» [6].

Бортное ухожье было довольно сложным хозяйством. Оно включало борти, в которых жили пчелы, и борти без пчел, деревья-холостцы, пригодные для бортей, но еще не выделанные бортниками. Таких могучих толстых деревьев было в то время «несчетно», но они держались на примете и в любое время могли стать «дельными».

В каждом бортном ухожье различались «дельные деревья с пчелами», «дельные деревья без пчел» и «деревья холостецы, которые в дело пригодятся». Холостец – это дерево, которое может быть использовано под борть, но для этой цели еще не приспособлено.

В ухожьях насыщенность бортями была неодинаковой. На площади в диаметре до 20 километров могло находиться до ста заселенных бортей. Согласно писцовым книгам поземельной переписи на каждое дельное дерево с пчелами приходилось в среднем семь свободных для заселения роями. Кроме того, были дупленицы-самосадки, то есть дупла с пчелами, на которые тоже ставилось знамя.

Один бортный ухожей отличался от бортей соседа по лесу при посредстве бортных знамен. Бортные знамёна – это натёсы, которые делались на деревьях на уровне груди бортника топором, ножом, долотом или другими режущими инструментами. Это было связано с тем, что бортный знак, или знамя, должен был служить не один год. По своей сути, бортные знамёна выполняли функции опознавательно-правовых знаков, являясь, таким образом, предвестниками родовых гербов.

То есть по мере распространения и развития бортничества, еще задолго до принятия юридически оформленных законов, в народе возник обычай, по которому никто не имел права трогать тот предмет, на котором стоял знак собственности. Знак-клеймо ставили не только на бортное дерево, но и на драгоценные изделия, утварь, животных. Этот обычай строго соблюдался всеми. Всякое, даже малое нарушение наказывалось. Особенно это касалось бортных ухожьев. На одном лесном участке, бывало, перемешаны были борти нескольких владельцев. Каждый хорошо знал свои, не посягая на собственность других. Знак собственности ограждал борть от разорения и присвоения другими, считался неприкосновенным. Борть для всех была святым делом. Самым большим преступлением считалась кража меда из бортей. Только один медведь мог ее трогать.

Бытует такое мнение, что поскольку борти принадлежали бортнику (о чём свидетельствовал отличительный знак), то они и считались его частной собственностью.

Сравнение содержания выписок из писцовых книг приводит к мысли, что бортные знамёна, скорее всего, являются не знаками собственности, а знаками оброчного владения. Ведь находились они на территории владений помещика, и, следовательно, являлись его собственностью, а не бортников-первозаимщиков, изобразивших на бортных деревьях свои знаки. Бортники пользовались бортными деревьями на правах владения с уплатой оброка и пошлины, могли передавать другим лицам вместе со своими обязанностями в пределах владений своего помещика. Эта особенность является общей для всех бортных знамён и угодий.

Многие бортные ухожья получали свои названия не только по географическому принципу – от названия главного леса или центральной усадьбы, но по именам первозаимщиков.

Рисунки знамён брались первозаимщиками из окружающей их жизни, отражая разнообразие известных им предметов, животных, местных особенностей и общих понятий, которые являлись символами этих знаков.

Это наклонные кресты (грани), углы (сохи, куцера), круги (колеса), елки, змейки, мотовила, лопаты, грабли, курьи и сорочьи лапки, оленьи рога и др.

Знамена «грань» или «рубеж», которые обозначались крестом или прямой горизонтальной линией и наносились зарубками на дерево, как полагают ученые, наиболее древние. Они впоследствии широко использовались и бортниками, которые уже обогащали их различными дополнениями и воспроизводили в различных вариациях. Впоследствии круг названий и начертаний знамен пополнялся и расширялся за счет изображения живых и неодушевленных предметов окружающего мира.

Бортники использовали в качестве своих опознавательных знаков и пашенные орудия (сохи, орала, орики, лемеши).

Встречаются знамена на военную тему: лук, стрела, шеломец, сабля, тетива и другое древнее оружие. Это тоже отражало тогдашнюю действительность.

Кроме сельскохозяйственных орудий, в рисунках бортных знамён получило отражение много разных инструментов и хозяйственных принадлежностей, в том числе и для обслуживания бортного промысла. Среди них первое место занимают топоры. Это совершенно понятно, т. к. они являлись важнейшим орудием в хозяйстве бортника, охотника и земледельца.

Есть графические изображения, относящиеся к человеку: бровки, голова, борода, ладони, ножки, ребра, локотки, чеботки.

Как указывает Г.Н. Анпилогов, для изучения княжеской вотчины в древней Северской земле большой интерес представляют княжеские знаки собственности в рисунках бортных знамён. Они имеют названия и рисунки – «престол», «крест на престоле». К ним относятся некоторые рисунки с названием «взвилья», которые имеют почти полное сходство с изображением престола. Это тоже знаки княжеской власти – «взвилья» происходит от слова «взвить», т.е. вознести, поднять на высоту, и это вполне соответствует назначению престола.

«Простые бортники не могли взять эти рисунки в качестве бортных знамён. Это могли сделать только люди, состоящие на службе у князя. И хотя в переписных материалах бортных ухожеев в Путивльском уезде нет ни малейшего упоминания о бортных ухожеях княжеской вотчины, старые знаки княжеской собственности в рисунках бортных знамён сохранились. Так, рисунок бортного знамени «крест на престоле с венцом» в XVI и начале XVII вв. находился на деревьях в бортном ухожее в урочищах р. Сейм и речке Снагости. В 1614 г. он был по грамоте из Приказа Большого дворца пожалован церкви в г. Путивле. До 1614 г. им владел бортник-оброчник Ермак Трубчанин (знакомое что-то слышится в его фамилии, не так ли?)» [3].

Трудности изображать на бортных знамёнах птиц, зверей, людей, различные предметы в реалистичной манере приводили к тому, что сложные рисунки бортники заменяли изображением отдельных деталей, например: «сорочья лапа», «лунёво крыло», «свиное рыло» и т. п.

Рисунки бортных знамён несложны, условны, вместе с тем очень разнообразны. Существовали группы т. н. основных знаков, которые, собственно, несли на себе символ, и вспомогательные знаки (которые в работе Анпилогова вообще не рассматривались) – прямые и косые насечки (рубежи, переворы, тени, протёсы, откоски и т. п.), за счёт которых создавалось отличие знамени от подобных, как правило, на одной территории. По внешнему виду

бортное знамя – это комбинации основных и вспомогательных знаков в самых разных сочетаниях, чтобы эти фигуры выделялись своеобразием начертания и легче удерживались в памяти. В них обычно наблюдалась симметричность составных частей.

Некоторые исследователи связывают эти дополнения к основному знаку с родовой традицией передачи по наследству. Знамена сохранялись в роду, но претерпевали некоторые изменения. Если братья-бортники вели независимое друг от друга хозяйство, то старший наследовал от отца семейное знамя, а младшие добавляли к нему новые небольшие, но характерные насечки. В самом начале главы мы уже касались этой темы.

Впрочем, эти добавления могут быть связаны и с переменой владельцев этих бортных знамён.

Поэтому в описании бортных знамён к названию сохи или другого основного знака делались добавления, которые облегчают понимание основного рисунка предмета и его сходство с другими подобными предметами и их назначение в жизни. Например, «соха с протёсом и поясом» имеет к основному рисунку из двух линий добавление «протёс» и «пояс» в виде угла, образованного двумя линиями, обращённого в поле. Сохи с «приметком» изображаются в виде двурогой сохи с ногой и имеют добавление – чёрточку на пятке.

«Окчевый бор (от речек Студенец и Кпупец до Паниковца). Бортный ухожей в этом бору принадлежал деревне Паниковец и пустоши Вышний (Верхний) Крупец (ныне – д. Орменка).

А знамя в том бору была грань, а другое знамя было – лук с приметом, то есть вогнутый в середине лук с двумя чертами с левой стороны. И ходит в те ухожеи его Софрона крестьянин деревни Попова Клинка Корнюшка Рухледников, и оброку платит вопче села Выгонич с бортником Ивашкой Харитоновым» [2].

«Другой бортный ухожей был в Выгоничском бору по левому берегу реки Десны. Туда ходили бортники села Выгоничи. Каждый из них имел своё знамя: у одних – это была «борода», знак в виде треугольника вершиной вниз, другие бортники добавляли к нему дополнительные знаки – тны – в виде одной или нескольких чёрточек по бокам, внутри, снизу и сверху.

Выгоничские бортники платили в Москву, в Большой дворец ежегодный общий оброк: по полпуда и две гривенки мёда с каждого дерева и по четверти деньги пошлины» [2].

В разных регионах Древней Руси в изображении бортных знамён наблюдается довольно близкое схематическое геометрическое начертание одинаковых предметов.

Бортник обычно имел одно знамя, которое он наносил на все свои бортные деревья, но встречались и такие, которые владели несколькими знаменами. Их борти находились в разных лесах.

Например, Рыльские бортные знамёна, находясь в смежной с Брянщиной местности, имеют значительное сходство с брянскими в названии, и можно предположить, что и в изображении. По крайней мере, на это указывает Г.Н.Анпилогов. Более того, похожие названия и изображения бортных знамён встречаются в Черниговской и Сумской областях Украины, примыкающих к Брянщине с юга: Богатый материал о бортных знаках содержится в грамоте Ивана Грозного от 2.09.1552 г. про наделы Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря: «Да Селище, что был починок Коровяного и в них живут бортники монастырские и ходят бортной ухожей, скоропочацкое знамя и в нем соха (...), озерцо Стерново с перевесы да ухожее бортное знамя крест косой (...), да деревни Учинков с бортники, а знамя крест косой (...), на речке на Студенец, по речке по Ивоти, знамя в том ухожее крест косой (...) на реке на Десне всякие угодья, а знамя крест косой (...), да два знамени бортных в Расадневе, курья лапа да лук (...), да знамя мотовило (...), да знамя пояс (...), да знамя коса (...), да другое знамя лемеши (...), да в деревне Сопыч знамя медведок, а другое знамя змеечка, да знамя вилы (...), да двадцать семь ухожьев бортных по знаменам» [1].

Здесь упоминается село Сопыч Сумской области, находящееся в непосредственной близости у границы Севского района в пяти километрах от нашего села Троебортное.

Эту мысль подтверждает и белорусский историк А. Титов: «Нужно обращать внимание на то, что в период распада родового образа жизни возникает большая разнообразность символов. Человек, набравшись смелости отказаться от символа-тотема, часто выбирал своим знаком предмет быта; с которым он был тесно связан в повседневной жизни и от которого часто зависело его благополучие.

Если учесть, что предметы быта были в основном очень похожими, особенно у народов на одной ступени развития форм хозяйствования и в примерно одинаковом географическом окружении, то становится понятным широкое распространение однотипных символов на больших просторах» [7].

Бортные ухожеи могли существовать только в те времена, когда население в наших краях было сравнительно редко. В XVII столетии, с увеличением населения и возрастанием числа сел и деревень, происходило постепенное уничтожение их и замена пасеками.

Некоторые бортные знамёна Брянского края (на основании писцовых книг)

Описание знамени	**Хозяин знамени**	**Название ухожея**	**Деревни и сёла в пределах ухожея**
буки	Фёдор Тиронов, Ратмир Кашкин, Семён Иванович Манюков, Фёдор Галкин, Роман Говоров, Алексей Семёнов	Супоневский	с. Супонево
грань с крюком, да с двумя тны	___	Супоневский	с. Супонево
одно буки с приметком	___	Супоневский	с. Супонево
буки с тном	___	Супоневский	с. Супонево
грань с двумя тны, высподи куцерь	___	Супоневский	с. Супонево
соха,	___	Супоневский	с. Супонево
грань с крюком	___	Супоневский	с. Супонево
быков, вверху куцерь	___	Супоневский	с. Супонево
соха, под нею знамя быков	___	Супоневский	с. Супонево
быков, вверху палица	___	Добрунская дубрава	с. Супонево
быков, вверху куцерь	___	Добрунская дубрава	с. Супонево
грань, да две тны, вверху куцерь	___	Добрунская дубрава	с. Супонево
грань да две тны, да знамя быков	___	Добрунская дубрава	с. Супонево
две палицы с протёсом, да две тны	___	Долгомостье	с. Супонево
быков	___	Долгомостье	с. Супонево
грань да куцерь	___	Супоневский	с. Супонево
голова, в голове куцерь	___	Супоневский	с. Супонево
быков, высподи куцерь	___	Супоневский	с. Супонево
мотовило	___	Супоневский	с. Супонево

шелом с приметком	___	Супоневский	с. Супонево
соха да три палицы	___	Логвиновский	д. Тимоновка
соха, под исподом палица	___	Логвиновский	д. Тимоновка
соха да две палицы, да знамя быков	___	Логвиновский	д. Тимоновка
грань	Клин Корнеевич Рухледников	Окчевый бор	д. Паниковец д. Вышний Крупец (д. Орменка, Выгоничский р-н)
лук с приметом, то есть вогнутый в середине лук с двумя чертами с левой стороны	Клин Корнеевич Рухледников		
борода	Иван Харитонов	Выгоничский бор	с. Выгоничи
буков	Клим Алтухов	Ослинский,	д. Ослинка (Жиздринский р-н, Калужская область) д. Войлово, (Людиновский р-н, Калужская область)
соха, на стороне приметки, сверху и внизу рубежи	Иван Яковлев, Никифор Сидоров, Иван Богатищев, Павел Корнеев,	Нехочинский	д. Нехочи (Хвастовичский р-н, Калужская область)
соха, роги вверх и вниз, по сторонам переворы, вверху да высподи по рубежу	Лавр Фёдоров, Иван Максимов, Дмитрий Фёдоров	Потаповский,	д. Подбужье (Хвастовичский р-н, Калужская область)
буки да наверху куцерь,	Тихон Богатищев да Тимофей Свенин,	Пахомовский	
буки, высподи куцерь	Григорий Яковлев Прохор Гридин	Тарасовский	
три ребра поперёк дерева	Дементий Тимохин Дорофей Прокофьев	Андреевский	
грань	Фёдор Кушников Артемий Алексеев	Пневицкий	д. Пневичи (д. Пеневичи, Хвастовичский р-н, Калужская область)

мотовило, выподи перевора, да покосень, да три ребрища, выподи лежейка	Иван Игнатов Первушка Ларионов, Ефим Ларионов;		
Василий Шаглов;	Елдаховский	д. Елдаховская	
д. Межилоховье			
д. Слободка			
соха с протёсом, рог пересечён, выподи два рубежи	Онуфрий Иванов	Нерусский	с. Неудалск (с. Невдольск, Суземский р-н)
соха, рог персечён, да куцерь набок	Онуфрий Иванов	Нерусский	с. Неудалск
(с. Невдольск, Суземский р-н)			
соха, а в сохе грань, под сохою два рубежи	Фёдор Долматов	Нерусский	
две сохи с протёсом, поперёк перевора, да тен	Лука Иванович Беляев	Нерусский	
соха, да тен, да две переворы	Лука Иванович Беляев	Нерусский	
соха, вверху тен под сохою два тны	Софрон Иванов	Нерусский	
соха, под сохою две переворы, меж переворы рубеж	Яков Артёмов, Лука Артёмов, Алексей Артёмов	Порохонский	с . Алешковичи (Суземский р-н)
соха, да на боку куцерь, в куцере тен	Яков Артёмов, Лунка Артёмов, Алексей Артёмов	Порохонский	с . Алешковичи (Суземский р-н)
две сохи, промеж их перевора, под сохою тен	Яков Артёмов, Лука Артёмов, Алексей Артёмов	Порохонский	с . Алешковичи (Суземский р-н)
буков	Ананий Худяков	Порохонский	с . Алешковичи (Суземский р-н)
тебенки, а в обеих тебенках по тну, да наверху и выподи два тны	Исай Остапов, Савелий Фёдоров	Порохонский	с . Алешковичи (Суземский р-н)

соха, левый рог пересечён, к земли вилы, промеж их перевора,	Яков Лукин	Порохонский	с . Алешковичи (Суземский р-н)
хомут	Иван Григорьев	Комарицкий	Комаричский р-н
соха, под сохою две переворы, вверху тен	Ефрем Андреев	Порохонский	д. Устарь
соха, в сохе тен, да куцерь набок	Ефрем Андреев	Порохонский	
знамя две сохи, промеж их перевора, вверху рубеж	Ефрем Андреев	Порохонский	
соха да 4 тны	Афанасий Кузмич Суржиков	Порохонский	
соха, в сохе тен, под сохою два тны, да куцерь набок	Афанасий Кузмич Суржиков	Порохонский	
грань, наверху куцерь	Андрос Афанасьевич Кузнецов	Порохонский	
соха с откосками	Иван Акиншин	Порохонский	
курья лапа, вверху куцерь да два тны	Кирьян Ломакин, Степан Никитин,	Домановский	д. Домановo с. Чемлиж (с. Чемлыж, Севский р-н) и с. Добрунь (Добрыничи) (д. Добрунь, Суземский р-н)
две дуги да два тны	Кирьян Ломакин	Луганский	д. Домановo
курья лапа, да куцерь, да три тны	Фёдор Филипов	Домановский	с. Чемлиж (с. Чемлыж, Севский р-н) и с. Луганцы
курья лапа с крюком да куцерь вверх	Михаил Гридин	Домановский	с. Чемлиж (с. Чемлыж, Севский р-н) и с. Луганцы
три палицы, да два тны, да куцерь,	Иван Матвеев	Домановский	с. Чемлиж (с. Чемлыж, Севский р-н) и с. Луганцы
соха да две палицы	Андрей Колычев	Домановский	с. Неудалск (с. Невдольск, Суземский р-н) д. Устарь
лапа, вверху тен	Яков Фёдоров Иван Семёнов	Домановский	с. Чемлиж (с. Чемлыж Севского р-на) и с. Луганцы

курья лапа	Сила Фёдорович Копнин	Руковицкий	с. Рукавичи (с. Рековичи, Дубровский р-н)
вилы с откоском	Сила Фёдорович Копнин	Руковицкий	с. Рукавичи (с. Рековичи, Дубровский р-н)
вилы, высподь два тна, под ними перевора, под переворою два тна	Сила Фёдорович Копнин	Руковицкий	с. Рукавичи (с. Рековичи, Дубровский р-н)

Бортные термины:

Грань – косой крест
Вилы – угол рогами вверх, соотносится со знаком «соха»
Тна (тен, тень) – короткая черта, отрезок
Приметок – поперечная насечка от основного знака в сторону
Куцерь – знак, похожий на вилы, но, как правило, меньшего размера
Перевора – большая вертикальная или горизонтальная черта
Рубеж – одиночная черта (внешне соотносится со знаменем «ребро»), может быть косой или поперечной
Откос – косая насечка от основного знака в сторону
Притёс – боковая черта (соотносится со понятием «откосок»)
Протёс – внутренняя вертикальная черта
Покосень – большая наклонная черта
Лежайка (лежейка) – знак, похожий на знак «вилы», лежащий на боку
Борода – треугольник вершиной вниз
Палица – вертикальная черта с утолщением в верхней части
Шлем (шелом) – «вилы» рогами вниз
Пояс – поперечная, иногда наклонная, черта у основания знака
Колено – приметок в виде угла
Мотовило – приспособление для размотки пряжи в клубок и прядения шерсти. Имеет форму рогульки с двумя (или тремя) рогами, чаще всего – на подставке.
Тебенка – кожаная сбруя, лопасти, подвешенные на пряжках по бокам седла [4].

Использованная литература и источники:

1. Ситий І. Сіверський слід походження роду Мазеп // «Сіверянський літопис». № 5. Чернігів, 2007. С. 44–52.Чернецький Е. Герб гетьмана Івана Мазепи: Його зображення та походження // Сіверянський літопис». № 5. Чернігів, 2007. С. 53–56.

2. Алексеев В. П. Гранный дуб. Брянск, 1994. 445 с.

3. Ал. С. Знамена бортных ухожей Орловской губернии в XVII ст. Известия Русского археологического общества. Т. VIII. Вып. 2. СП-б., 1877. С. 178–180. Публикация отрывка из писцовых книг 1626–1629 гг.

4. Анпилогов Г. Н. Бортные знамёна как исторический источник // Советская Археология. 1964. № 4. С. 151–168.

5. Папичев А. Бортные знамёна, www.evrazia.info, 2000.
6. Шумаков С. Сотницы (1537–1597), Грамоты и Записи (1561–1696). Вып. 1. Издание Императорского общества истории и древностей Российских при Московском университете. Москва: Университетская типография, 1902.
7. Анатоль ЦІТОЎ. Беларуская прыватная геральдыка // Часопіс Спачына. 1995. № 3.

Резникова О.И. (г. Брянск)

ШКОЛА В.В. ВОРОБЬЁВА

(К вопросу о становлении профессионального обучения изобразительному искусству в Брянской области)

Виктор Васильевич Воробьёв – это сочетание удивительных душевных качеств с интуицией художника и темпераментом духовного учителя.

Невская Александра
(учащаяся Народной студии, 1977-1982)

Более 60 лет назад (в 1957 году) в Брянске произошло событие, на первый взгляд не очень примечательное. Во Дворце культуры железнодорожников открылась студия изобразительного искусства, в которой могли заниматься дети разных возрастов и даже взрослые. В послевоенное время по всей стране создавались подобные художественные кружки разной направленности, и Брянск не стал исключением. Только впоследствии стало понятно, насколько феноменален масштаб результатов деятельности народной изостудии Дворца культуры железнодорожников Фокинского района, получившей в художественной среде Брянска сердечное и благодарное название – Школа Воробьёва[1].

Удивительно, как иногда складываются судьбы людей, их творческий и жизненный путь, во многом вопреки поговорке «Где родился, там и при-

[1] **Виктор Васильевич Воробьёв** (15.03.1925, Казань – 18.04.2006, Брянск). Участник Великой Отечественной войны. Война застала студентом ремесленного училища № 1. г. Казани. Добровольцем ушёл на фронт. Закончил Ленинградское артиллерийское училище. В составе 3-го Украинского фронта воевал в качестве командира орудия. Форсировал Днепр, участвовал в боях на Украине, в Румынии, Венгрии, Чехословакии. Незадолго до Дня Победы получил тяжёлое ранение, после которого долго лечился в госпиталях. В родной город вернулся инвалидом. Обучался на живописном отделении Казанского художественного училища (1945–1950), на живописном факультете Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е.Репина (батальная мастерская М. И. Авилова, позже Ю. Л. Непринцева (1950–1956)). Член Союза художников СССР (1960). В 1981 году присвоено звание заслуженного работника культуры РФ. Занимался педагогической деятельностью. С 1957 по 1990 г. преподавал в Народной студии изобразительного искусства. Многие его ученики являются членами Союза художников России.

годился». Несомненно, талант живописца и педагога Виктора Васильевича Воробьёва проявился бы и в Казани, где он родился и окончил художественное училище, и в Ленинграде (Санкт-Петербурге), где после окончания института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина [6] его оставляли в аспирантуре. Более того, он мог по приглашению орловских художников остаться в городе первого салюта, но, когда он проезжал к соседям через Брянскую область, его, страстного рыболова, очаровала и пленила наша природа. «Я приехал на разведку. В Орле меня встречают, показывают город. Орёл мне не понравился, пыльный какой-то, трамваи ржавые... Выехал в Брянск. Как проехали Карачев, в лес попали – чудо: река, коровы гуляют, тихо, воздух прекрасный» [1,10]. Да, простят нас наши соседи, именно в нашем Брянском крае в полную силу раскрылось педагогическое дарование художника, одарённого живописца, поставившего обучение изобразительному искусству в крае на профессиональную основу и сыгравшему значительную роль в создании Брянского отделения Всероссийской общественной организации «Союз художников России».

В своё время о школе и студии Виктора Воробьёва много говорили. Сохранилось несколько заметок в газетах [1,4] – явные успехи творческого коллектива изостудии трудно было не заметить. Блестящая подготовка учеников Воробьёва позволяла им завоёвывать медали, дипломы, грамоты. Они становились лауреатами на всесоюзных, республиканских и зарубежных выставках, проходивших в Финляндии, Венгрии, Франции.

Невероятно, но сразу после окончания средней школы не один, не два, а целая когорта выпускников студии поступала в ведущие художественные институты и училища страны. Во всех приёмных комиссиях учебных заведений, связанных с изобразительным искусством, знали приезжающих поступать на разные факультеты питомцев этой школы. Все отмечали высокий уровень профессиональной подготовки учеников В.В. Воробьёва. О студии писали не только в местной, но и во всесоюзной и зарубежной прессе. Для индустриального города, в котором ещё не было художественных школ и художественного училища, результаты такого рода деятельности стали настоящим культурным явлением. В 1965 году студии присвоили звание народной, а в 1981 году Указом Президиума Верховного совета РСФСР брянскому художнику В.В. Воробьёву было присвоено звание заслуженного работника культуры.

Важным свидетельством в понимании педагогической системы Воробьева являются воспоминания его учеников, которые вошли в книгу, изданную его учениками в 2001 году [1].

Один из первых учеников В. Воробьёва Владимир Провидохин (Хин) (занимался в Народной изостудии с 1959 по 1962 год) писал: «Студия для нас

была центром мира и островком духовной свободы, который, как магнит, притягивал творческую молодёжь со всего Брянска и его окрестностей» [1].

Многие студийцы отмечали необыкновенную атмосферу студии, где веяло теплом и всё располагало к действию, к желанию учиться. «Гипсовые фигуры, холсты, натянутые на подрамники, стены, увешанные работами учеников, – всё такое притягательное, неизведанное и необычное», – вспоминала Татьяна Нестерович (занималась в Народной изостудии с 1979 года) [1,95].

В студии царил дух высокого отношения к искусству. Видимо, поэтому каждый, оказавшийся здесь, уже с первых занятий в коллективе чувствовал себя не только учеником, изучающим основы изобразительного искусства, но и художником, творцом.

Виктор Васильевич Воробьев.

Вместе с тем, сам прошедший серьёзную академическую школу рисунка, Виктор Воробьёв считал это естественно необходимым и важным этапом в овладении азов изобразительного мастерства. Рисовали и писали в студии очень много. Она была оснащена всем необходимым: были и гипсовые слепки, и мольберты, и хороший натюрмортный фонд. Но самое ценное – те знания, которые он давал своим воспитанникам. Виктор Васильевич учил студийцев рисунку, композиции, живописи и всегда повторял, что важно на первых порах овладеть реалистическими приёмами. При этом он не навязывал своё. Воробьёв быстро замечал одарённых детей и помогал каждому из них раскрыться. А потому из его студии вышли совершенно разные художники [3].

Общая программа занятий включала в себя, помимо рисунка, живопись, композицию, анатомию, историю искусств. Практиковались длительные постановки для рисунка и живописи, этюды на природе, занятия по анатомии с зарисовкой костей, мышц, наброски в студии и в любом другом месте.

Каждый год завершался программной работой – эскизом картины. Эта работа требовала многочисленных этюдов и рисунков, вариантов композиции и выполнения картона в натуральную величину холста. Заключительный этап – подмалёвок и выполнение картины в материале. И, наконец, отчётная выставка, открытая для зрителей. Устраивались и персональные выставки.

Анатолий Кузнецов (занимался в Народной изостудии с 1965 по 1969 год) вспоминал, что во Дворце культуры железнодорожников было две комнаты – одна для младшей и средней группы, где рисовали кубики и розетки, другая поменьше – для старших, где рисовали головы и фигуры. «Та, другая, казалась нам священной тайной, все хотели быстрее попасть туда. Рисовали много. По понедельникам были просмотры домашних работ, их приносили кипами и устилали весь пол. Работы обсуждали все вместе. Виктор Васильевич постоянно шутил, но объяснял всё чётко и ясно. С каждым из студийцев работал индивидуально, никого не принижая, не возвеличивая» [1].

В изостудии был очень богатый натюрмортный фонд, который собирался по инициативе В. В. Воробьева при активном участии самих студийцев. Отовсюду приносились «антикварные» вещи: тульские самовары, чугунные утюги разнообразных конструкций, глиняные кувшины, музыкальные инструменты, лапти, корзины, горшки, миски, деревенские коврики. Были предметы, изготовленные из бересты, – туеса, лукошки. Сам Воробьев достал чучела различных птиц и восковые муляжи овощей и фруктов. Осенью писали натюрморты с настоящими фруктами и овощами, которые потом съедались. Были, конечно, гипсы: головы (в том числе голова Сократа), слепки с «Давида» Микеланджело: глаз, ухо, губы, нос; торс Венеры Милосской, три вида экорше (голова, торс и фигура в полный рост, которую называли «Дядя Ваня») и человеческий скелет из пластмассы [1].

Виктор Васильевич поощрял и направлял интерес не только к изобразительному творчеству, но и к поэзии, классической литературе, одобрял увлечение музыкальной культурой. Говорил, что это ритм, это образное и абстрактное мышление [1].

Николай Енин (занимался в Народной изостудии с 1966 по 1969 год) вспоминает о том, что вокруг Воробьёва всегда было много людей и что от него исходило тепло, которое притягивало окружающих. Прекрасный рассказчик, Виктор Васильевич одну и ту же историю каждый раз передавал по-разному. И его с удовольствием слушали и взрослые, и дети. Да и само обучение проходило через беседу, через рассуждения о том, как и что лучше изобразить. В довершение своих слов, благодарный Учителю, он добавил: «Прошло много лет с тех пор, но я до сих пор помню его уроки и стараюсь так же работать со своими студентами» [3].

В.В. Воробьев. Портрет А.В. Федосова.
Бой в городе (1962). Бум., пастель, темпера.

Все, имевшие счастье общаться с Виктором Васильевичем Воробьёвым, отмечали не только большой профессионализм Учителя, но и его искреннюю заинтересованность в развитии способностей, индивидуальности каждого. По словам Владимира Провидохина, «...вероятно, на уровне подсознания он чувствовал, чего и сколько отпустил Бог каждому из нас. Он выводил нас на профессиональную дорогу со словами: «Нужно знать, что хочешь, но это самое трудное» [2]. А ведь раскрыть своеобразие таланта каждого ученика согласно его дарованию – это особое призвание.

Многие из его учеников вспоминают слова поддержки, высказанные педагогом в те моменты, когда они были необходимы. Он писал в армию ребятам, комментировал пересылаемые ими в письмах композиционные наброски, давал советы, наставления, рассказывал о событиях в студии.

Кому-то Воробьёв мог принести книгу по рисунку или живописи и вовремя развеять сомнения ученика в своих способностях и возможности дальше серьёзно заниматься изобразительным искусством. Другому рассказывал о каком-либо художнике, чувствуя, что творчество этого мастера близко по восприятию мира именно этому ученику и именно в данный момент ему необходимо об этом знать.

Получив блестящее образование, он с теплотой вспоминал своих первых учителей: Константина Семеновича Счастнева, выпускника Ленинградской Академии художеств[1] и художника краеведческо-

[1] Санкт-Петербургский ордена Трудового Красного Знамени государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина (Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина) – старейшее и крупнейшее в России художественное учебное заведение, ведущее свою историю от Императорской Академии художеств,

Е.Н. Фетисов. Портрет В.В. Воробьева.

го музея Казани (сейчас Национальный музей Республики Татарстан), а также руководителя художественной студии В.В. Авдеева. В Казанском художественном училище, старейшем среднем учебном заведении России[1], ему преподавали ученики Николая Фешина и Константина Коровина – В.К. Тимофеев и В.С. Подгурский. В институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина – народные художники М.И. Авилов и Ю.М. Непринцев (занимался в студии В.Е. Савинского, ученика П.П. Чистякова[2]).

В этом, по-видимому, и состоит традиция, когда приобретённые знания по методике преподавания, накладываясь на собственный практический опыт, дают блестящие результаты и получают уже новое развитие в работе учеников.

Сегодня в Брянской области нет ни одного художественного заведения, где бы не работали выпускники изостудии В. Воробьёва или уже их ученики. В Брянском отделении ВТОО «Союза художников России» более трети состава – его воспитанники.

Трудно посчитать, сколько студийцев закончили художественные институты и училища, в том числе академические вузы (Репинку и Суриковский): Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина и Московский государственный академический художественный институт имени В.И. Сурикова – институты с очень высокими требованиями к абитуриентам. Сегодня в Санкт-Пе-

основанной в 1757 году. Также существуют следующие полные и сокращённые неофициальные названия института, часто встречающиеся в литературе и обиходной речи: Институт Репина; Ленинградская Академия художеств; Петербургская Академия художеств.

[1] Казанское художественное училище имени Н.И. Фешина является одним из старейших средних учебных заведений России. Училище было основано в 1895 году Императорской Академией художеств.

[2] Павел Петрович Чистяков (1832–1919) – русский художник и педагог. Результатом педагогической деятельности П.П. Чистякова явилось создание собственной системы преподавания рисунка.

тербурге, в Институте Репина, преподают Владимир Могилевцев, Александр Гришин, Леонид Асафов, Сергей Коваль – все они ученики Виктора Васильевича Воробьёва. Прошедшие его школу творчески работают в Израиле, Белоруссии, Германии, Америке, Украине, Чехии, Словакии. Большинство его учеников – индивидуальности, каждый после студии шёл своей дорогой, уважая мастерство и традиции в искусстве.

Не стоит забывать, что, отдавая значительную часть своего времени студии, Виктор Васильевич продолжал творчески работать сам. Его мастерская находилась в этом же здании, и многие студийцы имели счастье видеть, как он работает.

В 1950–1960-е годы Воробьев был единственным художником, последовательно и успешно занимавшимся в Брянске сюжетной картиной. Об уровне профессионального мастерства живописца, с отличием окончившего два сильнейших художественных учебных заведения искусства, свидетельствует и его дипломная работа «Хлеб нашли». Известный факт, что картина перешагнула рамки дипломной работы и впоследствии экспо¬нировалась на Всесоюзной художественной выставке в Москве (1957 год). Известный живописец, профессор Б.В. Иогансон, остановившись у полотна, отметил, что автор обладает исключительными способностями в передаче психологической характеристики героев.

Участник Великой Отечественной войны, он писал картины, отражающие силу духа и волю народа к Победе. Его сюжетные работы: «Сильные духом», «К своим», «Первый бой на границе», «Разгром немецких танков»; портреты современников: «Профессор-натуралист Федосов», «Портрет рыбака» – свидетельства качественной реалистической живописи, выраженной в крепкой форме, уверенно выстроенной композиции, выразительном колорите, наполненной искренним, глубоким нравственным содержанием.

О своём творчестве сам художник говорил: «Я – убежденный реалист, сторонник русской живописной школы сурикового направления. Думаю, что вопрос о преемственности в искусстве – один из главных: художник должен не только сделать что-то новое, но и, прибавив свой опыт к опыту предшественников, передать его следующему поколению...»

В 2015 году состоялась виртуальная выставка, приуроченная к 70-летнему юбилею Великой Победы. Она объединяла около 900 произведений живописи, станковой и печатной графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства из коллекции Русского музея и 45 художественных музеев России. Произведения были созданы как в годы Великой Отечественной войны, так и в послевоенное время. Брянский художественный музей предоставил для этого события работу В. Воробьёва «Бой в городе». С творчеством художника продолжает знакомиться новое поколение зрителей.

Народная изостудия прекратила свою работу в 1990 году. За 33 года из её стен вышло более 650 человек, да и дело здесь не в количестве, хотя и оно впечатляет, так как практически каждый, кто учился у Воробьёва, так или иначе связал свою жизнь с художественным творчеством.

Восхищает, что спустя много лет из уст его учеников, известных состоявшихся художников, не перестают звучать слова благодарности своему Учителю, давшему им путёвку в жизнь. И это не просто детские воспоминания, это искренние слова профессионалов, которые понимают, какую школу им посчастливилось пройти в начале постижения ими азов изобразительного искусства под руководством Виктора Васильевича Воробьёва и насколько это было необходимо для становления их в профессии.

«Виктор Васильевич был для нас учителем в самом высоком смысле этого слова. Он был беззаветно предан творчеству, а оно было для него не лёгким и красивым занятием, а трудной и строгой работой с личной ответственностью, где необходимо дойти до глубины, до сути. Этому он учил и нас. Мнение мастера всегда много значило, часто к нему приходили за советом не только по изобразительному искусству, но и по житейским вопросам» [3]. В словах известного белорусского художника-графика Владимира Провидохина отражена личность человека, который не только был высоко профессионален в своём деле, но и обладал незаурядными педагогическими способностями.

Заслуженный художник России, почётный член РАХ, известный живописец из Санкт-Петербурга Ямщиков Виктор Ефимович (занимался в Народной изостудии с 1979 по 1984 год), вспоминает: «Теперь, когда прошло столько времени, начинаешь многое понимать, что все основные знания были получены в студии, что учёба в Академии художеств в Петербурге – это получение мастерства, а фундамент был уже заложен, своими знаниями надо было только умело распоряжаться. Чувству вкуса, цвета, композиции, рисунку научил Виктор Васильевич» [1].

Московский художник Сергей Константинович Чаплыгин (занимался в Народной изостудии с 1973 по 1984 год) вспоминает: «Воробьев был замечательный преподаватель. Он нам говорил: «То, что я вам даю, никто больше не даст!» Я тогда не понимал этих слов. А сейчас я понимаю, что это была настоящая русская живописная школа, яркими представителями которой были И. Репин, К. Коровин, В. Серов, И. Левитан. Моё понимание сути живописи – от него» [5].

«Совсем не ошибусь, если скажу, что почти все самые известные крупные категории умещаются в этом удивительном человеке. Любовь к красоте, героическое служение искусству, нравственность и какая-то необычайная душевная чистота, умноженная житейской мудростью». (Валерий Белениkин, занимался в Народной изостудии до 1985 г.) [1].

Студия В.В. Воробьева.

По воспоминаниям студийцев, Виктор Васильевич не подавлял учеников выбором направления собственного творческого изъявления, не заставлял слепо копировать свою манеру, не одевал шоры, указывая один путь в изобразительном искусстве. Да, школа, основы рисунка, живописи, композиции, необходимые для овладевания азами собственно ремесла художника, но индивидуальное творческое развитие возможно не только в рамках так горячо любимого им реалистического искусства.

Среди его учеников есть и откровенные абстракционисты. Современный белорусский художник Анатолий Кузнецов (занимался в Народной изостудии с 1965 по 1969 год) называет свой стиль «беспредметной живописью».

Творческая самобытность, разноплановость в стилях, оригинальных интеллектуальных идеях их воплощения в пластических решениях свойственна и другим ученикам мастера.

Например, член Белорусского Союза художников Владимир Провидохин активно работает в печатной графике. Его гравюры ориентированы не только на «образ», но, в первую очередь, на «идею». Все, кто пишет о его творчестве, главным считают отношение художника Хина к искусству как к серьезному делу, требующему большой внутренней душевной работы. Зерно такого отношения к творчеству было заложено первым педагогом Виктором Васильевичем Воробьёвым.

В юбилейном интервью на вопрос известного брянского журналиста Ирины Азаровой: «Многое ли удалось Вам, многое ли получилось? Какую оценку Вы себе дали бы?», – мэтр ответил: «Трудный вопрос. Конечно, я не во всю силу работал творчески. Если бы по-иному сложились бы обстоятельства, как художник был способен сделать многое. Чувствую, что мог больше написать интересных картин. Но так устроена жизнь: 75 лет, пора итожить, вот будет выставка – посмотрим, что, как, чего она скажет. Я до сих пор стараюсь помочь всем желающим. Способным, особенно способным! Из районов приезжают художники и они очень довольны, что я жив и помогаю им. Говорят: «Если бы Вы остались в Ленинграде, не было бы нас». Можно сказать, что где-то как художник я в минусе, но зато как учитель для многих – в плюсе».

В 2020 году художнику, стоявшему у истоков становления профессионального обучения изобразительному искусству в Брянской области, педагогу Виктору Васильевичу Воробьёву исполнилось бы 95 лет. Память о живописце и педагоге живёт в творчестве и педагогической деятельности его учеников.

Ученики Виктора Васильевича Воробьёва
Члены Брянского отделения ВТОО «Союз художников России»

Василий Лаворько, Евгений Фетисов, Валерий Еруков, Борис Яшин, Анатолий Недоступенко, Людмила Левицкая	
Художественные школы в Брянске и Брянской области	Владимир Алдошин, Геннадий Астахов, Владимир Хроменков, Ольга Симанкова, Владимир Потапов, Георгий Довгополий.
Брянский областной колледж искусств	Валерий Сичков, Николай Енин, Сергей Ишков, Лариса Трубецкая, Михаил Колесник
БГУ им. академика И.Г. Петровского	Николай Енин, Владимир Бурдин, Игорь Лузаков

Литература и информационные источники

1. В. В. Воробьев и его ученики: [автобиограф. сб. / сост. Зеленой К. В. и др.]. [Россия: б. и.], [2001]. 129 с.: ил., фот.

2. Виктор Воробьёв: Самое трудное – знать, что ты хочешь / Владимир Хин // Брянское время. 1999. 10 апр.

3. Парфенова Д. Солдат, художник, педагог. К 90-летию Виктора Воробьёва // «Аргументы и факты». Текст электронный: [сайт]. № 13. 25.03.2015. URL: https://bryansk.aif.ru/society/persona/1476964 (дата обращения 17.04.2022).

4. Борисов Н. Художник и педагог // Брянский рабочий. 1981. 3 янв.

5. Как я стал художником. URL: http://www.chaplygin.su/biografii-hud zhnikov.html.

Гудзь С.П. (с. Красный Рог, Брянская область)

УВАРОВЫ И БРЯНСКИЙ КРАЙ

В 2020 году исполнилось 195 лет со дня рождения русского историка Сергея Семеновича Уварова и 180 лет со дня рождения его супруги, первой русской женщины-археолога Прасковьи Сергеевны Уваровой. Сейчас уже мало кто помнит об их связях с Брянским краем.

Сергей Семёнович Уваров родился 25 августа (5 сентября) 1786 г. в городе Москве. Его отец Семен Федорович Уваров (1743–1788) – полковник, один из адъютантов князя Потемкина. Мать Дарья Ивановна происходила из старинного дворянского рода Головиных.

Сергей Семёнович рано потерял родителей. Воспитывался в семье тетки Н.И. Головиной, в замужестве княгини Куракиной.

Службу начал в 1801 году в Министерстве иностранных дел. Пять лет находился на дипломатической службе в Вене при Андрее Алексеевиче Разумовском, дяде его жены Екатерины Алексеевны Разумовской. В 1810 г. оставляет службу и возвращается в Москву.

«В 1811 году происходят два значительных события моей жизни – а было мне 25 лет. Меня назначают Попечителем Петербургского учебного округа, и я вступаю в брак с внучкой графа Кирилла Разумовского, младшего брата морганатического супруга государыни Елизаветы Петровны Алексея Разумовского, а также дочери графа Алексея Кирилловича Разумовского, министра народного просвещения» [7].

Екатерина Алексеевна Разумовская (1783–1849) занималась благотворительностью, состояла председательницей Женского Патриотического Общества. Она была разборчивой невестой – избрала из числа многочисленных женихов Сергея Уварова за его ум, познания и строгий взгляд на жизнь, резко отличавший его от «золотой»петербургской молодежи. Е.А. Разумовская получила в приданое многочисленные поселения Муромского и Горбатовского уездов. Ею были выкуплено у своих дядей по отцу подмосковное имение Поречье, в котором Уваровы создали музей античного мрамора. Уваровы, помимо имений в Нижегородской, Московской и Владимирской губерниях, имели владения в Саратовской и Смоленской губерниях. Одно из имений принадлежало им и в Черниговской губернии – это Баклань.

Сергей Семенович Уваров вошел в историю как основатель теории «Православие – самодержавие – народность», был членом литературного общества «Арзамас» (1815–1818). В качестве президента Академии наук Уваров внес крупный вклад в дело организации российской науки. Далее Сергей Сергеевич так пишет о своей биографии: «В 1818 году, когда мне было 32

года, я становлюсь Президентом Санкт-Петербургской Академии наук, которую и возглавлял до конца своей жизни. За время моего президентства при академии были созданы Азиатский музей, Зоологический, Ботанический, Минералогический, Этнографический и другие».

По дарственным актам от отца, сделанным за год до его смерти, Екатерина Алексеевна получила из его Почепских владений Бакланскую экономию. В июне 1822 года С.С. Уваров вместе с другими наследниками приехал в Почеп для раздела наследства.

Письмоводитель графа Алексея Кирилловича Разумовского так пишет о передаче во владение Уваровых Бакланской экономии: «г. Уваров, зная обо мне из переписки, обратился ко мне и расспрашивал у меня о делах, до бакланской и машевской экономий относящихся. И поручил мне, на основании акта, данного от покойного графа супруге его Екатерине Алексеевне, просить о вводе во владение сих экономий, и я исполнил это так, что он был доволен и изъявил мне свою благодарность. Между тем писал он княгине Репниной, чтобы я допущен был в кабинет покойного графа – отобрать и принять в нем бумаги до тех экономий относящиеся, на что последовало от княгини Репниной согласие, и я таковые бумаги в кабинете принял и доставил г. Уварову. В тоже время он изъявил желание своё, чтобы я, оставляя служение свое в Почепе, переехал в Машев и тут принял должность письмоводителя и казначея, и устроил бы канцелярский порядок. Я и это исполнил, так что Уваров, будучи вполне мною доволен, приехав в Баклань в 1826 году в бакланскую, а в 1827 г. и в машевскую экономию, заключавшия в себе до 6000 душ м. п., и суконныя фабрики, с казною обязанныя, и я распоряжался ими 20 лет» [4]. Однако, несмотря на верную службу, благодарности и отпускные на волю родившимся детям, сам письмоводитель, вопреки последней воле графа А.К. Разумовского и «вопреки своих обещаний и уверений и вопреки справедливости» не исполнил.

Сергей Семенович Уваров умер в Москве 4 сентября 1855 года. У Уваровых было четверо детей: Елизавета (1812 г.), Александра (1816 г.), Наталья (1821 г.) и сын Алексей. Еще при жизни в 1846 г. Уваровы передали бакланскую экономию своей нелюбимой дочери Александре Сергеевне. Ее супруг Урусов начал притеснять всех служащих Разумовского и Уварова и отпустил их на волю за огромный выкуп, ободрав до нитки.

Село Баклань расположено на правом берегу реки Судость и находится в 25 километрах от города Почепа. Как имение, входившее в состав ранговых гетманских владений, Баклань стала собственностью Кирилла Разумовского и его потомков. Бывший гетман устроил здесь замечательную по красивому местоположению усадьбу, восхитившую немецкого путешественника Отто фон Гуна своим «величественным зданием, построенным в подража-

ние итальянским сельским около Рима домам» [3]. Усадебный дом был украшен портиками и увенчан куполом. Сад был разбит на английский манер. В книге А. А. Васильчикова «Семейство Разумовских» можно прочесть такие строки: «Весною граф из Почепа вдруг всем домом поднимался в Баклань, чтобы там слушать соловьёв. Это было время разлива рек...» [1]

Алексею Кирилловичу пришлось побывать в Баклани в последний раз уже после своей смерти. В 1839 г. было организовано перенесение тела графа из Почепа в Новгород-Северский. В организации этой процессии принимал участие С.С. Уваров. 7 июля 1839 г. печальное шествие прибыло в Баклань. «При закате солнца тут остановились возле церкви и, отслужив панихиду, ночевали» [5].

По описи 1767 года в Баклани имелось две приходские церкви – Святителя Николая (к сожалению, её уже нет) и Преображения Господня (ныне действующая), которую восстановили и освятили в 1915 году.

Алексею Константиновичу Толстому по линии Разумовских дети С.С. Уварова приходились двоюродными. Тесные дружеские отношения у него складываются с Алексеем Уваровым, с которым он переписывался.

Алексей Сергеевич Уваров (1825–1885) продолжил научные увлечения отца. Он стал исследователем российских древностей, одним из организаторов археологических съездов (1869), основателем Московского археологического общества и Исторического музея. Он был женат на Прасковье Сергеевне Щербатовой (1840–1924). Юная Прасковья Щербатова родилась в очень знатной и образованной семье. Их венчание состоялось в 1859 г. в Москве. После свадебного путешествия за границей она стала помогать мужу в раскопках в Крыму и на Северном Кавказе

С 1853 года дядя А.К. Толстого Лев Алексеевич Перовский возглавлял Кабинет его величества. Вслед за ним перешел в это ведомство и Уваров, числившийся там до 1857 г. На придворной службе он достиг чина камергера. В 1850 г. Перовский предложил своему подчиненному провести раскопки каких-нибудь древнерусских памятников, например, Новгорода Великого. Но А.С. Уваров ответил, что раскопки в Новгороде велись не раз и всегда безуспешно. Лучше заняться курганами Владимирской земли, знакомыми ему по экскурсиям близ Карачарова.

Проект был принят, из казны выделили 2500 р., и раскопки начались. В 1851 г. за 98 дней раскопали 757 курганов в 17 группах во Владимирском и Суздальском уездах, в 1852 г. – 2318 курганов в 77 группах в Суздальском и Юрьевском уездах [9]. Уваровым были написаны многочисленные труды. Прасковья Сергеевна станет незаменим его сотрудником.

В 1884 г. А.С. Уваров умирает. Когда весть об этом достигла Казани, где он проводил в 1877 г. четвертый археологический съезд, общество истории,

археологии и этнографии при Казанском университете посвятило памяти ученого специальное заседание. Профессор университета Дмитрий Александрович Корсаков (1848–1920), знавший покойного с 1872 г., произнес речь «К характеристике графа Алексея Сергеевича Уварова». В ней он упомянул «А.К. Толстой – человек, весьма близкий к графу Алексею Сергеевичу, написал стихотворение, в котором, по словам лиц, хорошо знавших и того, и другого, поэт охарактеризовал графа Уварова». Дальше он цитирует широко известное стихотворение:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку.
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело.
Коль карать, так уж за дело.
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой.

Вдова Прасковья Сергеевна, оставшаяся с шестью детьми, продолжает вести научную работу по археологии, начатую мужем.

Она станет бессменным председателем Археологического общества, почетным членом Российской АН, автором 174 работ по истории и археологии.

После революции Прасковье Сергеевне пришлось покинуть Россию. 30 июня 1924 г. она умерла в югославском местечке Добар.

В своем некрологе академик А.Н. Соболевский пишет: «Память о Прасковье Сергеевне Уваровой среди ученых будет жить долго. Едва ли скоро мы увидим опять такого деятеля – бескорыстного, энергичного, преданного науке до самопожертвования, талантливого, широко образованного, как Уварова» [8].

В апреле 1908 года графиня Прасковья Сергеевна Уварова приехала в город Орел для образования местных древлехранилищ и архивно-археологических учреждений. Председатель И.Е. Евсеев так описал эту встречу: «С особенным вниманием Уварова рассматривала стародавние предметы церковной ризницы, богатые по материалу и шитью шелками, золотом и серебром облачения, воздухи, пелены, плащаницы и другие экспонаты, поступившие в древлехранилище из основанного в XIII веке Свенского монастыря под Брянском». После экскурсии Уварова присутствовала на собрании церковного историко-археологического общества, со вниманием и интересом слушала доклады. «По желанию Уваровой П.С. подробно остановился на характеристике бывшего Вщижского удельного княжества и развалин храма XII века, расположенного в селе Вщиже Брянского уезда Орловской губернии.

Прасковья Сергеевна просила членов общества обратить особое внимание на остатки храма, чтобы уберечь его от окончательного уничтожения» [2].

Археологическая деятельность супружеской четы Уваровых имеет непосредственное отношение к Брянскому краю. Алексей Сергеевич, будучи председателем Московского Археологического Общества, в 1866 году сделал заключение о постройке древнего Вщижского храма, а Прасковья Сергеевна провела большие археологические исследования во многих уездах Орловской и Черниговской губерний, в состав которых входил в то время Брянский край.

Исследования были проведены в 11 уездах. В Мглинском уезде было исследовано3 9 городищ, 3 курганных могильника, в Стародубском уезде – 9 городищ, 3 курганных могильника, в Суражском уезде –15 городищ, 3 курганных могильника [6].

Прасковья Сергеевна исследовала находящееся на северной окраине Баклани древнерусское городище, датируемое XI–XIII веками, городища древнего Стародуба, Мглина, древнего города Росусь и многих других. Сведения о десятках археологических памятников Брянщины вошли в труд С.П. Уваровой «Городища и курганы» [10].

Таким образом, семейство Уваровых было связано с Брянщиной, чему способствовали родственные связи с Разумовскими, от которых они получили здесь обширные земельные владения.

Литература и информационные источники

1. Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. Т. II. СПб.,1880. С. 109.

2. ГАОО.Ф. 711. Журналы заседаний Орловского Церковного Историко-археологического Общества. 1908–1912 гг.

3. Гун О. Поверхностные замечания по дороге от Москвы в Малороссию в осени 1805 года. М., 1806. С. 37–38.

4. Записка о последних годах жизни гр. А.К. Разумовского, в Малороссии, его кончине и похоронах (1818–1822 гг) // Киевская старина. Т. XLIV. Март 1894. С. 426–439.

5. Записка о последних годах жизни гр. А. К. Разумовского, в Малороссии, его кончине и похоронах (1818–1822 гг) // Киевская старина.Т. XLIV. Март 1894. С. 430.

6. Краснов Ю.А. Археологическая карта России. Брянская область. М., 1993. С. 71–78, 79–95, 111–120, 121–130, 135–143, 144–148, 165–184, 211–228, 233–239, 255–259.

7. Литературные воспоминания гр. С. С. Уварова под псевдонимом В.А. Современник / №6 отд. 2. Т.XXVII. 1851. С. 37–42.

8. Соболевский А.Н. Некролог // ИРАН Вып. 6–8. Т. XVIIII. 1925. С. 144.

9. Уваров А.С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1851–1856. С. 139–184.

10. Уваров С.П. Городища и курганы // Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV археологического съезда. Вып. 1. М., 1906.

Дудников А.П. (г. Москва)

А.С. ЛАШКЕВИЧ – ЗЕМСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ, ИЗДАТЕЛЬ, ПУБЛИЦИСТ

Александр Степанович Лашкевич родился 19 июля (по старому стилю) 1842 года в селе Брахлов Новозыбковского уезда Черниговской губернии (сегодня Климовский район Брянской области). Происходил из дворян, уходящих корнями в глубокую древность. Его предки находились в родстве со многими старинными малороссийскими фамилиями – Гудовичами, Немировичами-Данченко, Косачами, Галаганами, Милорадовичами, Миклухо.

Прадед Александра Степановича – Степан Иванович – был женат на дочери прилуцкого полковника Галагана, служил в стародубском полку, а затем занимал должность председателя Новгород-Северского земского суда. После себя оставил дневник, написанный в 1768–1782 годах, о котором в «Киевской Старине» за 1887 год № 12 была напечатана статья Ф. Д. Николайчика «Род Лашкевичей и дневник одного из них». «Оставленный одним из рода Лашкевичей дневник, в связи с другими, относящимися к его автору документами, и заключает в себе прежде всего именно тот интерес, что до некоторой степени знакомит нас с бытом среднего по образованности и общественному положению малороссийского помещика переходного периода» [1], – писал автор материала.

Лашкевич С.И. был крупным землевладельцем, располагал имениями в Брахлове, Любечанах, Павлове, Шомове, Обтенях, Бровничах и Тимоновичах Новозыбковского уезда, Ущерпье – Суражского уезда, Норицы (Галагановке), Железном Мосте и Гремячке Новогород-Северского уезда, а также в Стародубе и Погаре.

Дед Александра Степановича – Иван Степанович, дослужился до полковника. Состоял в браке с дочерью Черниговского генерал-майора П.С. Милорадовича. В возрасте 20 лет во время службы в Измайловском полку перевел с английского книгу Г. Франкли, которую издал в 1781 году.

Склонность к писательству унаследовал и отец Александра Степановича. Он составил «Исторический очерк стародубских раскольничьих слобод». Однако напечатан этот труд не был и в рукописи хранился у сына.

Обращает внимание тот факт, что отец и дед Лашкевича имели большой интерес к книжному делу. Сам Лашкевич А.С. продолжил семейные традиции хранителя знаний, собрав при жизни уникальную домашнюю библиотеку, которая могла служить украшением не только частного кабинета какого-нибудь специалиста, но и общественного научного учреждения.

Все предки Лашкевича А.С. как по мужской, так и по женской линиям были видными малорусскими земцами. Неравнодушие к родной земле и

земскому делу от них унаследовал и Александр Степанович. Эту черту в своем характере он развил и усилил в конце 50-х – нач. 60-х годов позапрошлого столетия, в то время, когда в молодом поколении формировалась потребность в бескорыстном служении народно-земскому делу.

Любовь к Отечеству и земству, внимание и интерес к книжному делу красной нитью проходят через всю жизнь Лашкевича А.С.

Детство и юность Александр Степанович провел в Киеве, где жил его отец со своим семейством. Образование получил в Первой Киевской гимназии, а затем в университете Св. князя Владимира, который окончил в 1864 году со степенью кандидата историко-филологических наук.

По окончании университета Александр Степанович поступил на службу в канцелярию Киевского генерал-губернатора Безака, откуда был назначен на должность мирового посредника в один из уездов губернии. После этого служил председателем поверочного отделения в Звенигородке, затем – председателем съезда мировых посредников в Гайсинском уезде Подольской губернии.

В том, что по окончании университета Лашкевич не пошел по обычному пути большинства своих сверстников, ясно усматривается, что основной его идеей и целью была земская деятельность, для развития которой в начале 60-х годов XIX века было много сделано Императором Александром II и правительством. На тот момент это был один из важнейших вопросов общественной жизни России вообще и юго-западного края в частности.

Следуя идее народного служения и развития земства, Лашкевич А.С. оставляет свою службу и переселяется в родную ему Черниговщину, где после введения новых учреждений требовались энергичные молодые люди, способные к активным действиям и принятию смелых решений.

Лашкевич А.С. возвращается в свое родовое имение – село Брахлов, где всецело посвящает себя общественному служению в качестве гласного земства (сперва Новозыбковского уезда, а затем и всей Черниговской губернии) и мирового судьи. В течение 9 лет занимает должность председателя Новозыбковского съезда мировых судей.

С открытием в Новозыбкове реального училища Лашкевича А.С. избирают почетным попечителем этого учебного заведения. В 1880 году большинством голосов он включен в состав уездного училищного совета. С этого же года состоял попечителем Брахловской народной школы.

Именно Лашкевич А.С. выступил инициатором создания в Новозыбкове первой общественной библиотеки.

В 1876 году он внес в уездное земство предложение следующего содержания: «Многие из проживающих в г. Новозыбкове и уезде его, сознавая потребность в земской библиотеке, изъявили желание пожертвовать

для основания ея деньгами и книгами с тем, чтобы библиотека эта, пользуясь ежегодною субсидиею от земства, была бы учреждена на основаниях, утвержденных правительством для Сосницкой земской библиотеки, при мировом съезде или земской управе, с некоторыми изменениями в ея уставе, именно:

1. Даровая раздача книг для учителей народных школ; для всех же остальных учредить абонемент: годовой 2 руб., полугодовой 1 руб. и месячный 25 коп.

2. Книги иначе не выдавать, как под обезпечение двоякого рода: а) удостоверение оффициального лица или учреждения в состоятельности подписчика удовлетворить библиотеку за утерянную или испорченную книгу, и б) денежный залог» [5].

Рассмотрев и удовлетворив поданное ходатайство, земское собрание постановило:

1. За основу Новозыбковской земской библиотеки принять устав Сосницкой библиотеки с учетом дополнений, предложенных Лашкевичем А.С.

2. Городской управе представить правительству устав библиотеки для утверждения.

3. На учреждение библиотеки выделить 200 руб.

4. Устройство библиотеки, покупку для нее книг, выписку периодических изданий и сбор пожертвований поручить Лашкевичу А.С.

С 1876 по 1879 год разными лицами для первой городской библиотеки были пожертвованы 50 руб. и 131 книга, составившие основу библиотечного фонда. Первоначально она размещалась на 2-ом этаже земского дома в двух помещениях — присутственной камере (для читального зала) и аукционной зале мирового съезда (для книгохранилища).

В год открытия в 1879 годуизбрали специальную комиссию в составе самого Лашкевича А.С., а также гласных Зенченко С.С., Богинского П.И., Липницкого С.А. и заведующего городским училищем господина Солохненко И.С., которые составили список необходимых периодических изданий и газет. Земским собранием этот список был утвержден без изменений, а затем передан для исполнения первому попечителю библиотеки Зенченко С.С.

На протяжении всего времени существования библиотеки Лашкевич А.С. уделял особое внимание ее развитию. За пожертвованные им 412 томов книг и 33 руб. 50 коп.из личных средств, а также ежегодные взносы от 12 до 15 руб., земское собрание в 1880 году выразило Лашкевичу А.С. благодарность и предложило стать ее попечителем.

Тогда же собрание постановило выписать «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Дело», «Голос», «Живописное обозрение», «Русь», «Русскую речь», «Русскую старину» и другие периодические издания. В 1881–

1882 годах произведена подписка на «Русские ведомости», «Художественный журнал», «Заграничный вестник» (всего 19 газет и журналов).

В 1886 году была проведена ревизия библиотеки. По результатам составлен соответствующий доклад, из которого следовало, что «... денежные суммы, согласные со счетами управы и библиотеки, правильны; расход сумм производился целесообразно и согласно действительной потребности; приобретение книг сделано сообразно запросу читающей публики и литературному их достоинству; книги приведены в полную известность, для чего составлен каталог по фамилиям подписчиков и по авторам; кроме того, составлен вновь каталог в алфавитном порядке авторов, сочинения которых находятся в отдельных изданиях и помещены в периодических журналах. Капитальный труд этот исполнен верно, за что комиссия предлагает благодарить заведующих госпож Маркевич и Стефанскую, а также председателя управы и библиотекарей, направлявших их труд» [4].

Для постоянных читателей с личным абонементом пользование библиотекой было бесплатным. За разовое посещение взималась плата в размере 2 коп. Работала библиотека с 9 до 15 часов.

Со временем режим работы библиотеки изменился. Она была открыта для читателей в будни с 10 до 20 час. (в субботу до 13 час.). В праздники и по воскресеньям библиотека работала с 12 и до 20 час. вечера. С 1 по 6 января, 2 февраля, в субботу и воскресенье Масленицы, в Пятницу и Субботу Страстной недели, три дня Пасхи, в Вознесение, на Святую Троицу и другие дни православных торжеств библиотека была закрыта.

Для читателей предусматривалась годовая, полугодовая и месячная подписка. Также отпускался суточный абонемент на книги, журналы и газеты.

Новые журналы выдавались читателям на 5 дней, газеты на 3 суток, книги и старые журналы на месяц. За удержание печатных изданий свыше установленного срока взыскивались штрафы.

Редкие и справочные книги на дом не выдавались. Подписчики получали книги по абонементной книжке. Читатель был обязан бережно относиться к книгам, не пачкать их, не рвать, не делать на страницах надписей и пометок и т. д.

За утерянные издания читатели возмещали полную их стоимость. Книги и журналы считались утерянными, если они не возвращались более 30 дней.

Все недовольства на служащих библиотеки записывались в специальную книгу жалоб, которая постоянно хранилась на видном месте.

Главный библиотекарь Брянской областной научной библиотеки им. Ф.И. Тютчева Пожаринская Р.К. в статье «Земские библиотеки» пишет: «Деятельность земской публичной библиотеки по отчету за 1913 год получила высокую оценку: «Библиотека является единственной не только в городе,

но и во всем уезде, как по своему составу, так и по пользе ею приносимой». Несмотря на то, что библиотека функционировала только 3 часа в сутки, несмотря на ремонт земского здания, по причине которого библиотека была закрыта два месяца, ее посетило 14 211 человек, им выдано 50 тыс. экз. Земство ассигновало 900 руб., от подписчиков получено 233 руб. 31 коп. Библиотека имеет 6094 экз. книг и 380 журналов» [3].

По неизвестным причинам в 1887 году Лашкевич покидает малую родину и переезжает на постоянное жительство в Киев. Перед отъездом Александру Степановичу по предложению предводителя дворянства Новозыбковского уезда князя Долгорукова Н. Д. была выражена признательность и благодарность за честное и самоотверженное служение на благо народа и развитие местного земства.

В Киеве Лашкевич А.С. начинает печататься в одном из крупнейших историко-этнографических журналов Малороссии – «Киевской Старине».

Незадолго до смерти редактора этого журнала Лебединцева он приобретает у него печатное издание и с 1888 года начинает руководить им в полную меру. Далекий от всевозможных личных выгод и расчетов, Лашкевич А.С. не щадит собственных средств и направляет все свои силы на поиск опытных специалистов в области журналистики.

Чтобы поднять достоинство своего издания, Александр Степанович посвящает основной материал «...восстановлению местной истории, выяснению характерных особенностей народного мировоззрения, художественного творчества и сложившихся историко-бытовых отношений в южной Руси»[2]. Он старался не только улучшить содержание журнала, но и придать ему более изящный и эффектный внешний вид. По мнению одного из современников, «Киевская Старина» под редакторством Лашкевича А.С. «...расширилась до пределов крупного литературного предприятия и приняла вид издания, раньше никогда не появлявшегося в провинции» [2].

Весной 1889 года здоровье Александра Степановича пошатнулось. По совету медиков он отправился на лето в деревню. По возвращении вместо ожидавшегося улучшения физического состояния у него был отмечен упадок сил. Несмотря на поразивший недуг, Лашкевич А.С. продолжал думать о «Киевской Старине». Когда по причине расстроенного здоровья и некоторым личным обстоятельствам, затруднявшим издание журнала, один из знакомых посоветовал ему завершить эту работу, Александр Степанович с твердостью ответил: «Я душу свою положил в это дело, и не могу от него отказаться» [2, с. 490]. За несколько дней до смерти, желая выразить, насколько ему дорог журнал, он произнес: «Киевская Старина» – это мое третье дитя» (после себя Лашкевич оставил двоих детей) [2]. В Киеве Лашкевич А.С. лечился карлсбадскими водами и стал чувствовать себя лучше. Однако в се-

редине сентября с ним случился апоплексический удар, после которого он уже не оправился. Образовавшийся карбункул (острое гнойно-некротическое воспаление кожи и подкожной клетчатки) сделал положение больного опасным. В ночь с 30 на 31 октября удар повторился, и в 10 часов вечера 31 октября он скончался.

Сотрудники журнала потеряли доброго, отзывчивого человека и преданного своему делу издателя-редактора, готового жертвовать всем.

Погребение Александра Степановича состоялось 2 ноября. В половине девятого утра тело покойного доставили в Георгиевскую церковь, где при значительной группе друзей и работников «Киевской Старины» кафедральным протоиереем была совершена панихида. В полдень гроб вынесли из церкви на руках. Он был украшен венками с надписями «от друзей и товарищей по изданию «Киевской Старины», «от женщин-друзей», «от молодых украинцев».

Несмотря на ненастную погоду и мокрый снег, почитатели проводили Александра Степановича на Аскольдову могилу, где в некрополе среди прочих захоронений он и нашел себе последнее упокоение.

Перед опусканием гроба в могилу товарищ покойного по университету и один из его близких друзей Житецкий Павел Игнатьевич (русский филолог и этнограф, член-корреспондент Петербургской Академии наук, доктор русской словесности, автор исследований по поэтике) произнес глубоко прочувственное слово:

«Добрый товарищ и друг мой! Не для тебя, а для себя и для моих друзей и сверстников моих я хочу сказать здесь несколько слов, чтобы облегчить тяжелые минуты последней разлуки с тобой. Из Almamater нашей, из университета киевского, мы вынесли глубокое уважение к сознательной общественной деятельности, к сознательному труду для блага родины нашей. Мы вынесли из него горячие симпатии к народу русскому в его действительном, а не выдуманном существовании. Мы вступили на путь общественной жизни при самых счастливых предзнаменованиях. Тогда во всех концах русского мира раздался благодатный призыв к честному труду на пользу народа, выходившего из крепостной неволи. Святым трепетом отозвался этот призыв в сердцах наших, и ты пошел вместе с другими сеять доброе семя на родной ниве своей.

Прошли годы. Я не знаю, как мы исполнили наши задачи, как мы осуществили заветные мечтания юности нашей. Знаю только, что мы никогда не были довольны собою, что мы часто искали в самих себе причины наших разочарований и разбитых надежд наших» [2].

Около 3 часов дня родственники, друзья и коллеги разошлись с кладбища. На имя вдовы покойного и редакции были получены сочувственные

телеграммы от редакций журналов, общественных учреждений и частных лиц. Память Лашкевича А.С. почтили в Киевском и Харьковском исторических обществах.

Заседание исторического общества имени Нестора Летописца, членом которого Лашкевич А.С. состоял с 13 марта 1888 года, открылось речью его председателя профессора Владимирского-Буданова М.Ф.: «По двум причинам покойный Лашкевич А.С. заслуживает вечной памяти о нем членов исторического общества. Почти прямо со студенческой скамьи Лашкевич А.С. получил должность мирового посредника в одной из губерний юго-западного края и этим призван был к участию в улучшении быта местных крестьян после восстания 1863 года, т.е. принял активное участие в том великом историческом процессе, в котором надо видеть не только экономическое возрождение нашего края, но и возрождение национальное.

Хотя покойный Лашкевич А.С. играл не первенствующую роль в этом великом деле, но от участников преобразований в крае, предначертанных правительством, и не требовалось громких подвигов; нужно было честное, энергичное отношение к принятым на себя обязанностям да заботливое участие к нуждам народа, так недавно еще терпевшего беззаконные несправедливости. Все эти качества в высокой степени присущи были покойному Лашкевичу, и он честно выполнил гражданский долг.

Другой момент в деятельности покойного Лашкевича А.С., дающий ему право на вечный диплом почетного члена исторического общества, – это издание и редактирование «Киевской Старины» – единственного исторического журнала на всем обширном юге России. Он вложил всю душу в это дело, положил на него немало труда и материальных затрат, никогда не думая о личных выгодах» [2].

Председатель Харьковского историко-филологического общества Потебня А.А. предложил почтить память Лашкевича А.С. вставанием с мест, а профессор Багалей Д.И. сделал краткий очерк его биографии.

К сожалению, могила Лашкевича А.С. до наших дней не сохранилась. В декабре 1934 года Киевский горсовет постановил уничтожить кладбище под предлогом того, что оно мешало созданию парка. Единичные могилы были перенесены, остальные в 1935–1936 годах варварски вскрыты и поруганы.

Литература и информационные источники

1. Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал.1887. Сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь.

2. Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал. 1889. Октябрь, ноябрь, декабрь.

3. Пожаринская, Р. К. Земские библиотеки / Р. К. Пожаринская // Из истории библиотек Брянского края. Сборник статей. Брянск: Брянская областная научная универсальная библиотека им. Ф. И. Тютчева, 2007. С. 13–28.

4. Свод постановлений уездных земских собраний Черниговской губернии за 1886 г. с приложением смет и раскладок на 1887 г. Чернигов: Земская типография, 1890. С. 342–343.

5. Систематический свод постановлений Новозыбковского уездного земского собрания Черниговской губернии 1865–1883 гг. Киев: Новозыбк. уезд. земство, 1884. 475 с.

Ковеля В.В. (г. Брянск)

СУЗЕМСКИЙ КРАЙ ПОСЛЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

За многовековую историю суземские земли входили в состав самых разных государственных и административных образований, но одно оставалось неизменным – основным населением края были крестьяне. Конечно, иногда, на какое-то время эти земли оказывались во владении тех или иных представителей знатных фамилий, но все они были пришлые, инородные, многие из них и вовсе никогда не бывали в своих далеких имениях. Крестьяне же здесь жили всегда, из века в век, передавая деревянные избушки и скудные земельные наделы в наследство потомкам. Так поколение за поколением складывались многочисленные крестьянские роды, неразрывно связанные со своим селом или деревней.

В середине XIX в. большинство суземских крестьян уже приобрели родовые фамилии, которые и теперь носят их многочисленные внуки и правнуки. Автор этих строк по материнской линии также является потомком шести суземских фамилий: Рябцевых, Герасименковых, Скобликовых, Серединых, Михалищенковых, Бакериных, и трех кокоревских: Карпекиных, Пошвиных, Лягиных. В память о них и создана эта статья.

Переломным моментом в истории российского крестьянства стал 1861 г., когда император Александр II в манифесте от 19 февраля даровал всем крепостным крестьянам страны гражданские права. Так крестьяне перестали быть чьей-либо собственностью, которую можно было продать, обменять, подарить. Теперь они стали почти полноправными подданными империи. И крестьяне Суземского края не были исключением.

До настоящего времени тема пореформенной жизни сел и деревень Суземского края отдельно не исследовалась. В 1961 г., в год столетия реформы, была издана брошюра «Отмена крепостного права на Брянщине», включившая в себя сведения из документов Брянского и Орловского архивов [34]. Однако общий тенденциозно-классовый подход работы, нацелен-

ный на преувеличение невыгодности положения крестьян и степени их недовольства, упростил историческую действительность, вычеркнул из нее факты, противоречившие заявленной цели. Причина такого подхода кроется в книге крупного советского историка П.А. Зайончковского, который несколькими годами ранее в своем труде всеми доступными средствами показал грабительский характер крестьянской реформы в масштабах всей страны и массовые протесты крестьян против нее [30]. Тем самым он в рамках марксистко-ленинской методологии и классового подхода на долгие годы сформировал обозначенную тенденцию в изучении этой темы. В Суземском районе свой вклад в освещение крестьянской реформы внесли местные краеведы. В процессе сбора информации об истории родных поселений им удалось найти ряд любопытных фактов о жизни суземских крестьян в пореформенное десятилетие, которые были изложены в первой книге подарочного издания «Суземский край» [33]. Однако собранные сведения не дают общей картины жизни окрестных сел и деревень после 1861 г., отражая только частные факты из их истории.

Между тем история пореформенной жизни Суземского края представляет особый интерес, т. к. на этой земле одновременно проживали сразу три категории крестьян: государственные, удельные и помещичьи. Первые из них облагались денежным оброком в пользу Министерства государственных имуществ, средства из которого направлялись лично императору. Вторые подчинялись удельным конторам и платили денежные оброки в пользу членов императорской фамилии. Помещичьи крестьяне обязаны были вносить денежный или натуральный (продуктовый) оброк в пользу своего барина, а нередко еще и работать на его земле (выполнять барщину). Площади земельных наделов, налоговое бремя и социальные статусы этих категорий крестьян существенно отличались, как следствие, их уровень жизни тоже был неодинаков. И реформа для них прошла по-разному.

Итак, к 1861 г. государственные и удельные крестьяне, в отличие от соседей, несших повинности в пользу помещика, уже получили личные права. С 20 июля 1858 г. удельные крестьяне могли самостоятельно приобретать в собственность землю и иное имущество, свободно переходить в иные городские и сельские сословия, лично обращаться в суд, подписывать договоры и заключать сделки, их дочери могли безвозмездно вступать в браки с представителями других сословий [28,Т. XXXIII, 33326, с. 785–786]. 26 августа 1859 г. эти же права были распространены и на государственных крестьян [28, Т. XXXIV, 34831, с. 817]. Вместе с тем государственные и удельные крестьяне продолжали проживать на государственной земле, пользоваться прежними наделами и платить установленные ранее подати. Ситуация стала меняться после публикации манифеста от 19 февраля 1861 г., по которому

помещичьи крестьяне также получили личную свободу и гражданские права, но обязаны были выкупить свои земельные наделы. Опасаясь, что столь существенная разница в поземельном устройстве государственной, удельной и помещичьей пореформенных деревень может привести к социальному взрыву, императорское правительство пошло на то, чтобы обязать удельных и государственных крестьян также выкупить свои наделы, изъяв из их пользования имеющиеся излишки земли [28, Т. XXXVI, 39792, с. 678–702]. При этом государственные и удельные крестьяне сразу после составления уставных грамот, хотя и в рассрочку, но получали землю в собственность, в то время как помещичьи крестьяне еще долгое время оставались временнообязанными, т.е. зависимыми от помещика. Более того, если удельные и государственные крестьяне должны были вносить выкупные платежи за полученную землю государству в течение 49 лет, то помещичьим, помимо этого, полагалось еще и выполнять повинности в пользу помещика до тех пор, пока они полностью не компенсируют ему потерянную землю.

Положение о государственных, дворцовых и удельных крестьянах от 26 июня 1963 г. подтвердило ранее дарованные им личные права, а также их право на местное самоуправление [28, Т. XXXVI, 39792, с. 678]. Существовавшее ранее разделение крестьян на сельские общества сохранялось, а приказы и отделения удельных контор, которым они подчинялись, преобразовали в волости. Аналогичные изменения произошли и в управлении помещичьих крестьян. Волостное правление должно было состоять из старшины и одного-двух заседателей, избираемых волостным сходом. Один из заседателей исполнял обязанности казначея, второй (при наличии) был помощником волостного старшины. Также для присутствия в волостном правлении могли назначаться сельские старосты и сборщики податей. Помимо названных лиц, при волостном правлении находился писарь с помощником. В обязанности правления входили сборы налоговых платежей, средств на содержание мерщиков, заведывание существующими сельскими банками [28, Т. XXXIII, 33326, с. 680–681].

Сельские банки (или хлебные запасные магазины) существовали и до реформы для предотвращения последствий частых неурожаев. Идея создания их появилась во времена Петра I, но и при Екатерине II они не существовали. Только при Павле I магазины начали функционировать в удельной деревне, но эффективными стали уже в правление Николая I, когда был окончательно оформлен порядок наполнения их зерном из общественной запашки. Позднее с разной степенью успешности этот опыт удельных крестьян был реализован в государственных и помещичьих деревнях. Ко времени отмены крепостного права система хлебных магазинов уже существовала и эффективно функционировала, предоставляя крестьянам в случае надобности

определенное количество озимого и ярового посевного материала, а также ссуживая им необходимые денежные суммы под 6% в год [32].

В год отмены крепостного права большая часть поселений Суземского края входила в состав трех волостей Трубчевского уезда: Краснослободской, Негинской и Кокоревской. На них и будет сконцентрировано наше внимание.

Краснослободская волость до 1868 г. Краснослободская волость включала в себя четыре поселения: с. Красная Слобода, д. Смелиж, д. Чухраи и часть д. Чернь. В 1861 г. они принадлежали крупнейшему землевладельцу страны флигель-адъютанту графу Дмитрию Николаевичу Шереметеву, владельцу более 105000 крепостных душ [31]. В Трубчевском уезде ему принадлежали 2594 десятины земли. После отмены крепостного права в жизни краснослободских крестьян мало что изменилось, т.к. выкупить себя сразу они не смогли и еще долгое время оставались временнообязанными. Возникшие трудности были связаны с особенностями крестьянского хозяйства в этой местности. Окрестные лесные земли были практически непригодны для занятия земледелием, да и было их немного: 612 десятин в Красной Слободе (1 десятина = 1,1 га), 865 десятин в Смелиже, 151 десятина в Черни и 411 десятин в Чухраях [1, л. 58]. В результате главным источником дохода для крестьян было бондарское мастерство (изготовление бочек). Теперь же они были лишены древесины из графского леса, и, чтобы хоть как-то уплатить оброк, многие из них были вынуждены идти работать лесными сторожами, рубить и вывозить дрова для графского хозяйства.

О низком материальном достатке населения волости свидетельствуют данные о количестве скота в хозяйствах крестьян Красной Слободы. Всего на 891 жителя села приходилось 219 лошадей, 163 коровы, 29 свиней. При этом было четыре безлошадных хозяйства и двадцать бескоровных. Зажиточных крестьян было немного: пять и более лошадей имели шесть семей, пять и более коров – восемь. Самым состоятельным жителем села являлся Павел Кобяков, имевший 10 лошадей. В основной же массе у жителей села было по одной-две лошади (40 и 41 домохозяйство из 107, соответственно) и по одной корове (48 из 107). Свиньи были лишь в 27 хозяйствах, в то время как 79 хозяйств их не имели [6]. Причиной тому, возможно, был неурожай 1867 г., который заставил крестьян сократить количество свиней из-за отсутствия корма. В итоге на каждого жителя села в среднем приходилось по 0,25 лошади, 0,18 коровы, 0,03 свиньи. Неудивительно, что при такой экономической ситуации прирост населения был незначителен [8].

Не имея возможности выкупить свою землю, крестьяне продолжали отрабатывать барщину и платить оброк в пользу помещика, т.е. являлись временнообязанными. Из переписки волостного правления с графом Шереме-

тевым ясно, что выполнить в срок даже старые повинности эти крестьяне не могли [21]. Неудивительно, что многие из них стремились уехать на заработки, о чем свидетельствуют прошения 10 крестьян из Чухраев о разрешении им отъезда в низовые губернии (Поволжье) [25, л. 46].

Лишь в конце 1860-х годов жители Смелижа смогли заключить с графом Шереметевым выкупную сделку, по которой они получили землю от помещика по 2,4 десятины на душу (почти минимальный надел). Под душой в то время понимался каждый совершеннолетний мужчина, способный платить налоги. Женщины и дети в системе налогообложения не учитывались, а, значит, земля им не полагалась. Жители остальных селений волости предпочли согласиться на «дар», составивший по 1 десятине земли на душу. Плата за «даровую» землю не взималась, но ее было недостаточно для ведения полноценного крестьянского хозяйства. Как следствие, крестьяне были вынуждены либо брать у помещика дополнительную землю в аренду, либо идти в наем для работы на промыслах в графском лесу.

Промыслы на рубеже 1860–70-х годов являлись важной составляющей крестьянского дохода в лесном уезде. Производство дегтя за 6 месяцев могло принести каждому крестьянину до 40 рублей. Нередко можно было встретить и тех крестьян, которые трудились на заготовлении клепки (дощечек для изготовления бочек). По данным 1871 г. всего на промыслах было занято в Красной Слободе 98 человек (23 % от общего числа взрослых мужчин), в Смелиже – 99 (25 %), в Чухраях – 48 (33 %), в Черни – 68 (28 %) [10, л. 95–98]. В итоге суммарный доход, получаемый крестьянами от земельных наделов и промыслов в расчете на каждую ревизскую душу составлял в Красной Слободе – 10 р. 24 к., в Смелиже – 15 р. 60 к., в Чухраях – 15 р. 34 к., в Черни – 12 р. 88 к. Из этих денег каждый взрослый мужчина должен был уплатить 2 р. 38 к. подушной подати и земского сбора. Остальные деньги расходовались на закупку недостающего хлеба на годовое содержание семьи. Для осознания ценности этих денежных сумм в изучаемый период отметим, что лошадь можно было купить за 6 р. и выше, корову – за 5–6 р., телку – за 3–4 р., овцу – за 70 к. Стоимость крестьянской избы начиналась от 15 р.

Фабрично-заводских и промышленных заведений в собственности крестьян волости не было. Зато крестьянам Красной Слободы Павлу Степанову Черткову и Матвею Карпову Юрченкову принадлежали две ветряные мельницы, приносившие годовой доход 11 и 13 р. соответственно. В Смелиже у крестьянина Кузьмы Дмитриева Демкина была маслобойня с годовым доходом до 6 р. [5, л. 5]. Граф Шереметев владел водяной мельницей на одной поставе на речке Горожанке вблизи Красной Слободы [5, л.11]. Здесь же на графской земле находилось питейное заведение, арендовавшееся крестьянином Николаем Васильевым Федорцовым из соседнего села Денисов-

ка. Второе заведение размещалось в Черни и принадлежало местному крестьянину Василию Афонасьеву Сычеву [14, л. 6–7].

Какое-либо медицинское обеспечение волости отсутствовало. Не было здесь ни фельдшера, ни повивальных бабок, ни ветеринара. Только обязанности оспопрививателя исполнял местный крестьянин, за что получал ежегодно18 р. серебром [2, л. 18]. Не было в волости и учебного заведения.

Таким образом, положение крестьян Краснослободской волости после реформы первоначально существенно не изменилось ввиду того, что они по-прежнему оставались экономически зависимыми от своего помещика. Малые земельные наделы, неплодородные почвы, ограниченные возможности для занятия лесными промыслами не позволили местным жителям выкупить свои хозяйства и отмежеваться от графских владений. Не смогли они этого сделать даже спустя десять лет после реформы, вследствие чего были вынуждены согласиться на минимальные земельные наделы или на «дар». Это не разорвало связь с помещиком, но изменило ее форму. Теперь крестьяне выступали либо как арендаторы графских земель, либо шли в наем к помещику для занятия промыслами. В условиях столь слабой экономической базы в волости полностью отсутствовали врачебный надзор и образование, т.к. средств на их содержание у местных крестьян не было.

Кокоревская волость до 1868 г. Кокоревская волость включала в себя с. Кокоревку и д. Теребушку. Оба поселения до отмены крепостного права принадлежали помещику генерал-адъютанту князю Владимиру Дмитриевичу Голицыну, владевшему 5689 десятинами земли в Трубчевском уезде. После реформы Кокоревская волость вошла в состав 3-го мирового участка, возглавляемого коллежским асессором Платоном Павловичем Брусиловым, владевшим 453 десятинами земли в с. Лопушь Трубчевского уезда. Несмотря на то, что он был помещиком, произвола над крестьянами не чинил, любое спорное дело старался разрешить по справедливости, что наглядно проявилось в деле о взыскании недоимок с жителей волости, возникших из-за неурожая 1867 г.

Волостная власть была представлена избираемым на три года старшиной. С 1 августа 1862 г. по 15 ноября 1865 г. им был Александр Архипов Ковалев. Затем его сменил Николай Стефанов Седов. Однако уже в декабре 1866 г. он по состоянию здоровья уступил свою должность крестьянину из Теребушки Петру Агафонову Саутченкову.

Непосредственным органом управления в селе Кокоревка, как и в других поселениях волости, был сельский сход с избираемым на три года старостой. В 1865 г. старостой был Василий Петров Атрохин, а его заместителем (или как его тогда назвали – кандидатом) был Семен Семенов Зенченков. Обязанности волостных судей в селе исполняли Афанасий Ковалев, Архип

Карпекин, Федор Индюков, Косьян Костырин. Сборщиком податей был Иван Черкасенков. На волосном сходе село представляли Николай Седов, Василий Атрохин, Алексей Шевченков, Савелий Заикин, Иван Кочанов, Павел Кривогин, Антон Мешков, Григорий Кожурин и Стефан Зачекин [19, л. 14]. Однако уже в следующем году состав сельских должностных лиц изменился. Так, 9 октября 1866 г. сельский сход избрал новым сборщиком податей Кондрата Лягина, из числа волостных судей выбыли Архип Карпекин, Федор Индюков, Косьян Костырин и добавились Федор Заикин, Яков Шевченков, Михаил Холеменков. Изменился и состав выборных в волостной сход [19, л. 38–39]. В 1869 г. старостой стал Косьян Борисов Костырин, которого позднее сменил Петр Моисеев Авчугин, а в 1874 г. на этой должности был уже Осип Федоров Попков.

Именно эти люди принимали важнейшие решения в жизни села. Так, 6 сентября 1866 г. сельский сход, дабы избежать в дальнейшем земельных споров, решил пригласить землемера для определения границ усадебных земель каждого домохозяина [19]. Они же жаловались в волостное правление и мировому посреднику на севского мещанина Василия Ивановича Коробова, который без согласия крестьян проживал на их земле и вел торговлю вином. В дальнейшем инцидент был исчерпан, и предприниматель получил право вести торговлю на земле, принадлежавшей отставному солдату Ключареву [19, л. 21].

Важнейшим вопросом в жизни пореформенной деревни стала организация новых земельных отношений. 1 августа 1865 г. жители волости заключили выкупную сделку с князем Голицыным, вследствие чего была составлена уставная грамота, подтверждавшая передачу земли крестьянам в собственность [20, л. 252]. В результате по данным 1867 г. кокоревские крестьяне получили 783 десятины 355 саженей удобной и 88 десятин 2040 сажень неудобной земли, жители Теребушки – 261 десятину 299 сажень удобной земли [1, л. 48]. Таким образом, на крестьянскую ревизскую душу в Кокоревке пришлись 2,3 десятины удобной земли, а в Теребушке – 1,3 десятины, что в первом случае едва превышало низшую норму надела по Орловской губернии (1,8 десятины), а во втором случае и вовсе не доходило до нормы. Известно, что крестьяне жаловались на сложившееся положение, что, вероятно, стало причиной того, что даже в 1869 г. выкупная сделка так и не была окончательно утверждена в Орловском губернском по крестьянским делам присутствии [20, л. 252]. Можно предположить, что в ходе учиненных разбирательств крестьянам все-таки удалось отстоять права на землю. По данным 1871 г. у жителей Кокоревки уже было 1283 десятины 1811 сажень удобной земли, т.е. 3,77 десятины земли на душу, а у жителей Теребушки – 541 десятина 2207 сажень, что составило 2,75 десятины на душу [10, л. 95–98]. Та-

ким образом, в конечном итоге жители Кокоревской волости получили земли больше, чем население соседней Краснослободской волости, но не бесплатно. Ежегодно крестьяне Кокоревки должны были вносить 1163 р. 45 к. выкупных платежей, а жители Теребушки – 716 р. [19, л. 17].

Разорительные выкупные платежи дополнялись ежегодной подушной податью и земскими сборами. Не повезло жителям Кокоревской волости еще и из-за того, что земля, доставшаяся им, была малопригодна для земледелия. Фишман и Архипов отмечали, что кокоревцы получили «совершенно негодную землю, разбросанную среди лесов» [34, с. 47]. Это подтверждалось словами мирового посредника: «...В двух клинах, – писал он в губернское по крестьянским делам присутствие, – более песчаного грунта, на котором, как крестьяне объявили мне, урожай ржаного хлеба чаще бывает худой, чем посредственный, а из яровых хлебов овес вовсе не родит, почему они не сеют его; в третьем же клину, хоть грунт земли лучше, но ...кругом него обширные леса, а посреди поля есть заросли и большие сосны, от которых постоянная тень вредит хлебам» [34]. Как следствие, земледелие не могло играть существенной роли в крестьянских доходах, уступая место промыслам.

Обилие лесов вокруг определило то, что главным занятием местных жителей стали бондарство и смолокурение (получение дегтя). Они позволяли одному крестьянину заработать за 6 месяцев до 40 р. Однако своего леса у крестьян не было, поэтому ежегодно на заработки отправлялись около 100 кокоревцев, что составляло 29 % общего числа взрослых мужчин[10, л. 95–98]. И все же суммарный доход от земли и промыслов на каждую ревизскую душу был невелик – 17 р. 23 к., из которых 5 р. 80 к. шло на налоги и сборы. Это объясняет незначительный прирост населения по волости. За 10 лет (с 1858 по 1868 г.) число податного населения Кокоревки увеличилось на два человека (с 705 до 707), Теребушки – на одного (с 406 до 407) [8, л. 58–59].

Настоящим ударом для хозяйств жителей села стал неурожай 1867 г., о котором старшина Кокоревской волости писал так: «В их селе (Кокоревке – В.К.) крестьянами в 1866 г. было засеяно озимого хлеба 140 десятин земли и ни на одной десятине не оказалось хорошего хлеба, а вдобавок еще во многих местах вовсе нет ничего по случаю больших отмоков, так что не предвидится никакой надежды получить рассеянных семян и даже нечем будет засеять на будущий 1868 г. Крестьяне должны потерять убытку на сумму 1080 р., а почему казенные и другие платежи должны оставить за крестьянами» [19, л. 66]. Мировой посредник не позволил крестьянам не платить подати, но разрешил в случае нехватки семян на посев взять их из общественного хлебного магазина, а если их там не хватит – обратиться в уездную земскую управу. Несмотря на это, крестьяне не смогли уплатить подати в срок, в результате их долг составил 694 р. 81 ¾ к. за 1866 г., 581 р. 72 к. за 1867 г. В соот-

ветствии с законом в село был направлен становой пристав для описи движимого имущества крестьян. Суммарная стоимость описанного составила 845 р. 10 к., но этого было недостаточно для покрытия долга. Тогда мировой посредник Брусилов принял сторону крестьян, запретив принудительную продажу их имущества, и аргументировал это тем, что от таких мер «быт крестьян неминуемо должен расстроиться» [19, л. 30-33]. В результате выплата долга затянулась, но крестьяне не были окончательно разорены.

Уровень бедности кокоревских крестьян можно представить по сведениям о количестве скота в их хозяйствах. Лишь три семьи в селе могли относительно безболезненно пережить неурожай и были признаны «имеющими средство к проживанию». Но даже у них количество лошадей не превышало четырех, коров – пяти. В то время как в абсолютном большинстве хозяйств была только одна лошадь (66 из 127), одна корова (62 из 127), свиней почти в половине хозяйств не было (60 из 127). При этом на каждого жителя села в среднем приходилось по 0,18 лошади, 0,17 коровы, 0,1 свиньи. Как следствие, почти все жители села были вынуждены брать хлебные кредиты на восстановление хозяйств в общественном магазине.

Фабрично-заводских и промышленных заведений в собственности крестьян не имелось, но отмечалось, что некоторые из них имели дегтярные котлы с одной печью, которые, впрочем, не использовались по причине отсутствия у жителей волости собственного леса. Также у крестьянинаТеребушки Якова Константинова Ковалева была маслобойня, приносившая ему до 7 р. в год [5, л. 5]. А князь Голицын в Кокоревке имел водяную мельницу с толчеею и вальнею, лесопильню, приводимую в работу водою, и вновь построенный стекольный завод [5, л. 64]. Было в селе и питейное заведение, приносившее до 450 р. годового дохода мещанину из г. Ливны Андрею Борисовичу Бобкову. Подобное заведение было и в Теребушке, владельцем его являлся Павел Павлович Жидков, купец 2-й гильдии из Трубчевска. Его доход составлял 98 р. в год [14, л. 6–7].

В случае болезни жители волости могли рассчитывать только на себя, т.к. здесь, как и в соседней Краснослободской волости, медицинского персонала не было, кроме оспопрививателя. Его обязанности исполнял сын бывшего волостного старосты Евсей Александрович Ковалев. За свою работу официального жалованья он не получал, так как никаких денежных сборов на медицину в волости не велось [2, л. 15]. Однако уже в 1866 г. волостной сход принял решение ежегодно собирать с каждой ревизской души по 10 к. на медицинские нужды, что составило 53 р. 50 к. со всей Кокоревки [2, л. 57–58].

Не лучше обстояло дело и с грамотностью в волости. Несмотря на то, что в селе была церковь, никаких образовательных учреждений организовано не было, как следствие, читать и писать жители села не умели.

Таким образом, положение крестьян Кокоревской волости мало чем отличалось от положения соседей. Разница же заключалась лишь в том, что кокоревцы пошли на заключение выкупной сделки и смогли в рамках нее отстоять свои земельные права. Впрочем, необходимость оплаты полученных наделов надолго подорвала силы местных крестьянских хозяйств.

Негинская волость до 1868 г. Негинская волость включала села: Негино, Денисовка (или Денисова Гута), Ямное, Горожанка (Буда-Горожанка), Знобь и деревни: Суземка (Буда-Суземка), Улица (Буда-Улица), Погощь (Буда-Погощь), Тарасовка (Тарасова Гута), Герасимовка (Герасимова Гута), Мальцевка (Мальцева Гута) и часть Черни (Буда-Чернь). До реформы здесь проживали преимущественно удельные крестьяне, принадлежавшие с конца XVIII в. императорской фамилии и имевшие оброчную повинность перед Киевской, а позднее Орловской удельными конторами. Также в Негине проживало небольшое количество государственных крестьян, принадлежавших Министерству государственных имуществ и обремененных оброчной повинностью в его пользу, а в части Зноби – бывшие помещичьи крестьяне. За счет того, что до реформы государство предоставляло удельным и государственным крестьянам достаточно земли, их уровень жизни был выше, чем помещичьих.

Наличие в названиях поселений таких слов как «буда» или «гута» указывает на то, что первоначально они возникли как места промышленного производства поташа и стекла. Поташ (или карбонат калия) добывался путем сжигания древесины в будах (или больших кучах, кострищах). Полученную золу смешивали с горячей водой, и готовым раствором аккуратно, чтобы не затушить, поливали еще горящие поленья. В результате этой процедуры в слое золы образовывалось кристаллическое соединение поташ, который в XVII–XVIII вв. имел широкое применение в производстве стекла и селитры (одного из компонентов пороха). Местом производства стекла становились гуты, располагавшиеся, как правило, в местах, где, во-первых, были залежи мелкого песка, а, во-вторых, было много леса для производства поташа. По обоим показателям Суземский край идеально подходил, и, как следствие, государство включило эти территории в состав казенного имущества, дабы контролировать прибыльные и стратегически важные производства.

История появления здесь именно удельных крестьян относится к 1797 г., когда император Павел I подписал «Учреждение об Императорской Фамилии», согласно которому все земли, принадлежавшие императорской семье, должны были именоваться «имениями удельными» [28, Т. XXIV, 17906, с. 525–526]. Целью переименования было отделение личных земель Романовых от общегосударственного земельного фонда. Так бывшие дворцовые крестьяне стали удельными, а для управления ими был создан департамент уделов.

При этом подсудны они стали нижним и верхним судам, как полноправные подданные империи.

После реформы 1861 г. Негинская волость вошла в состав 4-го мирового участка, во главе которого стоял мировой посредник отставной полковник Еремей Александрович Ершевский. Вместе с супругой Марией Матвеевной они владели землей и сукновальней в сельце Шилинка, а также двумя водяными мельницами в Рябчевской волости и на речке Посорь при с. Плюсково. Интересы крестьян Ершевского интересовали мало, как следствие во всех спорных ситуациях, часто возникавших между бывшими удельными крестьянами и Киевской удельной конторой, посредник, как правило, принимал сторону последней. Так, например, в 1866 г. он по первому же требованию окружного надзирателя Киевской конторы Ляхницкого обязал крестьян возместить ущерб, якобы нанесенный ими при пастьбе скота в Суземской удельной даче в урочище Рудач. При этом никакой проверки он учинять не стал, всецело доверившись жалобщику [17, л. 1–2]. В том же году Ляхницкий обвинил старосту деревни Евлампия Васильева и еще троих крестьян в самовольном покосе травы в удельной Черемушкинской лесной даче, за что их обязали уплатить штраф в 45 р. серебром, а старосту сняли с занимаемой должности [18, л. 1]. И снова без суда и следствия.

Волостное правление в Негинской волости возглавлял негинский крестьянин Совриков, который оставался волостным старшиной до 1868 г. То, что он смог столь долго управлять волостью в непростой для нее пореформенный период, указывает на его незаурядные способности и умение находить компромиссы между крестьянами и чиновниками удельного ведомства. Между тем конфликтов было немало. Совриков сообщал Ершевскому, что «захваты удельной земли крестьянами происходят по всей волости». Причина, вероятно, заключалась в существенных сокращениях крестьянских наделов после реформы, что толкало крестьян на самозахваты.

Ввиду того, что почти все крестьяне волости были либо удельными, либо государственными, то землю в собственность они получили почти сразу и по максимальной норме надела, определенного для лесных уездов Орловской губернии, т.е. по 4 десятины на душу. А государственные крестьяне Негина и того больше – по 6,67 десятины. Однако до реформы в пользовании крестьян было больше земли. Например, у крестьян Погощи осталось только 1476 вместо 1607 десятин удобной земли, остальные – 131 десятина – были отрезаны в пользу удельной конторы. Аналогично было в Негине, где из 2739 осталось 2148 десятин [34, с. 51]. В Суземке крестьяне из-за ошибок при межевании земли получили меньше, чем им полагалось по норме. Очевидно, что подобное происходило не без попустительства посредника, создавая дополнительное социальное напряжение в волости.

Отрезанные земли удельная контора сама не использовала, а предоставляла тем же крестьянам в аренду. Последние соглашались на эти условия, так как их уже сложившаяся система хозяйства не могла быть эффективно реализуема в урезанных земельных владениях. Впрочем, своевременно платить за землю крестьяне часто не могли и возникали задолженности, так, в 1868 г. за жителями Суземки числилось 896 р., Улицы – 157 р., Герасимовки – 375 р., Денисовки – 396 р. В то же время качество земель в Негинской волости было на порядок выше, чем в соседних Кокоревской и Краснослободской волостях. Как следствие, местные крестьяне выращивали не только озимые (рожь и пшеницу), но и яровые культуры (овес и гречиху). Основным продуктом питания оставался картофель, являвшийся вторым хлебом для крестьянина.

И все же главной доходной статьей в хозяйстве местных крестьян, как и в других лесных волостях, были промыслы. Самым распространенным было бондарство, которым занимались в Горожанке, Денисовке, Ямном, Тарасовке, Улице, Черни, Суземке. При этом Суземка и Горожанка специализировались на изготовлении клепки, а Улица – на выделке обручей. Также было распространено смолокурение, которым занимались жители Тарасовки, Черни, Мальцевки, Погощи. В Негине трудились на распиловке лесоматериалов. Колёсный промысел был развит в Тарасовке, Черни и Погощи. На таких работах было занято от 18 % взрослого мужского населения, как в Ямном и Погощи, до 57 % и даже 87 %, как в Горожанке и Мальцевке. За 6–8 месяцев работы местные крестьяне могли получить от 40 до 60 рублей, что являлось существенным доходом для семьи.

В целом суммарный доход, получаемый крестьянами от земельных наделов и промыслов в расчете на каждую ревизскую душу, в большинстве поселений волости был определенно выше, чем в соседних волостях: Мальцевка – 40 р. 14 к., Негино (бывшие государственные крестьяне) – 29 р. 84 к., Горожанка – 29 р. 28 к., Суземка – 24 р. 12 к., Денисовка – 21 р. 32 к., Герасимовка – 18 р., Негино (бывшие удельные крестьяне) – 17 р. 39 к.), Чернь (бывшие удельные крестьяне) – 16 р. 57 к., Улица – 14 р. 25 к., Тарасовка – 13 р. 94 к., Погощь – 13 р. 91 к., Ямное – 12 р. 69 к. [10, л. 95–98]. Очевидно, что больший доход приходится на те селения, где большая доля местных жителей была задействована в промыслах, а также, где земли были более плодородными. Исключением являлась Мальцевка, где плодородных земель не было, а доходы были высокими, т. к. создавалась она удельной конторой как промысловое поселение, специализирующееся на производстве угля и дегтя. В целом же, если даже вычесть из зарабатываемых крестьянами денег обязательные ежегодные земские сборы и подушную подать (57 к. + 1 р. 81 к.), а также выкупные платежи (1 р. 56 к.), то у каждого из них остава-

лась существенная сумма для обустройства личного хозяйства. На относительную зажиточность местных жителей также указывают сведения о количестве скота в хозяйствах негинских крестьян. Всего на 1197 жителей села приходилось более 395 лошадей, 261 корова, 184 свиньи. При этом из 161 домовладения 25 имело 5 и более лошадей. Одним из таких зажиточных крестьян был Иван Лаврютченков, владевший сразу 11 лошадьми. Немало было и тех, у кого было 3–4 лошади (27 и 19 из 161). И все же большинство селян имело 1–2 лошади (39 и 37 из 161), а 14 семей были безлошадными. Коров в большинстве хозяйств также было не более 1–2 (58 и 45 из 161). При этом на каждого жителя села в среднем приходилось по 0,33 лошади, 0,22 коровы, 0,15 свиньи, что значительно превосходило соседние волостные центры [8, л. 179–188].

Как и в других соседних волостях, крестьяне Негинской волости фабрично-заводских и промышленных заведений в собственности не имели. Зато во многих деревнях и селах волости были ветряные мельницы, крупорушки и маслобойни. В Негине мельницами владели Петр Дмитриев Огурцов и Дмитрий Федоров Осипенков, маслобойнями – Дмитрий Стефанов Хлопов и Никита Родионов Лаврютченков. В Горожанке мельницы были у Дениса Алексеева Бакина, Якова Ефимова Коробкина, Михаила Гаврилова Киреева, Ивана Егорова Белимова, Ивана Никитина Левого, Якова Власова Куликова, у брата последнего – Василия Власова Куликова – была еще и крупорушка. Еще одна крупорушка была в Улице в хозяйстве крестьянина Федора Борисова Артеменкова. В Денисовке мельницы держали Василий Иванов Федорцов и Дмитрий Терентьев Федорцов, в Погощи – отставной солдат Артем Андреев Фролков и крестьянин Иван Тимофеев Чертков, в Суземке – Петр Иванов Шанцев [5, л. 5]. Определенно, и по этому показателю Негинская волость существенно превосходила две соседние волости.

Также в волости были питейные заведения. В Негине оно размещалось в арендуемом доме местного крестьянина Михаила Удодова и приносило дохода до 530 р. в год. Еще в селе было два трактира, принадлежавших отставному солдату Алексею Ильину Коломину (годовой доход 50 р.) и крестьянину Денисовки Якову Васильеву Федорцову (190 р.). В Горожанке питейным заведением владел местный крестьянин Василий Федоров Степин (1070 р.), в Суземке – серединабудский мещанин Ларион Григорьевич Кармазин (800 р.), в Погощи – трубчевский купец 2-ой гильдии Николай Иванович Курындин (600 р.), в Денисовке – крестьянин Черни Николай Игнатов Гапонов (325 р.), в Ямном – крестьянин Погощи Никита Семенов Фролков, в Тарасовке – ливенский мещанин Андрей Борисович Бобков (140 р.)[14, л. 6–7]. Такое обилие досуговых заведений и размеры их доходов также указывают на наличие у местных жителей определенного достатка.

Уровень медицины в Негинской волости тоже был на порядок выше. Местные жители имели медицинский надзор, т.к. по решению врачебной управы относились к врачебному округу фельдшера соседней Берестовской волости Севского уезда Козьмы Бузыкина. Были здесь свои оспопрививатель Павел Иванович Еропченков и ветеринарный фельдшер Дмитрий Федорович Анютченков. Впрочем, как последний сообщал в отчете, никаких медикаментов у него не было, и лечил он крестьянский скот «домашними средствами». Из ежегодных крестьянских платежей в 14 к. ветеринару в год платили 120 р., а оспопрививателю – 51 руб. 43 коп. В 1867 г. уровень медицины в волости вырос. В Негине появились людская и скотская аптеки с необходимыми лекарствами и инструментами, а фельдшер Козьма Бузыкин перебрался в село для постоянной врачебной практики [2, л. 9, 104].

Имелось в Негине и собственное волостное училище, преподавал в котором студент Александр Сошин. Факт того, что учителем был студент, не вызывает удивления, так как учебное заведение существовало за счет средств местных крестьян и не могло предложить высокой заработной платы преподавателю, как следствие, квалифицированные педагогические кадры на такую работу не соглашались. Ликвидация волости в 1868 г., привела к тому, что и волостное училище было временно закрыто [20, л. 39].

Таким образом, проанализировав социально-экономические особенности Негинской волости, следует признать, что она существенно отличалась от двух соседних волостей Трубчевского уезда по уровню благосостояния проживавших в ней крестьян. Главной причиной тому было то, что ранее этими землями владели удельное ведомство и Министерство государственных имуществ, как следствие, местные жители не были обременены барщиной, платили только четко определенный оброк, имели относительно большие земельные наделы и более широкие возможности для занятия промыслами. Как следствие, у них были материальные возможности для строительства мельниц, крупорушек, маслобоен, школ и фельдшерских пунктов, наличие которых также указывает на благосостояние сел и деревень Негинской волости. Реформа 1861 г. хотя и узаконила предпринимательскую активность местных крестьян, в целом стала для большинства из них негативным явлением, так как общинные земельные наделы оказались урезаны, а необходимость их выкупать снизила уровень крестьянского достатка. И все же нельзя сказать, что реформа полностью затормозила развитие края, напротив – она стимулировала местных жителей активнее встраиваться в новые товарно-денежные отношения, ориентировать свою хозяйственную активность на рынок, улучшать социальную базу волости.

Краснослободская волость после 1868 г. 4 июня 1868 г. съезд мировых посредников принял решение об укрупнении волостей Трубчевского

уезда, в результате Кокоревская и Негинская волости вошли в состав Краснослободской. Теперь в новую волость входили 16 относительно крупных населенных пунктов: Негино (1197 человек), Горожанка (1012), Чернь (917), Красная Слобода (891), Смелиж (794), Денисовка (790), Суземка (743), Погощь (734), Кокоревка (707), Тарасовка (428), Теребушка (407), Ямное (378), Герасимовка (342), Улица (333), Чухраи (293) и Мальцевка (около 50) [8, л. 58–59].

Также изменилось количество мировых участков. Новая Краснослободская волость относилась теперь к первому участку, во главе которого стоял мировой посредник П.П. Брусилов. Глава прежнего четвертого участка Ершевский управлял вторым участком и с Суземским краем уже связан не был. По данным 1874 г. ежегодно на содержание канцелярии, наем рассыльных и другие издержки каждому мировому посреднику земством выделялось 1500 р., солидная для того времени сумма, еще 500 р. – на жалованье секретарю и 350 р. – землемеру [12, л. 10].

В результате нового судебного районирования отправление правосудия в волости происходило в границах 2-го и 3-го судебно-мировых участков. 2-й участок возглавлял участковый судья Алексей Иванович Брусилов, местом пребывания которого был Трубчевск. К этому участку относились все селения волости, расположенные на левом берегу р. Нерусса. Остальные, а именно Кокоревка, Теребушка, Красная Слобода, Смелиж, Чухраи и Чернь, были подсудны судье 3-го участка Виктору Ивановичу Лопухину, проживавшему в сельце Мостки [9, л. 24, 36]. Помимо того, Красная Слобода, Чухраи, Смелиж, Кокоревка, Тарасовка, Чернь, Денисовка, Погощь, Горожанка, Улица, Негино и Суземка имели собственных волостных судей.

Первым старостой укрупненной Краснослободской волости был избран бывший старшина Кокоревской волости Петр Агафонов Саутченков, который затем неоднократно переизбирался. Обязанности его помощника исполнял Николай Федорцов, писарем был Василий Коротченков. В 1871 г. Федорцов отказался от повторного избрания на должность, и новым помощником старосты стал крестьянин Погощи Филипп Акимов Числин.

Обязанности волостного старосты были чрезвычайно разнообразны. Фактически он отвечал за всё, что происходило во вверенной ему волости, обязан был давать сведения обо всех происшествиях на его территории вышестоящим инстанциям, проводить дознание в случае возникновения спорных ситуаций, улаживать конфликты на местах. Помимо этого, он же вместе со старостами сел и деревень отвечал за пожарную безопасность. Так, в 1872 г. для тушения пожаров поселения волости закупили по 18 р. за штуку 16 гидропультов инженера Барановского, которые, согласно инструкции, «выбрасывая действием одного человека 3 ½ ведра воды в минуту на значи-

тельную высоту, сильную ровную непрерывающуюся струю, всегда могут немедленно подавить огонь при начале возгорания» [25, л. 78].

Существенные изменения в социально-экономическую жизнь волости внесла земская реформа 1864 г. Теперь не только дворяне, но и представители других сословий получили право участвовать в местном самоуправлении. Непросто было крестьянину попасть в созданные земские уездные собрания, т. к. требовалось пройти процедуру многоступенчатых выборов. Участвовать могли только крестьяне-собственники, временнообязанные этой привилегии были лишены. Начинался отбор кандидатов в отдельных селениях, где сельский сход избирал нескольких делегатов-выборщиков для участия в волостном голосовании, победители которого становились претендентами в гласные (депутаты) уездного земского собрания. В 1869 г. Краснослободская волость делегировала 57 представителей, из которых по 6 выборщиков было из Негина и Горожанки, по пять – из Красной Слободы, Денисовки, Погощи, Суземки и Черни, по четыре – из Смелижа и Кокоревки, по два – из Теребушки, Ямного, Улицы, Герасимовки и Тарасовки, по одному из Чухраев и Мальцевки [22, л. 21]. Известны имена некоторых из них: от Суземки были Парамон Егоров Цуприков, Иван Моисеев Шанцев, Корней Протасьев Грахов, Яков Стефанов Кирющенков и Михайло Евстафьев Чернобаев; от Кокоревки – Алексей Осипов Шевченков, Тихон Петров Комагоров, Василий Васильев Малютченков, Марк Петров Шкундарев; от Погощи – Филипп Акимов Числин, Лазарь Александров Кротов, Стефан Леонов Маскалев, Федор Антипов Мокряков и Иван Антонов Цуруликов [22, л. 51–52].

Основным направлением работы земского уездного собрания было стимулирование экономического развития края, а новая Краснослободская волость была существенной экономической единицей в составе уезда. По данным 1870 г. в ней проживало 4916 мужчин и 4925 женщин, из которых 3316 человек обрабатывали землю, 809 – занимались промыслами, 806 находились на заработках за пределами волости, 6 – вели торговлю, 2 – состояли на государственной службе. Несмотря на то, что большинство жителей было занято земледелием, большого дохода оно не приносило, т.к. черноземной земли в волости не было, а преобладали суглинки и супески. Из 5172 десятин пашни 1724 десятины занимали озимые, 1024 десятины – яровые, 700 десятин – картофель. Средняя урожайность была сам-два (т.е. собирали в два раза больше, чем посадили), что являлось крайне низким показателем. В результате урожая едва хватало на пропитание, и часто приходилось докупать недостающее продовольствие в других уездах. Зато в волости в достаточном количестве производилась пенька, которой ежегодно продавалось на месте до 7760 пудов (124160 кг) и еще 1050 пудов (16800 кг) вывозили на рынки в соседние поселения. Также успешно реализовывалась ко-

нопля – 8820 пудов (141120 кг) и 8800 пудов (140800 кг) соответственно. Еще в волости было 40 пасек, приносивших в среднем около 37 пудов меда (592 кг), который частично тоже продавался. При этом чистый мед жители волости получать не умели, а собирали его в сотах вместе с воском. Помимо этого, волость активно торговала лесом, так, каждое второе бревно, купленное крестьянами в местных лесничествах, затем перепродавалось в города. Своих ярмарок и рынков в волости не было, поэтому за крупными покупками приходилось ехать либо в Трубчевск, либо в Севск [7, л. 52–55].

Для стимулирования экономического развития волости при хлебном магазине действовал волостной банк, деньги из которого выдавались только при поручительстве старосты того села или деревни, откуда был проситель. В 1868 г. ссуду в размере 5 р. получил житель Герасимовки Петр Макеев Грашенков и житель Денисовки Федор Васильев Коротченков; в размере 10 р. кредит был предоставлен жителям Денисовки Сергею Киприанову Матросову, Василию Калинову Федорцову, Петру Емельянову Иванчикову и Федору Васильеву Иванченкову. Схожая система денежного вспомоществования действовала внутри крестьянских обществ. Об этом свидетельствует рапорт в Краснослободское волостное правление от старосты Погощи Ченкова, в котором он сообщал, что «бывший удельный крестьянин, а теперь крестьянин собственник Еремей Пругов [получил] 23 р. 25 к. серебром из крестьянского хлебного капитала на обзаведение кузнечною мастерскою по выпуске его из Орлинского ремесленного заведения» [20, л. 37]. Впрочем, дело у Пругова не пошло, и деньги с него взыскать не смогли ввиду «окончательной несостоятельности» заемщика.

Продолжали действовать в волости хлебные магазины, показавшие эффективность в борьбе с последствиями дождливого лета 1867 г. В 1868 г. из хлебных запасов для восстановления экономического благосостояния волости каждое поселение получило следующее количество ржи: Чернь – 504 пуда, Смелиж – 355, Красная Слобода – 340, Ямное – 292, Негино – 256, Суземка – 210, Денисовка – 208, Погощь – 162, Чухраи – 154, Тарасовка – 148, Улица – 83. Учитывая количество населения в каждом селе или деревне, становится понятно, что наиболее ощутима нехватка продовольствия была у временнообязанных крестьян графа Шереметева, но и остальные населенные пункты также серьезно пострадали от неурожая. Не нуждающимися в помощи были признаны только жители Горожанки [6, л. 15–16].

Важно отметить, что получение крестьянами личной самостоятельности и возможности использования заемных денег дали положительные результаты. В волости начали развиваться товарно-денежные отношения, появились новые мелкие производства и места розничной торговли. Так, 26 марта 1869 г. был составлен рапорт об открытии губернским секретарем Николаем

Григорьевичем Зубковским нового шинкового заведения по продаже вина в Погощи [20, л. 79]. А уже к началу XX в. в Красной Слободе и Новой Погощи было по две «черные лавки», торговавшие изделиями из металла, в Денисовке и Кокоревке – по три, также в Кокоревке была бакалейная и «красная» лавки («красный товар» – мануфактура, ткани). Почти в каждом селе была своя ярмарка, проходившая один-два раза в год.

Рост благосостояния жителей волости важно было защитить от возможных стихийных бедствий и катастроф, вызванных человеческим фактором. Поэтому с 1867 г. повсеместно вводится обязательный страховой сбор, составивший на тот момент для жителей Негина 150 р. 30 к., Суземки – 81 р. 24 к., Кокоревки – 64 р. 59 к., Красной Слободы – 47 р., Теребушки – 37 р. 51 к., Смелижа – 35 р., Черни – 20 р. 63 к. Разность сумм, вероятно, объяснялась статусом жителей селения и размерами их личного имущества. Крестьяне-собственники платили больше, временнообязанные крестьяне – меньше [3, л. 136, 137, 226]. Новый сбор вызвал недовольство местного населения, в частности, церковнослужители с. Ямное долго отказывались вносить начисленные на их имущество 7 р. 50 к. [3, л. 242].

Развитие торговли сопровождалось строительством дорог и развитием почтовой службы. Через территорию волости проходил большой почтовый тракт, соединяющий города Севск и Трубчевск. В пути курьер мог сделать остановку на почтовых станциях, одна из которых находилась в Негине. Здесь он мог получить свежую лошадь и кров для ночлега. В 1869 г. добавились новые станции в Погощи и Непорени [11, л. 10–11].

Содержание тракта возлагалось на крестьян тех селений, через которые он проходил. Для надзора и текущего ремонта назначался особый ответственный человек – дорожный десятник. В Суземке таковым был Фома Андреев Шалаев, который, впрочем, со своими обязанностями не справлялся, чем вызвал гнев старосты деревни Михаила Рябцева. Со слов Шалаева, староста «без веских причин стал его ругать и бить». Однако дознание, учиненное волостным старостой Саутченковым, показало, что побои действительно имели место быть, но вызваны были веской причиной – Шалаев не следил за вверенным ему участком дороги и допустил, что из-за весеннего половодья на нем оказалась большая промоина. При этом, уже зная о неудовлетворительном состоянии тракта, Шалаев ослушался приказа старосты и отказался что-либо делать для исправления ситуации. Дополнил характеристику Шалаева его непосредственный начальник, сотский Негина Павел Еропченков, который сообщил волостному старосте, что его подчиненный «постоянно не исполняет обязанностей, возложенных на него по должности» и даже был под арестом в июне месяце. В результате Шалаев был вновь помещен под стражу [26, л. 1-3, 5].

В 1870-е годы в волости стал заметно расти уровень образования, о чем свидетельствует открытие новых общественных училищ. В 1875 г. таких было три: в Красной Слободе, Негине и Горожанке. Т. к. существовали эти училища за счет сельских крестьянских обществ, то образование для местных детей было бесплатным. Учебники также закупали общества, иногда часть книг присылал уездный учительский совет. Преподавание вели обычно церковнослужители местных церквей: в Красной Слободе – священник Петр Александрович Покровский, в Негине – причетник Егор Александрович Покровский, в Горожанке – учителя временно не было. За свою работу они получали от крестьян в год 180 р. Также деньги выделялись на зарплату сторожа (60 р.) и на отопление (12 р.). Классы были большими, так, в Красной Слободе одновременно обучалось 38 мальчиков и 7 девочек. При этом содержание образования редко выходило за рамки освоения базовых умений (чтение, письмо, счет) и заучивания православных молитв [13, л. 10–11].

Заметные улучшения произошли в организации медицинской помощи жителям волости. В волостном центре был открыт новый фельдшерский пункт, прием больных в котором вел земский фельдшер Прудников. В 1868 г. он рапортовал в уездное правление, что за июнь месяц в Краснослободской волости были зарегистрированы следующие болезни: головные боли (5 случаев), тиф (4), запоры (3), венерические язвы (3), желудочные боли (2), кровотечение носа (1), черви в ухе (1), засорение в желудке (1), ожоги (1), кашель (1), понос (1), зубная боль (1), краснота кожи (1), желтуха (1), чесотка (1), водянка (летальный исход) [4, л. 6]. Такое разнообразие недугов требовало наличия у медика немалого количества лекарств, и, к чести земств, закупка требуемых медикаментов и инструментов происходила регулярно, о чем свидетельствуют многочисленные сметы и рапорты. В 1874 г. волостным фельдшером был уже другой человек – А. Баранов, который продолжал дело своего предшественника по надзору за здоровьем жителей волости [12, л. 52].

Таким образом, реформы императора Александра II к началу 1870-х годов дали свои первые плоды. В деревнях и селах волости личная и экономическая самостоятельность крестьян способствовали расширению товарно-денежных отношений, стимулировали развитие местных промыслов и появление новых мелких производств. В то же время созданные и эффективно функционировавшие в уезде земства всячески поддерживали эти процессы, создавая условия для получения денежных кредитов, обеспечивая возможность страхования имущества крестьян. Особенно заметно их работа проявилась в социальной сфере, где наметился явный прогресс в области образования и медицины. В результате, если 1860-е годы прошли для жителей трех волостей в организации новых поземельных отношений, то в кон-

це десятилетия и начале следующего жители единой Краснослободской волости уже смогли приспособить хозяйства к новым условиям и ощутить первые результаты проведенных социально-экономических преобразований.

Деревня Суземка. Рассмотрим, как произошла отмена крепостного права в одной из деревень первоначально Негинской, затем Краснослободской волости, а ныне центра Суземского района. Возникнув как промысловое поселение по добыче поташа, Суземка и ее жители за всю свою историю не знали помещичьего гнета, но и свободными тоже не были. Первоначально местные крестьяне принадлежали Дворцу, т.е. за их оброки содержались царские, а затем императорские владения. В конце XVIII в. стали удельными и были переданы в управление великой княжне Екатерине Павловне, дочери Павла I и сестре Александра I и Николая I. Неожиданная смерть княжны в 1819 г. привела к тому, что суземские земли оказались под управлением Орловской удельной конторы, где и находились вплоть до отмены крепостного права.

По реформе 1861 г. земли суземские крестьяне должны были получить по 4 десятины на одну крестьянскую душу, и их общий земельный надел на 366 ревизских душ составил бы тогда 1464 десятины земли. Это было меньше, чем принадлежало крестьянам до реформы. Суземское общество потеряло Башаровскую и Черемуховскую дачи (196 десятин), которые теперь было вынуждено арендовать у Киевской удельной конторы [20, л. 27]. Впрочем, в дальнейшем им удалось немного увеличить свои наделы и к 1881 г. на каждую душу приходилось 0,28 десятины земли под усадьбу (изба, надворные постройки, огороды), 1,59 десятины – пахотные угодья, 1,36 десятины – непойменные сенокосы, 0,02 десятины – выгоны для скота, 0,95 десятины – лес (появился только после 1870 г.) [15, л. 35].

Первоначальное отсутствие у крестьян лесных угодий было для них настоящим бедствием. Стремясь восполнить нехватку ценного ресурса, местные жители стали нарушать закон. Так, в 1870 г. была зафиксирована порубка казенного леса в Черемуховской удельной даче. Лесной смотритель Афанасий Ковалев обвинил в этом суземских крестьян, что подтвердило следствие, обнаружив срубленные деревья в их дворах. В результате 24 крестьянина были наказаны штрафами от 60 к. до 18 р. [24, л. 1, 2, 4-4 об.].

Осенью того же года ситуация существенно изменилась. Инвентарная проверка показала, что суземские крестьяне получили земельные наделы меньше установленной нормы. Для прирезки недостающих 50 десятин в деревню прибыл старший землемер Киевской удельной конторы Ветчинкин. Дополнительные территории должны были быть выделены из Башаровской дачи, однако, когда Ветчинкин начал производить межевание, крестьяне воспротивились, т. к. прирезаемые им земли были плохого качества и до-

статочно далеки от деревни. Староста Рябцев, требуя прирезать более плодородные и близкие к деревне земли, отказался предоставлять людей для иного межевания. Не имея возможности произвести работы, Ветчинкин 23 октября направил жалобу мировому посреднику Брусилову. Последний по факту поддержал крестьян. Ветчинкину он обещал в ближайшее время приехать и во всем разобраться, но дважды откладывал приезд: первый раз – из-за разлива Десны, второй – по болезни. В результате, когда 10 декабря Брусилов все-таки прибыл в Суземку, выяснилось, что не дождавшийся его Ветчинкин выполнил все требования крестьян и 1 декабря уехал. Узнав об этом, Брусилов счёл дело завершенным [23, л. 4–5, 7, 10–12, 15–16,18].

Особенно ценно было то, что прирезанные территории были лесом, т. е. экономической основой для крестьянских промыслов. А ведь изначально в Негинской волости лес был дан только жителям Денисовки, и то дровяной. Теперь жители Суземки могли увеличить промысловые заработки, и многие этим воспользовались. До 43 % взрослых мужчин зарабатывали за 6–8 месяцев на заготовке клепки от 40 до 60 р. А ведь были еще и конопляники, и льняные поля, и иные товары домашнего производства, которые вывозились на продажу в Полтавскую, Харьковскую, Черниговскую и Курскую губернии. Всё это также приносило существенный доход в крестьянский бюджет. В результате жители деревни имели достаток, о чем говорят данные о количестве скота в их хозяйствах. В голодный1868 г. на 743 жителя деревни приходилось 253 лошади, 263 коровы, 184 свиньи. Из 125 домовладений четыре имело пять и более лошадей, восемь – пять и более коров. Самым зажиточным жителем деревни был Петр Шанцев, имевший ветряную мельницу, четыре лошади и четыре коровы. У большинства суземцев лошадей было одна-две (31 и 44 из 125), реже – три (26 из 125), 11 семей были безлошадными. Коров в большинстве хозяйств было две (55 из 125). При этом на каждого жителя села в среднем приходилось по 0,34 лошади, 0,32 коровы, 0,2 свиньи, что превосходило аналогичные показатели волостных центров Негино, Кокоревка и Красная Слобода [8, л.179–188].

После реформ 1861 г. изменилась система административного управления, на смену удельным приказам и конторам пришли волостные старшины и мировые посредники, но внутренняя жизнь деревни по-прежнему оставалась в ведении сельского схода и избираемого старосты. С 1863 г. по 1866 г. старостой в Суземке был Евлампий Васильев. Затем его сменил Егор Сидоров Рябцев (с 1866 г. по 1869 г.). Следующим стал Михаил Михайлов Рябцев (с 1869 г. по 1872 г.). В 1872 г. был избран Иван Вуколов Герасименков, однако уже в следующем году по неизвестной причине его место занял Яков Иванов Шанцев. Каждый из старост имел крепкое хозяйство и мог выступать примером домовитости для соседей.

Несмотря на наличие старосты, высшей властью в деревне обладало всё крестьянское общество (или община). На сельских сходах принимались важнейшие решения об организации жизни в поселении, о землепользовании и о взаимоотношениях между крестьянами.

Примечателен инцидент, произошедший в 1873 г., когда крестьянин Митрофан Григорьев Щербаков самовольно построил «на проходящей дороге из Трубчевска в Севск на речке Побужи на пустопарном месте, не приносящем никакого урожая, одну хату и к оной сенцы и спереди семь стен забора». Жители деревни не поддержали самоуправства и в лице старосты Шанцева потребовали сноса возведенного дома. Посредник Брусилов, уже известный справедливостью в отношении крестьян, отправил для осуществления дознания волостного старосту Саутченкова, приказав ему узнать: «Было ли устное разрешения общества на постройку? И если нет, то, как допустили возведение избы?» На месте Саутченков установил, что Щербаков действительно пошел против воли крестьянского общества. В результате суд и мировой посредник признали действия Щербакова незаконными, а избу было приказано снести [27, л. 10–14]. Так, даже устное решение сельского схода имело юридическую силу для разрешения спорных ситуаций и учитывалось вышестоящими должностными лицами.

Другой инцидент произошел в 1874 г. и был связан с отказом суземского крестьянского общества принимать для надзора бывшего односельчанина Федосея Романова Туринова, приговоренного к 2,5 годам в арестантской роте за хищение пеньки у мещанина Кармазина [27, л. 65]. В результате Туринов остался отбывать наказание в местах лишения свободы, а сельский сход вновь показал свою власть в решении внутриобщинных вопросов.

Постепенно росло количество жителей Суземки. За семь пореформенных лет оно увеличилось на 16 человек и составило в 1868 г. 743 человека, из которых 367 были мужского пола, 374 – женского. Выросло и число дворов (т. е. семей, ведущих самостоятельное хозяйство): если в 1850 г. их было 78, то в 1868 г. – 125. А ведь естественное стремление молодой семьи обособиться от родительского хозяйства могло быть реализованным только тогда, когда она была способна экономически себя обеспечивать всем необходимым, а при малом количестве рабочих рук это было возможно лишь при высокой производительности труда или наличии промыслового дохода.

Социальная структура крестьянской семьи. Во главе каждой из них стоял крестьянин-собственник, являвшийся высшим авторитетом для домочадцев. Как правило, это был старший мужчина в возрасте от 40 до 70 лет, хотя были и исключения. Так в 1850 г. самым молодым главой семейства был 16-летний Никита Севастьянов Николаенков, а старейшим – 79-летний Яков Иванов Худолеев. Нередки были случаи, когда во главе семей стояли остав-

шиеся без мужей вдовы. В 1850 г. они возглавляли 10 из 78 дворов. При этом младшей из них – Праскевии Васильевой – было 33 года, а старшей – Матрене Тимофеевой Граховой – 78 лет [16, л. 25–43]. Как правило, семьи были большими, ведь чем больше людей, тем больше рабочих рук для ведения совместного хозяйства, поэтому часто под одной крышей проживало несколько братьев со своими женами, детьми и даже внуками. Иногда принимали в семью и дальних родственников, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Так, например, умер муж или попал в рекруты, а его жена с детьми, дабы не вести хозяйство самой, шла жить к родственникам, становясь частью их семьи. В 1850 г. самой многочисленной в Суземке была семья Георгия Иванова Морозова, состоящая из 30 человек, а самой немногочисленной – семья из трех человек Андрея Иванова Монахова [16].

Большую часть семьи составляли дети, которых обычно у одних родителей было трое-четверо. Иногда встречалось и больше, но это было редко. Отсутствие в деревне минимального врачебного надзора было причиной высокой детской смертности. Как следствие, выживали наиболее здоровые младенцы, многие из которых потом доживали до глубокой старости.

В середине XIX в. все суземцы имели фамилии, что было еще не везде по волости. У жителей Теребушки записывались только имена и отчества. Самыми распространенными фамилиями в Суземке были Амельченковы, Андросовы, Бакерины, Герасименковы, Граховы, Гузеевы, Демченковы, Дроздовы, Кирющенковы, Ковалевы, Кравцовы, Мамоненковы, Мачулины, Михалищенковы, Морозовы, Панковы, Пантюховы, Рябцевы, Самайдановы, Середины, Скобликовы, Терешкины, Хмельниченковы, Худолеевы, Цуприковы, Чернобаевы, Шалаевы, Шанцевы, Шкуричевы, Шпаковы, Щербаковы и др. В честь Рябцевых и Шпаковых в деревне были названы улицы. По мере роста семей часть домочадцев обособлялась в самостоятельные ячейки общества, образуя новые ветви большого древа крестьянского рода. Одни фамилии со временем исчезли – Монаховы, Ласенковы, Молчановы, другие появлялись – Графовы, Гусаровы [23, л. 8]. Откуда появлялись новые фамилии, ответить непросто. Возможно, это были отставные солдаты, получившие здесь земли от удельной конторы за многолетнюю службу на благо государства, или же переселенцы из соседних сел и деревень, которым каким-то чудом удалось покинуть свою общину. Особенно интересна фамилия Графовы, ведь, как известно, в Суземке помещика никогда не было. Откуда они прибыли? Из бывших владений графа Шереметева или откуда-то еще? Этот вопрос пока без ответа.

Изучая историю Суземки, нельзя обойти вниманием ее нынешнюю часть – хутор Никольский. Между тем в XIX в. он никак с Суземкой связан не был и входил в состав Севского уезда. Более того, он не принадлежал удельной

конторе, как все окрестные земли, а был собственностью коллежского советника штаб-ротмистра Павла Ивановича Подлинева. В середине века он владел 2274 десятинами земли в с. Добрунь, д. Шилинка, х. Горемленском в Севском уезде и с. Плюсково, сл. Подлиневой в Трубчевском уезде. Хутор состоял из 13 дворов и 70 душ мужского населения, на каждую из которых приходилось лишь по 0,14 десятины земли [29, с. 294–295]. За недостающую землю они были обязаны работать на своего помещика, что тормозило развитие личных крестьянских хозяйств и порождало бедность. Владельческий статус хутора был памятен местным жителям даже в первой половине XX в. Одна из старейших жительниц Суземки Анна Кирилловна Середина вспоминает, что еще в ее детстве хуторян называли «барскими людьми». Таким образом, несмотря на территориальную близость поселений, в рассматриваемый период они существовали раздельно и обособленно.

Подводя итоги, следует признать, что после отмены крепостного права жизнь бывших удельных крестьян деревни Суземка, как и у большинства жителей Негинской волости, первоначально ухудшилась, побуждая их искать выход из затруднительной экономической ситуации. Однако к началу второго пореформенного десятилетия они смогли приспособиться к новым условиям и даже немного расширили свои земельные наделы. Приобретение леса вместе с развитием промыслов и торговли стало основой последующего роста деревни и формирования некоторого достатка у крестьян. При этом в деревне отсутствовало существенное экономическое расслоение между крестьянскими хозяйствами. Преобладали середняки, владевшие двумя лошадьми и двумя коровами. Более состоятельные, как и более бедные, хозяйства были единичны. Такое относительное равенство жителей Суземки с одной стороны обеспечивало внутреннюю стабильность и социальное спокойствие в деревенском обществе, но с другой стороны сдерживало его дальнейшее экономическое развитие. Так, если в соседних Негине и Горожанке, где число зажиточных хозяйств было значительным, уже в 1860-е годы было несколько мельниц, крупорушек, маслобоен, то в Суземке, где подобные капиталы практически отсутствовали, была лишь одна мельница. И в дальнейшем все мелкие производства и питейные дома в деревне будут возводить преимущественно состоятельные жители из соседних сел, деревень и слобод, в то время как уровень жизни самих суземце в ближайшие пару десятков лет существенных изменений претерпевать не будет.

Литература и информационные источники

1. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф.8. Оп.1. Д.14. 2. ГАБО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 18. 3. ГАБО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 18и. 4. ГАБО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 24. 5. ГАБО. Ф. 81.

Оп. 1. Д. 28. 6. ГАБО. Ф.81.Оп.1. Д. 38. 7. ГАБО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 45. 8. ГАБО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 51. 9. ГАБО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 54. 10. ГАБО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 63. 11. ГАБО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 68. 12. ГАБО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 91. 13. ГАБО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 107. 14. ГАБО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 121. 15. ГАБО. Ф. 81. Оп. 2. Д. 35. 16. ГАБО. Ф. 248. Оп. 1. Д. 123. 17. ГАБО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 66. 18. ГАБО. Ф. 487. Оп. 1.Д. 74. 19. ГАБО. Ф. 488. Оп. 1. Д. 27. 20. ГАБО. Ф. 541. Оп. 1. Д. 105. 21. ГАБО. Ф. 541. Оп. 1. Д. 106. 22. ГАБО. Ф. 541. Оп. 1. Д. 124. 23. ГАБО. Ф. 541. Оп. 1. Д. 157. 24. ГАБО. Ф. 541. Оп. 1. Д. 162. 25. ГАБО. Ф. 541. Оп. 1. Д. 174. 26. ГАБО. Ф. 541. Оп. 1. Д. 201. 27. ГАБО. Ф. 541. Оп. 1. Д. 299.

28. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Изд. 1-2. 1830–1884.

29. Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Т. 2. СПб. 1860.

30. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России / П.А. Зайончковский. М., 1954.

31. Краско А.В. Три века городской усадьбы графов Шереметьевых. Люди и события / А.В. Краско. М., 2009.

32. Котов П.П. Хлебные запасные магазины по законодательным источникам России XVIII – первой половины XIX веков / П.П. Котов // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. №1 (144). Выпуск 25. С. 90–96.

33. Суземский край. Историко-литературные очерки в 3-х книгах. Книга первая. От древности до наших дней. Брянск, 2016. 303 с.

34. Фишман, И.И. Отмена крепостного права на Брянщине (исторический очерк) / И.И. Фишман, В.А. Архипов. Брянск, 1961.

Панасов Д.С. (г.Брянск)

ПАМЯТНИК П.С. МОГИЛЕВЦЕВУ

Цель настоящей работы – осветить историю постановки памятника почётному гражданину Брянска Павлу Семёновичу Могилевцеву (1844–1909).

П.С. Могилевцев был знаменитым в родном городе предпринимателем. Фамилия Могилевцевых здесь была известна с конца XVIII века. Вместе с братьями Николаем и Семёном он вёл торговлю пенькой, маслом, лесом. Братья имели лесопильный завод. Кроме того, эти предприниматели владели в городе доходными домами, которые сдавали внаём [1].

Главное, чем была прославлена семья Могилевцевых – это благотворительность. Мало кто дал Брянску столько, сколько братья Могилевцевы. Как писали исследователи благотворительной деятельности Могилевцевых, «они на свои средства построили для Брянска семь образовательных учреждений, две больницы, родильный приют, Спасо-Гробовскую церковь» [1]. В 1894 году они соорудили для города водопровод, создали в городе электроосвещение.

После кончины Павла Могилевцева брянская городская дума решила поставить ему памятник. Мысль об этом возникла вскоре после похорон Могилевцева. Он скончался 23 октября 1909 года , а 25 октября, вероятно, на заседании думы её гласный член П.И. Горбунов высказал предложение о постановке памятника. Никаких иных памятников в городе до тех пор не было. По крайней мере, сведений о них не обнаружено.

Об установке памятника Могилевцеву опубликована заметка Е. Богатищевой (историческая справка на сайте школы имени Могилевцевых) «Памятник Павлу Могилевцеву» [3]. По содержанию этой работы заметно, что Е. Богатищева использовала материалы Государственного архива Брянской области, хотя и не сделала ни одной ссылки на них. Работа посвящена лишь открытию памятника брянскому меценату, поэтому в ней не использованы все возможности для исследования, которые даёт архив Брянской области.

Об истории создания памятника свидетельствуют источники, сохранившиеся в материалах городской думы. Это протоколы заседаний думы, материалы заседаний технических комиссий, переписка думы со скульпторами, с хозяином мраморного производства, с Семёном Могилевцевым [4]. Хронологически эти материалы относятся к 1910–1915 ггодам. Эти делопроизводственные источники обладают высокой степенью достоверности. Правда, не вся переписка со скульпторами сохранилась. В материалах не имеется сведений о письмах с июня 1911 года по июль 1913 года. Тем не менее этих источников достаточно, чтобы с известной полнотой восстановить историю создания памятника.

19 ноября 1909 года Брянская городская дума устроила заседание, специально посвящённое предполагаемому памятнику. Как было написано в протоколе заседания, председатель собрания городской голова В.И. Сафонов «полагал принять предложение гласного П.И. Горбунова, высказанное 25 октября, о постановке бюста П.С. Могилевцева – в городском имени его парке» [4].

Началось обсуждение вопроса. «Гласный П.И. Горбунов, объяснив с своей стороны о заслугах перед городом покойного Павла Семеновича, подтвердил свое предложение – поставить бюст его в Павловском парке, дабы память о нем живее сохранилась в потомстве жителей города; на расходы по сооружению бюста-памятника полагал ассигновать из городских средств до 500 руб. и открыть с тою же целью добровольную подписку среди облагодетельствованных покойным жителей города» [4]. Место установления памятника вызвало споры. И.И. Семёнов предложил для постановки памятника использовать площадку перед женской гимназией, основанной братьями Могилевцевыми, и устроить там сад. Это место, по справедливому мнению выступавшего, было более центральным в городе. Здесь, на площади, рас-

полагались здания общественного собрания, городской думы. То есть было предложено место в самом центре города. Однако собрание постановило поставить памятник именно в Павловском парке. Предполагалось истратить на сооружение памятника городские средства и, кроме того, организовать добровольную подписку. Для того времени это были обычные пути собирания денег. Гласный В.И. Воейков «поддерживал предложение..., чтобы требующуюся на памятник сумму собрать путем подписки, полагая, что всякий из жителей города с удовольствием и готовностью примет участие в ней по своим средствам, и кроме того следует ассигновать сколько потребуется от города». Кроме того, Воейков напомнил, какие суммы Могилевцевы жертвовали городу и предложил в благодарность за это «наименовать в честь их часть Московской улицы, от бывшего их мебельного заведения и до поворота на дамбу, то есть местность, где находится большинство из пожертвованных ими зданий и где было коренное их местожительство» [4].

Собрание постановило «1) Сооружение бюста-памятника произвести на городские средства, с допущением и частных средств, собранных по добровольной подписке; 2) Избрать комиссию из 9 лиц, для детальной разработки вопроса по сооружению сего памятника и определению его стоимости». «Приняв затем предложение гласного В.И. Воейкова о наименовании улицы в честь благотворителей братьев Могилевцевых, – собрание постановило единогласно: переименовать одну из городских улиц – в улицу «Братьев Могилевцевых», поручив г[осподину] Городскому Голове войти с докладом в Думу – какой именно улице надлежит присвоить это наименование» [4].

15 ноября 1910 года городской голова отправил письмо Г.Н. Олешкевичу, скульптору из Житомира. Тот был известен, в частности тем, что в своём городе Житомире поставил памятник А.С. Пушкину. Памятник в виде бюста поэта сохранился до сих пор. Видимо, этот памятник послужил образцом для создания того, который требовался в Брянске. Если сравнить произведение Олешкевича с теми набросками, которые сохранились в материалах думы, то заметно явное сходство. К постаменту ведут три ступени (в памятнике Могилевцеву сделана одна), постамент в обоих произведениях внизу имеет несколько более широкое основание, верхняя часть в плане имеет прямоугольник (при обсуждении выдвигалась мысль о колонне), изначально предполагалось использовать для постамента красный гранит, как и в произведении Олешкевича. Бюст в обоих случаях погрудный. Таким образом, многие черты, наблюдаемые в памятнике работы Олешкевича, сохранились в конечном проекте.

В письме к Олешкевичу Сафонов писал: «Имею честь просить Вас, Милостивый Государь, не отказать мне в сообщении – можете ли Вы взять на себя выполнение объясненного сооружения, а также о стоимости одного, по

сметным расчетам Вашим проекте памятника Могилевцеву» [4]. Он сообщил, что городская дума решила поставить памятник Могилевцеву в виде бюста. Предназначенный к сооружению поясной бюст П.С. Могилевцева должен быть сделан из гранита, на таком же пьедестале; высота пьедестала – 3 ½ аршина, сходные ступени с 4-х сторон, по две с каждой стороны; длина ступени два аршина [4].

На это письмо городского головы последовал ответ скульптора: «Имею честь уведомить, что я охотно готов принять работу исполнения памятника для Поч[ётного] Граж[данина] покой[ного] Могилевцева, прежде чем я должен назначить сметную цену, то для утверждения и выбора я через два или три дня постою перешлю образцы моих гранитов. Причем также покорнейше прошу уведомить меня; проект памятника Вы пришлёте или я должен составить. Если мною имеет быть составлен, то приблизительно набросок его, чтобы не пришлось долго выбирать. Теперь, что касается бюста, то таковой тоже должен быть из бронзы отлили с гранита высечен? Хотя из гранита очень трудно, но, рассчитывая на свой личный труд, я могу исполнить, для чего я должен иметь раньше до означения сметы фотографическую карточку» [4].

Кроме письма, скульптор послал городскому голове образцы гранита, из которого мог быть сделан памятник. Этот гранит был передан комиссии, образованной для постановки памятника. В письме к Олешкевичу Сафонов писал, что «Бюст П.С. Могилевцева должен быть отлит из бронзы, а пьедестал к нему гранитный» [4].

В январе 1911 года городской голова Сафонов получил письмо от скульптора из Керчи Ф.М. Тюева. «До моего слуха дошло, что Вы предполагаете поставить памятник Павлу Семеновичу Могилевцеву, – писал Тюев. – Если таковой Вами ещё не заказан, то имею честь Вас покорнейше просить сообщить, из какого материала и приблизительно в какую сумму желательно иметь памятник. Могу выслать чертежи и образцы, если у вас имеется свой рисунок, могу сообщить цену» [4].

Тюев был известным в то время скульптором. Как писал его биограф, «с детства оставшись сиротой, Федя был увезён приёмными родителями в Италию, где обучился владеть резцом у лучших мастеров страны Леонардо. Вернувшись в Россию, Тюев открыл мастерскую в Керчи, а его работы украсили многие города России и даже попали в Эрмитаж» [2]. Таким образом, в дело вмешался ещё один возможный исполнитель заказа. Какое-то время шли переговоры с двумя скульпторами.

4 февраля 1911 года городской голова писал Тюеву: «Ссылаясь на письмо Ваше от 21 января сего года, имею честь сообщить, что, определённый к постановке Брянской Городскою Думою, бюст-памятник умершему почетному гражданину города Брянска Павлу Семеновичу Могилевцеву ещё не зака-

зан. Поясный бюст его предположение бронзовый, на гранитном пьедестале; высота постамента – три с половиною аршина, сходные (из гранита же) ступени с 4-х сторон по две с каждой стороны. Приблизительная стоимость памятника от четырех до шести тысяч рублей. Постановка его предположена на площади между трехэтажным зданием женской гимназии, пожертвованного гимназии братьями Могилевцевыми, и городским сквером»[4].

Из письма видно, что брянские власти ещё не решили, кому именно они смогут заказать изготовление памятника. Возможно, они ожидали от исполнителей объявления цены за работу.

В конце февраля 1911 года Тюев прислал в Брянск 4 эскиза памятника [4]. В апреле Тюев прислал проект памятника, добавляя при этом, что «бюст будет бронзовый художественной работы по фотографической карточке, пьедестал из красного гранита, весь полированный, а ступеньки также из полированного гранита – красного, серого или черного» [4].

22 апреля 1911 года состоялось заседание городской думы. Как было зафиксировано в протоколе заседания, «г. Председатель ознакомил присутствующих Членов Комиссии с журнальным постановлением Думы от 19 ноября 1909 года, по вопросу об увековечении памяти покойного благотворителя Павла Семёновича Могилевцева сооружением ему достойного памятника. Доложил о личных переговорах своих по сему вопросу с разными художественными фирмами, на рассмотрение Комиссии переписку с владельцами художественных мастерских Г.Н. Олешкевичем – в г. Житомире и Ф.М. Тюевым в Керчи, полученные от них эскизы памятников и правильный по масштабу чертеж памятника, выполненный художником Тюевым» [4].

Комиссия пришла к заключению, что предъявленный ей проектный чертёж, составленный Тюевым на сооружение памятника П.С. Могилевцеву, соответствует вполне своему назначению. Комиссия постановила: «1) Просить г. Председателя войти в переговоры с наследниками Павла Семёновича, – Семёном Семеновичем Могилевцевым и вдовою покойного Зинаидою Федоровною Могилевцевою о выборе местности для постановки памятника: на Красной ли площади, при здании женской гимназии, или в «Павловском парке» – на Московской улице; 2) Запросить художника Тюева, в какой именно срок может выполнить он сооружение памятникам установкой на месте, за предложенную им сумму 4000 руб.» [4].

Таким образом, брянские власти сделали окончательный выбор автора создания памятника и проект. Место, где он должен быть установлен, было пока не определено.

17 мая состоялось чрезвычайное собрание членов городской думы. На нём был представлен проект памятника, выполненный Тюевым, при этом с докладом выступил городской голова Сафонов. Было вынесено поста-

новление: «Настоящий доклад с проектом сооружения памятника принять и утвердить, уполномочив Городскую Управу сдать заказ на сооружение памятника художнику Ф.М. Тюеву по предложенному им проекту и условиям. Ассигновать на устройство памятника 4000 руб. из городских средств. Постановку памятника признать желательной в Павловском парке, уполномочив Городского Голову выяснить место постановки по соглашению с братом покойного почетным гражданином С. С. Могилевцевым» [4].

С июня 1911 года по июль 1913 года не сохранилось источников, освещающих ход обсуждения дел по поводу памятника.

Между тем выяснилось, что постановка памятника должны была быть оформлена в соответствующих документах – «постановка памятников историческим деятелям разрешается Высочайшею властью по всеподданейшему докладу Министра Внутренних Дел» [4]. Поэтому городской голова писал С. Могилевцеву: «Городская Дума должна представить сначала свое ходатайство о постановке памятника умершему благотворителю и почетному гражданину города Брянска Павлу Семеновичу Могилевцеву в Министерство Вн[утренних] Дел, с приложением двух проектов памятника, чертежей и планов местности; сообщив вместе с тем, – на какие средства предположено сооружение памятника» [4].

В сентябре 1913 года дело о постановке памятника ещё не было завершено. Определилось место его постановки – Павловский парк, основанный П. Могилевцевым. Деньги за составление проекта и постановку памятника решили дать его родственники [4]. Когда Тюев изготовил бюст Могилевцева, киевский купец С.Н. Островский взял на себя отливку бюста в металле.

Наконец, 29 июня 1915 года в 12 часов, начался крёстный ход от Покровского собора по Московской улице к Павловскому парку. В нем приняли участие члены городской думы, преподаватели и учащиеся, другие жители города. Среди них были жена Могилевцева, его дочь Валентина с мужем и брат – Семён Могилевцев [1]. Памятник был торжественно открыт в Павловском парке (ныне сквер им. Кравцова). Судя по плану, по границам парка был посажен кустарник. Центральная аллея проходила вдоль парка и имела выход на Московскую улицу, две небольшие аллеи пересекали её. На одном из перекрёстков, ближе к выходу на Московскую улицу, был поставлен памятник Могилевцеву. Сведений о других памятниках, поставленных в Брянске, не обнаружено. Скорее всего, бюст Могилевцева был единственным памятником на территории города[1].

[1] С большой долей достоверности можно предполагать, что брянским архитектором Н.А. Лебедевым – автором многих проектов зданий и сооружений в Брянске и Бежице, построенных на средства братьев Могилевцевых, был разработан вариант проекта памятника П.С. Могилевцеву. Докуметальное подтверждение этому предстоит разыскать (**Ред. сборника**).

Литература и информационные источники

1. Кеня И.А., Клюкин Г.В. Павел Могилевцев – благотворитель земли Брянской. Брянск, 2009.
2. Пергало П. Связь времён. К находке скульптур Тюева в Донецке. URL: http://new/chronologia.org/volume16/pergalo_tuev.php
3. Богатищева Е. Памятник Павлу Могилевцеву. URL: http://schb18.narod.ru/Muzey_br_Mogilevtsevich.htm#2
4. ГАБО. Ф.2 Оп.1 Д.997.

Шпунтов А.В. (г. Тверь)

СЕЛО СОЛОВА (КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАРИСОВКИ): ЛАПЧИНСКИЕ, ЧЕРНЫШОВЫ, ШИРАИ И ИХ УСАДЬБА

О Солове, казалось бы, написано уже много: достаточно упомянуть сайт Е.А. Чеплянской «Стародубский уезд. Сёла и их жители» [1] или сайт «Путешествие по Брянску» [2]. Автором же при содействии А.В. Городкова была написана статья для книги «Дворянские усадьбы Брянского края», которая так и называется «Солова и Спиридонова Буда» [3]...

Однако старинные фотографии, совсем недавно выложенные в интернете [4], и некоторые генеалогические изыскания, произведённые автором, побуждают к тому, чтобы эти находки были обнародованы.

Постараемся избегать повторов, но всё-таки начнём с общеизвестного.

В 1848 году Анастасия Степановна Ширай построила в Солове каменную приходскую Покровскую церковь. В разное время в церкви служили Лапчинские, Левицкий, Кибальчич и Чернышов. В 1867 году при церкви открылась начальная школа, затем – земская школа [5].

Вот имена, которые останавливают наше внимание и заставляют чуть пристальнее к ним присмотреться: собственно Шираи и священнические роды Лапчинских, Левицких, Кибальчичей и Чернышовых. Опустим здесь Левицких и Кибальчичей – материал по ним огромен, да и основная деятельность представителей этих фамилий проходила вне Соловы. Лапчинские и Шираи жили в Солове, как минимум, на протяжении полутора веков, а род Чернышовых относится к последним «аккордам» дореволюционной России.

В 1780 году в Солове было: священников – 2, дьячков и пономарей – 4 (с жёнами и детьми – 32), казаков всего – 154, поселян и бобылей – 1205, а всего 1430 жителей [6]. Священниками были Яков и Пётр Лапчинские, дьячком – Николай, а пономарями Артём и Александр Лапчинские же, и только псаломщиком представитель другой семьи – Стефан Рклицкий [7].

Ширай в 1780 году значится среди бунчуковых товарищей: «Бунчуковый товарищ Михаил Стефанов сын Ширай вдов (64). (В скобках указан возраст. – Прим. авт.). Дети его Андрей (17), Стефан (15), Елена (26), Евфросиния (19), Мария (13)» [8]. Спустя восемь лет статус Шираёв изменился: «Умершаго коллежскаго советника Михайлы Степанова сына Ширая дети: надворный советник Андрей Михайлов сын Ширай (25), примиермаиор Стефан Михайлов сын Ширай (24), Елена Михайлова дочь Шираева (26)» [9].

Духовенство – всё те же Лапчинские: «Священник Петр Алексеев сын Лапчинский (38)..., той же церкви дьякон Николай Ияковлев сын Лапчинский (37)..., дьячок Максим Ияковлев сын Лапчинский (35), пономарь Александр Иоаннов сын Лапчинский (52).., /его дети/ Феодор (28), Гавриил (23), Афанасий (3), Петр (1)». Здесь же упомянуты их дети и другие Лапчинские, например, семья племянника Александра Ивановича «Ияков Артемиев сын» [10].

Спустя полвека читаем в исповедальной ведомости за 1831 год: «Священник Иоанн Петров сын Лапчинский (37)..., стихарный дьячок Феодор Петров сын Лапчинский (35)...». И ниже: «Генерал маиор и кавалер Степан МихаиловичШирай (68), его жена Улияна Петрова дочь (45), дети их Михаил (29), Анастасия (25)» [11].

Лапчинские основательно обжились в этом селе, до середины XIX в., когда началась активная ротация священников по всей Черниговской губернии. (В 1867 г. Синод выработал положение, которым отменялись наследственные права на церковные места [12], поэтому Ивана Петровича Лапчинского, вероятно, можно считать последним священником из этого рода в Солове.)

В конце XIX века в Солове появляются Чернышовы. Род Чернышовых (или, в другом написании, Чернышёвых) мало изучен. Первый по времени доступный нам документ – это исповедальные ведомости Покровской церкви села Гирявка Конотопского уезда за 1791 год: «Иерей Никита Семенов Чернышев (51), жена его Пелагия Иоановна (49), дочь их Варвара (14), зять их дячок Андрей Иоанов Чернявский (31), жена его Параскевия Никитина (урожд.Чернышёва. – Прим. авт.) (29)» [13].

К сожалению, более ранних документов по этому селу не сохранилось, а более поздние не имеют значения: в «исповедке» за 1798 год в этом селе уже другой священник (Григорович), упомянута лишь «умершего священника Никиты Чернышева жена Пелагия Ивановна вдова» [14]...

Ещё один клирик Фёдор Чернышов упомянут как молодой штатный пономарь (ему 10 лет) при церкви Рождества Богородицы в селе Куриловка за 1798 г. [15]. Возможно, это сын или внук священника, Никиты Чернышова из соседнего села Гирявка... В 1800 году он уже не упомянут.

Среди Чернышовых есть и представители других сословий: казаки и посполитые (крестьяне) Стародубского уезда. У казаков фамилия эта встреча-

ется как «Черныш» в селе Курковичи, а как «Чернышев» на хуторе Олейников (ныне село Алейниково): первоначально хутор был поселён Миклашевским, затем там появились казаки из села Демьянки. Олейниковские казаки были прихожанами церкви Василия Великого в селе Стратива.

Но Чернышовых в Олейникове было не так много: впервые они встречаются в 1831 году в одном только дворе на правах родственников: у Исидора Иакимова сына Ковалевского был зять «Софоний Илиин сын Чернышев (46), жена его Варвара Иоакимова дочь (урожд. Ковалевская. – Прим. авт.), дети их (Чернышовы. – А.Ш.): Акилина (19), Диомид (14), Анна (9), Игнатий (4)» [16].

Первое свидетельство о священнике Чернышове в наших краях обнаружено в «Черниговских епархиальных известиях» за 1870 г.: «Награждения скуфьями. ... Села Медведова Стефан Чернышов...» [17].

Там же упомянут и другой священник – Марк Чернышов, настоятель Троицкой церкви в Ловининском приходе (г. Городня). Родственная связь между ними не установлена.

В «Черниговских епархиальных известиях» за разные годы приводятся такие сведения:

В 1882 году Стародубское духовное училище окончил Александр Чернышов, а в 1885 – Николай, «признанный достойным перевода в 1 класс Духовной семинарии». Там же учился и Михаил Чернышов (1911 г.). Сведений о них в настоящий момент не обнаружено, лишь прослеживается путь Николая, поступившего в семинарию.

Семинарию в Чернигове окончили: в 1871 году Алексей, в 1878 - Владимир, а в 1891 – Николай Чернышовы [18]. Сведений об Алексее и Владимире у нас нет, Александр, вероятно, был дьяконом в Рождественской церкви села Семёновки (тогда – Новозыбковский уезд), но вот Николай (Степанович) служил в Солове и затем преподавал Закон Божий в Елионке.

В 1908 году «Епархиальные известия» сообщали: «По резолюции Преосвященнейшего Антония, епископа Черниговского и Нежинского, 15 мая сего 1908 года последовавшей, за усердную пастырскую деятельность награждены скуфьею нижеследующие священники: ... села Соловы Стародубского уезда Николай Чернышов...» [19].

Здесь нужно пояснить, хотя всем краеведам это хорошо известно, что старообрядческое село Елионка находится в «шаговой доступности», совсем рядом с Соловой. В 1782 году Елионка получает статус посада. С начала XVIII в. это крупный ремесленный и торговый центр. По первой Всероссийской переписи в 1897 года в Елионке значилось 759 дворов (3201 человек). В посаде было несколько старообрядческих деревянных церквей и одна каменная единоверческая, в которой православные священники старались не задерживаться надолго.

Единоверческая церковь Иоанна Предтечи была построена в 1821 году (не сохранилась). А в 1912 году на средства купцов Гусевых местными мастерами построена в русском стиле грандиозная пятиглавая деревянная старообрядческая Иоанно-Знаменская церковь, в которой до сих пор проходят службы.

«В 1892 году в здании посадской управы было открыто высшее начальное городское училище. Открыто оно было по инициативе купцов Гусевых. Учение было платным, поэтому учиться здесь мог не каждый. Но слава об этой школе шла далеко. Здесь учились дети из Семёновки, Трубчевска, Климово, Клинцов, Стародуба ... Закон Божий вёл священник Чернышов Н. С.» [20].

Николай Степанович Чернышов упоминается как преподаватель в Адрес-календарях Черниговской губернии. Впервые – в календаре за 1904 год: в Елионском городском трёхклассном училище преподавал (как Законоучитель) о. Николай Чернышов [21]. Там же он и в 1908 году [22]. В 1910 году училище стало уже 4-х классным, Чернышов всё также преподавал Закон Божий [23]. Преподавал он и в 1915 году , уже в Высшем начальном училище [24], оставаясь священником в Солове (в Елионке, где была упомянутая единоверческая церковь, в 1909–1917 годы священником был Василий Бразылович).

В качестве справки приведём сведения из «Черниговских епархиальных известий» и Метрических книг (ГАБО), которые были обобщены на сайте «Православные Клинцы» (храм Петра и Павла): «1877 г. – наблюдающий священник Роман Дьяковский, священник Фёдор Лапчинский (служит до 1904 года)... 1893 март – священник Стефан Лапчинский... 1896 – священники: Стефан Лапчинский, Николай Чернышов» [25]...

Здесь назван, между прочим, священник Дьяковский: Дьяковские и Чернышовы как раз в это время породнились: на Анне Романовне Дьяковской Николай Степанович Чернышов женился в 1893 году [26]; сестра Анны Романовны Екатерина известна по календарям как сначала учительница, а потом и заведующая в 1915 году Начального училища Общества пособия бедным в Клинцах [27].

Николай Степанович Чернышов оставался в Солове, где и пережил революцию и затем репрессии. Его потомки сберегли уникальные фотографии, которые были предоставлены Галиной Сергеевной Чернышовой, правнучкой священника из Соловы: на первой сам о. Николай, награждённый наперсным крестом, орденом Св. Анны 3-й ст. и серебряной медалью «За усердие» на аннинской ленте (с портретом Александра III), на второй – он же, уже испытавший на себе все «прелести» советской власти (1920-е гг.).

Изучение генеалогии рода Чернышовых ещё продолжается. Теперь вернёмся к Шираям. Род внесён в родословную книгу Черниговской губернии,

в 5-ю часть («иностранные роды»). Спиридон Яковлевич переселился в Стародуб в 1669 году из Орши, был войтом стародубским (1681–1708), получил универсал на с. Синин (1688).

Его сын Степан Спиридонович – войсковой товарищ (1705), знатный войсковой товарищ (1708–1719),значковый (1723) и бунчуковый товарищ (1725–1737), «правитель» Стародубского полка (1725), женат был на дочери полковника Миклашевского Марии; именно он получил от своего тестя универсал, подтверждённый потом гетманом и царём: на сёла Гринёв, Будище (потом переименованное в Спиридонову Буду), Костобобр и др.

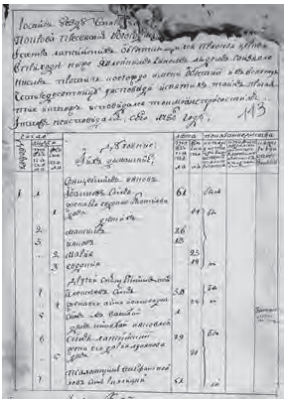
Сыновья Степана: Иван – бунчуковый товарищ (1746–1766), проживал в Щербиничах, его потомкам досталась Спиридонова Буда; Михаил – бунчуковый товарищ (1754–1763), подкоморий (1763), предводитель шляхетства (1774), стародубский уездный судья (1784), за ним в сёлах Беловодке, Воронке, Елионке, Солове, Новомлине, Сергиевске, Левенке, Гринёве почти 2000 душ, женат был на Марии Васильевне Гудович, жил в Солове и заложил здесь усадьбу.

Сыновья Михаила Степановича: Андрей – бунчуковый товарищ (1771–1780); Фёдор – знатный бунчуковый товарищ (1726–1742), жил в Гринёве, там же проживали его потомки; Степан – бунчуковый товарищ (с 1771 г.), коллежский асессор (с 1780 г.), премьер-майор Стародубского карабинерного полка (с 1785 г.), жил в Солове.

Степан Михайлович участвовал в военных действиях, отличился во время 2-й Русско-турецкой войны в 1789 году: был в сражениях при Кутне и при Рымнике. Награждён орденом Св. Владимира 4-й степени. 11 декабря 1790 г. был при взятии Измаила. В 1797 г. произведён в генерал-майоры. Выйдя в отставку, поселился в Солове. В 1818 г. был избран на должность губернского предводителя дворянства Черниговской губернии, на которой оставался до 1829 г. Женат был на Ульяне Петровне Бороздне. Скончался 1 августа 1841 года.

Его сын Михаил Степанович был депутатом Черниговского дворянского собрания от Стародубского уезда (род. в 1802 г.); известен и его брат Александр (род. в 1818 г. в Солове) [28].

Для обустройства усадьбы и села много сделали Александр Степанович и его сын Сергей. В середине XIX века Александр Степанович внедрил в селе передовые для своего времени агротехнические методы – трёхпольный и шестипольный севообороты. Его сын, Сергей Александрович, держал в Солове завод рысистых, полукровных и рабочих лошадей, построил 3 водяные мельницы, крупорушку, сукновальню и лесопильный паровой завод, разбил промышленный плодовый питомник. В конце XVIII века Степан Михайлович Ширай соорудил фамильную церковь во имя Арх. Михаила (ныне находится



Лист Исповедальной ведомости церкви с. Солова за 1780 г.
Н.С. Чернышов (до 1917 г. и в 1920-е гг.).

Усадьба Шираёв. С.А. Ширай (предположительно). (Фотографии здесь и далее 1903 г.)
Главный усадебный дом. Виды парка. Пристань.

Усадьба Шираёв. Виды парка и усадьбы, хозпостройки.

Герб рода Шираев из «Общего гербовника».

Печать М. С. Ширая (прорисовка).

в процессе восстановления и реставрации) [29].

Интересна усадьба Шираёв: это жилой владельческий дом о восьми покоях, стоявший на каменных погребах, иррегулярный парк с прудом. К сожалению, от усадьбы ничего не сохранилось, кроме нескольких фотографий, которые мы и публикуем на этих страницах. На фронтоне угадывается герб рода Шираёв. Герб был утверждён и внесён в «Общий гербовник» в таком виде: «В правой половине щита, в голубом поле, изображены золотой крест и над ним звезда. В левой половине, в красном поле, на серебряном холме, находится обращенная в левую сторону птица Пеликан, питающий грудью трех юных птенцов. Щит увенчан дворянскими шлемом и короной с страусовыми перьями. Намет на щите голубой и красный, подложен золотом» [30]. Однако на фронтоне герб несколько иной, он повторяет семейную печать, а именно печать 1754–1768 годов Михаила Степановича: в щите крест, сопровождаемый сверху звездой, в нашлемнике вместо страусовых перьев пеликан [31].

В европейской геральдике пеликан, «кормящий детей своих», представляет символ самоотверженной родительской любви: считалось, что он разрывает клювом собственную грудь и кормит голодных птенцов кровью.

В заключение отметим, что Шираи не были помещиками-самодурами, а как раз напротив, много занимались благотворительностью: к примеру, Сергей Александрович построил и содержал в селе ремесленное училище для детей-сирот... Да и священник Н. С. Чернышов, по рассказам его правнучки, тепло отзывался о Шираях...

Литература и информационные источники:

1. Чеплянская Е.А. Стародубский уезд. Сёла и их жители. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://starodub.ucoz.ru/fio_sel9. tm

2. Путешествие по Брянску. Солова. [Электронный ресурс]. URL: http://www.puteshestvie32.ru/content/solova.

3. Усадьбы Брянского края: из истории культурного наследия Брянщины. В 2-х т. / гл. ред. А. В. Городков. – Брянск: Буквица, 2017. Т. II. С. 76–86.

4. Лето в деревне Солова. 1903// https://humus.livejournal.com/7975104.html

5. Чеплянская Е.А. Стародубский уезд. Села и их жители. (см. [1]).

6. ДАЧО (Державный архив Черниговской области), Ф. 679, Оп. 1, Д. 395, Л. 148 об.

7. ДАЧО, Ф. 679, Оп. 1, Д. 395, Л. 113-113 об.

8. ДАЧО, Ф. 679, Оп. 1, Д. 395, Л. 114.

9. ДАЧО, Ф. 712, Оп. 1, Д. 231, Л. 948.

10. ДАЧО, Ф. 712, Оп. 1, Д. 231, Л. 947–948 об.

11. ДАЧО, Ф. 679, Оп. 1, Д. 535, Л. 1494.

12. Цыпин В. Историярусскойцеркви (Синодальныйпериод). [Электронный ресурс]. URL: https://history.wikireading.ru/258706.

13. ДАЧО, Ф. 712, оп. 1, д. 207, л. 326.

14. ДАЧО, Ф. 679, оп. 1, д. 470, л. 136.

15. ДАЧО, Ф. 679, оп. 1, д. 470, л. 388.

16. ДАЧО, Ф. 679, оп. 1, д. 535, л. 1472 об.–«исповедка» с. Стратива за 1831 г.

17. Черниговские епархиальные известия, 1870. № 20.

18. Черниговские епархиальные известия: 1872. №2; 1875. № 14; 1909. № 14; 1911. № 13.

19. Черниговские епархиальные известия.1908 г. № 11.

20. П.П. Суховей, Историко-культурное наследие старообрядческой Елионки. [Электронный ресурс]. URL: www.elionka.ucoz.ru .

21. Календарь Черниговской губернии на 1905 год. Чернигов: Типография Губернского Правления, 1904. С. 191.

22. Календарь Черниговской губернии на 1908 год. Чернигов: Типография Губернского Правления, 1908. С. 223.

23. Календарь Черниговской губернии на 1911 год. Чернигов: Типография Губернского Правления, 1910. С. 262.

24. Календарь Черниговской губернии на 1916 год. Чернигов: Типография Губернского Правления, 1915. С. 308.

25. Православные Клинцы. Газета «Правило Веры». [Электронный ресурс]. URL: http://www.hram.klintsy.ru/news/view.php?id=113.

26. По сведениям, полученным от Галины Сергеевны Чернышовой, правнучки Н.С. Чернышова.

27. Календарь Черниговской губернии на 1916 год. Чернигов: Типогрфия Губернского Правления, 1915. С. 334.

28. Модзалевский В.Л. Малоросийский родословник. Т. V. Вып. 5. Киев. СПб: ВИРД, 2004. С. 7–30.

29. Путешествие по Брянску. Солова. [Электронный ресурс]. URL: http://www.puteshestvie32.ru/content/solova.

30. Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797 году. СПб.: [1798-1836]. Ч. IX, Л. 26.

31. Шпунтов А.В. Родовые гербы Стародубщины. М.: АП «Столица», 2016. С. 379.

Фетисов С.Н. (г. Брянск)

ВЫДАЮЩИЕСЯ ХИРУРГИ БРЯНСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Современное здравоохранение, в том числе и современная хирургическая школа на Брянщине, стало формироваться в послевоенный период. В это время в Брянской областной больнице № 1 работают прекрасные хирурги Н.М. Амосов, А.А. Шалимов, О.М. Авилова и другие замечательные врачи.

В 2018 году исполнилось 100 лет со дня рождения двух врачей, работавших в Брянском здравоохранении, – академика, Героя Социалистического Труда, доктора медицинских наук, профессора Александра Алексеевича Шалимова и доктора медицинских наук, профессора, лауреата Государственной премии СССР Ольги Матвеевны Авиловой.

Александр Алексеевич Шалимов родился 20 января 1918 года в крестьянской многодетной семье в селе Введенка Липецкой области. В семье было 11 детей, родители приняли ещё и двух бездомных. В 1925 году семья переехала на Кубань, где Саша пошёл учиться в школу.

После окончания школы в 1934 году Александр поступает на рабфак Кубанского медицинского училища. Оканчивает его с отличием и в 1936 году поступает в Кубанский медицинский институт. Июнь 1941 года – выпускная экзаменационная сессия – война. Последний экзамен по хирургии сдал «на отлично» досрочно.

Трудовую деятельность выпускник медицинского института Александр Шалимов начал в 1941 году. В военное лихолетье он был назначен главным врачом и хирургом Нерчинско-Заводской районной больницы Читинской области.

«С 1941-го по 1945 год работал на Нерчинском заводе, на границе с Маньчжурией. Шла война. Почти всех врачей забрали на фронт. Я, молодой хирург, был один на весь район. 300 километров от железной дороги, 700 километров от областного центра». А.А. Шалимов.

В 1944 году молодого хирурга переводят в Петровск-Забайкальский на должность главного врача, заведующего хирургическим отделением. В 1946 году после неудачной попытки остаться в Москве, приезжает в Брянск.

«Приказ по Областном отделу здравоохранения № 219; г. Брянск 05.10.1946 г.: п. 1. Врача-хирурга т. Шалимова Александра Алексеевича прибывшего из Читинской области, направить на работу во 2-ю Областную больницу на должность ординатора хирургического отделения с сего числа.

И. о. Зав. Облздравотделом – Надеждин» [2].

Из отчёта областной больницы за 1947 год: «Заведующий II-м хирургическим и урологическим отделением врач ШАЛИМОВ Александр Алексеевич, имеет стаж хирургической работы 7 лет. Он же является главным хирургом города Брянска. Способный молодой специалист — хирург, обладающий хорошей оперативной техникой и большим практическим опытом хирургической работы. Освоил урологию и овладел методикой урологического исследования. Ценный специалист и растущий врач» [2].

В Брянской областной больнице Шалимов работает рядом с фронтовым хирургом Н.М. Амосовым. Работа выливается в негласное соперничество. «Мы были честными соперниками, что-то новое выполняет Николай Михайлович – перенимаю я, если я внедряю новую методику – перенимает он», – вспоминал Александр Алексеевич. Таким образом, в Брянской областной больнице разрабатывается техника выполнения оперативных вмешательств на пищеводе, желудке, поджелудочной железе, формируется областная хирургическая школа.

Послевоенный период, большая нехватка медицинских работников, прежде всего в районах области, на селе. Принимается решение о создании санитарной авиации (авиастанции), её деятельность регламентируется приказом Брянского облздравотдела № 242 от 25.05.1945 года. В 1947 году утверждается штатное расписание и начальником санитарной авиации назначается А.А. Шалимов, оставаясь в штате Областной больницы. За учреждением было закреплено 24 консультанта различных специальностей. На службе областной санавиации было два самолёта СУ-2 и автомашина «Шкода».

В 1947 году было сделано 182 вылета, доставлен в Областную больницу 51 пациент, нуждающийся в специализированной помощи, доставлено 4 литра консервированной крови.

Специалистами Минздрава РСФСР в августе 1947 года была проведена проверка работы Брянской санитарно-авиационной станции. Замечания, сделанные в ходе проверки, анализ оказания санитарной помощи позволили подготовить план дальнейшей работы учреждения. А начальник новой структуры А.А. Шалимов был направлен в Москву с целью изучения работы республиканской санитарной авиастанции.

В целях систематического обслуживания сельских врачебных участков и глубинных районов распоряжением № 1 от 22 августа 1947 года были

Шалимов Саша.

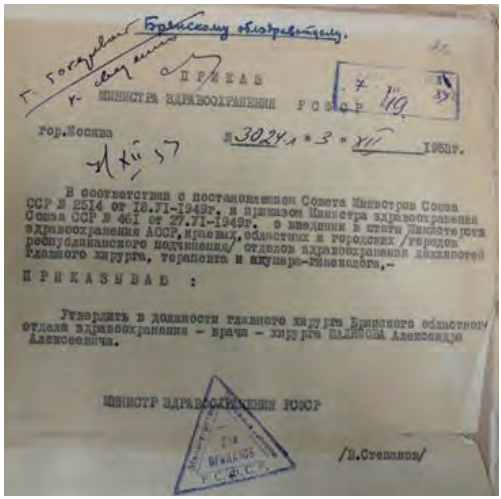
утверждены по санавиации постоянные консультанты по оказанию срочной медицинской помощи и плановых консультаций. В список вошли: терапевты – Венцкевич, Симонова; хирурги – Амосов, Шалимов, Авилова; акушеры-гинекологи – Игрицкая, Ленкевич; педиатры – Нацкая, Климкова; онкологи – Андреев, Дедков; отоларинголог – Милохин; невропатолог – Сочиенкова; окулист – Ленкевич; венеролог – Беленький; фтизиатры – Портнов, Макарова; рентгенолог – Гольденберг [2].

В 1949 году А. А. Шалимов был назначен главным хирургом Орловского облздравотдела и заведующим хирургическим отделением областной больницы. После переезда Н.М. Амосова в Киев, А.А. Шалимов в 1953 году вновь возвращается в Брянск. Продолжая работать в областной больнице, Александр Алексеевич занялся научными исследованиями. Темой кандидатской диссертации он избрал пластику пищевода по собственной методике, диссертация успешно была защищена в 1955 году. За свою активную работу Шалимов награждается ведомственным знаком «Отличник здравоохранения», а в 1956 году ему присвоено почётное звание «Заслуженный врач РСФСР».

Желание совершенствовать свои знания в науке приводит молодого и талантливого хирурга в марте 1957 года в Харьковский медицинский институт. На конкурсной основе А.А. Шалимов избирается доцентом кафедры факультетской хирургии, руководит кафедрой в это время профессор А.З. Цейтлин. На базе кафедры Александр Алексеевич организует первое анестезиологическое отделение, со становлением которого стало возможным развитие легочной хирургии, хирургии поджелудочной железы и других разделов хирургии, операции из которых в Харькове не выполнялись.

Благодаря своему трудолюбию и целеустремленности, в весьма короткий срок он подготавливает и успешно защищает в 1958 году докторскую диссертацию на тему «Хирургическое лечение рака головки поджелудочной железы и фатерова сосочка», а в мае 1965 года А.А. Шалимов назначается директором Украинского НИИ переливания крови и неотложной хирургии,

который вскоре по его инициативе преобразуется в Харьковский НИИ общей и неотложной хирургии. С его участием был сконструирован оригинальный аппарат искусственного кровообращения (АИК), собранный на Харьковском заводе им. Т.Г. Шевченко, и выполнены первые операции на сердце с его использованием. Большое внимание во вновь созданном институте уделяется организации современного анестезиологического обеспечения. Создаются реанимационные палаты и палаты интенсивной терапии, открываются палаты по оказанию помощи больным с политравмой и шоком. В это время публикуются его монографии, в которых отражен большой клинический опыт работы: «Хирургия поджелудочной железы» (1964), «Атлас хирургических операций» (1965), «Болезни поджелудочной железы» (1970).



ПРИКАЗ

МИНИСТРА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РСФСР

гор. Москва №3024-л 3 XII 1953г.

В соответствии с постановлением Совета Министров Союза ССР № 2514 от 18.VI-1949г. и приказом Министра здравоохранения Союза ССР № 461 от 27.VI-1949г. о введении в штаты Министерств здравоохранения АССР, краевых, областных и городских /городов республиканского подчинения/ отделов здравоохранения должности главного хирурга, терапевта и акушера-гинеколога,-

ПРИКАЗЫВАЮ :

Утвердить в должности главного хирурга Брянского областного отдела здравоохранения – врача – хирурга ШАЛИМОВА Александра Алексеевича.

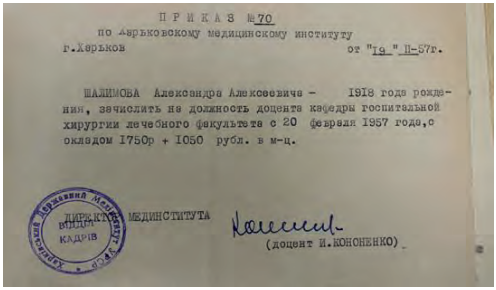
МИНИСТР ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РСФСР

/Н.Степанов/

Приказ Минздрава РСФСР №3024-л от 03.12.1953 г. о назначении А. А. Шалимова главным хирургом Брянского облздравотдела.

«В Харькове А.А. Шалимов сформировался как хирург и ученый, здесь же была основана и его харьковская хирургическая школа, а его ученики и последователи с гордостью считают себя «шалимовцами», – пишет его ученик В.И. Лупальцов [1].

Харьковский период характеризуется и становлением А.А. Шалимова как общественного и государственного деятеля. В 1963 году он избирается депутатом Верховного Совета Украины, которым бессменно пробыл до 1985 года, возглавляя Комитет по здравоохранению и социальному обеспечению. В 1961 году он удостоен первого ордена Трудового Красного Знамени, а в 1967 году – награжден орденом Ленина и ему присвоено звание заслуженного деятеля науки и техники Украинской ССР.



ПРИКАЗ №70

по Харьковскому медицинскому институту

г.Харьков от "19" II-57г.

ШАЛИМОВА Александра Алексеевича – 1918 года рождения, зачислить на должность доцента кафедры госпитальной хирургии лечебного факультета с 20 февраля 1957 года, с окладом 1750р + 1050 рубл. в м-ц.

ДИРЕКТОР МЕДИНСТИТУТА

(доцент И.КОНОНЕНКО)

Приказ о назначении А. А. Шалимова доцентом кафедры госпитальной хирургии.

Академик АМН Украины и Национальной Академии наук Украины, действительный член Нью-Йоркской Академии наук, доктор медицинских наук, профессор, лауреат Государственных премий СССР и Украины, Главный хирург Минздрава Украины, Герой Социалистического Труда, Герой Украины. Награждён орденами «Ленина», «Октябрьской Революции», двумя орденами «Трудового Красного Знамени», орденами «За заслуги» I и II степени. Автор около 900 научных работ и 112 изобретений и патентов. А.А. Шалимов создал на Украине два научно-исследовательских института – в Харькове и Киеве, которому присвоено его имя. В течение 22 лет депутат Верховного Совета Украинской ССР. В 1998 году решением Международной палаты американского биографического института признан Человеком планеты.

В 1970 году А. А. Шалимов переезжает в г. Киев, где возглавляет, а фактически создаёт Киевский НИИ клинической и экспериментальной хирургии.

Благодаря активной и плодотворной работе, росла репутация Института хирургии, его сотрудники ежедневно выполняли уникальные операции на поджелудочной железе, желудке, печени, пищеводе, сосудах. В этот период в стенах института под руководством Шалимова были разработаны и внедрены первые на Украине микрохирургические операции, внедрена рентгенохирургия. Показательным является присуждение первых Государственных премий СССР А.А. Шалимову, Н.Ф. Дрюку, В.Ф. Саенко. Это было признанием заслуг основателя института А.А. Шалимова и его коллектива. В 1976 году он становится главным редактором журнала «Клиническая хирургия», а в 1980 году назначается главным хирургом МЗ Украины.

Александр Алексеевич всегда по-доброму вспоминал свою работу в Брянске. А потому неудивительно, что Шалимов, работая в Киеве, согласился в 1986 году принять для повышения квалификации тогда начинающего хирурга Сергея Ивановича Зеленского в своем институте. Всего 9 ординаторов в то время работали с Шалимовым, бывшим главным хирургом Украины, одним из них стал С.И. Зеленский из Брянска. Сергей Иванович так вспоминает это время: «Александр Алексеевич при проведении сложных операций, обходах больных всегда был спокоен, говорил тихо. Но внимательно следил за ассистентами и ординаторами, когда надо

Научные труды и другие публикации академика А.А. Шалимова.

давал советы, требовал от коллег ответственного отношения к делу, систематического овладения новыми знаниями».

Достойной оценкой труда А.А. Шалимова стало избрание его академиком НАН Украины и присвоение ему в 1982 году звания Героя Социалистического труда, что явилось высшим признанием медицинской общественностью и государством его научных и хирургических заслуг.

Оценивая хирургическую деятельность академика А.А. Шалимова в целом, академик Николай Михайлович Амосов назвал его выдающимся хирургом эпохи и всенародным достоянием.

Академик АМН Украины и Национальной Академии Наук Украины, действительный член Нью-Йоркской Академии наук, доктор медицинских наук,

профессор, лауреат Государственных премий СССР и Украины, Главный хирург Минздрава Украины, Герой Социалистического Труда, Герой Украины. Награждён орденами «Ленина», «Октябрьской Революции», двумя орденами «Трудового Красного Знамени», орденами «За заслуги» I и II степени. Автор около 900 научных работ и 112 изобретений и патентов. Александр Алексеевич Шалимов создал на Украине два научно-исследовательских института – в Харькове и Киеве, которому присвоено его имя. В течение 22 лет депутат Верховного Совета Украинской ССР. В 1998 году решением Международной палаты американского биографического института признан Человеком планеты.

Умер Александр Алексеевич Шалимов 28 февраля 2006 года в Киеве, похоронен на Байковом кладбище.

Авилова Ольга Матвеевна родилась в 10 сентября 1918 года в городе Бежице, в многодетной семье. Отец Матвей Фёдорович Авилов работал на Брянском паровозостроительном заводе, позднее завод «Красный Профинтерн». Мать Алимпиада Сергеевна, брат Николай и сестра Юля. В связи с материальными трудностями семья переехала жить в посёлок Сельцо. В 1936 году Оля окончила Ордженикидзеградскую образцовую школу, в аттестате только три оценки «хорошо», остальные «отлично».

В 1936 году поступила, а в 1941 году окончила Смоленский медицинский институт. Решение Государственной экзаменационной комиссии о присвоении квалификации врача датировано 25 июня 1941 года. О. М. Авиловой был выдан диплом врача за № 629356.

«...Багрово-черное облако пожаров окутало город, который горел от зажигательных бомб вражеской авиации. Люди изо всех сил боролись с огнем. Над городом слышен гул самолетов противника, на земле не смолкает тревожный вой сирен.

В такой обстановке выпускникам мединститута вручали дипломы. На этот раз не было ни торжественных речей, ни музыки, ни цветов. Возле главного здания, прямо на улице, директор института Василий Абрамович Батанов, за несколько дней постаревший и осунувшийся, прощался со своими питомцами.

– Вот ваш диплом. В эту грозную годину честно выполняйте свой долг перед Родиной, – напутствовал Василий Абрамович молодых врачей» [3].

А потом была война. В августе 1941 года Брянским РВК была принята в ряды Красной Армии. В годы Великой Отечественной войны, практически с первых её дней, Ольга Матвеевна работала хирургом. Первых раненых приняла в эвакогоспитале № 2575 под д. Хотылёво. В дальнейшем, пройдя с хирургическим передвижным полевым госпиталем № 5155 фронтовыми дорогами, закончила войну в Праге. Награждена орденом «Красная звезда», бое-

выми медалями. В честь 40-летия победы в Великой Отечественной войне в 1985 году – орденом Отечественной войны II степени.

«...Старший лейтенант медицинской службы ординатор старший т. Авилова Ольга Матвеевна <...> Работая начальником анаэробного отделения, к своей работе относится исключительно добросовестно <...> За наступательную компанию июль-август месяцы 1944 года по анаэробному отделению проведена исключительно огромная работа. За этот период принято 212 тяжёлых раненых, которым лично ею была оказана следующая помощь: операции 170, переливание крови 189, переливание жидкости Петрова 206, перевязок 980, наложено шин 84...» [4].

После демобилизации Ольга Матвеевна возвращается в Брянск, где с декабря 1945 года работает ординатором хирургического отделения областной больницы. Из воспоминаний академика Н. М. Амосова: «Хирургическое отделение – сто коек. Уже есть один молодой хирург – Шалимов Саша. Мы с ним поговорили и разделились: у меня мужчины и травматология, у него – женщины и урология. Есть четыре ординатора. Наташа Худякова и Ольга Авилова, обе незамужние, обе из военных, живут во флигельке рядом с больницей, днюют и ночуют в отделении. Они захотели к Саше. Замужняя, не фронтовичка, помоложе, Гайканова Фаина, татарка, муж в горкоме, и Рогинская, подруга двух первых, достались мне. Потом оказалось: все хорошие, но две первые – лучше» [5].

А вот сухие строки из отчёта областной больницы за 1947 год: «В каждом отделении (хирургическом) по два ординатора. В мужском отделении работают: АВИЛОВА, окончила ин-т в 1941 году, всю войну ординатором в ХППГ. Награждена орденом «Красной звезды». В больнице с декабря 1945 г. Способный хирург, делает большинство операций, включая и резекции желудка» [2].

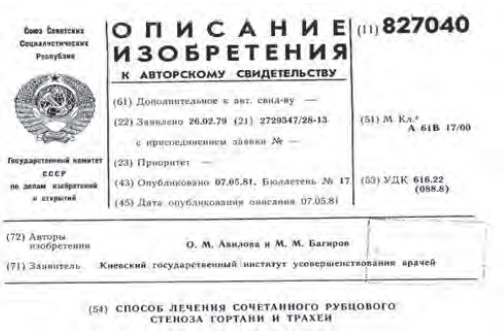
После отъезда А. А. Шалимова Ольга Матвеевна со 2 января 1950 года стала заведующей вторым хирургическим отделением и с 1 апреля этого же года заведующей отделением переливания крови. Много оперирует «во всех областях тела», ей присвоена вторая категория по хирургии.

В октябре 1951 года Авилова учится на рабочем месте по нейрохирургии в Ленинградском Научно-исследовательском нейрохирургическом институте им. проф. А.Л. Поленова. Приказом № 107 от 7 марта 1952 года, согласно указанию Минздрава РСФСР, врач Ольга Матвеевна Авилова назначается главным нейрохирургом Брянской области. Одновременно преподаёт в Брянском медицинском училище.

За время работы в Брянской областной больнице Ольга Матвеевна проявила себя как высокопрофессиональный хирург, прекрасно владеющий хирургической техникой, пользующийся большим уважением и авторитетом у пациентов и коллег по работе. Указом Президиума Верховного Совета СССР

Ольга Матевеевна Авилова на фотографиях разных лет: после окончания школы; в период работы в Брянской областной больнице; ст. лейтенант медслужбы.

Врачи Брянской областной больницы. Нижний ряд.
В центре Н. М. Амосов, вторая справа О. М. Авилова.



Союз Советских Социалистических Республик

Государственный комитет СССР по делам изобретений и открытий

ОПИСАНИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

К АВТОРСКОМУ СВИДЕТЕЛЬСТВУ

(11) **827040**

(61) Дополнительное к авт. свид-ву —

(22) Заявлено 26.02.79 (21) 2729347/28-13
с присоединением заявки № —

(51) М. Кл.³ A 61B 17/00

(23) Приоритет —

(43) Опубликовано 07.05.81. Бюллетень № 17

(53) УДК 616.22 (088.8)

(45) Дата опубликования описания 07.05.81

(72) Авторы изобретения О. М. Авилова и М. М. Багиров

(71) Заявитель Киевский государственный институт усовершенствования врачей

(54) СПОСОБ ЛЕЧЕНИЯ СОЧЕТАННОГО РУБЦОВОГО СТЕНОЗА ГОРТАНИ И ТРАХЕИ

О.М. Авилова.

за № 131/13 от 17 сентября 1953 года она была награждена медалью «За трудовое отличие».

В сентябре 1954 года Ольга Матвеевна была избрана на конкурсной основе аспирантом кафедры хирургии санитарно-гигиенического факультета Киевского медицинского института.

Уже на Украине в 1960 году защитила кандидатскую диссертацию «Чресплевральные резекции при опухолях пищевода и кардии». Много работает в торакальной хирургии и в 1971 году защищает докторскую диссертацию на тему «Резекция и пластика бронхов и медиастинальной трахеи».

«Ольга Матвеевна, действительно, была непревзойденным хирургом. <...> пионер реконструктивной хирургии трахеи и бронхов в Советском Союзе. Тогда эти сложные, многоэтапные операции делали Авилова, Шалимов... В то время, да, собственно, и сейчас в Киеве методикой их проведения владели и владеют единицы», – говорит её ученик, заведующий кафедрой пульмонологии КМАПО им. П.Л. Шупика, профессор Анатолий Васильевич Макаров.

В 1975 году за разработку и внедрение в клиническую практику хирургических операций на трахее и бронхах профессор Киевского ГИУВ Ольга Матвеевна Авилова стала лауреатом Государственной премии СССР. Вместе с ней премию получили Фазыл Файзрахманович Амиров, заведующий кафедрой Ташкентского ГМИ; Лев Константинович Богуш, заведующий отделением ЦНИИТ; Александр Павлович Кузьмичёв, заместитель директора МГИИСП имени Н.В. Склифосовского и другие.

Под руководством О.М. Авиловой была создана служба неотложной помощи пострадавшим с травмой груди, спонтанным пневмотораксом, инородными телами дыхательных путей и пищевода.

Авилова Ольга Матвеевна – заслуженный деятель науки Украины (1982), заслуженный врач Украины (1962), доктор медицинских наук (1974), профессор (1975), заведующая кафедрой торакальной хирургии и пульмонологии Киевского медицинского института усовершенствования врачей (1975–1988 гг.). Кавалер ордена «Трудового Красного Знамени».

Ольга Матвеевна – выдающийся хирург мирового уровня, одна из основателей организации и развития торакальной хирургии в Украине, пионер реконструктивной хирургии трахеи и бронхов в СССР. Автор около 300 научных работ, в том числе двух монографий. Профессор О.М. Авилова воспитала плеяду ученых-хирургов, среди которых: проф. М.М. Багиров, проф. А.В. Макаров, проф. П.П. Сокур, проф. В.Г. Гетьман, 16 кандидатов медицинских наук.

Вот некоторые работы О.М. Авиловой: Торакоскопия в неотложной грудной хирургии / О.М. Авилова, В.Г. Гетман, А.В. Макаров. Киев: Здоров'я, 1986.

128 с.; Хронические свищи пищевода / О.М. Авилова, П.П. Сокур. Киев: Здоров'я, 1987. 95 с. : ил. (Библиотека практического врача. Хирургия).

Умерла Ольга Матвеевна Авилова 27 декабря 2009 года в Киеве.

Литература и информационные источники

1. Лупальцов В.И. Александр Алексеевич Шалимов – хирург, ученый, учитель... / В.И. Лупальцов // Украинский журнал хирургии. 2017. №4 (35).

2. Архив ГАУЗ «Брянская областная больница № 1».

3. Смоленский государственный медицинский институт. 50 лет. Исторический очерк / под ред. Г.М. Старикова. Смоленск, 1970.

4. Приказ подразделения, издан: ВС 38А №109/н от 30.11.1944 г. // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Ед. хр. 19. № записи 42109119.

5. Амосов, Николай Михайлович. Голоса времен / Н. М. Амосов. М.: Вагриус, 1999. 428 с.: ил. (Мой 20 век).

6. Архив Смоленской государственной медицинской академии.

Осипова Т.М. (г. Москва)

ВЕРА ИВАНОВНА БЕНЕВСКАЯ (1917–2002)

Дед. Вера Ивановна Беневская родилась 22 июля 1917 года в посёлке Дубровка (ныне Брянской области). Она принадлежала к известному дворянскому роду Беневских. Её дед, генерал-лейтенант Аркадий Семёнович Беневский (1840–1913), и при жизни, и после смерти получил широкое признание как военный и государственный деятель Российской империи. Он участвовал в Русско-турецкой войне 1878–1879 гг. в составе войск 9-го армейского корпуса. Был Амурским военным губернатором (1886–1892), помощником Приамурского генерал-губернатора, временно исполнял должность Приамурского генерал-губернатора (1891). Он был награждён многими государственными наградами Российской империи и иностранных государств: ордена Св. Владимира 2, 3, 4 ст., Св. Анны 1, 2, 3 ст., Св. Станислава 1, 2, 3 ст., Командорский крест французского ордена Почётного Легиона, Прусский орден Красного Орла I-го класса и др. Был удостоен званий Почётного гражданина г. Благовещенска (1896) и г. Хабаровска (1903), Почётного мирового судьи в округе Владивостокского окружного суда.

В честь А.С. Беневского в 1906 году в Амурской области было названо село Аркадьевка. (Село, основанное в 1892 году, первоначально было названо «Аркадие-Семёновка» (по другим сведениям – «Беневское»), но позже в названии осталось только имя губернатора.) В Приморском крае в честь А.С. Беневского названо село Беневское.

Из воспоминаний Веры Ивановны Беневской: «Мой дед родился в Могилёве (в годы Первой мировой войны, как мы знаем, там была ставка царя Николая II). Окончил Константиновское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба <...>.

Помню, в нашем доме висел написанный маслом портрет прадеда Семёна Беневского, поляка, католика. Он был военным хирургом. Через всю грудь шла широкая алая лента и от плеч до пояса вся грудь была в орденах. Рядом с его портретом висел портрет его жены Юлии Ивановны в глубоком трауре. У них было двое детей: Аркадий Семёнович (мой дед) и Вильгельмина Семёновна, дожившая до 80 лет и к тому времени уже совсем слепая <...>

Как военного, Аркадия Семёновича посылали в самые разные точки: то в Киев, то на русско-турецкую войну, то на Дальний Восток. Там ему был ещё передан казачий корпус. В Китае в это время было «боксерское восстание». Аркадий Семёнович, сохраняя жизнь солдат и офицеров, так умело вёл русские войска, что когда они дошли до границы с Китаем, восстание там было уже подавлено.

Город Хабаровск назывался в те времена Хабаровка. Холода там стояли знатные. Тётя Маруся вспоминала: кроме тёплой одежды, их ещё помещали в меховые мешки и таким образом они ехали в карете <...>.

У Аркадия Семёновича были чуть ни все ордена, какие имелись тогда в России. Один из орденов – за Болгарию (война с турками 1878–1879 гг.)».

У Аркадия Семёновича и Нины Викторовны Беневских было трое детей: сын Михаил (1878–1897), который умер очень молодым, в возрасте 19 лет, сын Иван (1880–1922) и дочь Мария (1882–1942).

Иван Аркадьевич Беневский (1880–1922) и Анна Исидоровна Беневская, урождённая Федоровская (1890-1922) – родители Веры Ивановны Беневской.

Отец. Иван Аркадьевич Беневский родился 29 мая 1880 года в городе Глухове, где его отец служил тогда командиром 19-го пехотного Костромского полка. Крёстными Ивана были: дед со стороны матери – Виктор Алексеевич Иващенко, бабушка со стороны отца – Юлия Ивановна Беневская. От купели приняла его тётя со стороны матери – Софья Иващенко.

Иван учился в Иркутске, Благовещенске-на-Амуре, в Киевском кадетском корпусе, в Александровском кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, на естественном факультете Санкт-Петербургского университета, на агрономическом отделении Галльского университета в Германии.

В 1902 году он получил диплом агронома. В этом же году его мать Нина Викторовна возвращается в Россию и приобретает имение «Устронь» близ станции Дубровка в Орловской губернии (теперь это Брянская область), где Иван смог бы применить свои агрономические знания. В имении начинается ремонт старых построек и строительство нового дома.

Иван Аркадьевич Беневский был единомышленником и последователем взглядов великого русского писателя и философа Л.Н. Толстого, посетителем, корреспондентом и адресатом писателя.

Со своей будущей женой Анной Исидоровной Федоровской Иван Аркадьевич познакомился в 1910 году в земледельческой христианской общине, организованной им на арендуемой общинной части имения матери В.Г. Черткова, близкого друга и соратника Л.Н. Толстого, редактора издательства «Посредник». В этой общине Анна Исидоровна учительствовала, а Иван Аркадьевич бывал там наездами.

После венчания в 1912 году в Москве они усыновили трёх сирот-инвалидов. Жили в Москве в доме тётушки Ивана Аркадьевича – Елизаветы Платоновны Ярошенко. Здесь у них рождаются старшие дочери – Нина в 1913 году и Лиза в 1915 году.

Примерно в начале 1914 года, уже после смерти отца Ивана Аркадьевича – Аркадия Семёновича Беневского, они всей семьёй переезжают в имение Беневских в Дубровку. Туда же приезжают родители Анны Исидоровны – Федоровские – Исидор Прокопьевич и Мария Георгиевна, а также две её младшие сестры – Евдокия и Елизавета. К этому времени И.А. Беневский передал большую часть земли своего имения в Крестьянский земельный банк, а на оставшейся земле организовал сельскохозяйственную артель, в которую вошли не только члены семей Беневских и Федоровских, но и часть местных жителей посёлка Дубровка, окрестных сёл, также к ним приехал Я. Лялин. При этой артели организуется детская сельскохозяйственная трудовая школа, в которую брали детей-сирот, родители которых погибли в Первую мировую и Гражданскую войны, и детей местных жителей.

В 1916 году И. А. Беневский был призван на альтернативную службу в город Боголюбово, где он прослужил в психиатрическом госпитале до конца 1917 года. 22 июля 1917 года у Беневских родилась дочь Вера.

Тётя Маруся. Весной 1918 года в Дубровку приезжает вернувшаяся из ссылки после Февральской революции 1917 года Мария Аркадьевна Беневская – младшая сестра Ивана Аркадьевича. Вот как пишет о ней Вера Ивановна: «Тётя Маруся училась в гимназии, затем в университете в Галле на естественном факультете, в Берне и затем в Петербургском женском медицинском институте, но не окончила его из-за участия в террористической работе боевой дружины партии эсеров, куда её привёл двоюродный брат Борис Савинков, в которого она была влюблена. Его мать была сестрой Нины Викторовны Беневской, жены генерала. Решение обратиться к террору как средству борьбы с несправедливостью, борьбы за счастье людей далось Марии Беневской очень непросто. Об этом пишет Б. Савинков в своих «Записках террориста» <...>.

Когда у Марии Аркадьевны в руках взорвалась бомба (а делали их в коробках от конфет), она, обвязав полотенцем оторванную кисть левой руки, зубами заперла дверь конспиративной квартиры, предварительно уничтожив улики. Остался только календарь с датой и шерстяная кофта, купленная в магазине. Друзьям она написала, чтобы в квартиру не заходили. Под фамилией Моисеенко она поступила в больницу, сказав, что у неё в руках взорвался примус.

Полиции было видно, что в квартиру никто не ходит. Взломав дверь, они увидели окровавленные стены, часть костей и т.п. Стали искать, кто поступал в больницу в этот день. Тётя Маруся под другой фамилией перешла в другую больницу, а когда туда пришли полицейские, главный врач предложил тёте Марусе перейти в родильное отделение. Она отказалась, боясь, что у врача будут из-за этого неприятности. Там, в больнице, её и арестовали. Это было в 1906 году.

За участие в покушении на генерал-губернатора Москвы адмирала Ф.В. Дубасова Марию Беневскую приговорили к смертной казни. Отец её, генерал А.С. Беневский, тайно от Маруси написал прошение на высочайшее имя, т. е. царю. Царь написал только: «В прошении отказать». Нина Викторовна Беневская (её мать), узнав о смертном приговоре, застрелилась в своём дубровском имении.

А потом смертную казнь Марии всё же заменили пожизненной каторгой. Там она вышла замуж за Ивана Кондратьевича Степанок. Там же у неё родился старший сын Илья. После Февральской революции 1917 года они возвратились с каторги и поехали на родину Ивана Кондратьевича в Голту Одесской губернии. Жили очень бедно. Второй сын Степан родился в Петрограде во время июльского восстания 1917 года. Потом они вернулись в Голту и вновь уехали оттуда в Ленинград в страшный голодный 1931 год».

Старший сын Марии Беневской Илья перед войной окончил морское училище. Его постигла участь многих соотечественников: вместе со всем своим курсом он был репрессирован. Из сталинских лагерей Илья вернулся только после смерти Сталина в 1953 году. Он жил в Туле, где и умер в 1993 году.

Младший сын Степан пытался поступить в политехнический институт на отделение «радио». Но так как он учился в украинской школе, где все предметы преподавали на родном языке, то сдать экзамен по русскому языку не сумел. Он начал работать и учился на вечернем отделении института.

Марию Аркадьевну Беневскую уважали и любили все, кто её знал. Она была знакома со многими известными людьми, в том числе и с первым секретарём Ленинградского обкома партии Сергеем Мироновичем Кировым. Рассказывают, что даже при случайных встречах на улице Киров не мог пройти мимо Марии Аркадьевны, не поприветствовав её самым сердечным образом.

Война. Блокадный Ленинград. Страшный голод и лютый мороз только за одну зиму 1941–42 гг. унесли жизни более миллиона ленинградцев. Среди них была и Мария Аркадьевна Беневская со своей семьёй...

Революционные годы были трудными для семьи Беневских. Вот, что пишет Мария Беневская брату Ивану о событиях в Дубровке:

«Вчера успела переписать только два шкафа (книжных), не знаю, удастся ли переписать 3-ий. Они хотят взять прямо со шкафами на трёх подводах. Очень обидно, что тебя нет, кажется, что у них не очень-то имеется полномочий. Очень вежливо просит книг Немерской комбед (комитет бедноты) 1-го общества и согласен ждать тебя, а эти, что отбирают, эти в клуб себе – коммунисты. Они заявили, что ждать не хотят и сегодня приедут окончательно.

Очень жаль, что тебя нет сегодня, т. к. приедут за книгами, хотят взять со шкафами. Дело в том, что «забирать» будут коммунисты из клуба, а комбед Немерских крестьян 1-го общества очень вежливо просит книг и согласен тебя ждать.

Нет давно ни одного яйца, вышло и толокно, и овсяная крупа. Малыши сидят на картошке. Если не достанешь по сходной цене, то купи мне, хоть по 17 р. ф., фунта 2 сахару. Молока совсем мало. (? фамилия неразборчиво) дают только вечером по кружке, а так какое-нибудь пойлице, для Ильи это очень плохо при его росте. Лизутка худеет. Одна тёлка сдохла. Привези писчей бумаги и карандашей. Маруся».

Хутор Беневских. Из заметок Веры Ивановны Беневской: «Каким я помню хутор Беневских? В километре от станции Дубровка Риго-Орловской железной дороги женой генерала Беневского Ниной Викторовной была куплена земля с лесами, полями и лугами (сколько десятин – не знаю). Дом находился в лесу, в основном берёзовом, но встречались и старые сосны. Дом был деревянный, оштукатуренный изнутри, а сверху обшитый дощатыми планками, крыша была тесовая.

В центре было «парадное» крыльцо с белыми колоннами. Из «парадного» вход был в комнату, где вешалась верхняя одежда и топилась печка – «голландка». Из этой комнаты был вход в «столовую», потом в «гостиную», потом в «граммофонную». Ещё были две комнаты, где спали дедушка Исидор Прокофьевич и бабушка Мария Егоровна.

Дальше длинный и широкий коридор, перпендикулярно к нему был построен новый дом, сосновый, оклеенный белыми толстыми обоями, светлый и высокий. Во «второй половине», как мы тогда называли, была «молочная» – удлинённая комната, которая служила кабинетом Якову Сергеевичу Лялину, мужу младшей сестры нашей мамы – Елизаветы Исидоровны Лялиной.

Потом там была спальня и большая детская комната. Из столовой шла дверь на балкон с выходом в сад. В летнее время мы там и кушали.

Из надворных построек помню «красную кухню», где готовили еду для работников. Там же была и жилая комната. Против дома был двухэтажный амбар с жилой комнатой на втором этаже. Туда складывали после уборки яблоки антоновку: ряд соломы, ряд яблок и так почти до потолка, и оставалось маленькое место для матраса, где спали работники и одновременно сторожили яблоки от кражи соседями.

На домах был высокий и светлый чердак, с окнами, покрытый песком, куда мы очень любили прятаться от огородных работ.

Из надворных построек был большой погреб, где хранились по закромам овощи, бочки с квашеной капустой и мочёными яблоками. На «погребнице» находились с/х орудия. Был ледник. Была рига, был сенной сарай, конюшня, где находились лошади, коровы и овцы. Был большой "каретный сарай", где действительно стояли карета, ковром обитые сани, лошадиные упряжки. На чердаке, куда вела приставленная лестница, были свалены старые диваны и кресла, а половину занимало сено. Недалеко от дома была баня с большим предбанником, чердаком (тоже место для прятания) с огромным вмазанным котлом. Баня стояла на горке, а под горкой пробегал ручеек Немёрка, откуда возили воду в баню.

Сад был очень большой, в одной половине его были летние сорта яблонь, а во второй половине – антоновка и старые толстые вишни и сливы, белые и обыкновенные. Между яблонями был огород. Из чёрной смородины была аллея (ранние сорта – более сладкие с мягкой кожурой и более поздние – крупные и кислые). Среди деревьев в саду росла белая акация – в два обхвата шириной. Так как расцветала она на верхушке, то семена попадали на землю и вырастали молодые акации. Вокруг дерева акации была беседка из каштанов, там же висели качели.

Перед балконом была круглая клумба с цветами – красные пионы, лилии «царские кудри», нарциссы, барвинки. Моя обязанность была её содержать в порядке. А какие розы были – белые, чайные! Перед окнами сирень, белая махровая и сиреневая. А под окнами росла масса розовых пионов и другие цветы. И лилии, которые сами разрастались так, что их приходилось косить косой».

Жизнь на хуторе Беневских. С конца 1917 года Иван Аркадьевич Беневский был назначен уполномоченным инспектором по детским домам и сельскому хозяйству Брянского уезда, поэтому часто бывал в командировках. Из одной такой командировки он возвращался домой в товарном вагоне, простудился и заразился тифом. От него заразилась и его жена Анна Исидоровна. И в августе 1922 года супруги Беневские ушли из жизни.

Вот как об этом пишет в своих воспоминаниях Вера Ивановна Беневская: «Семья была большая и после смерти папы и мамы: Яков Сергеевич Лялин,

его жена Елизавета Исидоровна, дедушка Исидор Прокофьевич и жена его Мария Егоровна, Евдокия Исидоровна (или просто тётя Дуня), Сима, Лёня, Муся, Нина, Ляля, Вера, Соня, Володя, Лена и Юра.

О родителях я помню немного: когда они умерли, мне было 5 лет. В детстве возился с нами больше папа. У мамы через каждые два года рождались дети, и ещё она обшивала всю семью. Ложились мы спать рано, а потом просыпались и у нас устраивался «ресторан» – папа усаживал нас, детей, около печи, пёк в голландке яички, кипятил молоко, в специальных вафельницах-зажимах пёк вафельные шарики и тут же раздавал нам. Было удивительно вкусно.

И ещё помню папу перед самой его кончиной. Он лежал на кровати, чисто выбритый, обычно же мы видели его всегда с небольшой аккуратной бородкой и длинными волосами. Поэтому он был как-то совершенно не похож на нашего папу. И только рука с обручальным кольцом, погладившая меня, убедила меня, что это папа <...>.

Меня и Соню, мою младшую сестру, мама рожала дома. Просто посылалась лошадь за акушеркой. И крестили нас дома. Приезжал отец Леонид Синельников из церкви Рождества Богородицы села Давыдчичи со всеми своими принадлежностями. Вина он совсем не пил, но мог выпить сразу 18 стаканов чая. Папа был православным, я помню, у него был молитвенник алого бархата и закрывался золотым крестиком. Мы становились на колени на коврике возле кровати, и отец нам читал «Отче наш». Эту молитву я знаю до сих пор.

В 1920–1921 годах был большой неурожай, у нас, кроме ржи, сеяли овес, гречиху, сажали картофель. В нашем доме была своя колония: 20 сирот или детей, у кого погиб отец на войне. Мы звали родителей «папа и мама», и приёмные дети их тоже так называли.

К скудному государственному пайку шли продукты, выращенные на нашей земле. Помню длинный, но низенький стол и такие же скамейки. Работали в хозяйстве все, кто считал это дело первостатейным. Помню, из Бежицы приехали братья Ильины – дядя Федя, дядя Петя, дядя Коля, дядя Серёжа. Все в семье имели свои обязанности. Помню воспитательницу – тётю Лёлю. Папа тогда работал инструктором по организации детских домов и детских трудовых колоний по Брянской губернии.

Папа во время поездки в Брянск на товарном поезде простудился и заразился сыпным тифом. Главный врач в Дубровке тоже в это время болел сыпным тифом, а приезжий фельдшер поставил неправильный диагноз. Папа умер дома.

От него заразилась сыпным тифом мама. Её сразу же отвезли в больницу, где она пробыла немного и тоже умерла. За нею ухаживала тётя Дуня. Как она рассказывала, мама всё время рвалась домой к детям, а её не пускали. Так она даже укусила руку тёти Дуни, вырываясь из её объятий!

После смерти родителей детей разместили по другим колониям, осталась только своя семья, и разъехались все люди, которые работали в нашей коммуне-колонии. Нашей опекуншей назначили тётю Дуню. Ей было тогда всего 32 года».

Своих детей и семьи у Евдокии Исидоровны Федоровской не было, поэтому она всю себя посвятила воспитанию сестёр Беневских, а в последующем вырастила и сына Веры Ивановны Александра.

Шефство над детьми Беневских осуществляла и сестра Ивана Аркадьевича Беневского – Мария Аркадьевна, а также друг и единомышленник Ивана Аркадьевича – Иван Иванович Горбунов-Посадов. Благодаря его ходатайствам, по распоряжению Н.К. Крупской с колонии «Дубровка» не брался ежегодный земельный налог вплоть до совершеннолетия старших дочерей Беневских.

Учёба. Все сёстры Беневские прекрасно рисовали, пели (на несколько голосов), играли на различных музыкальных инструментах, рано начали читать, не расставались с книгой при любом удобном случае. Книги были повсюду, даже в саду под яблонями. В местную Дубровскую школу (в настоящее время МБОУ Дубровская № 1 СОШ им. генерал-майора Никитина И.С.) две старшие девочки, Нина и Лиза, пошли в один класс. Вера с детства была очень болезненным ребёнком, к тому же перенесла оспу.

21 июля 1921 года родилась и четвёртая девочка – Соня. Основную заботу о детях взяли на себя младшие сёстры матери – Евдокия и Елизавета. Вскоре у Елизаветы образовалась и своя семья: она вышла замуж за Якова Сергеевича Лялина. Так что даже после смерти Ивана Аркадьевича и Анны Исидоровны продолжала существовать дубровская община, которая в разное время называлась по-разному: артель, коммуна, совхоз...

В 1932 году старшие сёстры Нина и Лиза, окончив с отличием Дубровскую школу-семилетку, уехали в Москву и поступили в техникумы: Нина – в медучилище, Лиза – в энергетический техникум. Вера и Соня продолжали учёбу в Дубровке. Из-за болезни Веры Мария Аркадьевна Беневская неоднократно писала своей подруге Марии Степановне, жене Максимилиана Волошина в Коктебель с просьбой взять Веру на время к себе. Но этого так и не случилось. И в 1938 году Вера едет к тёте Марусе в Ленинград.

«Я в Ленинград приехала в 1938 году, поступила в Коммунистический политико-просветительный институт. Это был первый год свободного поступления, т. к. раньше там были только партийные руководящие работники. В 1938 году было двадцатилетие комвуза им. Н.К. Крупской», – так она пишет в своих воспоминаниях.

Летом 1939 года семья Беневских и Федоровских собралась в своём доме в Дубровке. Это была последняя общая встреча перед войной...

Война. Во время войны каждая из сестёр Беневских выполняла свой гражданский долг: Нина служила хирургом в челюстно-лицевом госпитале в Москве; Лиза ушла добровольцем на фронт (легендарная разведывательно-диверсионная в/ч 9903) и погибла в битве за Москву 19 января 1942 года у деревни Дунино Калужской области, где и похоронена с двумя боевыми товарищами; Вера трудилась в блокадном Ленинграде на оборонительных работах; Соня – в Подмосковье, также на оборонительных работах.

Вера Ивановна Беневская написала стихи на смерть своей героической сестры Лизы:

Хотя в живых я тебя и не встречу,
И горечь утраты горька,
На подвиг твой ратный
Трудом я отвечу,
Моя партизанка-сестра.
Учась в институте,
Комсоргом была ты
В студенческой дружной семье.
Тебя уважали ребята,
Девчонки подругой считали своей.
Закончить учебу ты не успела.
Фашистских стервятников рать
Внезапно ворвалась в наши пределы
Жечь, грабить и убивать.
Ты храбро сражалась, погибла героем
В суровом, неравном бою.
Но мы отомстим врагу вдвое и втрое
За жизнь молодую твою!

И пусть стихотворение несовершенно, в нём, безусловно, есть некоторые нарушения рифмы и ритма, однако оно полно искренности и любви к погибшей сестре, и это искупает все его недостатки.

Из воспоминаний сына Веры Ивановны Беневской Александра Ивановича Беневского: «Вера Ивановна росла очень романтичной и тонкой натурой, с юности писала стихи, обожала книги. И эту любовь к литературе она пронесла сквозь всю жизнь. Когда пришло время выбора профессии после школы, Вера Ивановна поступила в Ленинградский институт культуры на факультет библиотечного дела, так как это было именно то, с чем она хотела связать свою жизнь.

Как раз в Ленинграде застала Веру Ивановну война, и всю блокаду она пережила, не покинув город. В последующем она очень любила бывать в Ленинграде и использовала каждую возможность посетить его. И ещё она всю жизнь хранила несколько осколков гранитной мостовой из блокадного Ле-

нинграда, которые подобрала, когда снаряд разорвался в непосредственной близости от неё, и она чудом осталась жива.

После снятия блокады Вера Ивановна была направлена на реабилитацию в Ташкент. Несмотря на все проводимые мероприятия, здоровье её было сильно подорвано, и в последующем она стала достаточно болезненным человеком и часто нуждалась в госпитализации. Но, тем не менее, это не помешало ей после возвращения пойти добровольно работать до конца войны в батальон аэродромно-технического обеспечения».

Директор краеведческого музея в Раменском. Рассказывает А.И. Беневский, сын Веры Ивановны: «По окончании войны Вера Ивановна вернулась в родной посёлок Дубровка Брянской области, где проживала её тётя Дуня. Во время войны посёлок, как и вся территория Брянщины, находился в оккупации, в доме Беневских немцы устроили свой госпиталь, а тёте Дуне и её матери Марии Георгиевне пришлось перебраться к знакомым в Дубровку. И уже ближе к концу оккупации, в сентябре 1943 года, когда немцы покидали Дубровку, родовое имение Беневских было разорено. Поэтому Вера Ивановна и тётя Дуня, а вместе с ними и младшая из сестёр Беневских – Соня приезжают в город Раменское Московской области, где Вера получила должность заведующей местным краеведческим музеем».

История Раменского историко-художественного музея (так он называется сейчас) началась в 1929 году в церкви Святых Бориса и Глеба постройки первой четверти XVIII века. Первый директор – Ольга Александровна Охлебинина – была в одном лице и директор, и экскурсовод, и уборщица, и дворник.

Новый виток развития Раменского музея начался в конце 40-х – начале 50-х гг. В штат уже входило несколько научных сотрудников и смотрителей, была проведена реконструкция здания и сделаны поэтажные перекрытия. При музее работал краеведческий кружок, устраивались передвижные выставки. В 1956 году Раменский краеведческий музей был признан лучшим в Московской области.

Большой личный вклад в дело возрождения Раменского музея внесла Вера Ивановна Беневская. Из воспоминаний А.И. Беневского: «Музей располагался в церкви Бориса и Глеба. Сами же они сёстры Беневские и тётя Дуня жили над церковным помещением, куда вела наружная железная лестница, а посередине помещения был люк, откуда просматривалось всё помещение музея. В музее по разные стороны находились две экспозиции: «Крестьянского быта» и «Помещичьего быта».

В эти послевоенные годы город Раменское отстраивался пленными немцами, работал электромеханический завод, куда устроилась на работу в горячий цех Соня (здесь на все последующие года она «заработала» ревматизм)».

Дед Веры Ивановна Беневской генерал-лейтенант Аркадий Семёнович Беневский.

Бабушка Веры Ивановны Беневской Беневская Нина Викторовна.

Мария и Иван Беневские на конюшне в Дубровском имении; На прогулке по дороге к Дубровской усадьбе; Отец Веры Ивановны – Беневский Иван Аркадьевич; Тётя Веры Ивановны – Федоровская Евдокия Исидоровна, опекунша сестёр Беневских после смерти их родителей.

Дети Беневских, свои и приёмные. Дубровка, 1920 г.; Дом Беневских в Дубровке; Здесь упокоились Беневские, Федоровсике, Лялины. Сын Веры Ивановны Александр Иванович Беневский с местными жительницами; Мария и Иван Беневские с крестьянками у дома в Дубровке; Сад Беневских.

Мать Веры Ивановны Беневской Беневская (ур. Федоровская) Анна Исидоровна.

Беневская Вера Ивановна.

Автор статьи Татьяна Михайловна Осипова с мужем Юрием Михайловичем.

Реликвии семьи Беневских: Библия, принадлежавшая генералу А.С. Беневскому, и шахматы, подаренные ему императором Николаем II; Сестры Беневские – Нина, Лиза, Вера, Соня (слева направо). Хутор Беневских под Дубровкой. 1939 год; Сестра В.И. Беневской – Софья Ивановна Беневская.

Коллектив Брянской областной библиотеки.
В.И. Беневская третья справа во втором ряду.

Сотрудники Брянской областной библиотеки
на празднике.

В Кокино у Рылько. Рассказывает сын В.И. Беневской Александр Иванович: «В 1947 году Вера уволилась, и вместе с тётей Дуней они переехали в село Кокино Брянской области к друзьям семьи Беневских – семье П.Д. Рылько. Глава семьи Пётр Дмитриевич Рылько возглавлял Кокинский сельскохозяйственный техникум, который он организовал в 1930 году и создавал почти с нуля.

У камина. В.И. Беневская стоит слева.

Работы было много и для большой семьи Петра Дмитриевича Рылько, и для вновь прибывавших. Вначале под здание техникума использовали бывшую помещичью усадьбу, а пленные немцы в эти же годы строили будущие корпуса техникума, здания общежития для студентов и учебного персонала. В настоящее время бывший сельхозтехникум стал Брянским государственным аграрным университетом. Здесь, в Кокино, и родился сын Веры Ивановны – Александр».

Брянск. Работа в областной библиотеке. Из воспоминаний А.И. Беневского: «В последующем Вера Ивановна с сыном и тётей Дуней переехали в Брянск, где сначала снимали комнату (с 1952 года), а потом в 1963 году получили квартиру.

Вера Ивановна начала свою работу в библиотеке в 1956 году специалистом отдела комплектования, а в последующем стала заведующей этим отделом. Работа заключалась в получении книг из библиотечного коллектора и постановке их на учёт, каталогизации. Выполнение таких обязанностей требовало большой аккуратности и внимательности. Все книги, поступающие в библиотеку, проходили через бережные руки Веры Ивановны. Работу свою она очень любила, поскольку та была связана с обожаемыми ею книгами и давала возможность знакомиться со всеми новинками. Там я впервые соприкоснулся с творчеством А.И. Солженицына, одним из первых прочи-

тав полученную библиотекой книгу «Один день Ивана Денисовича», которая оставила яркие впечатления на всю жизнь.

Мамина любовь к книгам передалась и мне, эта страсть даже повлияла на выбор профессии. Однажды в библиотеку поступили новые книги, среди них была трилогия Юрия Германа «Дорогой мой человек», «Дело, которому ты служишь» и «Я отвечаю за все», главным героем которой был врач Владимир Устименко. После прочтения трилогии я просто влюбился в профессию врача и уже после 8-го класса не сомневался в выборе дела своей жизни.

В этом стремлении меня поддержала сестра мамы – Нина Ивановна Горбунова-Посадова (урождённая Беневская), которая к тому времени уже была выдающимся врачом. В 1967 году я приехал к ней в Москву и поступил во 2-й медицинский институт, в котором (теперь это Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова) до сих пор работаю в должности профессора кафедры онкологии и лучевой терапии лечебного факультета (в 1995–2003 гг. был заведующим этой кафедрой РГМУ).

Брянская областная библиотека находилась в центральном районе города, а наша семья проживала в новом районе на улице Чайковского, далеко от центра. Поэтому для меня каждая поездка к маме на работу была событием. В этом же здании располагался и ресторан «Центральный», куда мы с мамой с удовольствием заходили на обед.

Изредка мне удавалось побывать на праздниках в библиотеке, когда собирался весь коллектив, а мама с огромным энтузиазмом к каждому событию обязательно писала, а потом декламировала свои стихи.

Вера Ивановна проработала в библиотеке до самой пенсии — до 1972 года».

В Москве. В начале 1973 года В. И. Беневская перебралась к сыну в Москву, поскольку у неё родился внук, ко дню рождения которого, она, конечно же, написала стихи:

Родился внук, февральский, долгожданный.
Огни Москвы с ночной боролись тьмой.
С погодой слякотной, туманной
Вошёл он в мир прекрасный и большой.
Ещё он маленький, ему нужны пелёнки,
И вес его не тяжесть для руки.
А бабушка купила распашонки и голубые ползунки.

Вот как вспоминает Веру Ивановну Беневскую мой муж, доктор экономических наук, профессор МГУ Юрий Михайлович Осипов: «Появлялась в доме и другая сестра Нины Ивановны, средняя – Вера Ивановна Беневская, про-

жившая большую часть жизни в Брянске – на родине сестёр Беневских. Она трудилась, как и Софья Ивановна, библиотекарем, была очень начитанной, просвещённой, любила умно поговорить, что-то непременно живо рассказать, поделиться незаурядными впечатлениями. Писала прекрасные стихи. Вера Ивановна имела, – то ли не будучи замужем, то ли быстро разведясь, – сына – Сашу, а потом уже и Александра Ивановича Беневского, ставшего по инициативе и при поддержке тёти Нины врачом – хирургом-онкологом, кандидатом наук, заведующим кафедрой во Втором меде. Мне приходилось немало общаться с Верой Ивановной в Москве, в хользуновском доме. С Александром Ивановичем, добрым и отзывчивым человеком, прекрасным врачом, классным профессионалом, до сих пор поддерживаются родственные и дружеские отношения».

С конца 70-х годов сёстры Нина Ивановна и Вера Ивановна начали работу с архивом семьи Беневских. Часть писем и документов ими была передана в Государственный музей Л.Н. Толстого (ГМТ): при этом вручную эти материалы перепечатывались сёстрами, для того чтобы копии оставались в семейном архиве.

В 1978 году уходит из жизни их младшая сестра Софья Ивановна Беневская (1921–1978), которая по окончании Московского института культуры работала до пенсии в Московской городской библиотеке. А в 1983 году умерла и Нина Ивановна Горбунова-Посадова (Беневская) (1913–1983). Архивом стала заниматься только Вера Ивановна.

В 1989 году к Вере Ивановне, в московскую квартиру её сына, приезжают Ольга Алексеевна Гурычёва, руководитель поисковой группы школы № 15 (теперь – школа № 1272), и Маргарита Михайловна Паншина, ветеран в/ч 9903, которая участвовала в бою вместе с Лизой Беневской. Именно они рассказали, что Елизавета Ивановна Беневская (1915–1942) не «пропала без вести», как сообщили родственникам в годы войны, а погибла 19 января 1942 года и в феврале 1942-го посмертно награждена орденом Красной Звезды. Теперь имя Лизы Беневской увековечено в мемориальной доске на здании Московского энергетического института, со второго курса которого она добровольно ушла на фронт, и в Дубровской средней школе Брянской области, которую она с отличием окончила.

По просьбе боевых товарищей Лизы и школьников-поисковиков рассказать о семье Беневских мне пришлось подключиться к работе Веры Ивановны Беневской, обратиться к семейному архиву и создать его компьютерную версию. Весь архив семьи Беневских был передан мною в ГМТ – как подлинные документы, так и его компьютерная версия.

Во время этой работы Вера Ивановна звонила мне, поддерживала. Однажды она сказала: «Танюша, я молюсь за тебя». Для меня это было трога-

тельно до слёз. Думаю, это было предначертано мне свыше – «протянуть ниточку» между тремя поколениями наших предков и уже тремя поколениями потомков.

Умерла Вера Ивановна Беневская в 2002 году, похоронена на Николо-Архангельском кладбище города Москвы, как и её сёстры Нина Ивановна и Софья Ивановна.

Горелая О.Н. (г. Брянск)

МИР ВСЁ ЕЩЁ ХОРОШ, КАК НИ СУДИ...

(О поэзии А.С. Брона)

В 2022 году, 3 января, исполнилось 85 лет со дня рождения Александра Брона (1937–2009), журналиста, поэта, скромного человека, ставшего Учителем для многих брянских писателей и так и не выпустившего ни одной своей книги. Я читала разные его стихотворения, написанные образно, ярко, порой хлёстко, порой нежно, всегда чутко – к бесконечно любимой России, природе, людям... Важное место в его лирике занимают Слово, Поэзия, Работа, как раз и определяющая отношение к Слову... Но почему-то лично для меня дверцей в поэтический мир Александра Самойловича послужило совершенно сказочное стихотворение «Падает снег», возможно, написанное как раз в январские – деньрожденьишные для него – дни. Приведу его полностью:

Над крышами, над тёплыми
(Не знают власти местные)
Опять собрались толпами
Создания небесные.
Из пуха, из пера ли…
На фонари слетаются
И в белые спирали
Над городом сплетаются.
Над городом,
Над гомоном,
Над новыми кварталами,
Над огненными ёлками
И трубами картавыми.
Летают над машинами,
Цветными каруселями,
Дорожками мышиными,
Садами облыселыми.
Тельца их невесомые
Всё кружатся и кружатся…
Как тонко нарисовано
Серебряное кружевце!
Мигают «Беломором»
Дружинники дежурные.

А с неба валят хором
Снежиночки ажурные.
А флангами, а флангами
Плывут себе дома.
Покачивая флагами
И трубами дымя.

Сказочно? Ещё бы! Здесь и «Снежная королева», и «Ирония судьбы», и вся наша жизнь, огненно-картавую суету которой так хочется иногда прикрыть – пусть ненадолго – невесомым прохладным кружевцем. Иронично, легко летят снежинки, вот и сады уже не такими облыселыми кажутся. Ирония подчеркнута еще и тем, что такие хрупкие небесные создания – «снежиночки ажурные» – «валят хором». Автор использует просторечное «валить» (в данном случае в значении «падать массой»), подчеркивая отнюдь не безобидность героев своего стихотворения. Это воинство и дружинников не боится, тем более на флангах дома – у него похожие на военные корабли. Вот такая картина зимнего города... Очаровывает? Несомненно! Но как же она реальна в своей сказочности...

Это и поражает у Брона: его мир, мир человека бывалого, много повидавшего, журналиста, не понаслышке знакомого с жизнью заводов, села, геологов и археологов, остался... нет, конечно, не наивным... скорее трепетным, остро чувствующим и сочувствующим, понимающим и жаждущим понимания. Это покоряет раз и навсегда, ведь это тот случай, когда не надо рассуждать, что человеку талантливому многое прощается, здесь поэзия отражает совершенство внутреннего мира Поэта. Подтверждают это все, кто был лично знаком с Александром Самойловичем Броном.

***

Но уйдем пока от сказок. Одна из главных тем его творчества – Поэзия, служение Слову. Умению проникать вглубь написанного научила его работа:

Она мешает мне немного,
Моей профессии печать –
Привычка все оттенки слога,
Оттенки смысла различать.
И крик души, и пафос ложный,
И что-то бывшее уже…
Как старый служащий таможни
В нехитром шарит багаже.
Давно привыкший к разным штукам,
Он вещи двигает, пока
Не отзовётся гулким звуком
Двойное днище сундука.

Кстати, печать профессии и в неожиданных сравнениях – многое видит внимательный, цепкий журналист, а потом умеет объяснить поэт простыми и точными словами. Так и появляются образы – то таможенника, умеющего слышать то, что никогда не различат другие, то острого клинка – поэтического слова. И удивительно, но Брон фактически учит поэтов сражаться. Так много кричат о любви к России, не задумываясь – а что за словами? Нужны ли «эти клятвы в любви / И верности отчему краю» («Разговор с одним песнопевцем»)?

Стихи… Им сверкать с высоты,
Клинком вылетая из ножен,
Им стыдно быть справкой, что ты
Проверен и благонадёжен.
Не видим,
друг друга бодря
И все как один голосуя,
Реликвий, истрёпанных зря,
Святынь, поминаемых всуе.
Оставь,
не клянись на крови,
Стекающей к древней Непрядве.
Ты просто по правде живи,
Пиши, если можешь, по правде.
Пора засевать пустыри,
Пора отвыкать от парада.
Жене о любви говори,
А Родине это не надо.

Образ клинка возникает и в стихотворении, посвящённом декабристам, оно так и называется «1825 год»:

Поэзия не пытка
Пока звучит легко,
Игривее напитка
Самой мадам Клико.
Виньетки, арабески,
Амуры по углам.
Но сталь –
в опасном блеске
Летучих эпиграмм.
А раз сталь, то обязывает сражаться:
И может быть тирада,
Лежащая в столе,
Опаснее заряда,
Забытого в стволе.
И муза – не забава,

Когда уже не петь,
А впору бы зубами
От горечи скрипеть.

Вот и получается, что у настоящего Поэта «Чернила как чернила, / Да с кровью пополам». Да и разве может думать иначе человек, который прекрасно понимает роль и силу поэтического слова? Понимает ничуть не хуже, чем слабости собратьев по перу. Стихотворение «Поэты ссорились всегда...»:

Наука тащит в жаркий спор
Холодный интеграл.
А некто ценный образ спёр
И в карты проиграл.

И пусть берёт! Чего дрожать
Над коробом добра...
Пора вселенную держать
На кончике пера.

И ведь держал. Всю Вселенную, в которой жил. И в которой так хотел понять свою собственную роль:

И вечно белыми костьми
Усеян был Парнас.
Там идеал. А что есть мы?
Что будут знать про нас?

Думается, всё же разобрался, понял Поэт всё. И о себе, и о Поэзии. И о тех, на чьих белых костях стоит не только и не столько Парнас, сколько Россия, Русь, восхищением, уважением, нежностью к которой делится Александр Брон со своими читателями в стихотворении «Кириллица»:

Друзей любя, врагов не жалуя,
Былины помня наизусть,
Несла свой крест святая, шалая,
В соху запряженная Русь.
Как разглядеть её морщины,
Её подробные черты?
Хитры лубочные личины,
Умны историка труды…
Но под застёжкой древней книги
В червлёных буквицах найду
Её заплаты и вериги.
Её веселье и беду...

Обратите внимание – правда, она всегда в книге, в Слове. Потому и не терпит автор пустоты, лишнего, со снисходительной иронией относясь к суетливым поэтам, что «ищут неожиданные темы». Просто они еще не поняли, что:

Поэзия – не факт стихосложенья,
Она, скорее, акт самосожженья.
Каких костров великолепный ряд
Уходит вдаль!
Промолвят о поэте:
– Талантлив был, а вот погиб во цвете…
Но всё это неважно, если правда,
Что рукописи наши не горят.

У Александра Брона, начитанного, образованного человека, много отсылок к произведениям других писателей, иногда явных, как в этом стихотворении, иногда скрытых, но всегда дающих возможность читателю заглянуть еще и в соседний творческий созидательный мир. И подумать – а почему именно сюда открылась дверца? Куда зовут? Что там ожидает? Может быть, войду, осмотрюсь и, когда вернусь, то лучше пойму, что сказал поэт? Вот и первое приведённое мной в этой статье стихотворение – не уводит ли оно в мир Иосифа Бродского, в его «Рождественский романс», где плывет «среди кирпичного надсада / ночной кораблик негасимый»... где другая, но такая понятная и реальная зимняя сказочность...

И это тоже подчёркивает умение поэта ценить Слово, слышать других. Возможно, этому тоже в какой-то мере научила работа журналиста, который должен не просто собрать информацию, а разобраться в ней, оценить, не один раз взвесить каждое своё слово прежде, чем написать и отдать в печать материал, ведь любая неточность может сказаться на судьбах людей...

Работа... Такая, сякая ли,
А без неё – куда я?
Скучная, интересная,
Всегда почему-то срочная,
Она через тундру – рельсами,
Она по бумаге – строчками.
Бросая тревожные отблески,
Крича телефонной мембраной…
Работа моя! Даже в отпуске
О ней не забыть, окаянной.

В произведениях Брона нет ни в малейшей степени вторичности, зато есть мудрость писателя, который отдаёт и не тянется за возвратом:

Я ж могу весь день без перекура
И пером работать, и киркой.
Буду у костра сушить портянки,
Жить, писать... За славой не гонюсь...

Снова и снова в своих стихах возвращается Александр Самойлович к попытке понять и объяснить предназначение поэта, поэзии, ведь не просто так

ищет он тайную гармонию в строках, извлекает из них «серебряную музыку» (помните лёгкое «серебряное кружевце»?). Поэзия призвана служить... сказала бы человечеству, но нет... Поэзия Брона призвана служить Человеку – каждому, конкретному, его душе:

Смешной поэт,
Безумный литератор,
Страданья раскалённая игла
Зачем тебе? Ведь это лишь театр –
Правдивая, но всё-таки игра.
Её высоких правил не нарушу,
Но знать бы, что возвышенная речь
Способна хоть одну живую душу
От роковой ошибки уберечь,
Любовь вернуть, когда мы одиноки,
Надежду дать, когда обречены.
И вдохновить, когда повиснут строки,
Как два конца оборванной струны.

Такая позиция, а она выражена в стихах очень чётко, определила основную особенность лирики Александра Самойловича Брона – гуманность. Гуманность во всем – начиная с отношения к женщине и заканчивая глобальным отношением к миру, к жизни, которое прослеживается в разных произведениях, можно было бы назвать их философскими, но с учётом того, что у поэта своя философия, выражающаяся в конкретных зримых образах, а не в абстрактных понятиях. В стихотворении «Настроение» осмысление мира, вселенной, внутренних связей человеческого бытия – сначала хандрящим поэтом, которого не касаются тревоги планеты: «Мне смутно мерещились тусклые грани / Миров, где остались одни аксиомы...», «Качалась судьба при своей амплитуде, вилась по своей бесконечной спирали», а потом очнувшимся, вышедшим из бесконечного круга:

И не было в общем-то альтернативы,
И не было спора великого с малым.
От первого крика к последнему мигу
Дорога была весела и сурова,
Как луч этот красный, упавший на книгу,
Где в тонкой виньетке портрет Гончарова.

И не зря красный луч падает на книгу с портретом Гончарова: в том мире, где были лишь аксиомы – застывшем, с правильно разобранными образами лишних людей – тоже был «Ильюша Обломов на пыльном диване», Обломов, которого так упорно и безрезультатно пытались разбудить. Оказалось достаточно удара грозы, чтобы пробудить поэта, а учитывая образный ряд, – Россию...

Ту Русь-Россию, которая поднималась всегда вся целиком против врагов, которая умела всегда и сражаться, и плакать. Удивительно красив перевод из «Слова о полку Игореве»:

На заре летит дальней стороной
Ярославны плач птицей жалобной:
– О, могуч мой князь телом и душой,
Да пропал мой князь в стороне чужой...

Не боюсь повториться – чувство слова, любовь к своей стране проявились здесь в полной мере. И всё же никогда, наверное, мы не будет так переживать и сопереживать старинным войнам и потерям, как тем, которые были совсем недавно. Те, кто читал или слышал стихи Александра Брона, одним из первых называют «Призыв сорок первого года». Это обращение к новобранцу, обращение человека, который уже знает, что будет с призывниками потом, и понимает, что, не будь этих юных солдат, не было бы и Победы:

Рванёшь под машиной блицкрига
Последнюю связку гранат.
На шаг – но она не докатит,
На миг – но замедлит прыжок.
А вечером маршал на карте
Чуть-чуть передвинет флажок.

Отношение поэта к уходящим на войну мальчикам – в описании дороги в войну:

Мелькают стога и опушки,
Такие родные места...
Над окнами каждой теплушки
Поставлена в небо звезда.

Оберег? Вряд ли, скорее, свет в пути, где бы ни оказались, как бы ни было там страшно и больно. Тема Великой Отечественной войны продолжена в стихотворении «Малиновка». Образ бывалого солдата, который в тихий день впервые замечает «И ягоду, и птицу, и шмеля...», видит красоту жизни, природы «Сквозь тёмный мох просвечивал родник / Мерцали сосен тонкие колонны...». Здесь тонкая передача игры света, тени, опять появляются нотки сказочности – просвечивает вода, сверкает на солнечном свету смола на сосновой коре, как будто переливаются и внизу, среди мха, и вверху, на деревьях, драгоценные камни, вокруг мирные звуки, которые и создают ту самую тишину, в которой не думают «о крови и о смерти». Но это война...

Над пропастью,
Над тонкостью политики,
Над чёрными руинами держав
Стоял солдат, пробитую пилотку
К затылку покрасневшему прижав.

Он был живучий, белозубый, рыжий,
Не воплощенный в бронзу и гранит.
Его убили. Падая, он слышал,
Как в сосняке малиновка звенит.

У этого стихотворения есть два варианта, во втором отличается описание мирного дня, добавлены краски – горит вполнакала мухомор, плывут, не спеша, облака, что тоже подчеркивает тишину и спокойствие. В этом варианте усилен контраст спокойствия дня и трагичности гибели солдата на фоне нежно-ярких красок, звона малиновки:

И тихо отмякала
И просветлялась медленно душа.
Хмелела чуть, как после доброй рюмки.
Весёлый звон, зелёное стекло!
Шагнул солдат, неловко вскинул руки,
О чём-то крикнул жалобно и зло…
Всё выдюжив, вложив свою щепотку
В историю народов и держав,
Стоял солдат, пробитую пилотку
К затылку покрасневшему прижав.

Ещё один момент – в стихотворении «Малиновка» по сравнению с «Призывом сорок первого года» более объёмно и символично представлена роль солдата в войне, в истории в целом.

Говоря о войне, её значении, о том, что пережил тогда народ, Брон не забывает о сегодняшнем нашем восприятии тех событий, о том, что воспитание патриотизма часто превращается в формальность. Стихотворение «Урок мужества» – это воспоминания человека, который воевал, который не может забыть страшных, но и героических событий своей молодости... Делится ими с детьми, несмотря на советы врачей «не мучать память». И ещё больнее оттого, что «А кто-то скажет: “К Дню Победы / Мероприятье провели”». Так ясно видна боль автора, переживающего несправедливость вместе со своими героями.

Есть у Александра Брона ещё одно очень трогательное, грустное стихотворение «Память о первой разлуке» – о безжалостности войны. Расстаются на причале двое, и только к середине произведения понимаешь, что речь идет о детях, едва подростках, которых и свела, и разбрасывает война:

Мой отец недавно призван,
Твой под Киевом убит.
Две пылинки, в вихре шалом
Мы кружить обречены
По баракам и вокзалам,
По обочинам войны.

Рассказ ведётся от лица мальчика, образ девочки едва намечен, даже кажется, что вся картина написана цветными красками, а героиня – карандашом, но очень точные штрихи, увидишь много лет спустя – узнаешь:

Возле стенки – на скамейке
Мы с тобою. Ты и я.
Так отчётливо и крупно –
Эта пристань и баржа.
Ты глядишь по-птичьи кругло,
Целлулоидную куклу
В тонких пальчиках держа.

Тяжесть этого расставания («Но уже неотвратима / Полоса воды рябой, / Что встаёт в обрывках дыма / Между мною и тобой») подчёркнута и звуками – грохот сходней, нескучный («тёртый вдоль и поперёк») народ вокруг, голос в рупоре, шум воды, и отсутствием звуков – «Колокольни крик беззвучный». И яркими, экспрессивными красками окружающего детей мира – «Баржи ржавая щека» (похоже на запёкшуюся кровь), на плакате – драный фюрер «против красного (опять цвет крови. Прим. авт.) штыка», медный рупор у рта человека, который сейчас, пусть и без злого умысла, разлучит тех, у кого только что, возможно, появилась надежда на поддержку и тепло. Выразительные звукопись, цветопись... А вокруг героев будто приглушённые краски: ветер «гонит пыльные волчки» – появляется серый цвет, блеклый, сами герои – две пылинки, да и воду видят «в обрывках дыма», те же серые клочки, закрывающие будущее...

***

Таким – принципиальным, готовым бороться за Добро и Справедливость, но и ранимым, чутким, мягким предстаёт лирический герой и в других произведениях Александра Брона. А большая часть его лирики – это разговор о любви. Образ любимой женщины меняется, это нежная доверчивая девушка в стихотворении «В общаге, на вагонной полке...», где ещё и не любовь, а лишь предчувствие её, ожидание:

Когда во тьме сырой и зыбкой
Тускнеют звёзды и луна,
Её доверчивой улыбкой
Тропа моя освещена.
……
Я знаю грусть её спокойную,
Морщинку тонкую у губ.
Давно люблю её такою,
Но только встретить не могу...

Для этой девушки герой пишет стихи, хочет, чтобы они ей понравились. Не нужны ему большие журналы, он скромен, но точно знает:

В общаге, на вагонной полке,
У коммунального огня,
В Москве, в тайге, в любом посёлке,
На Ангаре или на Волге,
А где-то ждёт она меня...

Похожа на девушку из будущего и героиня стихотворения «Останься». Она провожает героя на вокзале...

...И вдруг
«Останься!» – она прошептала.
Шепнула,
И ветер качнул провода.
Сухую листву разметал.
«Останься!»
И что-то, чего никогда
Я в этих глазах не видал.

Тихие слова, но сколько в них силы, если их так явно слышит природа, если на них реагирует ветер. Герой уезжает, но и в стуке колес слышит тихое и упрямое «Останься!».

И в любых отношениях, как и в принципе в жизни, ценнее всего правда, которую можно сказать друг другу:

Это счастье – ничего не прятать,
Ни о чем на свете не жалеть.
Будет жизнь хорошая, плохая –
Неизвестно, что там впереди…
Складывает крылья, отдыхая,
Бабочка у милой на груди...

А там, где бабочка, – жизнь, трепет, счастье и тепло, что бы ни ожидало потом. Ради забавы любимой и луну с неба достать можно:

Если хочешь, тебе на колени
Положу для забавы луну.
Вот она, со щербиной у края
Золочёного шара. Причём,
Ты бы стала колдуньей, играя
Фантастическим этим мячом.

Но лирическая героиня всё такая же, она скромна и капельку осторожна:

– А если?
Вдруг уроним и разобьем?

Это и дополнительная характеристика героя – ему можно доверять безусловно, она не сомневается, что он луну достанет, сомневается лишь, стоит ли это делать...

И действительно, лирический герой Брона достоин доверия. Он умеет

очаровывать, он обаятелен, но и остановиться вовремя (пусть и с помощью героини, что вызывает немного грустную улыбку) способен:

Никому не скажешь, даже маме,
Коли поцелую и спрошу:
– Хочешь пересохшими губами
Прикоснуться к звёздному ковшу?
Подожжём и праздники, и будни –
Пусть горят, бросая алый свет.
Рассказать тебе, что с нами будет
Через год? А через десять лет?
Люди осторожны и колючи,
Но в душе доверчивы они.
Никому не скажешь... Только лучше
Ты меня сегодня прогони.

И снова броновская живопись крупными мазками. Да, его лирика живописна, причем определить стиль, направление его в этом смысле бесполезно даже пытаться. Выпуклые масляные мазки в стихотворении, которое я только что цитировала. Сочетание карандаша и, я бы сказала, гуаши – «Память о первой разлуке», переливы венецианского стекла, драгоценной мозаики – «Малиновка»... А в любовной лирике реалистическая точность деталей, свойственная обычно живописи масляными красками, будто перемежается с легкостью акварели. Если проводить параллели с брянскими художниками, раз уж говорим о брянском поэте, то я бы назвала Евгения Васильевича Фетисова, одну из выставок которого мы так и назвали «Запечатлённый свет». Живопись, про которую нередко спрашивают – это акварель? Настолько она легка… Попробую проследить эту запечатлённость света и цвета на примере стихотворения «Это было давно». Акварельная лёгкость проявляется в самом начале, в первых строках:

Шубку в угол повесила
И как-то доверчиво
Сказала: «А что мы
Будем делать до вечера?»
День большой и прозрачный,
Снег по красным карнизам.
Воздух в маленькой комнате
Зимним солнцем пронизан.

Всё просто – но прозрачность воздуха подчеркнута золотом солнечных лучей, а их сочетание с красным делает происходящее праздником. Мебель, книги, пластинки... И вот уже солнечный день наполняется звучанием стихов и музыки, здесь Луговской, Смеляков, Евтушенко, здесь – пусть не звучат, но присутствуют, а значит, мелькают фоном, создавая настроение, – «фокстро-

ты и полечки», «переливисто» поёт Нечаев. Обратите внимание – переливы солнечных лучей, отражающихся от снега, подчеркнуты переливами музыки. И вдруг – невозможно резкий переход к чёрно-белой графике (может быть, чуть смягчённой сепией): герои перелистывают семейный альбом, читают в учебнике, «Как по степям / Кочевали кочевники», режут хлеб, наливают молоко... И снова мелькает солнечный лучик – молоко наливают «До того ободка золочёного». Невероятная картина, даже не одна – на общем акварельном золотисто-прозрачном фоне меняются картины в стихотворении… А всё вместе создает ощущение нежности, это образ рождения любви...

Намёк на возможность любви, потом, в будущем, скорее, даже предчувствие любви – в стихотворении «Окно». И снова – графика и акварель, сияющая мозаика и тёплое свечение масляных красок: вечерние, чуть подсвеченные фонарями, сосульки, накрывшая город пуховым платком белая метель... И вот появляются краски: сиреневый луч звезды выхватывает кариатиду на доме, на ветвях ели – изумруды. Лист графики, а рядом – великолепие мозаики. А дальше, несомненно, живопись:

Морозным кружевом светилось
Окно на первом этаже.

Юный герой сквозь это окно попадает в кукольную сказку, видит девичий силуэт… Окрик дворника возвращает его из сияющего мира в реальность, но воспоминание о чуде остается. И оно противостоит серости будней:

Но через годы, как ни странно,
В холодной тьме, в далекой мгле,
Он вспоминает кукольные страны
И тень от банта на стекле.

Не это ли воспоминание получило свое продолжение в грустном, даже горьком, наверное, стихотворении о неизбежности одиночества, вызванного индивидуальностью, неповторимостью каждого человека:

Пьёшь чай или вино,
С умом иль бестолково
Живёшь, а всё равно
Другого нет такого.
В одной постели спим,
Сидим в одном вагоне,
Но каждый со своим
Рисунком на ладони.
И огонёк на дне
Случайных чьих-то глаз,
Как свет в чужом окне
Притягивает нас.

Где любовь – всегда найдётся место боли. Тем более если поэт не умеет закрывать глаза на реальную жизнь. У Александра Брона есть и разлуки, и расстояния, и безответные чувства... Иногда стихи даже кажутся жестокими:

Там, где спокойно ест улитка
Цветов малиновую злость,
В окно мне кинули улыбку,
Как псу обещанную кость.
И рожки спрятала улитка,
Держа свой домик навесу.
Иди… А я твою улыбку
В зубах отсюда унесу.

Сравните малиновый здесь, почти холодный, и красный с золотом в стихотворении «Это было давно». А ведь почти близки... Но ещё печальнее, когда любовь была, но умерла, когда чувство ушло, осталась лишь холодная, такая ненужная свобода:

Свободен.
Теперь хоть лети, хоть плыви...
Стоит чемоданчик у ног.
Что было, то было. К останкам любви
Положен прощальный венок.
Простая могилка, венок жестяной,
Старушечий шёпот у нас за спиной...

Совсем другое чувство передано в стихотворении «Оранжевый берет». Лирический герой встретил любовь («Думаем, что нет любви на свете, / А она ударит, как кинжал»), но чувство героиня не разделяет, поэтому приходится платить болью «За надежду счастье, как подкову / Одиноким вечером найти».

Есть любовь. Темны её законы,
Всё колдует, правит без суда.
Хоть сто лет
мы будем лишь знакомы,
А близки не будем никогда.

Но и такая любовь ценна, это подтверждают невероятно красивые образы окружающего героев мира, например:

Где-то сны, лазоревые птицы
Пролетают, крыльями шурша…
……
На ресницы,
Холодно ликуя,
Ветер звёзды сыпал из горсти...

Сейчас часто говорят, что написано «вкусно», после отношений осталось «послевкусие», но это унижает, мне кажется, и написанное, и уж тем более чувства. И тем ценнее такие авторы, как Александр Самойлович Брон, которые могут парой строк, парой слов выразить и чувство, и определить, что же от него осталось. Ярче всего это проявилось в стихотворении «Курортный роман», которое оканчивается так:

Десятый день... «Декамерон» прочитан.
Остались комментарии к нему.

Ни намёка на пошлость, ни намёка на обычность и обыденность произошедшего – и в этом весь поэт.

***

Разбирая листы со стихотворениями Александра Брона, в какой-то момент я начала откладывать произведения, которые назвала бы философскими. И набралась стопка, в которой рассуждения о счастье и одиночестве, о жизни и смерти. Красивые и лёгкие, грустные и горькие, добрые и мягкие – нет, не к себе, к другим. В отношении себя поэт всегда требователен, ироничен, порой жесток. Одно из таких стихотворений – «Так просто»:

Давайте не будем толкаться локтями,
Давайте мы счастье нарежем ломтями,
Возьмём и поделим, как булку к обеду:
Министру и клерку,
Тебе и соседу.
Так, чтобы досталось – ну, хоть понемногу
Солдату в поход
И бродяге в дорогу.

На всех делит «румяное счастье» поэт, себе оставляя лишь последние крошки. Но ведь и вправду – дарить и раздавать всегда лучше, чем прятать для себя одного. Светлое произведение, в котором счастье сравнивают с хлебом, отламывая всем «по тёплой горбушке», но ни в коем случае не приравнивают к еде, ведь хлеб для поколения детей войны остался навсегда огромной ценностью, ценностью, ни с чем не сравнимой. Тема продолжена в стихотворении «У наковальни», предваряет которое эпиграф «Каждый человек – кузнец своего счастья». И вдруг оказывается, что, как ни старайся, какие правильные чертежи ни начерти, а счастье своенравно, не дается:

Мудрец,
Назови мне
Того кузнеца,
Что эту работу
Довел до конца.

Может, большего добились бы «те, что любят точность», а у лирического героя философских произведений Брона «...порядка / Всё нет ни в жизни, ни в душе».

Интересно и то, что даже в своей философии поэт остаётся брянским жителем, один из его героев – Козьма Прутков, создание А.К. Толстого и братьев Жемчужниковых. Именно к нему обращен призыв:

Стань вроде гласа трубного
И укажи перстом,
Как много в мелком крупного
И сложного в простом.

Как порой не хватает нам Козьмы Пруткова, может, относились бы к себе менее серьёзно... А значит, сохранили бы способность удивляться миру и принимать жизнь со всеми её невзгодами, загадками и чудесами, ведь:

Мир, понятный стариками детям,
Все ещё хорош, как ни суди.
Катит поезд... Раз куда-то едем,
Значит, ждём чего-то впереди.

Если человек прислушается к себе, к окружающим, он увидит, что многое – проще, чем представляется на первый взгляд, для этого надо только внимательно посмотреть:

Вот и дожди отрыдали,
Стали прозрачными дали,
Тихо над городом встали
Радуг цветные мосты.
Так посмотри – не проста ли
Радуга в синем кристалле,
Наши мечты и печали –
Разве они не просты?

Есть у Александра Брона явно более позднее стихотворение (на листах не проставлены даты), в котором простота получила совсем иную трактовку. И если в стихотворении «Вот и дожди отрыдали...» много света, радужного сияния, переливы граней небесного кристалла, то в «Упрямо и надолго…» все серое, тёмное и мутное:

Упрямо и надолго
Дождь. Пусто, серо.
И фонарей наколка
На тощих рёбрах сквера.

Даже блеск от дождя на дороге – и тот мутный, что подчёркивает полную безнадёжность:

Не горечь и не радость –
Устал я после хвори.
Нахлынула бы радость,
Ударило бы горе...

Разочарование, понимание того, что больше уже не решаешь ничего в своей жизни – итог и стихотворения, и многих размышлений поэта:

Судьба – она у края
Небрежно карты мечет.
Игра её слепая
Проста, как чёт и нечет.

Первоначально, концовка стихотворения показалась мне чёрно-белой, но потом пришло осознание полной темноты – «слепая». И всё же это настроение, а оно меняется. И не зря в философской стопке оказались стихи о лесе и грибах. Александр Самойлович был настоящим грибником. Даже вёл в «Брянской газете» колонку «Горожанин за городом». В лесу ему было всегда хорошо («Мне хорошо. С утра без грусти / Брожу в серебряном бору»). И самое главное, опять всё становится простым, как в счастливые времена:

Избёнка у лесной дороги,
Ключа холодная струя…
В такое утро нет тревоги
О высшей сути бытия.
Вот закурю, умом раскину:
Чего ещё мне? Жив-здоров.
И лес кладёт в мою корзину
Щепотку от своих даров.
Тепло – как раньше, как вначале
От малой радости земной.
И ни одна из ста печалей
Не увязалась вслед за мной.

В любимом лесу и оборвалась жизнь поэта, он собирал грибы...

***

Удивительный поэт, в лирике которого много примет времени – поездки в колхоз, барышня в фотоателье, с трудом отрывающаяся от «Трёх мушкетёров» ради посетителей, жизнь молодого агронома, только что после института приехавшего в село, а ещё очень много вневременного. Написанного то ли задолго до нас, несколько веков, может быть, назад, то ли вчера... Я начала очерк со сказки. Чудесными сказками Александра Брона хочу его и окончить.

В стихотворении, которое так и называется «Старая сказка» вы встретите лирического героя, который то странник, то седой фарисей, то бродячий актёр,

то кот в сапогах... А маркиз, которому преданно служил талант последнего...

С улыбкой неясной и слабой
За сказками Шарля Перро
Он дремлет.
И ветер над шляпой
Колышет фазанье перо.

Как же хочется и самим сохранить до старости желание читать сказки… Впрочем, сказки тоже лучше читать свои, тем более в наших лесах скорее избушку на курьих ножках встретишь, как в стихотворении «Чудо-Юдо», а не маркизов с котами:

Еле видимой дорожкой
Приближаясь к тем местам,
Где изба на курьих ножках
Любит шастать по кустам.
Ну, красотка! Мох на крыше,
На боку растут грибы.
Но бежит, себя накрывши
Тёплым дымом из трубы.

Мягкий юмор, тёплый, как платок метели и дым из трубы, любовь к родным местам, которые сразу видятся заповедными... Ну кто ещё будет уговаривать избушку на курьих ножках, что она не птица, а «дом, в конце концов». Но избушка не слушается, убегает, да и сам автор согласен, что так правильнее:

И пошла, ворон пугая,
Одуванчики топча.
Вот зашлёпала по ряске,
По болоту прямиком...
А куда ей? Только в сказки.
Или в омут чердаком.

А ведь есть у Брона не только сказки, но и баллада, написанная в духе ярчайшего представителя русского романтизма Василия Андреевича Жуковского...

Конечно, одного очерка для обзора творчества Александра Самойловича Брона недостаточно. Те рукописи, которые сохранились, хотелось бы опубликовать, чтобы они были доступны всем. И сейчас мы с журналистом Ириной Чернявской начинаем работу над книгой стихов замечательного брянского автора. К сожалению, пока что не получилось найти родственников и попросить разрешение на выпуск книги в рамках проекта «Брянская коллекция. Малая серия». Будем благодарны, если откликнутся люди, знающие дочь А.С. Брона или других его родственников.

Маркина И.В. (г. Брянск)

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ДВА РУССКИХ ПОЭТА, И.С. АКСАКОВ И Ф.И.ТЮТЧЕВ, СТАЛИ РОДСТВЕННИКАМИ, ИЛИ «НЕВСТРЕЧА В КАЛУГЕ»

«<...> Ах злодей – город Калуга
Разлучил от мила-друга!
Новейший песенник <...>»
Из письма И.С. Аксакова от 18 сентября 1845 года

В 9 часов вечера 7-го сентября 1845 года в калужской гостинице «Киев» сидел молодой человек, чье «прескверное» перо выводило строки письма, адресованного «милому отесиньке, милой маменьке, Косте и всем сестрам». Имя этого юноши, как, впрочем, и его отца, навсегда останется в истории русской литературы. Итак, тихим сентябрьским вечером в доме на улице Никитской (сегодняшний адрес этого дома таков: ул. Ленина, 119) сидел Иван Сергеевич Аксаков (26 сентября/8 октября 1823 – 27 января/8 февраля 1886). Он приехал в губернский центр с тем, чтобы вступить в должность товарища председателя Калужской уголовной палаты, коим оставался с августа 1845-го по май 1847 года[1]. Судьба свяжет нашего героя с еще одним, не менее известным литератором, который примерно в это же время намеревался посетить Калугу. Однако всему свой черед... Теперь же нас интересуют письма Ивана Сергеевича, которые так хорошо характеризуют нравы калужан середины девятнадцатого столетия.

В вышеприведенном послании автор рассказывает о «поразившем» его костюме калужских крестьянок: «<...>Вообразите себе довольно высокий головной убор, такого вида (здесь Аксаков попытался даже зарисовать его. – Прим. авт.) четвероугольный спереди. Из-под этого убора выпускают они – я думал сначала, что букли, мелкие, какие носили лет 12 тому назад, – нет, не букли, а черный крупный бисер, что совсем некрасиво. Рубашку подвязывают на четверть ниже талии (сарафанов я не встречал), да еще же выдергивают ее, так что она висит еще ниже, а сверх рубашки надевают поневы, юбки, которые подвязывают рубашку. Не знаю, как в праздник, а будничный костюм слишком небрежен и некрасив вовсе». Калугу автор называет «довольно большим городом», который виден еще за пять верст (как мы помним, верста соответствует приблизительно одному километру). Номер, отведенный новому постояльцу, был «довольно чистый». На следующее утро, «натянув мундир», новоиспеченный калужский чиновник отправился с визитом к Губернатору Николаю Михайловичу Смирнову, который принял его «чрезвычайно ласково», угостил «пахитоской» [2].

Конечно же, молодому человеку хотелось осмотреться, прогуляться по городу, который предстал перед ним «большим», «мощеным», да еще и с «прекрасными» зданиями и «чудесными видами». А уж какой была погода [3]! Свято-Троицкий кафедральный собор «просторен и светел»! Из него Аксаков прошел на бульвар, расположенный на живописном берегу Оки, откуда открывались «чудесные виды». Бульвар «очень хорош, не в виде вытянутой линии, а целого сада», который «тенист и развесист» [4].

Поселился Иван Сергеевич в доме на Дворянской улице (ныне – улица Суворова) у поручицы Ивановой, поскольку «жить с лошадьми в гостинице дорого». Домик же «2-хэтажный, деревянный, со всеми принадлежностями, даже с чистенькой баней» [5]. Однако вскоре выяснилось, что квартира не так уж и хороша, как показалось на первый взгляд: «дешево, да дрянно»! И вот незадача-то: стены хоть и чистые, но «пачкают», да еще и «немножко пахнет кухней», маловато мебели и прочее [6]. Придется менять квартиру! Уже к началу ноября 1845 долгожданный переезд должен был состояться... И вот желанный день наконец-то настал! Счастливый обладатель нового жилья спешил поделиться с родителями первыми впечатлениями от пребывания в нем: «<...> Теперь же я нанял у самых присутственных мест, у Каменного моста, большой каменный дом, который жители, читавшие Вальтер Скотта, прозвали Аббатством. Вы знаете, что прежде Калуга была вся на берегу реки, и только лет 60 тому назад стали строиться дальше от берегу. Но лучшие кварталы в древности были там. Подле этого дома, где я нанял, стоит дом, которому считается более 300 л<ет> [7]. В нем еще живет то самое семейство, которому принадлежало оно в древности; недавно только умер старик, лет 105, в полной памяти; он говорил, что и дед его, который был так же долговечен, не был строителем дома. Этот дом у меня справа, а налево виден из окон дом Марины Мнишек [8]. Вид у меня на Оку – чудесный. Дом этот принадлежит купчихе Борисовой [9], которая живет в нем сама уже лет 50; она одна, живет внизу, а верх отдавался внаймы и только что опорожнен одним постояльцем, который стоял в нем два года. Узорчатые печи, как в тереме, мебель старинная, в готическом вкусе, красного дерева, старуха хозяйка и соседство древностей – все это произвело на меня самое приятное впечатление, и я решился немедленно, тем более, что все мои знакомые хвалят эту квартиру. За верх я плачу 400 р<ублей> (у меня 5 комнат, но в моем же распоряжении состоят еще три или 4 комнаты отдельные, которых мне не нужно и которые будут заперты).<...>» [10].

Любуясь калужскими просторами, Аксаков не мог не восхититься ими и в мае 1846 года написал: «Чудесно хороши окрестности Калуги! Хотя деревья еще мало оделись, но я люблю эту юную, нежную, еще прозрачную зелень. Долго ехали мы берегом Оки, потом лесом, потом проехали мимо впадения

Угры в Оку... Местоположение Калуги на крутом берегу так высоко, что она нередко белеет или сверкает в отдалении. <...>Что это за места! Впрочем, я теперь радуюсь каждому дереву и еще сильнее чувствую свою связь с природой, и именно русской природой. Я ежедневно изумляюсь, видя, что начинаю весь окружаться зеленью. Все, что было голо и темно, покрывается травою, зеленеет... Вид у меня из комнаты на противоположный берег Оки так хорош, что я по нескольку часов провожу у окна». Ходил он и на богомолье в село, расположенное в «семи верстах» от Калуги, «где в церкви находится чудотворный образ Калужской божьей матери», которая изображается «без спасителя и с книгой в руках» [11].

В доме купчихи Борисовой Иван Сергеевич задержался дольше, чем на Дворянской улице: до августа 1846 года. Но и эта квартира не слишком устраивала молодого человека: зимой берет много дров, сыра! Да к тому же «многое» обрушилось в этом «старом строении», из окон которого «нестерпимо дует». Словом, нужны новые апартаменты. Да где же их искать? Пришлось остановиться на недавно отстроенном флигеле дома Семена Яковлевича Унковского. Куда Иван Сергеевич переехал к началу октября. А уж восторгам и счастью не было предела: «<...> Я уже отвык от такого ровного воздуха в комнате, чтоб нигде не дуло, нигде не было сыро, и чувствую теперь, какая разница жить в каменном или деревянном доме. Так как флигель этот только что отстроен, то он находится еще в девственной чистоте: нигде ни пятнышка, клопы и блохи ему еще чужды; двери, перегородка в том виде, в каком вышли из-под руки столяра, т. к. некрашеные, небеленые, а гладко строганые... У меня с передней 4 комнаты, из которых одна большая, с камином – мой кабинет. Дай бог, чтоб эта квартира была счастливее той» [12].

Однако если уж и не все дома губернского города приглянулись Аксакову, то Калужский театр, чьи «наружность и внутреннее устройство» для «провинциального» показались ему «очень порядочными», впечатление произвел. К тому же в калужском храме Талии и Мельпомены имелась «пребольшая сцена», да еще «два ряда лож, третий для райка, ложи литерные с обоих боков, губернаторская, вице-губернаторская, с особенной комнатой, диваном и камином, где можно курить». Впрочем, артисты показались «плохи» [13]. На сцене Калужского театра выступал знаменитый русский актер Михаил Семенович Щепкин, который иной раз приходил к Аксакову и на «утренний чай» [14]. В Калуге «давали «Ревизора», в котором «Щепкин играл, по обыкновению, очень хорошо» [15].

Еще 6 октября 1845 года Иван Сергеевич писал, что «в Калуге увеселения по-прежнему продолжают свирепствовать»: было дано три бала и два публичных обеда [16]!Что же касается знаменитого портрета Калужской Губернаторши Александры Осиповны Смирновой-Россет, на котором она изобра-

жена в восточном наряде, то оный «не поразил» Аксакова «с первого взгляда», однако, всмотревшись, поэт увидел, что «это красота, и глаза, кажется, глубокого качества» [17].

Ненадолго оставив Ивана Сергеевича Аксакова, заглянем в письма другого известного русского поэта, который, правда, только намеревался посетить Калугу в 1846 году. Если бы он приехал туда, то, возможно, литераторы могли бы и встретиться!

Речь идет о Федоре Ивановиче Тютчеве. Ниже приведены послания, адресованные поэтом супруге, Эрнестине Федоровне.Они написаны по-французски, поэтому процитируемих перевод на русский язык. Итак, 8 августа 1846 года Тютчев писал из Москвы: «<...> Тетушка Надежда Николаевна переехала на новую квартиру, но все в том же духе.<...> Она недавно видела в Калуге госпожу Смирнову <...> здоровье бедной Смирновой находится в плачевном состоянии. Я твердо решил по возвращении своем навестить ее. Мы рассчитываем выехать на будущей неделе, но я знаю только одно, а именно, что отъезд оттуда последует вскоре же за прибытием. <...>» [18]. В письме от 20 августа того же года, еще будучи в столице, Федор Иванович сообщал, что собирается отправиться в Брянск через Калугу, где он вновь «рассчитывает повидать госпожу Смирнову» [19]. И вот, наконец, Тютчев прибыл в свое родовое имение Овстуг [20], в котором 31 августа писал к супруге: «<...> На этот раз мне не удалось остановиться в Калуге и повидаться с госпожой Смирновой, но рассчитываю сделать это на обратном пути... Свидание с нею, приятное всюду и при любых обстоятельствах, будет мне сугубо приятным при возвращении из царства теней...<...>». Здесь следует обратить внимание на еще одно имя, которое окажется связующим звеном между двумя поэтами. Это Анна Федоровна Тютчева, дочь поэта. В письме к Эрнестине Федоровне он трогательно оправдывается перед ней: «<...> Скажи Анне, что я очень досадую на себя, что все еще не написал ей, и прошу у нее прощения со всем смирением, какое только допускает отцовское достоинство. Но пусть она пожалеет мои нервы, которые от писания расстраиваются до последней степени. <...>» [21]. И даже на обратном пути в Москву Тютчеву не удалось встретиться со Смирновой. 13 сентября он описал супруге историю своего прибытия в столицу с такими романтическими нотами, что невольно понимаешь: даже дурные дороги не могут быть помехой на пути любящего сердца! Итак, письмо Федора Ивановича: «<...> Ты знаешь, что я намеревался ехать через Калугу, где предполагал передохнуть деньдва у ног г-жи Смирновой и затем сделать еще два визита прямо по пути. Но по мере того, как я продвигался в этом направлении, дороги становились все непролазнее, почтовые лошади так редки, задержки и препятствия всякого рода из-за отсутствия лошадей так нестерпимы, что в конце концов я

Иван Сергеевич Аксаков в мундире Училища Правоведения. Рисунок А. Воробьева, 1842 год. Музей «Абрамцево».

Палаты Макаровых (ул. Пушкина, 16). Фото автора, 2014 год.

Икона Калужской Божией Матери. Фотография кон. XIX – нач. XX века. Калуга. Свято-Троицкий кафедральный собор.

Улица Дворянская. Фотография кон. XIX – нач. XX века.
Фотография конца XIX – начала XX века.

Палаты Коробовых. Фотография кон. XIX – нач. XX века. Дом купчихи Борисовой (ул. Плеханова, 86). Панорамный вид со смотровой площадки ЦПКиО, на территории которого располагался описываемый Аксаковым бульвар. Фото автора, 2016 год.

потерял терпение и мужество и понял, что я не в состоянии плыть против течения. И так проехав по отвратительной калужской дороге до почтовой станции, ближайшей к дороге, ведущей на Тулу (видишь, я преподаю тебе курс местной географии, и для того, чтобы с пользой прочитать мое письмо, тебе следует иметь перед глазами карту), итак, прибыв на станцию, ближайшую к тульской дороге, которая представляет собой шоссе, я почел совершенно естественным отклониться от намеченного пути и в конце концов ступил на этот лучший путь, положивший конец моим злоключениям и приведший меня через сутки в Москву, куда я бы прибыл на пять-шесть дней позже, если бы упорствовал в первых своих заблуждениях... Такова официальная версия, которую я прошу тебя сообщать всем, кто вздумает поинтересоваться, как получилось, что, будучи так близко от Калуги, я не заехал в нее... Все совершили дурные дороги. Но настоящая причина, которую я сообщаю только тебе и под большим секретом, та, что будучи уже более двадцати часов без весточки от тебя, я почувствовал, что привычка читать твои письма, уступившая было воображению, вдруг так взыграла во мне, что я ничего не мог с собой поделать.<...>». В этом же послании автор упоминает и: «<...> Стихи молодого Аксакова, который теперь находится при г-же Смирновой. Стихи эти были написаны, по-видимому, после бурного спора, в коем несколько пристрастная снисходительность дамы к человеческим слабостям натолкнулась на добродетельную нетерпимость молодого человека. Эти стихи, конечно, можно было бы счесть дерзостью по отношению к особе, которой они адресованы, если бы не условлено и не принято было считать, что в стихах, как под маской, можно сказать почти все безнаказанно. В самом деле, стихи всегда доказывали только одно: больший или меньший талант их сочинителя... И это начинает становиться верным и для прозы. За исключением все же той, что я адресую тебе» [22]. Скорее всего, Тютчев имел в виду стихотворение «Вы примиряетесь легко...», которое Аксаков адресовал А.О. Смирновой еще в июне 1846 года [23].

Что же касается связи между тремя названными именами, то она заключается в том, что фрейлина Государыни Императрицы Марии Александровны и воспитательница Ее августейшей дочери, великой княжны Марии Александровны, Анна Федоровна Тютчева, получив в конце июля 1865 года высочайшее согласие на брак с Иваном Сергеевичем Аксаковым, стала его супругой. Следует отметить, что и сама Анна Федоровна была литературно одаренной особой [24], а их переписку с 6 августа 1865-го по 5 января 1866 года называют «настоящим философским романом в письмах». Итак, свадьба состоялась 12 января 1866 года «в церкви Егория на Всполье, что на Малой Никитской» [25].

А что же Федор Иванович? В письме к Эрнестине Федоровне от 12 января 1866 года он с любовью описал все свадебные торжества: «*Итак, свадьба Анны, эта свадьба, из-за которой было столько волнений, стала, наконец, свершившимся фактом... <...> Сегодня утром, в 9 часов, я отправился к Сушковым, где нашел всех уже на ногах и во всеоружии. Анна только что окончила свой туалет, и в волосах у нее уже была веточка флердоранжа, столь медлившего распуститься... Еще раз мне пришлось, как в подобных обстоятельствах всем отцам – давно ушедшим, настоящим и будущим, держать в руках образ<...>. Затем я проводил Анну к моей бедной старой матери, которая удивила и тронула меня остатком жизненной силы, проявившейся в ней в ту минуту, когда она благословляла ее своей иконой знаменитой Казанской Божией матери. Это была одна из последних вспышек лампады, которая скоро угаснет... Затем мы отправились в церковь: Анна в одной карете с моей сестрой, я сам по себе следовал за ними в другой, и остальные за нами, как полагается... Обедня началась тотчас по нашем приезде. В очень хорошенькой маленькой церкви собралось не более двадцати человек... Было просто, достойно, сосредоточенно... <...> Когда возложили венцы на головы брачующихся, милейший Аксаков в своем огромном венце, надвинутом на лоб, смутно напомнил мне раскрашенные деревянные фигуры, изображающие императора Карла Великого. Он произнес установленные обрядом слова с большой убежденностью, – и я полагаю, или, вернее, уверен, что беспокойный дух Анны найдет, наконец, свою тихую пристань. – По окончании церемонии, после того как иссяк перекрестный огонь поздравлений и объятий, все направились к Аксаковым <...>. Обильный и совершенно несвоевременный обед ожидал нас в семье Аксаковых, славных и добрейших людей, у которых, благодаря их литературной известности, все чувствуют себя, как в своей семье<...>*»[26].

Литература, информационные источники и примечания

1.Аксаков Иван Сергеевич // Калужская энциклопедия / под.ред. Б. Я. Филимонова. Калуга : Издательство Н. Бочкаревой, 2000. С. 17–18; Аксаков, И. С. Письма к родным, 1844–1849 / И.С. Аксаков; изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М. : Наука, 1988. С. 169.

2. Аксаков, И. С. Письма к родным, 1844–1849 / И. С. Аксаков; изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М. : Наука, 1988. С. 169–172.

3. То же. – С. 172.

4. То же. – С. 173.

5. То же. – С. 174.

6. То же. – С. 182.

7. Возможно, в данном случае речь идет о палатах Макаровых, чей сегодняшний адрес: ул. Пушкина, 16. Однако утверждать, что Аксаков описывал именно их, мы все же не рискнем, поскольку временем постройки палат Макаровых называют первую треть XVIII века.

8. Это палаты купца Коробова. Их адрес в наши дни: ул. Плеханова, 88. Справедливости ради следует сказать, что Марина Мнишек быть в этом доме не могла, поскольку он появился только к концу XVII века, а знаменитая Московская царица польского происхождения находилась в Калуге в его начале.

9. Дом сохранился. Ныне его адрес: ул. Плеханова, 86.

10. Аксаков И.С. Письма к родным, 1844–1849 / И. С. Аксаков; изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М. : Наука, 1988. С. 204–206.

11. То же. – С. 249–252, 254.

12. То же. – С. 298–299, 316–317.

13. То же. – С. 184.

14. То же. – С. 253.

15. То же. – С. 254.

16. То же. – С. 188.

17. То же. – С. 191.

18. Тютчев Фёдор Иванович (1803–1873). Письма 1820–1849. С. 350–353 [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека [Официальный сайт] 1999–2016. URL: http://dlib.rsl.ru/viewer/01005432291#?page=1 (дата обращения: 09.10.2016).

19. Тютчев Фёдор Иванович (1803–1873). Письма 1820–1849. С. 358–362 [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека [Официальный сайт] 1999–2016. URL: http://dlib.rsl.ru/viewer/01005432291#?page=1 (дата обращения: 09.10.2016).

20. Недалеко от Брянска.

21. Тютчев Фёдор Иванович (1803–1873). Письма 1820–1849. С. 364–368 [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека [Официальный сайт] 1999–2016. URL: http://dlib.rsl.ru/viewer/01005432291#?page=1 (дата обращения: 09.10.2016).

22. Тютчев Фёдор Иванович (1803–1873). Письма 1820–1849. С. 368–373 [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека [Официальный сайт] 1999–2016. URL: http://dlib.rsl.ru/viewer/01005432291#?page=1 (дата обращения: 09.10.2016).

23. Примечания // Аксаков И. С. Письма к родным, 1844–1849 / И. С. Аксаков; изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1988. С. 632.

24. Вспомним хотя бы ее знаменитые воспоминания «При дворе двух императоров».

25. Аксаков, Иван Сергеевич (1823–1886). Иван Сергеевич Аксаков в его письмах [Текст]. Москва: Тип. М. Г. Волчанинова, 1888–1896. 23 см. Ч. 2: Письма к разным лицам,. т. 4: Письма к М. Ф. Раевскому, к А. Ф. Тютчевой, к графине А. Д. Блудовой, к Н. И. Костомарову, к Н. П. Гилярову-Платонову, 1858–86 гг.: со снимками с писем Ивана и Константина Сергеевича, Веры Сергеевны Аксаковых и матери их Ольги Семеновны. 1896. С. 179–180 [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека [Официальный сайт] 1999–2016. URL: http://dlib.rsl.ru/viewer/01003916144#?page=1 (дата обращения: 09.10.2016).

26. Тютчев, Фёдор Иванович (1803–1873). Письма 1860–1873. С. 121–124 [Элек-

тронный ресурс] // Российская государственная библиотека [Официальный сайт] 1999–2016. URL: http://dlib.rsl.ru/viewer/01005432324#?page=1 (дата обращения: 09.10.2016).

Званская Е.В. (г. Брянск)

КНИГИ ИЗ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ В.Н. ГОРОДКОВА КАК ИСТОЧНИК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ СВЕДЕНИЙ К БИОГРАФИИ АРХИТЕКТОРА

Личная библиотека – это не только своеобразный документ времени, но и отражение индивидуальности владельца. Значение такого документа особенно возрастает, когда библиотека принадлежала человеку, оставившему заметный след в истории науки и культуры. При жизни владельца библиотека – источник информации, она постоянно пополняется, отражает круг его интересов, одним словом, «живет». После смерти владельца у книжного собрания начинается второй этап – приобретение функции памятника культуры[15].

Фонд Брянской областной научной универсальной библиотеки им. Ф.И. Тютчева имеет свою специфику, так как создавался с нуля в послевоенный период. И потому на сегодняшний день не может похвастаться наличием владельческих коллекций известных людей из различных сословий дореволюционной России.

В БОНУБ до 2019 года хранилось лишь два частных книжных собрания. В 1967 году сотрудник Брянского краеведческого музея, ученый-геолог Александр Васильевич Арсентьев передал библиотеке свою коллекцию из 750 экземпляров изданий естественнонаучной тематики [18].

В 1997 году жительница Москвы Аделаида Федоровна Сороко преподнесла в дар библиотеке собрание из 1610 книг по искусству. Таким образом она выполнила волю собирателя этой коллекции, ее отца Федора Ефимовича Сороко, полковника авиации, который родился и до 20 лет жил в Брянске, но не забыл свой родной город [4].

В июле 2019 года фонды библиотеки пополнились еще одной ценной коллекцией книг. Профессор Брянского государственного инженерно-технологического университета А.В. Городков передал в дар библиотеке часть изданий из личного книжного собрания его отца – архитектора В.Н. Городкова.

Личность Василия Николаевича Городкова знаковая для истории архитектуры и градостроительства Брянской области. Более полувека своей жизни и творческой деятельности зодчий посвятил улучшению облика городов Брянщины. За этот период ему удалось реализовать более 50 своих

проектов, среди которых жилые и общественные здания, благоустройство территорий, градостроительные и ландшафтно-планировочные проекты. В разных по масштабу работах – от скромных обелисков до мемориальных комплексов – отражена деятельность зодчего по увековечиванию памяти воинов, павших в годы Великой Отечественной войны.

Значительный вклад В.Н. Городков внес в возрождение памятников архитектуры древности. Он заключался, прежде всего, в работе по реставрации церквей и храмов Брянской области. Будучи многолетним руководителем регионального отделения Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры, Городков немало сделал для сохранения историко-культурного наследия Брянского края.

Научное направление деятельности В.Н. Городкова было сфокусировано на изучении памятников архитектуры Брянской области. По результатам этой работы им опубликованы две монографии [7;11], изданы десятки статей, разработаны проекты реставрации архитектурных памятников, собран богатейший материал к изданию АН СССР «Свод памятников архитектуры и монументального искусства России» [21].

Свыше 30 лет жизни В.Н. Городков посвятил научно-педагогической деятельности. Она была связана, прежде всего, с Брянским технологическим институтом (ныне университетом). В.Н. Городков внес существенный вклад в профессиональную подготовку нескольких поколений инженерно-строительных кадров для Брянщины.

Подробности творческой биографии архитектора раскрыты в нескольких изданиях [3; 6].

После смерти архитектора его сыном ведется работа по переизданию трудов зодчего и публикации новых материалов из творческого наследия Городкова [8; 9; 10; 12]. И все же книги из его личной библиотеки смогут добавить еще несколько важных штрихов к портрету Василия Николаевича как многогранной творческой личности.

В одном из своих произведений современный британский писатель Ник Хорнби отметил, что: «...книги в наших домашних библиотеках – и прочитанные, и непрочитанные – это самое полное отображение нас самих, из всего, чем мы располагаем» [24].

Тематика большинства книг сразу дает представление о профессиональной деятельности их обладателя.

Владельческие надписи, сделанные Василием Николаевичем, зафиксировали дату приобретения каждой книги. Из них мы узнаем, что одни из первых книжных приобретений были сделаны в 1936 году. Это советские переиздания 1930-х годов фундаментальных теоретических трудов по архитектуре, впервые увидевших свет еще в XVI веке, – «Описание и применение

пяти ордеров» немецкого теоретика архитектуры Ганса Блюма[1] и «Четыре книги об архитектуре Андреа Палладио» [20].

Помимо книг, свидетельствующих о профессиональной деятельности В.Н. Городкова, в коллекции присутствуют несколько изданий, рассказывающих о других интересах владельца. Это «Диалоги Люциана»1908 года издания [16] и «История Египта», опубликованная в 1915 году [2]. Обе книги были приобретены в последних числах декабря 1975 года и показывают, что В.Н. Городков проявлял интерес к букинистическим изданиям, посвященным древнегреческой литературе и древней истории.

В букинистических магазинах были приобретены еще несколько книг. В 1938 году в Ленинграде Городков купил дореволюционное шеститомное издание «Истории русского искусства», подготовленное под руководством известного искусствоведа профессора И.Э. Грабаря [13], книга Аполлинария Михайловича Васнецова «Художество» 1908 года издания [5] была куплена в Брянске в 1969 году.

Зодчий отмечал не только дату, но и название города, в котором он покупал те или иные книги. Таким образом, книги являются свидетелями путешествий, которые совершал их владелец. География приобретений достаточно обширна: Брянск, Москва, Ленинград, Пенза, Петрозаводск, Гусь-Хрустальный, Ярославль, Кострома и еще многие города России. Из владельческих записей мы узнаем, что традиционным месяцем для путешествий Василий Николаевич выбрал август, а одним из любимых маршрутов являлось«Золотое кольцо России».

Пометы, сделанные на полях книг, рассказывают, какие проблемы приковывали внимание архитектора в тот или иной период времени. Так, заметки в книге, посвященной творчеству Кваренги [23], рядом с планом усадьбы в Ляличах говорят о тщательном изучении информационных материалов, касающихся усадебного комплекса графа П.В. Завадовского в российской провинции.

Владельческие надписи приоткрывают нам некоторые личные печальные и трогательные моменты в биографии Василия Николаевича. Книга «Древний Зашиверск» [19] была куплена им в Чернигове 15 августа 1978 года в память о своей матери, которая ушла из жизни в этот же день, когда будущему архитектору было всего 14 лет. Еще одна книга (альбом «Марфино» [17]) в память о матери в 60-летие со дня ее смерти была куплена во время поездки по городам Кижи-Кондопога-Петрозаводск.

Книги могут также поведать нам о круге общения владельца. На издании «Искусство паркостроения» [14] имеется дарственная надпись от ученика В.Н. Городкова Геннадия Колесникова. Он подарил книгу своему учителю в 1978 году. Городков встречался с Колесниковым еще как минимум один раз. В 1992 году в санатории «Снежка» тот преподнес ему в дар фотоальбом, по-

священный 1125-летию Смоленска [22].

Хранившиеся в некоторых изданиях открытки для подписки на книги, вырезки из газет (рецензии на книги, публикации о ходе реставрации памятников архитектуры), листки с записями для подготовки к лекциям свидетельствуют о стремлении архитектора ежедневно актуализировать свои познания в профессиональной сфере деятельности и желании делиться ими со своими учениками.

В последние годы жизни архитектор проявлял интерес к редким изданиям по истории книги, книжной графике, библиографии.

Все это свидетельствует о том, что данная коллекция не просто случайный набор книг, а объект книговедческого, культурологического и краеведческого исследования.

Литература и информационные источники

1. Блюм, Г. М. V colymnae или описание и применение пяти ордеров: о должном обосновании, правильном составе, равно как полезном и изящном применении таковых любым мастером при всякого рода архитектурных работах, ради вящей его выгоды и славы, наряду с прочими принадлежащими сюда сугубо необходимыми частями, каковы округлости карнизов, капители, оконные карнизы и т. п.; а также всевозможные правдивые изображения многих старинныхкрасивых построек, вычерченные с доподлинных древностей и со всей строгостью разобранные и нарисованные согласно правилам и разделениям Витрувия, Архимеда и проч. высокоученых математиков, все на утеху и пользу немецких любителей искусства, владеющих циркулем, линейкой и наугольником, с великим усердием и трудом выполнено и предано тиснению М. Гансом Блюмом из Лора на Майне / Ганс Блюм. – Москва, 1936 (MCMXXXVI). 111 с., 1 вкл. л. табл.: ил., табл.

2. Брэстед, Д.Г., Брэстед, Д. Г. История Египта с древнейших времен до персидского завоевания : в 2 т. Москва, 1915. Т. 2. 329 с.: ил., карт.

3. Василий Городков. Живопись, графика, рисунок, эскиз / [авт.-сост. А. В. Городков]. Брянск, 2015. 130 с.: ил., портр.

4. Васильев, А. Подарила 1610 книг : [Аделаида Сороко] /А. Васильев // БК Факт (Брянск). 1997. 20–26 июня (№ 25). С. 1.

5. Васнецов, А.М. Художество: опыт анализа понятий, определяющих искусство живописи / Аполлинарий Васнецов. Москва, 1908. 133 с.

6. Городков, А.В. Василий Городков: проекты, постройки, живопись, графика : [монография] / А. Городков. Брянск, 2010. 119 с.: ил., портр.

7. Городков, В.Н. Архитектурные образы Брянщины / В. Городков. Тула, 1990. 140 с.: ил.

8. Городков, В.Н. Каменная песня. Историко-архитектурный очерк о замечательном памятнике архитектуры Свято-Успенском Свенском монастыре близ Брянска / В. Городков. Брянск, 2014. 36 с. : ил., портр.

9. Городков, В.Н. Очерки архитектуры Брянского края / В.Н. Городков. Брянск, 2006. 239 с. : ил., [32] л. фот. – (История и культура Брянского края).

10. Городков, В.Н. Памятники деревянного зодчества Брянского края : приглашение к изучению памятников деревянной архитектуры / В. Н. Городков. Брянск, 2015. 143 с., [24] л. ил., портр.

11. Городков, В.Н. По старинным аллеям / В.Н. Городков. Тула, 1983. 141 с. : ил.

12. Городков, В.Н. Следы былого. Ляличи : историко-архитектурный очерк / В. Городков. Брянск, 2012. 30 с. : ил., карта, портр.

13. Грабарь, И.Э. История русского искусства / Игорь Грабарь. Москва, [1910–1913]. 6 т.

14. Жирнов, А.Д. Искусство паркостроения / А.Д. Жирнов. Львов, 1977. 208 с.

15. Ильина, О.Н. Личные библиотеки как памятники культуры // Мир гуманитарной культуры академика Д.С. Лихачева : Международные Лихачевские чтения, 24–25 мая 2001 г. СПб., 2001. С. 85–87.

16. Луис, П. Диалоги Люциана / Пьер Луис. Санкт-Петербург, 1908. 172 с.

17. Марфино: [альбом / авт. текста и сост. Н. К. Квятковская]. Москва, 1985. 151 с.: ил., портр.

18. Мурашкина, С.В. Коллекция местных изданий Брянской областной библиотеки как часть культуры региона / С.В. Мурашкина // II Тихановские чтения : материалы краевед. науч.-практ. конференции, 12 ноября 2007 г. / Упр. культуры Брян. обл., Брян. обл. науч. универс. б-ка им. Ф.И. Тютчева. Брянск, 2009. С. 196–200.

19. Окладников, А.П. Древний Зашиверск: древнерусский заполярный город / А.П. Окладников, З.В. Гоголев, Е.А. Ащепков. Москва, 1977. 211 с. : ил.

20. Палладио, А. Четыре книги об архитектуре. В 2 томах / Андреа Палладио. – Москва, 1936. Т. 1. Текст трактата. 348 с.

21. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Брянская область / Рос. акад. наук, Гос. ин-т искусствознания. М., 1998. 638, [2] с. : ил. (Свод памятников истории и культуры России).

22. Смоленск: фотоальбом: посвящается 1125-летию города / фот. А. Золотарева и др. М., 1988. 237, [2] с. : ил., фот.

23. Талепоровский, В. Н. Кваренги: материалы к изучению творчества / В.Н. Талепоровский. Ленинград–Москва, 1954. 116 с., 56 л. ил. (Мастера русской архитектуры).

24. Хорнби, Н. Логорея: [эссе] / Ник Хорнби ; [пер. с англ. А.Ю. Степанов]. Санкт-Петербург, 2006. 171 с.

Городков А.В. (г. Брянск)

К ИСТОРИИ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ПО АРХИТЕКТУРЕ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВУ БРЯНСКА (1990–2022)

Региональная историко-архитектурная тематика и соответствующие издания по этому направлению краеведения всегда вызывали повышенный интерес у общественности: историков, искусствоведов, краеведов, учащих-

ся. Однако до недавнего времени интерес к этой тематике и спрос на соответствующие книги нельзя было признать полностью удовлетворенным. Если не считать двух опубликованных в 1940-1950-х годы и ставших библиографической редкостью книг архитектора Б.П. Шавырина, посвященных планам возрождения города и его градостроительной истории, то до конца 1980-х годов эта тематика была почти полностью вычеркнута из издательских планов. Исключения составляли появлявшиеся в разные годы отдельные статьи архитекторов по различным актуальным аспектам градостроительства (разработка генпланов города, озеленение и благоустройство территорий, строительство и реконструкция значимых объектов). В конце 1980-х гг. в рубрике «Об архитектуре с пристрастием» областной газеты «Брянский рабочий» архитекторы имели редкую возможность высказать свои мысли и взгляды на практику застройки областного центра, проблемы сохранения историко-архитектурного наследия и на др. актуальные вопросы. Значительную роль в сохранении историко-культурного наследия Брянщины сыграли книги заслуженного архитектора РФ В.Н. Городкова (1914–1997).

Архитектурная летопись Брянска, активным «действующим лицом», ревностным хранителем и умножителем которой был В.Н. Городков, осмысливалась им на протяжении долгих послевоенных десятилетий. Результатом исследований стала его книга «Архитектурные образы Брянщины»(Городков, В.Н. Архитектурные образы Брянщины / В.Н. Городков. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1990. – 143 с.).

Архитектурные образы Брянщины. Вышедшая в 1990 году книга В.Н. Городкова существенно изменила ситуацию и сразу вызвала повышенный интерес специалистов и общественности к истории и современности архитектурного облика древнего города. Автор представил на суд общественности материалы многолетних исследований, проведенных им в период 1960-1980 гг. Книга объединила ряд очерков, посвященных древним городам области (Карачев, Мглин, Почеп, Севск, Трубчевск, Стародуб), а также истории архитектуры Брянска. Повествование об архитектурных вехах многовекового пути древнего Брянска завершалось периодом рубежа XIX–XX веков. И, таким образом, была не полной. Автор надеялся в следующем издании представить очерк об истории архитектуры Брянска в полном объеме, однако этого, к сожалению, не произошло.

Очерки архитектуры Брянского края (Городков, В. Н. Очерки архитектуры Брянского края / В.Н. Городков. – Брянск: ЗАО «Изд-во «Читай-город», 2006. – 240 с.). 15 лет готовилась к изданию эта книга В.Н. Городкова, в которой более половины очерков были опубликованы впервые, а историю архитектуры Брянска удалось дополнить периодом развития градостроительства

Брянска в XX веке, и, таким образом довести историко-архитектурное повествование до начала 1980-х гг. В книге нам удалось представить на должном уровне серию фотографий, как исторического плана, так современных. Материал книги давал возможность не только ознакомиться с наиболее полной историей архитектуры Брянских городов, но почерпнуть необходимую информацию, касающуюся авторства проектов зданий, реализованных в послевоенные десятилетия. Однако начатая работа В.Н. Городкова в этом отношении требовала уточнений и дальнейших исследований, подойти к которым мы смогли лишь в 2015–2018 гг.

Архитектура малых городов Брянского края (Городков, В.Н. Архитектура малых городов / В.Н. Городков. – Брянск: ГУП «Брян. обл. полиграфическое объединение», 2008. – 128 с.). «Памятники прошлого в наших городах – это обширный и неумолкающий лекторий, учащий патриотизму, способствующий эстетическому воспитанию, повествующий о великой роли народа в истории культуры. Забота о памятниках – это забота не только о прошлом, но главным образом о будущем, о наших потомках, которым они, несомненно, понадобятся. Десятки поколений сохранили для нас эти памятники, и долг наш передать эту культурную эстафету будущим поколениям» (Д.С. Лихачев). Этими вступительными словами начиналась книга заслуженного архитектора России В.Н. Городкова «Архитектурные образы Брянщины». В период подготовки к изданию мы посчитали целесообразным несколько изменить прежнюю структуру, включив в переиздание только очерки, посвященные архитектуре малых городов Брянской области. Изначально именно такая структура книги была задумана автором. Обратить внимание на уникальное своеобразие городов Брянщины, на их памятники архитектуры и историческую рядовую застройку как среду существования бесценных памятников с тем, чтобы сохранить историческое лицо каждого из них, чтобы новое строительство велось не на руинах старого, а в гармонии с ним – именно такие цели ставил перед собой В.Н. Городков, детально исследовавший архитектурное наследие шести малых городов Брянщины (Мглин, Почеп, Севск, Стародуб, Трубчевск, Карачев) в 1970–80-х гг. В.Н. Городков впервые исследовал стилевую своеобразность и неповторимость архитектуры малых городов области, где свидетели древней истории городов равноправно включались в более позднюю застройку и современный ландшафт. Включение очерка о мастерах деревянного зодчества в настоящее издание также было целесообразно.

Памятники деревянного зодчества Брянского края. Книгу удалось издать с серией исторических и современных фотографий (Городков, В.Н. Памятники деревянного зодчества Брянского края / В.Н. Городков. – Брянск: ООО «Буквица», 2015. – 144 с.). Более 50 лет рукопись книги В. Н. Городкова

В. Городков
По старинным аллеям

В. ГОРОДКОВ
АРХИТЕКТУРНЫЕ ОБРАЗЫ БРЯНЩИНЫ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА БРЯНСКОГО КРАЯ
В.Н. ГОРОДКОВ
ОЧЕРКИ АРХИТЕКТУРЫ БРЯНСКОГО КРАЯ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА БРЯНСКОГО КРАЯ
В.Н. Городков
АРХИТЕКТУРА МАЛЫХ ГОРОДОВ БРЯНСКОГО КРАЯ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА БРЯНСКОГО КРАЯ
В.Н. ГОРОДКОВ
ПАМЯТНИКИ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА БРЯНСКОГО КРАЯ

В. ГОРОДКОВ
Каменная песня
Историко-архитектурный очерк о замечательном памятнике архитектуры Свято-Успенском Свенском монастыре близ Брянска

А. Городков
Василий Городков
Проекты, постройки, живопись, графика

Василий Городков
Живопись, графика
рисунок, эскиз

БРЯНСК
очерки истории архитектуры

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА БРЯНСКОГО КРАЯ
А.В. ГОРОДКОВ
Е.С. ИЛЬЧЕНКО
ЗОДЧИЕ БРЯНСКА

Историко-культурное наследие Брянской области
Злынка
Жарачев
Новозыбков
Мглин
Почеп

Историко-культурное наследие Брянской области
Трубчевск
Клинцы
Севск
Стародуб
Сураж

ожидала своей встречи с читателем! Книга создавалась в период 1970-х гг. в ходе выявления, исследования и изучения многочисленных памятников деревянной архитектуры Брянской области, которые в разной степени еще сохранялись на родной земле. Автор знакомит нас с историческими обстоятельствами строительства храмов, обращает внимание на конструктивные и архитектурные детали сооружений, показывает роль памятника в окружающем ландшафте и, практически всегда, рекомендует возможные пути использования древних построек из дерева, исключающие их дальнейшее разрушение. В целом, в книге была сделана первая попытка по историко-архитектурной классификации памятников деревянного зодчества, попытка увидеть, понять, прочесть и объяснить их архитектурно-художественные и конструктивно-строительные качества, уяснить их историко-архитектурную ценность и пользу в формировании национального самосознания.

В середине 1980-х годов, понимая бесперспективность опубликования своей работы, В.Н. Городков решает издать часть книги – материал об исследовании Злынковской школы деревянного зодчества, отдельным очерком. И это явилось правильным шагом. Архитектору удалось опубликовать очерк в прижизненном издании в книге «Архитектурные образы Брянщины». Время показало, что увлекательное повествование автора о школе Злынковских мастеров не оставило равнодушным читателя. Написанный сочным литературно-повествовательным языком очерк на долгие годы стал «визитной карточкой» края искусных мастеров – города Злынки. Изучая истоки деревянного зодчества Злынковской школы мастеров, архитектор выявил редкое ее своеобразие, отличное от школы Верхневолжья, изобретательность, высокое художественное чутье и находчивость. Именно Городкову мы обязаны открытием теперь уже почти полностью забытых имен строителей, удивительных мастеров прошлого…

Однако основной материал исследований по-прежнему оставался неведомым читателю... В 1989 году В.Н. Городков вновь обращается к рукописи, вносит в нее отдельные поправки, изменяет заключительную главу, из которой мы сегодня видим, что автор любыми путями пытался донести материал до читателя. Новое целевое предназначение книги В.Н. Городков определяет как «пособие», предназначенное активистам Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), главная цель которого – «побуждение творческой интеллигенции и всех, кому дорого культурное наследие, к продолжению работы по выявлению, фиксации, обследованию и изучению памятников деревянного зодчества, сохранившихся на территории Брянского края». Такая цель во многом актуальна и сегодня. При этом автор предполагал распространить неопубликованную рукопись в районные отделения ВООПИиК, однако и этого, к сожалению, не произошло... Из-

дание рукописи стало реальностью в 2015 году. Почти полувековой период «небытия» для книги успешно завершился, и работа заслуженного архитектора России В.Н. Городкова предстала перед читателем, не потеряв при этом своей актуальности, ценности исторического документа эпохи и яркой художественной выразительности.

В 2010–2015 годы нам удалось осуществить издание двух монографий, посвященных творчеству В.Н. Городкова. При поддержке Брянской государственной инженерно-технологической академии в 2010 году вышла в свет монография «Василий Городков. Проекты, постройки, живопись, графика» (Городков, А.В. Василий Городков: проекты, постройки, живопись, графика: [монография] / А. Городков. – Брянск, 2010. – 119 с.: ил., портр.). Более 100 фотографий содержит иллюстративная часть издания, где представлены фоторепродукции проектов, виды зданий и сооружений, осуществленные строительством. Раздел живописи и графики содержит фоторепродукции и рисунки архитектора. Монография была представлена на Международном фестивале «Зодчество-2010» и отмечена Почетным дипломом СА РФ.

Работа последних лет над документами из личного архива архитектора позволила выявить ряд новых, ранее неопубликованных художественно-графических работ, выполненных в разные годы. Это послужило началом работы над изданием альбома проектных и художественно-графических работ. Издательский проект «Василий Городков. Живопись, графика, рисунок, эскиз» был осуществлен в 2015 году (Василий Городков: живопись, графика, рисунок, эскиз / авт.-сост. А.В. Городков. – Брянск : «Буквица», 2015. – 136 с.). Издание преследовало цель наиболее полно познакомить специалистов, а также всех интересующихся его творчеством читателей с художественно-графическими работами архитектора-художника. Многие художественно-графические работы зодчего малоизвестны и требуют дополнений. Это относится, главным образом, к многочисленным рисункам архитектора-художника и особенно к наброскам, эскизам, зарисовкам, ценность которых для углубленного анализа художественного творчества вполне очевидна. Сохранилось большое количество рисунков, выполненных в городах Прибалтики, на Карельском перешейке, в Чернигове, в Новгороде-Северском, Пскове, Новгороде, на Валааме, в городах верхнего и среднего Поволжья, в малых городах России – Рыбинске, Касимове, Мышкине, Стародубе, Муроме, Константинове... Именно эта часть творческого наследия архитектора долгое время не была изучена и составляла значительное количество небольших набросков в записных книжках архитектора. В основном это зарисовки с натуры, выполненные быстро, но удивительно точно фиксирующие пропорции объектов и их перспективные ракурсы. Часто наброски создавались за считанные минуты, например при прохождении объекта за бортом тепло-

хода, по ходу пешеходной экскурсии в городах. Более детально зарисовки выполнялись в иных условиях, когда можно было сосредоточиться на композиции и деталях привлекшего внимание объекта зарисовки.

Мы не ставили задачи дать исчерпывающий искусствоведческий анализ художественно-графических работ архитектора, оставляя эту перспективную возможность профессионалам. На наш взгляд, более реальной целью издания собрания рисунков архитектора-художника являлось ознакомление читателей с широтой диапазона творческих работ, их своеобразием, манерой исполнения, профессиональным чутьем единения природы и архитектуры... Еще одна цель издания альбома – сохранить это собрание графических работ В. Н. Городкова для будущих поколений, которые, будем надеяться, по достоинству смогут их оценить.

Существенным событием стало издание в 2018 году монографии-альбома «Брянск. Очерки истории архитектуры» (Городков, А. В. Брянск: очерки истории архитектуры / А.В. Городков, Е.С. Ильченко, С.В. Ушкалов. – Брянск, 2018. – 100 с., [1] с.: ил., портр.). Основываясь на историко-архитектурных исследованиях В.Н. Городкова, авторы значительно расширили рамки исследований, провели углубленные архивные изыскания, выявили ряд новых имен зодчих, участвовавших в застройке города. Это позволило систематизировать по историческим и стилевым признакам главные периоды развития архитектуры и градостроительства Брянска, доведя хронологические рамки до 1990-х годов XX века. Авторы стремились показать, что архитектурная привлекательность Брянска своеобразна и неповторима. Сочетая в себе разные архитектурные стили, сохраняя и приумножая богатейшее культурное наследие, город продолжает расти и развиваться на традиционной основе.

В структуре монографии разработанные авторами исторические маршруты осмотра памятников архитектуры Брянска, рассказ об их творцах. Этот подход помогает по-иному взглянуть на площади и улицы, здания и храмы, окружающие нас, глубже понять и осознать значение и необходимость сохранения градостроительного наследия для нынешних и будущих поколений жителей славного города.

Архитектурный образ древнего Брянска, создававшийся веками, своим художественным и градостроительным уровнем обязан творчеству безымянных зодчих. Древние мастера не оставляли своих имен на творимых ими произведениях. Не сохранила их и история. Но и в наше время мало кто знает имена архитекторов, которые сегодня вкладывают свои чувства и мысли в зримые образы, затем воплощаемые в камне и дереве, бетоне и стекле.

Авторами вышедшей в 2018 году монографии «Зодчие Брянска» (А.В. Городков, Е.С. Ильченко. Зодчие Брянска: материалы к биобиблиографиям

Дворянские усадьбы Брянского края: из истории культурного наследия Брянщины. Коллективная двухтомная монография, посвященная различным аспектам усадебной культуры региона.

брянских архитекторов. – Брянск: АВЕРС, 2019. – 280 с., илл.) предпринята попытка на основе историко-архивных изысканий, сбора различных материалов восстановить творческий путь архитекторов конца XIX-XX веков, дать краткие биографические и творческие данные архитекторов периода 1900-1980 годов XX века, наиболее активно работавших творчески. Тематическое построение материала, основанное на хронологическом принципе, представляет собой серии статей, посвященных биографиям и творчеству старшего поколения брянских архитекторов: Н.А. Лебедеву, Б.П. Шавырину, М.С. Розовскому, А.Э. Фридману, З.И. Озеровой, Р.В. Рейшеру, В.Н. Городкову, А.А. Саломахину, Н.В. Куспаку, Г.А. Гвоздикову, А.Е. Певцову, а также Ю.И. Тарабрину и В.Ф. Сидорову. В книгу включены также материалы об архитекторе А.З. Гринберге, творческий вклад которого в застройку города весьма значителен. Биографические материалы иллюстрируются фотографиями наиболее характерных построек.

Приведенные материалы исследований помогут полнее проследить этапы градостроительной истории Брянска, касающиеся периода конца XIX – XX века, расширить диапазон знаний специалистов об авторах проектов, о «судьбе» отдельных зданий, улиц и площадей.

В 2018 году вышла в свет монография «Дворянские усадьбы Брянского края». В содержательной части двухтомного издания представлен анализ

различных архивных эпистолярных, изографических материалов, историко-культурных изысканий, воспроизводящих модель усадебной жизни некогда знаменитых родов. Приводятся исторические, культурологические и архитектурно-планировочные сведения, позволяющие с достаточной полнотой раскрыть синтетичность и многомерность усадебной культуры Брянского края. Описан ряд памятников архитектуры, ландшафтного и градостроительного искусства малых городов и отдельных усадеб.

В издании представлено свыше 600 исторических и современных фотографий, ряд планировочных схем, значительное количество геральдических символов родов владельцев усадеб, рисунков и других редких изографических материалов. Большинство фотографий опубликовано впервые.

Книга рассчитана на широкий круг читателей: краеведов, историков, ландшафтоведов, архитекторов, искусствоведов, музееведов, библиофилов, педагогов, студентов учебных заведений, учащихся школ, всех интересующихся историей родного края, русской усадьбы, ландшафтной архитектурой, живописью, историей Отечества и биографиями выдающихся деятелей культуры России.

Значительным событием в издании краеведческой литературы явилась реализация издательского проекта сериального издания «Историко-культурное наследие Брянской области», осуществленного в 2019–2022 гг. Десять книг серии посвящены истории и архитектурным памятникам древних исторических городов Брянского края: Трубчевску, Карачеву, Почепу, Севску, Стародубу, Мглину, Суражу, Клинцам, Злынке и Новозыбкову. Сегодня исторические памятники этих городов являются достоянием национальной культуры. Каждый из исторических городов имеет свой архитектурный облик. Творческий труд людей придал за века непоторимое своеобразие их архитектурному облику. Однако и сегодня вклад городов, особенно малых, в отечественную культуру недооценивается в полной мере. Целостное сохранение и использование бесценных памятников историко-архитектурного наследия сдерживается недостаточным развитием научно-информационной базы, включающей весь комплекс данных об объектах градостроительного наследия. Именно решение этой задачи на суд читателей вынесли авторы книжной серии, содержащей исчерпывающие сведения, как о судьбе отдельных зданий, так и об истории градостроительства 10 малых городов.

Литература и информационные источники

1. Городков А.В., Ильченко Е.С. ТРУБЧЕВСК: историко-архитектурный очерк. – Брянск: ГУП «Брянск. обл. полигр. объединение», 2020. 44 с.

2. Городков А.В., Ильченко Е.С. Зодчие Брянска: материалы к биобиблиографиям брянских архитекторов. Брянск: АВЕРС, 2019. 280 с., илл.

3. Городков А.В. Брянск: очерки истории архитектуры / А.В. Городков, Е.С. Ильченко, С.В. Ушкалов. Брянск, 2018. 100 с.: ил., портр.

4. Городков А.В., Ильченко Е.С. ДВОРЯНСКИЕ УСАДЬБЫ. Брянск: ГУП «Брянск. обл. полигр. объединение», 2020. 56 с

5. Ильченко Е.С., Городков А.В. КЛИНЦЫ: историко-архитектурный очерк. Брянск: ГУП «Брянск. обл. полигр. объединение», 2020. 36 с.

6. Городков А.В, Ильченко Е.С. СЕВСК: историко-архитектурный очерк. Брянск: ГУП «Брянск. обл. полигр. объединение», 2020. 48 с.

7. Ильченко Е.С., Городков А.В. КАРАЧЕВ: историко-архитектурный очерк. Брянск: ГУП «Брянск. обл. полигр. объединение», 2020. 68 с.

8. Ильченко Е.С. , Городков А.В. СТАРОДУБ: историко-архитектурный очерк. Брянск: ГУП «Брянск. обл. полигр. объединение», 2020. 64 с.

9. Городков А.В., Ильченко Е.С. ПОЧЕП: историко-архитектурный очерк. Брянск: ГУП «Брянск. обл. полигр. объединение», 2020. 56 с.

10. Городков А.В., Ильченко Е.С. МГЛИН: историко-архитектурный очерк. Брянск: ГУП «Брянск. обл. полигр. объединение», 2021. 48 с.

11. Ильченко Е.С., Пикина Г.А., Городков А.В. СУРАЖ: историко-архитектурный очерк. Брянск: Типография «АВЕРС», 2021. 64 с.

12. Ильченко Е.С., Городков А.В. ЗЛЫНКА: историко-архитектурный очерк. Брянск: Типография «АВЕРС», 2021. 70 с.

13. Городков А.В., Ильченко Е.С. НОВОЗЫБКОВ: историко-архитектурный очерк. Брянск: ГУП «Брянск. обл. полигр. объединение», 2022. 80 с.

14. Городков А.В. Василий Городков: живопись, графика, рисунок, эскиз / авт.-сост.: А.В. Городков. Брянск: «Буквица», 2015. 136 с.

15. Городков В.Н. Архитектурные образы Брянщины. Тула: Приок. книжн. изд-во, 1990. 141 с.

16. Городков А.В. Василий Городков: проекты, постройки, живопись, графика/Брян. гос. инженер.-технол. акад. Брянск: ООО «Типография «Автограф», 2010. 120 с.

17. Городков В.Н. Памятники деревянного зодчества Брянского края. Приглашение к изучению памятников деревянной архитектуры. Брянск: ООО «Буквица», 2015. 144 с.

18. Городков В.Н. Очерки архитектуры Брянского края. Брянск: ЗАО «Издательство «Читай-город», 2006. 240 с.

19. Городков В.Н. Архитектура малых городов Брянского края. Брянск: ГУП «Брянск. обл. полиграфич. объединение», 2008. 128 с.

Карташова Г.В.(г. Брянск)

ДОБЫЧИН И ХАРМС: СХОЖЕСТЬ НЕПОХОЖЕГО

О Леониде Добычине написано в разы больше, чем успел написать он сам. Его короткие рассказы и единственный роман – неисчерпаемый источник для научных исследований огромного числа филологов и литературоведов. Я не являюсь ни тем, ни другим, но, тем не менее, при чтении текстов

Добычина и у меня возникли некоторые ассоциации и умозаключения, которыми мне бы хотелось поделиться.

Читая рассказ Добычина «Лёшка», я обратила внимание на то, что некоторые предложения стилистически удивительным образом напоминают мне миниатюру Даниила Хармса «Начало очень хорошего летнего дня». Я попробовала соединить отдельные предложения из этих двух произведений, и в итоге получился вот такой синтетический текст:

«Чуть белелась полукруглая луна. Не шевелилась жидкая береза с темными ветвями. Поклевывая, курицы с цыплятами бродили по двору. Чуть только прокричал петух, Тимофей выскочил из окошка на крышу и испугал всех, кто проходил в это время по улице. Крестьянин Харитон остановился, поднял камень и пустил им в Тимофея. Покачивая животом, в черном капоте с голубыми розами, по лестнице спустилась Трифониха. У нее в руке был ключ, а на руке висела вышитая сумка с тигром. Мимо шел Фетелюшин и посмеивался. Во дворе, разостлав одеяла, сидели соседки. Качали маленьких детей, тихонько напевали и кухонными ножами искали друг у друга в голове. Тут же невдалеке носатая баба била корытом своего ребенка. В палисаднике с коричневым забором, сидя на скамье под вишнями, нежился на солнышке матрос и играл на балалайке. У бакалейного магазина стояла длинная очередь за сахаром. Бабы громко ругались и толкали друг друга кошелками. Помахивая рукой, как будто в ней была веревка, торопилась старая кондукторша, и весело бежали обокравшие чердак четыре жулика.

Таким образом начинался хороший летний день».

Стилистически и семантически предложения двух этих абсолютно разных и уникальных авторов удивительным образом органично сосуществуют. Конечно, фразы, принадлежащие Хармсу, можно опознать по агрессивному звучанию. Заключительная фраза также нехарактерна для Добычина, ведь он в своих текстах никогда не приводит оценочных суждений. Но в целом, текст выглядит монолитным. А теперь приведу этот текст еще раз, выделив жирным шрифтом строки, принадлежащие Даниилу Хармсу.

«Чуть белелась полукруглая луна. Не шевелилась жидкая береза с темными ветвями. Поклевывая, курицы с цыплятами бродили по двору. **Чуть только прокричал петух, Тимофей выскочил из окошка на крышу и испугал всех, кто проходил в это время по улице. Крестьянин Харитон остановился, поднял камень и пустил им в Тимофея.** *Покачивая животом, в черном капоте с голубыми розами, по лестнице спустилась Трифониха. У нее в руке был ключ, а на руке висела вышитая сумка с тигром.* **Мимо шел Фетелюшин и посмеивался.** *Во дворе, разостлав одеяла, сидели соседки. Качали маленьких детей, тихонько напевали и кухонными ножами искали друг у друга в голове.* **Тут же невдалеке носатая баба била корытом своего ребенка.**

В палисаднике с коричневым забором, сидя на скамье под вишнями, нежился на солнышке матрос и играл на балалайке. **У бакалейного магазина стояла длинная очередь за сахаром. Бабы громко ругались и толкали друг друга кошелками.** *Помахивая рукой, как будто в ней была веревка, торопилась старая кондукторша, и весело бежали обокравшие чердак четыре жулика.*

Таким образом начинался хороший летний день».

В утрированную антиэстетичность Хармса, характерную для абсурда, органично вписываются ищущие вшей добычинские соседки. Не удивилась бы я, встретив у Хармса и весело бегущих обокравших чердак жуликов. В свою очередь, фрагмент про очередь у бакалейного магазина естественно смотрелся бы в череде бытоописательных предложений Добычина. Показательно, что Хармс дал своему опусу подзаголовок «симфония». Народно-жанровый симфонизмом ощущается и в рассказе Добычина «Лёшка». Звуковой фон сопровождает главного героя рассказа на протяжении всего дня. Барабанят пионеры, громыхает телега с квасом, исполняют городской романс женщины на речке, играет музыка в саду перед кинематографом и, конечно же, проникновенно играет на балалайке жалобную песню о грустном герое англо-бурской войны диковинный матрос. «Лёшка», пожалуй, самый лиричный рассказ Добычина, текст Хармса, напротив, насыщен самыми отталкивающими картинками, тем более удивительно, что именно между ними обнаруживается стилистическая и семантическая близость.

В одной из своих миниатюр Даниил Хармс сетует на нелепость выражения «Лови момент», на невозможность этого действия: «Другое дело, если сказать: «Запечатлевайте то, что происходит в этот момент». ...Вот например: Раз, два, три! Ничего не произошло! Вот я запечатлел момент, в который ничего не произошло. ...И Шварц тоже заинтересовался этим оригинальным способом запечатлевать то, что происходит в нашу эпоху, потому, что ведь из моментов складывается эпоха». Этот принцип можно в полной мере отнести к прозе Добычина – в его хронологически выстроенных рассказах, на первый взгляд, ничего не происходит, отсутствуют яркие сюжетные ходы, философские рассуждения, лирические авторские отступления – и, тем не менее, каким-то волшебным образом складывается детальный портрет эпохи, более достоверный, чем параграфы учебников истории.

Хармс и Добычин, скорее всего, не были лично знакомы. Но хорошо знали друг о друге. В 1929 году оба они должны были стать авторами коллективного сборника «Ванна Архимеда». Об этом факте свидетельствуют пометки в записной книжке Хармса (план предстоящего издания), а также письмо Вениамина Каверина Лидии Гинзбург, датированное 1 мая 1929 года. К сожалению, в те годы сборник не был выпущен, а когда в 1991 году вышла книга с аналогичным названием в издательстве «Художественная литература», ее

составители не включили в неё прозу Добычина. Зато включили рассказ друга Добычина Геннадия Гора «Вмешательство живописи», содержащий явные признаки пародии на Хармса. Геннадий Гор был хорошо знаком с Хармсом, вхож в его дом, хранил копии его рукописей, а в 1968 г. опубликовал воспоминания и о Хармсе, и о Добычине. Еще одним человеком, близко дружившим с Добычиным и тесно контактирующим с обэриутами в редакции издательства «Детская литература», был знаменитый драматург Евгений Львович Шварц. Да и общая атмосфера литературной жизни Ленинграда 1930-х годов должна была оказывать влияние и на Добычина, и на Хармса. Несомненная близость их эстетических позиций выражалась в неприятии многословия, официоза, шаблонности. «Добычин писал о том, что в обыденной жизни проходит незамеченным, о мимолетном, необязательном, встречающемся на каждом шагу. Его крошечные рассказы представляют собой образец бережливости по отношению к каждому слову. Пересказать их невозможно», – такую характеристику слогу Добычина даёт Вениамин Каверин. Хармс же без обиняков заявлял, что его интересует «только «чушь»; только то, что не имеет никакого практического смысла».

Через год после трагического исчезновения Леонида Ивановича, Хармс напишет свое пророческое стихотворение «Из дома вышел человек», в котором есть следующие строки:

И вот однажды на заре
Вошел он в темный лес.
И с той поры,
И с той поры,
И с той поры исчез.

Неизвестно, имел ли он в виду судьбу Добычина, но совпадение налицо. Впрочем, в те годы это можно было отнести ко многим. После публикации этой песенки в 3-м номере журнала «Чиж», у Хармса начался очередной виток неприятностей. «Пришло время еще более ужасное для меня. В Детиздате придрались к каким-то моим стихам и начали меня травить. Меня прекратили печатать. Мне не выплачивают деньги, мотивируя какими-то случайными задержками. Я чувствую, что там происходит что-то тайное, злое. Нам нечего есть. Мы страшно голодаем. Я знаю, что мне пришел конец. Сейчас иду в Детиздат, чтобы получить отказ в деньгах», – пишет он в дневнике 1 июня 1937 года. 23 августа 1941 года Даниил Иванович Ювачев (Хармс) был арестован, а 2 февраля 1942 года умер в больнице тюрьмы № 1 г. Ленинграда. Друзья долгие годы не имели достоверных сведений о его кончине, для них он исчез так же, как герой упомянутой выше детской песенки, так же, как Леонид Добычин.

Литература и информационные источники

1. Ванна Архимеда: Сборник / Сост., подгот. текста, вступ. ст., примеч. А.А. Александрова. Л. : Худож. лит., 1991. 496 с.
2. Гинзбург, Л. Я. Человек за письменным столом / Л.Я. Гинзбург. Л., 1989. 610 с.
3. Добычин, Л.И. Город Эн; Рассказы / Подгот. текста, сост., вступ. статья В. Ерофеева; Худож. А. Семенов. М. : Худож. лит., 1989. – 222 с. (Забытая книга)
4. Каверин, В.А. Эпилог: Мемуары. М. : Аграф, 1997. 560 с.
5. Хармс, Д.И. Горло бредит бритвою: Случаи, рассказы, дневниковые записи / Сост., коммент. А. Кобринского и А. Устинова; Предисл. А. Кобринского. М.: Глагол, 1991. 240 с.
6. Хармс, Д. Полное собрание сочинений. Т.2: Проза. Драматические произведения. Авторские сборники. Незавершенное / Сост., подготовка текста и примеч. В.Н. Сажина. СПб. : Академический проект, 1999. 504 с.
7. Хармс, Д. Полное собрание сочинений. Т.3: Произведения для детей / Подгот. текста А.В. Коскелло, В.Н. Сажина, Д.В. Сажина. Сост. и примеч. В.Н. Сажина. СПб.: Академический проект, 1999. 350 с.

Юденкова Е.И. (г. Трубчевск)

ОТ «ГОРИЗОНТА» К ГОРИЗОНТУ

(К 50-летию Трубчевского литературного объединения «Горизонт»)

...И все же славлю этот риск бессонный,
Не каждый примет жертвенность пути,
Чтоб безрассудно рваться к горизонту
И никогда его не перейти!

Виктор Козырев

Юбилейная дата, тем более такая значимая, – это всегда повод оглянуться назад, осмыслить пройденное, вспомнить, как всё начиналось: о тех, кто стоял у истоков создания литературной организации, кто формировал её «лицо», стиль работы. Это возможность подвести определённые итоги и сделать верные выводы, очертить новые горизонты, далёкие и близкие...

В 50-е годы XX века, когда повсеместно в стране стал пробуждаться интерес к художественному творчеству, в том числе и к литературному, в семьях трубчевских учителей Чикачёвых и Левенков сочиняли стихи, записывая их в домашние альбомы.

Интерес к литературному творчеству в Трубчевске усилился, когда редактором районной газеты «Знамя труда» стал Георгий Дмитриевич Нарейко. Именно он открыл для читателей литературный дар преподавателя математики Трубчевской средней школы № 1 им. В. И. Ленина, а затем Трубчевского

лесотехникума Виктора Николаевича Белоусова, печатая его стихи и первые рассказы. Эту зародившуюся в газете традицию продолжил следующий редактор – Фёдор Фёдорович Бородулин. На страницах газеты появилось имя Виктора Козырева, поэтические способности которого заметил и оценил его учитель русского языка и литературы Трубчевской средней школы № 2 им. А.С. Пушкина Евгений Евгеньевич Малюга. В то время районная газета, переименованная в «Знамя Октября» (редактор Пётр Яковлевич Иванюшкин), стала публиковать под рубрикой «Творчество наших читателей» стихи и рассказы местных авторов: братьев-педагогов Арсения и Александра Шапкиных, педагогов Сергея Каяновича и Михаила Завацкого, директора Красненской школы Тихона Пунина и учительницы из Юрово Светланы Амелиной, мастера фотоателье Фёдора Ребенко и строителя Вячеслава Позднякова, технолога овощесушильного завода Зои Горянник и рабочего трикотажной фабрики Аркадия Дылкина. Подбор для публикации вёл ответственный секретарь «районки» – Павел Мартынович Понякин, бывший военкор газеты Калининского фронта «Вперёд на врага!», человек большой эрудиции, широкого кругозора, глубоко знавший литературу (на войне встречался с Евгением Долматовским).

Эти творческие силы сплотились вокруг Виктора Сергеевича Козырева, выпустившего к тому времени несколько авторских поэтических сборников и ставшего в свои 28 лет членом Союза писателей СССР – первого профессионального поэта, жившего и работавшего в Трубчевске. Так в 1970 году родилось литературное объединение «Горизонт», руководителем которого он был на протяжении пяти лет.

«Горизонт» был создан исключительно в целях творческого общения начинающих поэтов с уже состоявшимися авторами. Мы знаем, что поэтический талант проявляется ярче, когда сочетается с хорошим вкусом и направляется сильной мыслью: только культура ума делает возможной культуру духа. Именно это привнесли в деятельность литературного объединения присоединившиеся к его работе поэты: Владимир Маслов, Александр Бурянченко, Владимир Соловский, Вячеслав Поздняков, Владимир Зайцев, позже его ряды пополнили Мария Артемьева, Василий Трошин, Борис Роженцов, Вера Сенченко, Егор Цырульников, Геннадий Соболев и другие.

С 1975 года эстафету руководителя принял вернувшийся на работу в редакцию газеты поэт Степан Кузькин. В газете начали регулярно выходить страницы художественного творчества «Деснянские зори», где публиковались стихи и рассказы местных авторов. В канун Дня Победы страницы газеты публиковали стихи «горизонтовцев» – участников Великой Отечественной войны Александра и Арсения Шапкиных, Василия Трошина, Тихона Пунина, малолетних узников фашистских концлагерей Марии Артемьевой

и Александра Буряченко. Тема трагедии войны, несгибаемого боевого духа, высокого патриотизма все эти годы доминирует в творчестве участников нашего литобъединения.

Поддерживали «Горизонт» и новый редактор газеты «Знамя Октября» с 1978 года – Иван Алексеевич Балабанов, и его заместитель Михаил Щербаков, и фотокорреспондент Валерий Гаранин, и корреспонденты Светлана Нефёдова и Вера Семёнова, тесно сотрудничавшие с трубчевскими авторами.

С 1989 по 1999 год руководство «Горизонтом» передано поэту Владимиру Маслову. В эти годы в литобъединение пришли Наталья Соболева, Павел Прагин, Борис Лозов, Вера Силищева, Николай Аршуков, Валентина Кудина. В этот же период, в 1998 году в издательстве «Десна» в одной серии были выпущены пять первых авторских поэтических книжек пяти «горизонтовцев»: Владимира Маслова, Натальи Соболевой, Бориса Лозова, Павла Прагина и Николая Аршукова. Этому предшествовал организованный «Горизонтом» 7 февраля 1998 года благотворительный концерт в Трубчевском Доме культуры (директор Карева В. А.). Вообще, 1998 год – «рекордсмен» по изданию книг поэтов «Горизонта»: свою первую книжку стихов для детей выпустила Мария Артемьева. А Степан Кузькин подготовил и издал посмертную книгу стихов Михаила Завацкого. За год – семь книг!

С 1997 по 2007 год главным редактором газеты «Земля Трубчевская» работала Наталья Андреевна Соболева. Сотрудничая со своим заместителем Степаном Павловичем Кузькиным, а с 1999 года он снова возглавил литобъединение, она активно способствовала сохранению и укреплению творческой деятельности «Горизонта» при редакции. Весомую поддержку и практическую помощь «Горизонту» стал оказывать член Союза писателей СССР Дмитрий Стахорский, переехавший в Трубчевск из Воркуты в 1994 году. Активно влились в состав литобъединения Виктор Анисов, Василий Бузуляк, Елена Вавильченкова, Александр Гнедов, Анатолий Гавриленко, Валентина Сенчурина, Елена Кузькина, Станислав Прилепский, Владимир Тарасенко, Максим Кокотов и другие. С 2003 года и по сегодняшний день выпускается «Поэтический ежегодник» – это задумка Степана Кузькина, где каждый автор представляет одно или несколько стихотворений уходящего года. В 2010 году на 40-летие литобъединения сопредседатель правления Союза писателей России Николай Федорович Иванов (с 2018 г. – председатель правления Союза писателей России) вручил именной флаг «Горизонта» его руководителю Степану Кузькину. 3 июля этого же года, в связи с 825-летием создания «Слова о полку Игореве» на земле былинного Бояна, побывала представительная делегация Союза писателей России во главе с его председателем Валерием Николаевичем Ганичевым. Для гостей при активном участии «Горизонта» была подготовлена литературно-музыкальная композиция «Сказание о земле трубчевской...».

Московские гости высоко и по достоинству оценили творчество трубчевских поэтов, а также певцов, музыкантов и композиторов. Стихи «горизонтовцев» в авторском исполнении записаны на видеодиски. Немало песен на их стихи создано местными композиторами. Первую песню к 1000-летию Трубчевска в 1975 году создал брянский композитор Михаил Шевердин, написана она на стихи Степана Кузькина и называется «Трубчевский вальс» или «Здравствуй, город!». Она стала гимном Трубчевска, его своеобразной визитной карточкой. Вообще, лирика С. П. Кузькина напевна и легко запоминается. Композитор Виктор Разинкин, заслуженный работник культуры РФ, написал на его стихи песни «Соборная гора» и «Славянская вязь», являющиеся основными в репертуаре народного ансамбля русской песни «Дрема» (руководитель Татьяна Кильпикова). Геннадий Соболев сочинил музыку к стихам Степана Кузькина «Курганы», мастерски используя звуковые эффекты. В соавторстве по созданию песен с поэтами «Горизонта» также активно работали заслуженный артист России певец и композитор Александр Ковалевский (г. Москва), местные музыканты: Вадим Ерохов, Алексей Мухамедьянов, Сергей Слободнюк, Николай Глухов. Немало ярких, талантливых стихов и музыку к ним написала участница «Горизонта», исполнительница своих песен Валентина Кудина, поют её песни и молодые исполнители.

В этот период «горизонтовцы» активно выступали во всех учебных заведениях города, в сельских школах и клубах. Неоднократно выезжали для участия во Всероссийских праздниках поэзии в Овстуг и Красный Рог. Побывали с выступлениями в городах Курской области - Рыльске (сентябрь 2006 г.) и Курчатове (апрель 2008 г.), на Украине в городах Глухове и Путивле Сумской области (2011 г.), г. Новгород-Северском Черниговской области (2012 г.). В Трубчевском Центре культуры и отдыха (директор А.И. Красовская) и Белоберезковском Доме культуры (художественный руководитель Л.Д. Ерохова) литературным объединением «Горизонт» многократно организовывались и проводились авторские творческие вечера, юбилейные встречи, литературно-музыкальные композиции, собиравшие полные залы благодарных слушателей. Нередкими гостями и непосредственными участниками этих встреч всегда были представители Брянской областной писательской организации, которой в эти годы руководил В.Е. Сорочкин.

Имена трубчевских литераторов всё чаще стали появляться на страницах областных газет – «Брянский рабочий» и «Брянская учительская газета», в центральных изданиях: «Трибуна», «Труд», «Советская Россия»; в журналах «Наш современник», «Московский вестник», «Форум», «Воин России», «Десна», «Пересвет», «Новый литератор»; в альманахах «Литературный Брянск», «На земле Бояна», «Литературная Гомельщина» (Беларусь), «Славянские колокола» (г. Рыльск Курской области); в переводе на украинский язык – в

журнале «Литературный Чернигов», в черниговской газете «Гарт» и других изданиях.

В истории «Горизонта» значимую роль сыграла идея проведения братских литературных встреч. Так, в последнее воскресенье мая 1986 года впервые прошёл поэтический праздник «На земле Бояна», позже переросший в ежегодный Межрегиональный праздник славянской письменности и культуры «На земле Бояна». В нём вместе с россиянами принимают участие представители культуры соседних областей Украины и Белоруссии. Идеей праздника является сохранение и развитие самобытной культуры и художественных традиций славянства, духовное единение славянских народов. Яркой страницей праздника проходит поэтическая перекличка «Над Десной, Днепром и Сожем», гостями в разные годы были московские поэты-переводчики «Слова о полку Игореве»: Андрей Чернов, Владимир Суетенко, Игорь Шкляревский (1993 г.); а также известные писатели: Станислав Репьях из Чернигова (1986 г.), из Москвы – Нина Карташёва (1993 г.), Виктор Боков (1994 г.), Николай Иванов (1996, 2007, 2010, 2012, 2015 гг.), Александр Бобров (2000 г.), Николай Дорошенко и Василий Дворцов (2015 г.).

По инициативе «Горизонта» в 1997 году была учреждена премия Бояна. Диплом лауреата премии Бояна вручается ежегодно на праздниках «На земле Бояна». В номинации «Литературное творчество» премиями были удостоены: Таисия Мельченко (поэт) – Беларусь, г. Гомель (1997), Станислав Репьях (поэт) – Украина, г. Чернигов (1997), Степан Кузькин (поэт) – Россия, г. Трубчевск (1997), Григорий Андреевиц (редактор журнала «Полесье») – Беларусь, г. Гомель (1998), Александр Олейник (поэт) –Украина, г. Чернигов (1999), Литобъединение «Горизонт» – Россия, г. Трубчевск (2000), Николай Малый (поэт) – Украина, г. Чернигов (2001), Василий Юрьевич Ткачёв (писатель) – Беларусь, г. Гомель (2002), Клавдия Васильевна Асеева (поэт) – Россия, г. Карачев (2003), Михаил Захарович Башлаков (поэт) – Беларусь, г. Минск (2004), Дандыкин Василий Алексеевич (зам. гл. редактора журнала «Воин России») – Россия, г. Москва (2005), Якушенко Александр Кириллович (председатель Брянской областной писательской организации) – Россия, г.Брянск (2006), Соболев Геннадий Анатольевич (композитор, поэт, директор Трубчевской ДШИ имени А. Вяльцевой) – Россия, г. Трубчевск, (2006), Иванов Дмитрий Иосифович (поэт, главный редактор молодежной газеты «Гарт») – Украина, г. Чернигов (2007), Фатнев Юрий Сергеевич (поэт) – Беларусь, г. Гомель (2008), Сорочкин Владимир Евгеньевич (председатель Брянской областной писательской организации) – Россия, г. Брянск (2009), Лелюк Николай Иванович (поэт и переводчик) – Украина, г. Чернигов (2010), Иванов Николай Федорович, сопредседатель Правления Союза писателей России – Россия, г. Москва (2011), Гаврилович Владимир Николаевич – председатель Гомельской областной

писательской организации республики Беларусь (2011), Мироненко Анатолий Анатольевич, главный редактор литературно-художественного альманаха «Славянские колокола» – Украина, г. Глухов Сумской области (2011), Стахорский Дмитрий Васильевич (писатель) – Россия, г. Трубчевск (2012), Болсун Михаил Михайлович – поэт, культурный и общественный деятель Гомельщины, республика Беларусь (2013), Штыка Юрий Павлович – поэт, Украина, г. Глухов, Сумской области (2014), Пасин Владислав Сергеевич, брянский литератор и краевед – Россия (2014), Никитина (Шклярова) Нина Никифоровна (поэт) – Беларусь, г. Гомель (2015), Прагин Павел Израилевич (поэт и переводчик) – Россия, г. Трубчевск (2016), Крюченко Тамара (поэт, публицист) – Беларусь, г. Гомель (2016), Лилия Иосифовна Величко, член Союза писателей Беларуси, общественно-культурный деятель Гомельщины, поэт, публицист (2017), Юрий Николаевич Сбитнев, член Союза писателей СССР, член Национального Союза писателей Украины, исследователь «Слова о полку Игореве», г. Чернигов (2017), Александр Тимофеевич Нестик, член Союза журналистов СССР, писатель, публицист, г. Брянск (2017), Людмила Станиславовна Ашеко (поэт) – г. Брянск (2019). За научно-исследовательскую работу по краеведению, общественно-культурную деятельность в области литературы, бережное отношение к славянскому братству и дружбе лауреатами премии Бояна стали: МБУК «Межпоселенческая центральная библиотека Трубчевского района» в лице директора Натальи Евгеньевны Марченковой (2015), ГУК ЛНР «Луганская Республиканская универсальная научная библиотека имени М. Горького» в лице директора Натальи Антоновны Расторгуевой (2017) и ГУК ДНР «Донецкая республиканская универсальная научная библиотека им. Н.К. Крупской» в лице заведующей отделом краеведения Виктории Геннадиевны Юшковец (2017). Все лауреаты премии Бояна были гостями нашего города и литературного объединения «Горизонт».

Гостем Трубчевска в 1999 году был поэт Евгений Евтушенко, который провёл яркую, запомнившуюся встречу с участниками «Горизонта». Встречи с именитыми авторами поражают искренностью и открытостью гостей, они не только остаются в памяти участников литературного объединения «Горизонт». В первую очередь – это редкий шанс общения с профессионалами самого высокого уровня, литературный процесс, где можно получить обратную связь, живой отклик на свое творчество, в результате чего рождаются лучшие строки для современников и для потомков.

Правление РОО «Брянское землячество» г. Москвы под руководством В.М. Тимощенко при активном участии наших земляков Героя Советского Союза, генерал-полковника В.Е. Павлова и капитана 1-го ранга В.А. Дандыкина учредило ежегодную литературную премию имени поэта Николая

Мельникова. Из числа «горизонтовцев» лауреатами стали: Степан Кузькин, Александр Буряченко, Наталья Соболева, Валентина Кудина, Борис Лозов.

При содействии литературного объединения «Горизонт» в начале1990-х годов в Трубчевской районной библиотеке создан литературно-краеведческий клуб «Боян», объединивший интеллигенцию города. На встречах клуба проходят презентации авторских сборников, а также идет обсуждение коллективных сборников стихов «Струны Бояна» (1991), «Трубчевские просторы» (1993), «Собор» (2001), «Земля былинного Бояна» (2005), «Здравствуй, город!» (2010), «Трубчевское литературное объединение «Горизонт». 40 лет» (2010), «Струны души» (2015).

В 2012 году «Горизонт» понёс невосполнимую утрату: перестало биться сердце Степана Павловича Кузькина, возглавлявшего литобъединение на протяжении двадцати пяти лет. Благодаря его активности и постоянной заботе о молодёжи, литобъединение стало самым плодотворным и многочисленным на Брянщине.

С апреля 2012 года руководителем литературного объединения «Горизонт» стал Павел Израилевич Прагин, в 2013 году его сменил Николай Николаевич Аршуков. Состав «Горизонта» пополнили новые имена: Михаил Понякин, Светлана Шкодина, Елизавета Михалёва, Лариса Железняк, Анна Вакорина, Кристина Багдасарян, Олег Сушков, Ирина Голотина, Маргарита Лузганова, Виктор Богомазов, Максим Мартынов, Наталья Преснякова, Виктор Чемисов, Светлана Небылица и другие.

2015 год в России был объявлен Годом литературы. А годом раньше «горизонтовец» поэт Борис Лозов высказал предложение о создании Трубчевского литературного музея. К 45-летию «Горизонта» состоялось открытие музея «Трубчевский край литературный» в помещении Трубчевской детской библиотеки, в старинном особняке XIX века, где фонды и экспозиции рассказывают посетителям о богатом литературном наследии земли трубчевской, а его сотрудник – Борис Юрьевич Лозов проводит содержательные экскурсии. Авторам литературного объединения «Горизонт» посвящены два фотостенда: «Струны Бояна» и «Струны души». Персональные экспозиции посвящены членам Союза писателей России: Виктору Козыреву, Степану Кузькину, Владимиру Маслову, Александру Буряченко, Владимиру Соловскому, Дмитрию Стахорскому, Павлу Прагину и рано ушедшему автору Вячеславу Позднякову. Здесь же хранится именной флаг литературного объединения «Горизонт», изготовленный Союзом писателей России и вручённый литобъединению в 2010 году. Правление Союза писателей России в 2015 году отметило работу литобъединения почётной грамотой.

Сегодня руководит литературным объединением «Горизонт» Елена Ивановна Юденкова – лауреат премии Бояна 2012 года, Отличник народного просвещения.

А время идет вперёд, открывая все новые возможности и новые темы для творчества, новые имена, новые литературные ГОРИЗОНТЫ!

(*Статья подготовлена по материалам С.П. Кузькина, запискам Б.Ю. Лозова и личным воспоминаниям*).

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Арефина Татьяна Ивановна**, библиотекарь Овчинской сельской библиотеки, филиала Суражской районной межпоселенческой библиотеки (с. Овчинец, Суражский район Брянской области).

2. **Вязов Дмитрий Анатольевич**, старший научный сотрудник Военно-исторического музея Великой Отечественной войны, отдела Донецкого республиканского краеведческого музея (г. Харцызск, Донецкая Народная Республика).

3. **Гетман Алексей Владимирович**, подполковник запаса, краевед (г. Красноярск).

4. **Горелая Ольга Николаевна**, заведующий отделом краеведческой литературы Брянской областной научной универсальной библиотеки им. Ф.И. Тютчева (г. Брянск).

5. **Городков Александр Васильевич**, председатель Некоммерческого партнерства «Клуб любителей истории родного края», профессор Брянского государственного инженерно-технологического университета (г. Брянск).

6. **Гришин Кирилл Павлович**, кандидат исторических наук, историк-краевед (г. С.-Петербург).

7. **Грозева Ольга Александровна**, почетный архитектор России, главный архитектор проектной организации ООО «Акварель» (г. Брянск).

8. **Гудзь Светлана Петровна**, научный сотрудник Литературно-мемориального музея А.К. Толстого в с. Красный Рог (с. Красный Рог, Почепский район Брянской области).

9. **Дудников Александр Петрович**, краевед-исследователь (г. Москва).

10. **Ефимова Дагмара Григорьевна**, ветеран проектно-строительного комплекса (г. Брянск).

11. **Жукова Татьяна Григорьевна**, учитель истории и общественных дисциплин Дуборовской № 1 СОШ им. генерал-майора Никитина И.С. (пгт Дубровка, Дубровский район Брянской области).

12. **Званская Евгения Владимировна**, главный хранитель Брянской областной научной универсальной библиотеки им. Ф.И. Тютчева (г. Брянск).

13. **Ильченко Евгения Семёновна**, краевед, председатель совета ветеранов-проектировщиков при Ассоциации СРО «Брянское Региональное Объединение Проектировщиков», член совета БРО ВООПИиК (г. Брянск).

14. **Итунин Владимир Феликсович**, краевед, председатель клуба «Дятьковский краевед» (г. Дятьково Брянской области).

15. **Карташова Галина Вячеславовна**, член Союза писателей России (г. Брянск).

16. **Ковеля Валерий Валерьевич**, кандидат исторических наук, учитель истории, обществознания, ИБК СОШ № 60 г. Брянска (г. Брянск).

17. **Кондратенко Алексей Иванович**, доктор филологических наук, председатель Орловской писательской организации Союза писателей России, председатель Орловского отделения Российского общества историков-архивистов (г. Орёл).

18. **Кузнецов Дмитрий Васильевич**, краевед, геральдист-исследователь (г. Брянск)

19. **Кукатов Андрей Владимирович**, историк, краевед (г. Брянск).

20. **Маркина Ирина Владимировна**, главный библиограф отдела краеведения и обменно-резервного фонда Центральной городской библиотеки им. Н.В. Гоголя (г. Калуга).

21. **Осипова Татьяна Михайловна**, член президиума общественной патриотической ассоциации «Преемственность» (г. Москва).

22. **Панасов Денис Сергеевич**, магистрант факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (г. Брянск).

23. **Пастухова Алевтина Евдокимовна**, краевед (г. Брянск).

24. **Резникова Ольга Иосифовна**, старший преподаватель кафедры дизайна и художественного образования факультета технологии и дизайна Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (г. Брянск).

25. **Фетисов Сергей Николаевич**, председатель правления Брянской региональной общественной организации взаимодействия медицинских работников «Врачебная палата» (г. Брянск).

26. **Шпунтов Александр Васильеви**ч, геральдист-исследователь (г. Тверь).

27. **Юденкова Елена Ивановна**, председатель Трубчевского литературного объединения «Горизонт» (г. Трубчевск, Брянская область).

Правила оформления статей

К публикации принимаются авторские материалы, оформленные в виде научной статьи с соблюдением следующих требований:

1. Объем статьи до 10 страниц включительно
2. От одного автора (или коллектива авторов) – не более двух статей
3. Статьи должны содержать материалы оригинальных научных исследований (историко-архивных, натурных, литературных и иных изысканий и обобщений), имеющих актуальность, обоснованную автором
4. При подготовке статьи строго соблюдать установленные правила оформления:

4.1 Ф.И.О. автора (-ов) с указанием города
4.2 Заголовок (заглавные буквы)
4.3 Подзаголовок (если имеется) – курсив
4.4 Текст статьи
4.5 Абзацный отступ – 5 пт.
4.6 Размер шрифта – 12 пт. Гарнитура - Times New Roman.

5. Ссылки на используемые источники информации – в квадратных скобках с номером по списку источников
6. Иллюстрации (фотографии, рисунки, схемы, карты и т.п.) – представляются в виде отдельных файлов в формате Jpeg. Допускаются и иные форматы графических файлов (tiff, Png). Разрешение – 300 dpi. Подписи к иллюстрациям с указанием их нумерации представляются в виде отдельного текстового файла (.doc)
7. Текст статьи – в формате (.doc). Нумерация страниц не проставляется
8. Текст статьи должен быть вычитан и подписан каждым автором

Редакционная коллегия оставляет за собой право не принимать к публикации статьи, авторы которых нарушили указанные требования.

Адрес для направления статей: kray@libryansk.ru

Гришин К.П. (г. С. Петербург), Городков А.В. (г. Брянск)

ХРАНИТЕЛИ НАСЛЕДИЯ

(К 55-летию образования ВООПИиК)

В 2021 году российская культура в деле сохранения наследия..... (текст статьи)

Примеры библиографических описаний:

Танковый фронт. – Текст электронный // [сайт]. URL : http://tankfront.ru/ussr/kk/gvkk02.html (дата обращения 5.04.2022).

Горбачёва С.Я. Связь партизан Брянщины с местным населением и советским тылом / С. Я. Горбачева // Память войны: материалы междунар. науч.-практ. конф. / Брян. обл. науч. универс. б-ка им. Ф.И. Тютчева. Брянск, 2005. С. 63–82.

Партизаны Брянщины: сб. документов и материалов о Брянском партизанском крае в годы Великой Отечественной войны. Изд. 2-е, испр., доп. Тула: Приокское книжное издательство, 1970. 487 с.

БРЯНСКИЙ КРАЕВЕД
(№3, 2022 год)

Сборник статей

Подписано в печать 11.07.2022.
Формат 60х84 1/8.
Бумага мелованная. Цифровая печать.
Усл. п.л. 5,91.
Тираж 150 экз. Заказ № 246.
Отпечатано: цифровая типография «АВЕРС»
г. Брянск, ул. Софьи Перовской, 83; тел. (4832) 41-84-30
аверс32.рф; аверскниги32.рф